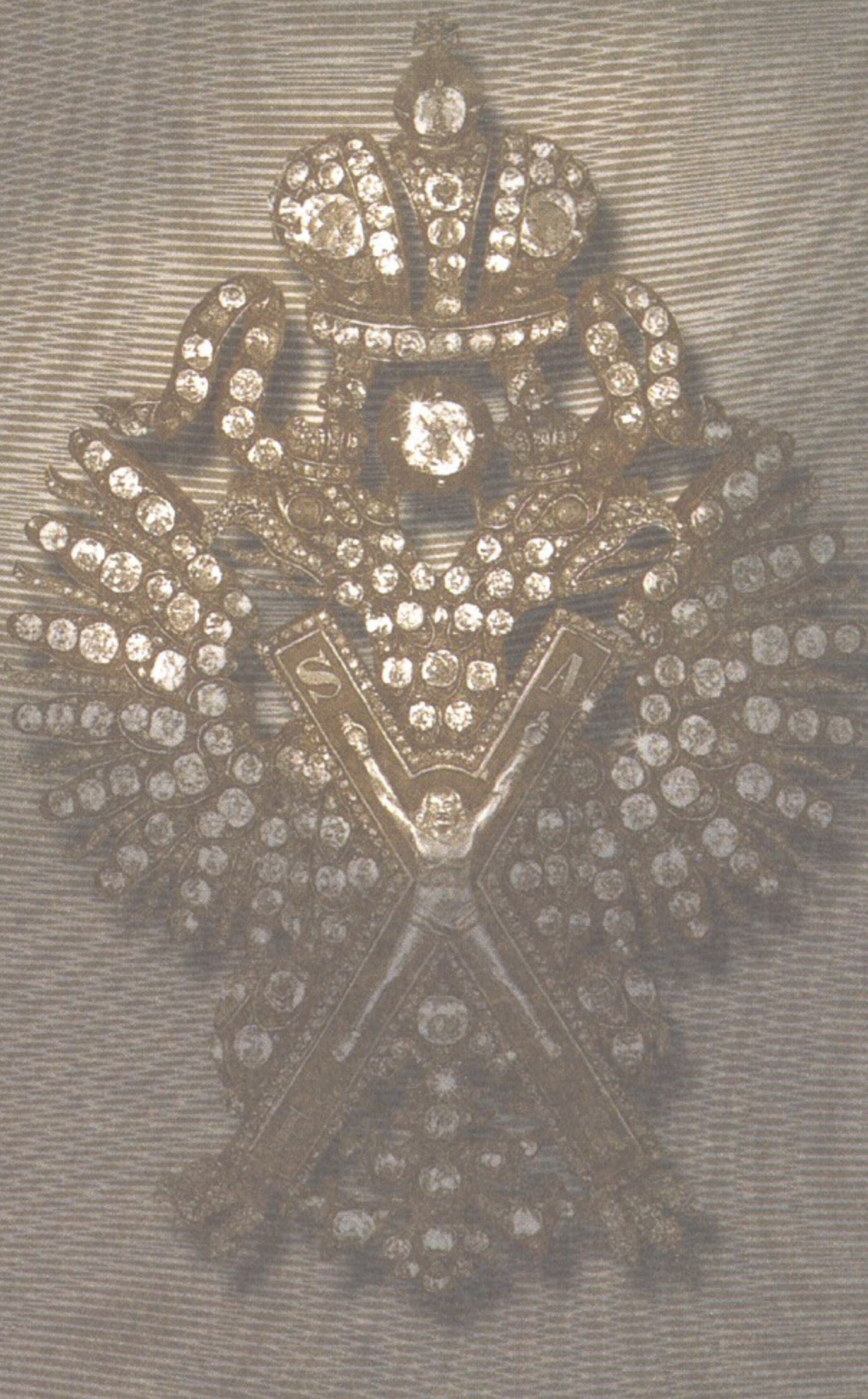
ТРИ ВЕКА
ИМПЕРАТОРСКОЙ
ГВАРДИИ

О.Г. ГОНЧАРЕНКО

ТРИ ВЕКА ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ


S
A

О.Г. ГОНЧАРЕНКО

ТРИ ВЕКА ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

Вече

За веру и верность

ТРИ ВЕКА ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

ЛЕЙБ-КАЗАКИ
КАВАЛЕРГАРДЫ
ЛЕЙБ-ДРАГУНЫ
МАРКОВЦЫ
КИРАСИРЫ
ДРОЗДОВЦЫ

За веру и верность

О.Г. ГОНЧАРЕНКО

ТРИ ВЕКА ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

МОСКВА

ББК 63.3(2)
Г65

Автор выражает глубокую благодарность К.А. Залесскому за предоставленные биографические материалы

Художник А.В. Акимов

ГончаренкоО.Г.

Г65 Три века императорской гвардии / О.Г. Гончаренко — М. : Вече, 2006. — 352 с.
ISBN 5-9533-1051-X

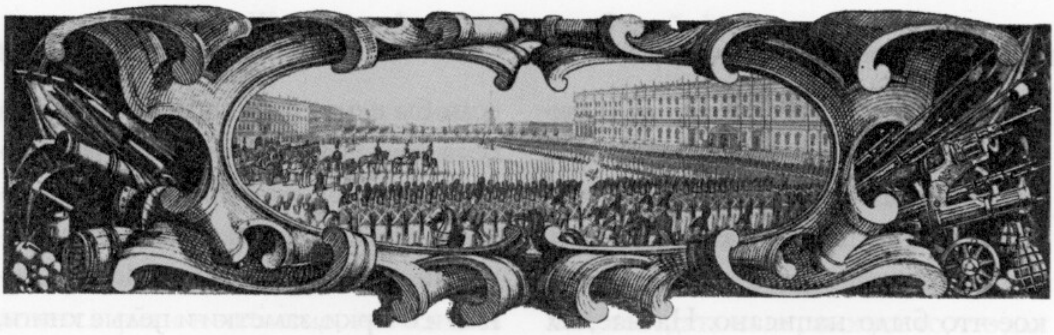
Российская императорская гвардия, чье начало было положено еще Петром Великим, оставалась не только избранным придворным войском, но и особой средой, обогатившей русскую духовность и культуру такими талантами как Гавриил Державин, Михаил Лермонтов, Владимир Одоевский и митрополит Серафим (Чичагов). О гвардии писали Александр Пушкин и Николай Гумилев, Георгий Иванов и Осип Мандельштам. Императорская гвардия выступила против разрушения российской государственности в 1917 году, ее ряды в период Гражданской войны представляли внуки и дети выдающихся фигур русской истории, культуры и политики — Собинов, Пуришкевич, Римские-Корсаковы и Толстые. О немалых способностях гвардейцев лучше всего говорит их путь в годы вынужденной эмиграции. Среди них были египтологи, театроведы, композиторы, создатели гвардейских полков иностранных государств, директора банков...

В книге историка О.Г. Гончаренко, потомка гвардейского офицера, генерал-майора Г.И. Гончаренко, рассказывается о трехвековой истории и традициях императорской гвардии.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-9533-1051-X

© Гончаренко О.Г., 2006
© ООО «Издательский дом «Вече», 2006



Мусе с признательностью
за ее самоотверженную помощь
посвящает автор эту книгу

Глава первая
ЖИЗНЬ И БЫТ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

Шли над Невой кавалергарды
Под звуки светлые фанфар.
В кирасах солнце отражалось
И, в зыби голубых валов,
Нева тобою любовалась
Из-за гранитных берегов...

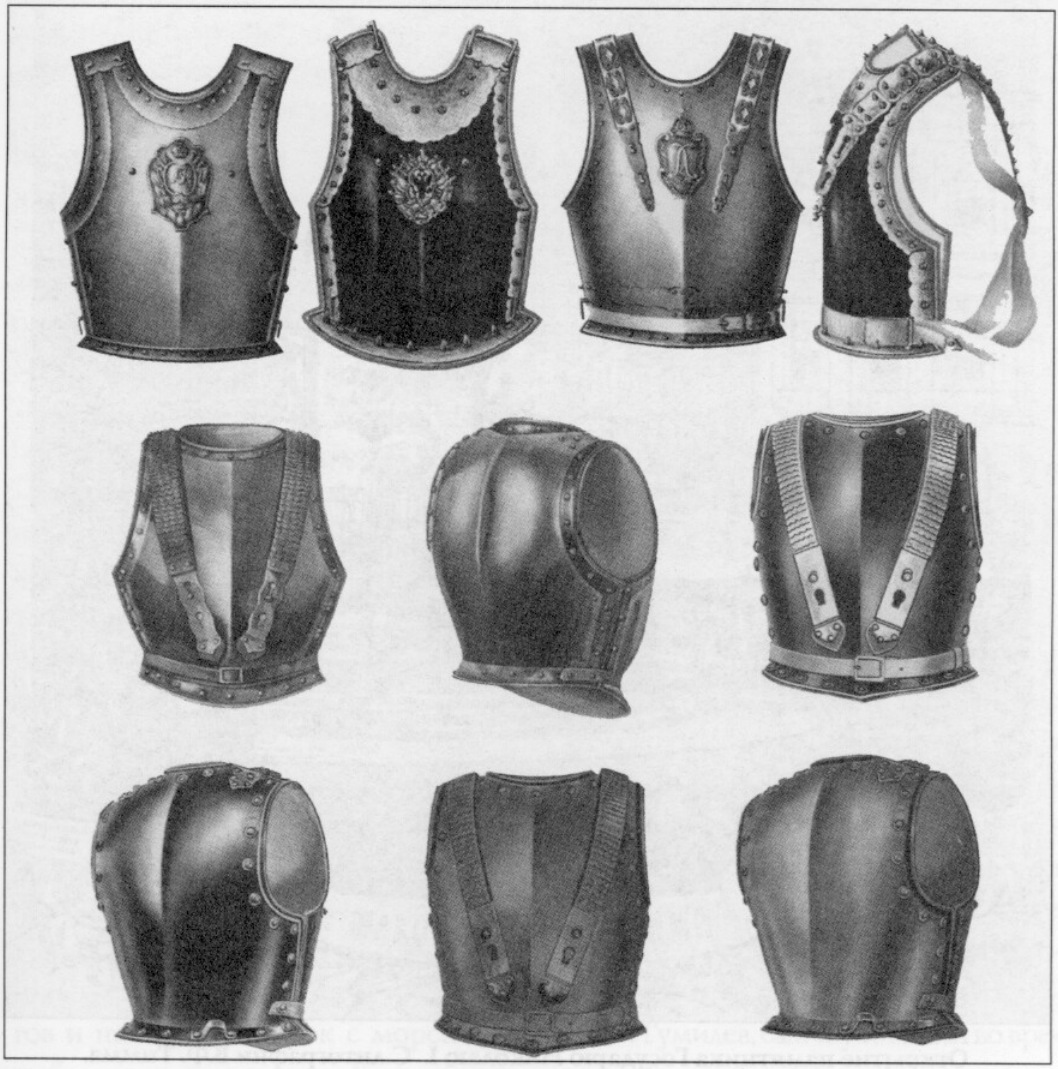
Граф Георгий Шереметев

Вместо предисловия

Время неумолимой поступью уходит в Вечность, прихватывая все на своем бесконечном пути, включая и нас с вами, читатель. Все проходит и становится Историей, мелкой или крупной, но вся История слагается из сумм судеб отдельных людей, и из этих судеб создаются эпохи со своими особенностями и стремлениями. В этом неумолимом ходе времени выдвигаются отдельные личности, положительные и отрицательные, накладывающие отпечаток на действия или мысли всей эпохи, предоставляя тем самым материал будущим историкам и исследователям для критического разбора. Так и наше сравнительно недавнее прошлое привлекает внимание людей в России: их интересуют судьбы тех,

кто оказался на переломе эпох и кто ушел в вечность к началу 1990-х годов прошлого века — личностям русской Императорской Гвардии. О них, последних гвардейцах империи, уже кое-что было написано. На нас, их потомков и наследников их подвигов, наложено обязательство не только хранить общественные архивы и документы, но и самим, если судьба даровала нам встречи с представителями этого исчезающего племени могикан, писать о пережитом, пытаясь сохранить в слове их живые образы. Каждый из них прошел свой крестный путь, «путь верных», по определению служившего некогда в Лейб-гвардии Семеновском полку генерала А.А. фон Лампе, последнего руководителя РОВС в Париже в превосходительном чине. Методично пески времени все больше и больше укрывают от глаз исследователя блистательную эпоху Императорской Гвардии; надо успеть записать, вспоминая людей и их имена, вспоминая события и собственные впечатления. Мы не имеем права ничего забыть. Надобно помнить, что мы являемся участниками жестокой переходной эпохи, не менее разрушительной для русской культуры, чем все послереволюционные десятилетия. В эти нелегкие годы и наша деятельность сведена была бы на роль простых статистов эпохи, если бы единицы из нас не брали на себя труд сохранять уходящие образы, предлагая читателю ближе познакомиться с яркими страницами истории своего Отечества. Исследования и очерки, заметки и целые книги, подготовленные стараниями ревнителей русской военной старины, несут в себе свидетельства о давних днях Российской империи. Свидетельства эти могут вызвать со временем определенную оценку тех или иных событий, как это зачастую бывает на суде, когда одно небольшое высказывание свидетеля неожиданно разрешает головоломку следствия, изменяя в корне ход процесса. Потомки наши когда-нибудь захотят знать героев, которыми мы восхищались, которых мы любили и уважали, чтобы воздать им должное и, может быть, следовать их примеру. В жизни так получается: то, что казалось незначительным, становится со временем важным; то, на что не обращали внимания, позже выявляется ярко, а то, чем долгое время восхищались, по прошествии времени оказывается пустым и ничтожным. Желаем мы того или нет, но время отсеивает и события и людей. Поэтому так важна роль собирателей, хранителей, летописцев и просто людей, ведущих дневники и хроники о событиях в личной жизни и в обществе. Как благодарны им будут за каж-

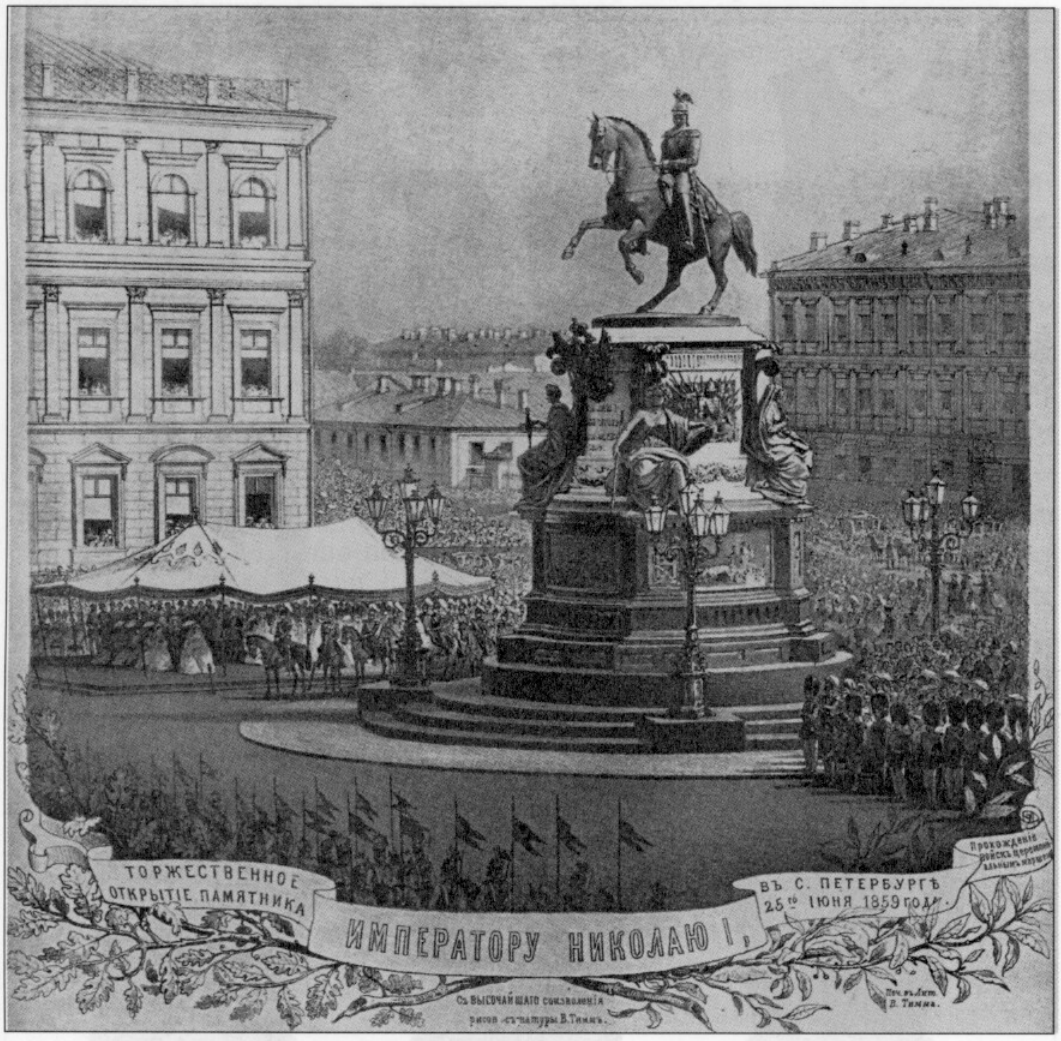
дый дневник, за каждую хронику, историки, а за ними идеологи и мыслители, которые на примере прошлого осмысляют современные им события! Думается, что многим из нас не хочется уйти в небытие, не оставив после себя никакого следа. Потому так важно сохранять архивы обществ и объединений, их журналы, биографии, фотоальбомы с данными о людях, событиях и датах; стремиться услышать тех, кто еще остался, кто может поведать из первых уст то, что для нескольких поколений людей может



Эволюция гвардейской кирасы со времен Екатерины II до Николая II

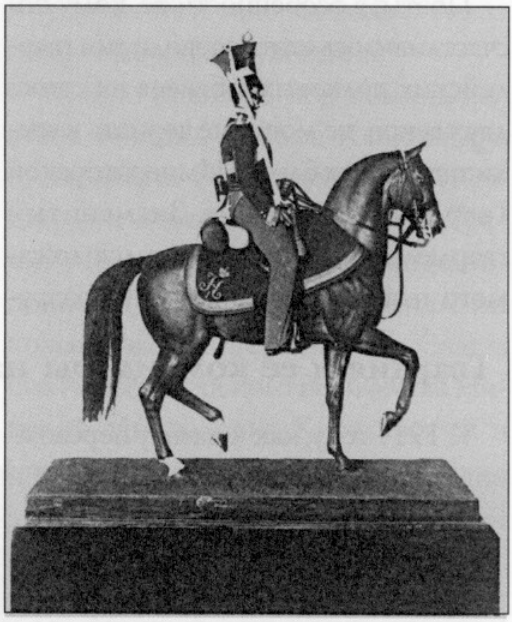
так и остаться белым пятном. Русской Императорской Гвардии уже нет, ушли последние ее ветераны, закрыты их общества и не выходят журналы блистательных кавалергардов, конногвардейцев и кирасир, и это удивительно яркое и живое время для многих наших современников оказалось не ближе Пунических войн или походов Ганнибала. А ведь от Великой войны*, откуда начался крестный путь Императорской Гвардии, нас от-

* Здесь и далее имеется в виду Первая мировая война.



Открытие памятника Государю Николаю I. С литографии В.Ф. Тимма. Справа на переднем плане видны чины роты дворцовых гренадер в характерных «медвежьих» головных уборах

деляет всего 91 год. И те, кто в конном строю атаковал германские позиции в августе 1914 года, уходили из жизни, когда многие из читателей этой книги были уже вполне взрослыми людьми. Как близки и как невероятно далеки от нас были эти герои и как скудны были наши сведения об их подвигах, о которых они могли с радостью поведать нам, молодым, еще тридцать лет тому назад. Одна человеческая жизнь — срок ничтожный по меркам Вселенной. И те, кого мы привыкли называть современными литераторами, в детстве были свидетелями той блестящей эпохи, «золотого века» избранного русского воинства. В своих записях поэт Серебряного века Осип Мандельштам оставил живые и яркие впечатления о русских гвардейцах и окружающей их среде, которые сам наблюдал в детстве на петербургских улицах: «Конный памятник Николаю Первому против Государственного совета неизменно, по кругу, обхаживал... гренадер, зиму и лето в нахлобученной мохнатой бараньей шапке. Головной убор, похожий на митру, величиной чуть ли не с целого барана... Так незаметно проходили мы к Крюкову каналу, голландскому Петербургу эллингов и нептуновых арок с морскими эмблемами, к казармам Гвардейского экипажа. Там на зеленой, никогда не езженной мостовой муштровали морских гвардейцев, и медные литавры и барабаны потрясали тихую воду канала... Я бредил конногвардейскими латами и римскими шлемами кавалергардов, серебряными трубами



Фигура лейб-улана эпохи Государя Николая I

Преображенского оркестра, и после майского парада любимым моим удовольствием был конногвардейский полковой праздник на Благовещение...».[1] Гвардейцами любовались и восхищались в своих стихах многие поэты Серебряного века, и не в последнюю очередь — Николай Степанович Гумилев, сам служивший во времена Великой войны в Лейб-гвардии Уланском Ее Величества полку. Извес-

тно и его четверостишие, посвященное некой «полковой даме»: «И как в раю магометанском,//сонм гурий в розах и в шелку,//так вы в Лейб-гвардии в Уланском, Ее Величества полку...»[2]

Поэты, в особенности те, кому посчастливилось стать очевидцами гвардейских полковых юбилеев на стыке двух веков, не могли не черпать в восхищавшем их блеске Императорской Гвардии вдохновение. Знаменитый гвардейский шарм сохранился до самого начала Великой войны, разрушившей и уничтожившей ряды избранников Марса.

Пытаясь сохранить и продлить особую атмосферу своего замкнутого и рафинированного бытия, до самых своих последних дней ветераны полковых Лейб-гвардейских объединений за границей бережно хранили фотографии, знаки, жетоны, документы и другие полковые реликвии, порой самым невероятным образом вывезенные ими в добровольное изгнание с полей битв Гражданской войны.

Гвардия и ее командиры накануне великих потрясений

К 1914 году, как к началу переломного момента в жизни государства и Гвардии в частности, в царствование последнего Государя Императора Николая Александровича русская Императорская Гвардия насчитывала 40 полков, начиная от Лейб-гвардии Преображенского полка и заканчивая Гвардейским экипажем. Чтобы составить более полное представление об организации этих избранных войск Российской империи, стоит посмотреть на все составные части Гвардии накануне Великой войны.

В рамках данной системы существовала определенная подчиненность гвардейских частей, равно как и присутствовало их взаимодействие с прочими военными институтами империи. Лишь одна часть Гвардии была подчинена Генеральному штабу — Собственный Его Величества конвой под командованием графа Александра Николаевича Граббе, располагавшийся в Царском Селе. Другая, декоративная с военной точки зрения, гвардейская часть подчинялась министру Императорского двора — рота Дворцовых гренадер под командованием полковника Гринева. Она несла охрану царских резиденций в Санкт-Петербурге и Москве. Еще два гвардейских подразделения подчинялись исключительно коменданту дворца — стоявший в Царском Селе Сводный Его Величества пехотный полк под командованием генерал-майора Свиты Его Император-

ского Величества Владимира Александровича Комарова и расположенный в Петербурге 1-й Железнодорожный полк под командованием полковника Константина Александровича Цабеля. За исключением кавалерии и артиллерии, все прочие гвардейские части были развернуты в 3 пехотные дивизии. Так, в 1-ю дивизию 2-бригадного состава входили Лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский и Егерский полки. Командирами двух бригад состояли генерал-майор барон Александр Фридрихович фон ден Бринкен и генерал-майор Александр Антонович Герцик. Командирами четырех полков 1-й дивизии служили: генерал-майор Свиты Его Императорского Величества князь Владимир Николаевич Оболенский, генерал-майор Иван Севастьянович фон Эттер, генерал-майор Василий Александрович Круглевский и генерал-майор Александр Петрович Буковский.

Во 2-ю дивизию под командованием генерал-майора Александра Алексеевича Ресина входили Лейб-гвардии Московский, Гренадерский, Павловский и Финляндский полки. Бригадами в этой дивизии командовали генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Николай Михайлович Киселевский и

Офицеры Лейб-гвардии Семеновского полка перед отправкой на фронт. Август 1914 г.

генерал-майор Владимир Аполлонович Козлов.

Полками 2-й дивизии командовали генерал-майор Александр Александрович Михельсон, генерал-майор Василий Васильевич Бутович, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Константин Герасимович Некрасов и генерал-майор Владимир Владимирович Теплов. Командиром 3-й дивизии был генерал-лейтенант Леонид Оттович Сирелиус. В дивизию входили дислоцированные в Варшаве Лейб-гвардии Литовский, Кексгольмский, Санкт-Петербургский и Волынский полки. Бригадами 3-й дивизии командовали польский аристократ генерал-майор Константин Андреевич Любарский и генерал-майор Всеволод Владимирович Шимавин. Командирами четырех гвардейских полков, входивших в 3-ю дивизию, были: генерал-майор Константин Константинович Шильдбах, генерал-майор Алексей Михайлович Малиновский, генерал-майор барон Николай Андреевич фон Боде и генерал-майор Александр Федорович Турбин.

В Царском Селе, резиденции русского Императора, базировалась гвардейская стрелковая бригада, состоявшая из 3 полков, под командованием генерал-майора Свиты Его Императорского Величества Петра Алексеевича Дельсаля. 3-й Стрелковый полк бригады располагался в Санкт-Петербурге. Кавалерийские части русской Императорской Гвардии состояли из двух дивизий. В 1-ю дивизию входили 3 бригады, находившиеся в Царском Селе, Санкт-Петербурге, Гатчине и Павловске. Командовал 1-й дивизией генерал-лейтенант Николай Николаевич Казнаков. Командиром 1-й кавалерийской бригады дивизии, куда входили Кавалергардский и Лейб-гвардии Конный полки, был князь Василий Александрович Долгоруков. Другими полками дивизии командовали генерал-майор князь Александр Николаевич Долгоруков и генерал-майор Свиты Его Величества Павел Петрович Скоропадский. Командиром 2-й бригады, состоявшей из Лейб-гвардии кирасир Его и Ее Величества, был генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Константин Маврикиевич фон Вольф. Кирасирскими полками командовали генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Александр Федорович фон Гилленшмидт и генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Петр Иванович Арапов. 3-й бригадой командовал генерал-майор Георгий Логинович Пономарев, а в состав ее входили три полка иррегулярной кавалерии: Казачий Его Величества и Атаманский полки, дислоцированные в Санкт-Петербурге, и Лейб-гвардии Сводно-казачий полк в Павловске. Командовали этими

казачьими полками генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Петр Петрович Орлов, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Сергей Владимирович Евреинов и генерал-майор Свиты Его Императорского Величества граф Михаил Николаевич Граббе.

2-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Георгия Оттоновича Рауха состояла лишь из двух бригад, базирующихся в Новом и Старом Петергофе и в Царском Селе. В 1-ю бригаду под командованием генерал-майора Свиты Его Императорского Величества князя Сергея Константиновича Белосельского-Белозерского входили Лейб-гвардии Конно-гренадерский и Лейб-гвардии Уланский полки. Этими полками командовали генерал-майор Свиты Его Императорского Величества князь Василий Александрович Долгоруков, генерал-майор Николай Антонович Княжевич. Во 2-ю бригаду под командованием генерал-майора Свиты Его Императорского Величества графа Георгия Георгиевича Менгдена входили Лейб-гвардии Драгунский и Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полки под командованием генерал-майора графа Федора Максимилиановича Нирода и генерал-майора Георгия Ивановича Шевича.

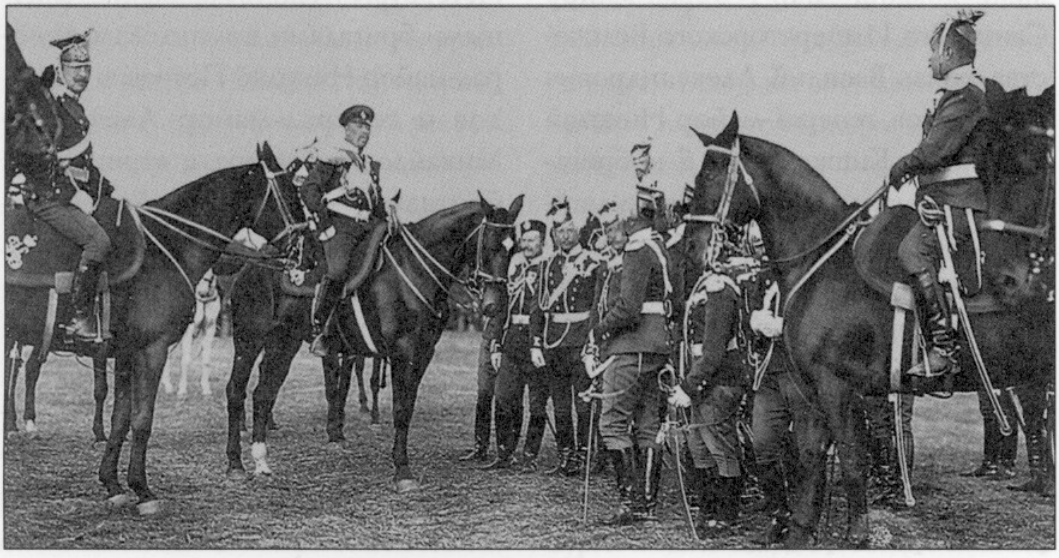
Отдельной бригадой Императорской Гвардии командовал генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Карл Густав Маннергейм. В нее входили Лейб-гвардии Уланский Его Величества и Лейб-гвардии Гродненский гусарский полки, оба дислоцированные в Царстве Польском, в Варшаве. Их командирами на то время являлись генерал-майор Александр Александрович Абалешев и генерал-майор Свиты Его Императорского Величества князь Павел Николаевич Енгалычев.

Помимо вышеперечисленных дивизий в состав Императорской Гвардии входили некоторые артиллерийские и технические подразделения. Из них 3 Лейб-гвардейские бригады, две из которых дислоцировались в Санкт-Петербурге и одна в Варшаве. Столичными бригадами командовали генерал-майор Николай Петрович Демидов и генерал-майор Александр Михайлович Сиверс, а варшавской бригадой — генерал-майор Александр Владимирович Бурман. В этих же двух городах располагались части Лейб-гвардии Конной артиллерии под командованием генерал-майора Свиты Его Императорского Величества Николая Алоизовича Орановского. Командиром 6-й Донской батареи в Павловске был сам Великий князь Андрей Владимирович. Там же, в Пав-

ловске, располагался и Гвардейский Минометный дивизион под командованием полковника Вешнякова, а в Стрельне находился Гвардейский Стрелковый артиллерийский дивизион полковника Селиверствова. В столице же расположилась одна из самых известных технических частей — Лейб-гвардии Саперный батальон генерал-майора Свиты Его Императорского Величества Бориса Александровича Подымова. Стоит упомянуть еще про две столичные части гвардии: Гвардейский экипаж под командой контр-адмирала графа Николая Михайловича Толстого и Лейб-гвардии Жандармский полевой эскадрон генерал-майора Сергея Петровича Саханского. В Новгородской губернии вдали от столичной суеты мирно квартировал Гвардейский запасный Кавалерийский полк генерал-майора Сергея Григорьевича Лишина.

Общий очерк будней Гвардейского корпуса

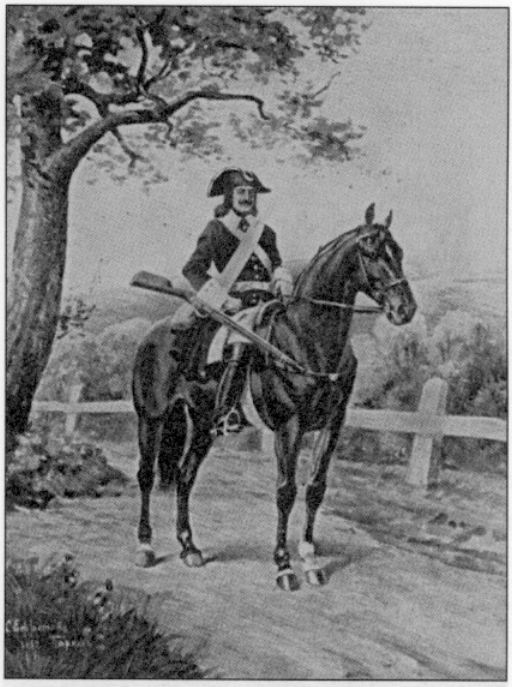
В начале прошлого века некоторые части русской Императорской Гвардии служили еще полигоном испытания «новых технологий» ведения войны. В них проходило апробацию первое автоматическое оружие, испытывались бронеавтомобили, скорострельные пулеметы и современные артиллерийские орудия. Многие чины Гвардии оказали значительное влияние на развитие авиации и воздухоплавания в целом. Уро-



Офицеры Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка

вень боевой подготовки гвардейских частей, особенно так называемой «Старой гвардии», всегда оставался высоким и невольно конкурировал со всей остальной русской армией. Почти два века — с XVIII — до нача-

Чин Конной гвардии эпохи Государыни Елизаветы Петровны



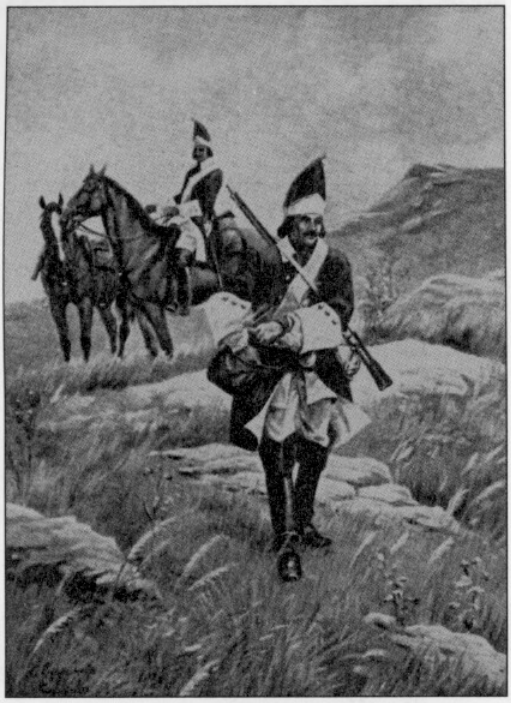
Чин Конной гвардии эпохи Государыни Елизаветы Петровны

ла XX — офицерский корпус гвардейских частей, почти полностью комплектуемый из дворян, был поистине элитной частью русской Императорской армии, являвшей то, что языком начала прошлого века называлось военной «физиономией» империи. Во все времена своего существования Гвардейский корпус был представлен лучшими людьми русского общества.

Гвардейцам было свойственно стремление обособиться в замкнутую структуру, созданную по кастовому принципу. Как и в большинстве государств, в Российской империи Гвардия сложилась как отборное, дворянское войско, олицетворявшее самим своим существованием незыблемость монархической, государственной идеи.

Подчеркнем еще раз, что русскую Императорскую Гвардию в большинстве своем всегда выделяли особая

корпоративность и родовое аристократическое начало. В армейской среде Гвардия считалась наиболее консервативной ее частью. Это в большей степени объяснялось особой близостью гвардейских частей к Императо-



Нижние чины Конной гвардии эпохи Государыни Елизаветы Петровны

ру, держащему в монаршей длани всю полноту государственной власти. Можно заметить, что различные части русской Гвардии в разное время создавались по западным образцам (шведскому, прусскому, французскому). Условность разделения Гвардии на «Старую» и «Молодую» просматривалась еще с начала 1820-х годов XIX века.

«Старая гвардия», ядро избранников которой составили преображенцы, семеновцы, кавалергарды и конногвардейцы, получила значительные привилегии перед «Молодой гвардией» — с точки зрения комплектования, обеспечения, боевой подготовки и продвижения офицеров по службе. Так, например, при Государе Императоре Александре I полки «Старой гвардии» были Всемилостивейше дарованы старшинством в два чина перед армией и в один чин — перед «Молодой гвардией».

В царствование Государя Александра Павловича представители офицерского корпуса «Старой гвардии» почти полностью принадлежали к родовой аристократии и оказывали значительное влияние как на самого Императора, так и на внутреннюю политику империи. Постепенно «Старая гвардия» заняла исключительное место в русской военной и придворной жизни и, кроме того, превратилась в источник, питающий русскую национальную культуру. В 1820-е годы XIX века начал складываться символ «гвардейской исключительности», причем в большей степени он применялся к «Старой гвардии». Год за годом гвардейский быт и уклад жизни обогащались множе-

ством мифологем и традиций. В царствование Государя Александра II, даже в рамках замкнутого в своей особой атмосфере полковых традиций Гвардейского корпуса, полки «Старой гвардии» окончательно превратились в самые отборные военные части. При Государе Александре III начинается пересмотр гвардейских привилегий. Это выражается в том, что уже спустя три года после восшествия на трон новый самодержец добился того, что в 1884 году «Молодую гвардию» окончательно приравнивают к армии, лишая ее старшинства в чине.

«Старая гвардия» сохраняет многие свои привилегии, но тоже лишается старшинства в чине перед армией — теперь старшинство составляет всего один чин.

Снисходительное и покровительственное отношение офицеров полков «Старой гвардии» к молодым полкам Гвардейского корпуса особенно проявилось по отношению к «варшавской гвардии», в которую входила 3-я Гвардейская Пехотная дивизия и два Гвардейских Кавалерийских полка, расквартированных в Варшаве. Это объяснялось тем, что полки так называемой варшавской гвардии к этому моменту занимали промежуточное звено между армией и столичной Гвардией. По воспоминаниям современников: «...офицеры 1-й и 2-й гвардейских дивизий, в основном представители старых дворянских фамилий, не без доли презрения называли варшавских офицеров "суконной гвардией", в то время как... для офицеров армейской пехоты... служба и в этой "гвардии" была несбыточной мечтой». Это позволяет многим современным исследователям судить о крайнем консерватизме гвардейских мировоззренческих установок и об архаичности полковых традиций. По воспоминаниям гвардейцев-мемуаристов, еще более «презрительным» было их отношение к «армейским» и «гражданским» чинам. «Присутствовавшие офицеры обошлись с нами хоть и вполне вежливо, однако с некоторым холодком и даже несколько суховато. Невольно складывался тот иной раз неуловимый антагонизм, который существовал у всех них по отношению к штатским... В те времена военный, а в особенности молодой кавалерист, как правило, относился к штатскому с некоторым пренебрежением и как бы с превосходством»[3], — вспоминал в своих мемуарах молодой тогда соискатель военной службы в Лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку. К сожалению, мемуаристы почти не оставили своих замечаний в отноше-

нии придворных чинов, отношение к которым, смеем надеяться, было все же немного другим, ибо в придворной среде было немало выходцев из главного военно-учебного заведения империи — Пажеского корпуса. «Старая гвардия» перешла в эпоху Николая II, сохранив целостность своей морфологии как «культурного организма».

Особенности и условности полковой службы в Гвардии

В царствование последнего российского Государя Императора условия поступления в некоторые полки 1-й Гвардейской дивизии, и в особенности ее конные полки, ужесточились. Служащие в гвардейских полках империи офицеры должны были принадлежать к потомственным дворянам, при том полковым Офицерским собранием рассматривались и сроки получения дворянства не только самим служащим в полку офицером, но и его «лучшей половиной». Женитьба на недостаточно родовитой русской дворянке могла воспрепятствовать дальнейшей службе в полку гвардейской кавалерии, входившем в 1-ю Гвардейскую дивизию. Дворянство, полученное прародителями невесты в царствование Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, считалось некоторыми Офицерскими собраниями в начале XX века «но-

Парад гвардейской кавалерии, принимаемый Государем Императором Александром III на Дворцовой площади. Художник В.В. Мазуровский

вым» и могло существенно подорвать ее шансы на замужество.

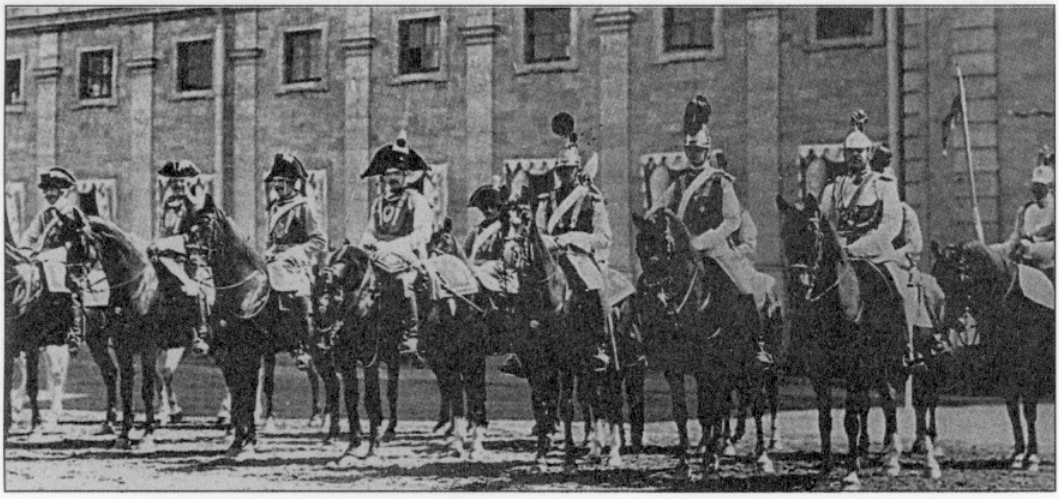
Сословные мезальянсы также воспрещались. Представительницы иных сословий империи, впрочем как и потомки личных дворян, не могли по канонам гвардейского полка составить счастье гвардейцу.

По свидетельству современника, в начале XX века «Офицерские жены составляли как бы часть полка, и потому в их среду не могли допускаться не только еврейки, но даже дамы, происходившие из самых богатых и культурных русских, однако недворянских семейств. Моему товарищу, князю Урусову, женившемуся на дочери купца Харитоненко Елене, пришлось уйти из полка; ему запретили явиться на свадьбу в кавалергардском мундире»[4]. Вместе с тем подобный подход к родовитости избранниц офицеров и их родословной в целом был свойствен далеко не всем частям. Так, например, гвардейские стрелки Царскосельского полка, географически наиболее приближенные к Императорскому двору, отличались известным демократизмом полковых традиций. Офицер этого полка вспоминал: «Офицерский состав батальона (полка) не был вполне однообразен ни по образованию, ни по сословному происхождению, ни по степени материальной обеспеченности для службы в Гвардии... Был целый ряд офицеров, имевших высшее образование — Императорский Александровский лицей, университет, академию Генерального Штаба, но большая часть имела дипломы средней школы — кадетского корпуса или гимназии и военного училища. Были дворяне по происхождению. И таковых было большинство, но были дворяне и по выслуге этого звания их отцами или дедами. Особенно богатых офицеров в батальоне вообще не было. Некоторые имели поместья, другие получали денежную подмогу от родителей. Общий уровень жизни отличался относительной простотой, отсутствием какого бы то ни было блеска»[5]. Другой очевидец и участник повседневной жизни гвардейской пехоты как бы подтверждал это наблюдение: «...В мое время "партий" между офицерами не было. Между богатыми и почти бедными, между знатными и незнатными, между вышедшими из Пажеского корпуса, из вольноопределяющихся бывших лицеистов и правоведов, из университета и из военных училищ не чувствовалось абсолютно никакой разницы...»[6]

Быт, обиход и культурная среда гвардейского офицера начала XX века

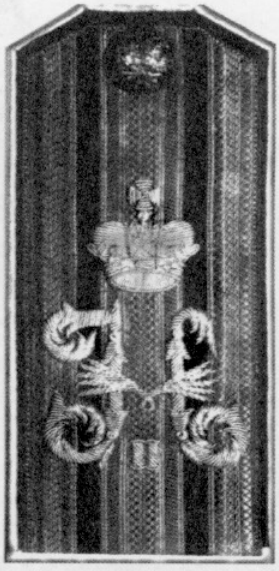
Не только личная жизнь, но и сам повседневный обиход гвардейского офицера подлежали строгой регламентации. Для поддержания соответствующего образа жизни в столичных полках требовались немалые по тем временам средства. Кавалерийские полки 1-й Гвардейской дивизии в своих Кодексах поведения предписывали офицерам путешествовать в поездах лишь первым классом, при посещении театра сидеть не далее пятого ряда в партере, бывать лишь в тех ресторанах, пребывание в которых не возбранялось и не могло бросить тень на полк. Участие офицера-кандидата в любительском спектакле, столь распространенное явление в начале прошлого века, могло служить поводом для отказа в просьбе о зачислении в гвардейский полк.

Гвардейские мундиры обыкновенно заказывались в магазинах офицерских вещей, которыми владели фирмы по пошиву элегантной и дорогостоящей формы: такие как «Нордштерм», где заказывал военные сюртуки сам Государь и где они стоили не менее 200 рублей; «Лихт и Норманн», а также в ателье Даронина, Савельева, Фокина или Пивоварова. Мундир гвардейца шился из дорогого тонкого, но прочного сукна, по своим свойствам напоминавшего замшу. Позднее образовавшееся Гвардейское экономическое общество,



Опыты военной реконструкции гвардейского мундира. Фото начала XX в.

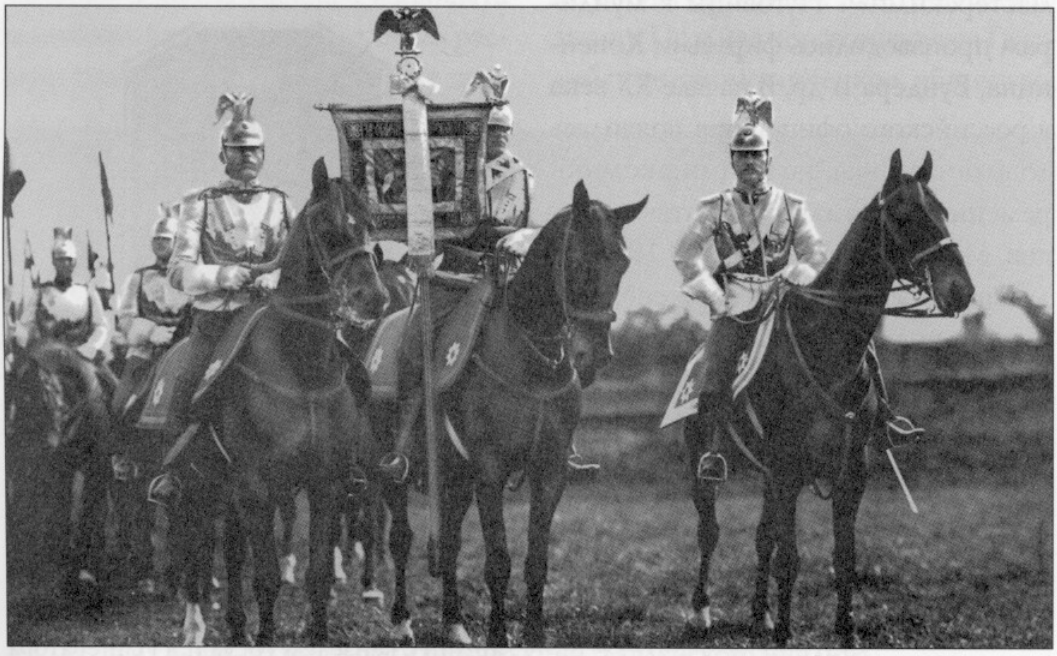
переманив к себе главного закройщика от Даронина, открыло пошив форменной одежды, разумеется, по более приемлемым ценам. Впрочем, заказы у дорогих портных могли позволить себе далеко не многие. Потомки аристократической среды и столбовые дворяне, вышедшие в гвардейский полк, порой поступали довольно рачительно. «Большинство старалось... дать заказы разным портным: так называемые первые номера мундиров — дорогим портным, а вторые и третьи — портным подешевле. Непосильные для офицеров затраты на обмундирование вызвали создание кооперативного Гвардейского экономического общества с собственными мастерскими»[7]. Пуговицы к мундирам производились фирмами Копейкина, Вундера и др. В начале XX века у российского офицерства появилась дополнительная, но не слишком обременительная для них статья расходов. Мемуарист отмечал: «В 1908 году нагрудные знаки предложено было завести полкам. После долгих обсуждений преображенцы взяли себе Андреевский крест. Таким крестом кончалась цепь Андрея Первозванного, ордена, как известно, установленного Петром. Измайловцы устроили какую-то комбинацию с вензелем основательницы полка Анны Иоанновны. Лейб-егеря выбрали себе "кульмский крест", т.е. другими словами немецкий железный крест "айзенкрейц"... Этот кульмский крест кроме егерей, которые в этом бою особенно прославились, в качестве полкового знака из гвардейских полков имели конно-гренадеры и лейб-драгуны. Когда пришло время заводить себе полковой знак, наши... остановились на кресте, который был нарисован Петром и который, окруженный облаками, был изображен в правом верхнем углу нашего первого Петровского знамени. Ниже под облаком был изображен висящий меч. Знак скомбинировали следующим образом. Взяли этот Петровский крест и посадили на меч. С левой сто-



Погон полковника Императорской армии с вензелем Государя Императора Николая II

роны поставили маленький латинский вензель Петра, а справа такой же русский вензель императора Николая II. Для офицеров установили крест белый, эмалевый, а для солдат совершенно такой же серебряный... Кексгольмцы, которые происходили от нас, взяли себе такой же крест, но вытянули его вверх. В мирное время ненужные, эти знаки пригодились на войне. При защитных фуражках, гимнастерках и у всех одинаковых красных погонах, они зачастую служили средством опознания своих и чужих офицеров и солдат дивизии»[8]. Полковой знак офицер Гвардии мог заказать себе в ювелирных магазинах фирм Кортмана, Эдуарда или Фаберже. Стоимость знаков, исполненных ювелиром на заказ в золоте, составляла в начале прошлого века от 50 до

Андреевская звезда — символ русской Императорской Гвардии

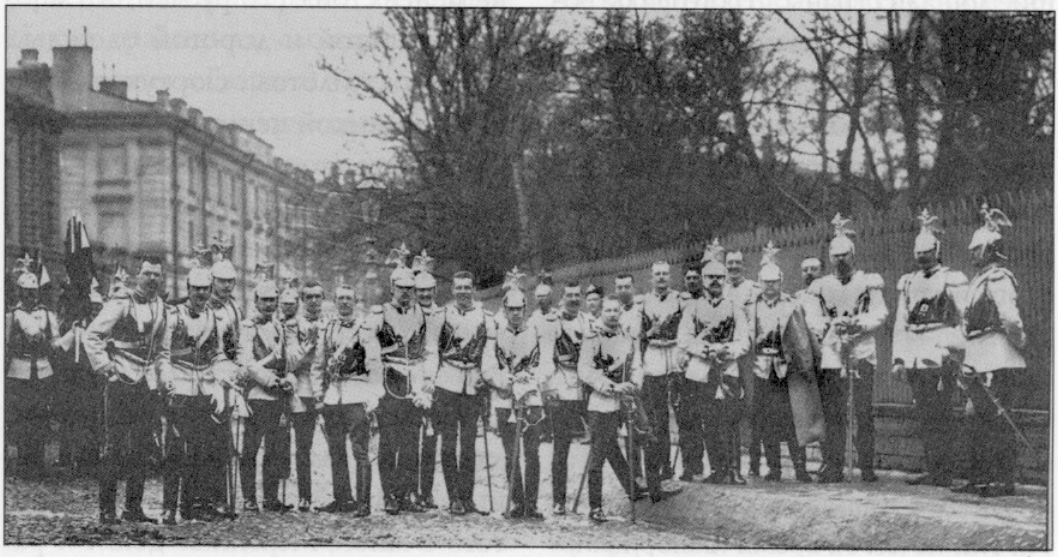


Полковой штандарт

60 золотых рублей, серебряных с золотыми частями — от 18 до 29 рублей, серебряных — от 10 до 16 рублей, бронзовых — от 4 до 8 рублей. Нижние чины, служившие в гвардейских частях, могли заказать себе знаки стоимостью от 50 копеек до 1 рубля.

Впечатление от одетого по форме гвардейского офицера, с полным набором знаков или тем более орденов довольно ярко выразил молодой человек, еще только намеревавшийся поступать в гвардейский кавалерийский полк. «При взгляде на этих щеголеватых людей, которые теперь неуловимо подчеркивали свое превосходство надо мной, мне, молодому человеку, думалось лишь одно — скорее, скорее сделаться таким, как они, сделаться человеком... Ни у профессоров, ни у студентов, ни у лицеистов, ни у чиновников, ни даже у всех известных мне штатских губернаторов я не наблюдал такого достойного самоуверенного вида. Я знал министров, знал сановников — и те выглядели куда скромнее, нежели эти люди, каждое движение которых сопровождалось дивным звоном шпор. И думалось мне: прекрасно быть человеком, красиво одетым, человеком чести, человеком, всегда носящим оружие, — военным человеком, защитником родины»[9].

В расходы офицера гвардейской кавалерии входило и приобретение верховых лошадей, ибо при выходе в полк каждый из офицеров должен был представить двух собственных



Кавалергарды на Садовой улице в Санкт-Петербурге

коней, которые подходили под определенные стандарты, применяемые к лошадям, находящимся в распоряжении Гвардии. В начале XX века конский состав Императорских Гвардейских полков комплектовался несколькими частными конными заводами на Украине и на Дону. Однако офицеры тяжелой кавалерии в большинстве своем обладали английскими «охотничьими лошадьми». Найти достойного коня гвардейцу из частей «тяжелой кавалерии» было не всегда просто, и сравнительно распространенным явлением в полках были лошади ганноверской породы. В мемуарах о минувшем гвардейском величии остались проникновенные строки о лошадях гвардейской «тяжелой кавалерии». «Это были лучшие лошади страны, строго фильтровавшиеся ремонтными комиссиями и отбиравшиеся в Гвардию. Этих исполинов поставляли лучшие конные заводы в большинстве из Польского края (заводы Дрогойовского, Корибут-Дашкевича, Мангушко, Закржевского и других). Первая гвардейская дивизия — так называемая кирасирская дивизия, куда входил наш полк... Она комплектовалась рослыми людьми и самыми рослыми конями... Таких коней в наши дни не увидишь. Их тип исчез. За время империалистической войны и Гражданской войны все они полегли либо от изнурения, либо на поле брани»[10]. Не следует думать, однако, что высокие расходы на полноценную службу в Гвардии возникли только лишь в последнее царствование. Русский мемуарист А.Т. Болотов оставил любопытные очерки гвардейской службы в эпоху Екатерины Великой: «Всем известно было, что гвардейская офицерская служба сколько была до сего лестна, столько, с другой стороны, для самих их крайне убыточна... нельзя было обойтись без содержания 6 или, по крайней мере, 4 лошадей, без хорошей и новомодной кареты, переменяемой, когда не в каждый год, так, по крайней мере, через два или три года, без многих мундиров, из коих и один не менее стоил 120 рублей, без множества иной и дорогой одежды... фраков... жилетов... сюртуков... плащей и великой цены стоящих шуб... Сверх того надобно было иметь хорошую квартиру, негнусный стол, многих служителей, одетых порядочно, также либо егеря, либо гусара, облитого золотом и серебром». Все это, очевидно, стоило больших денег, почему офицеры небогатые, дабы «не навлекать на себя презрения, принуждены были входить оттого в многочисленные долги и разоряться»[11].

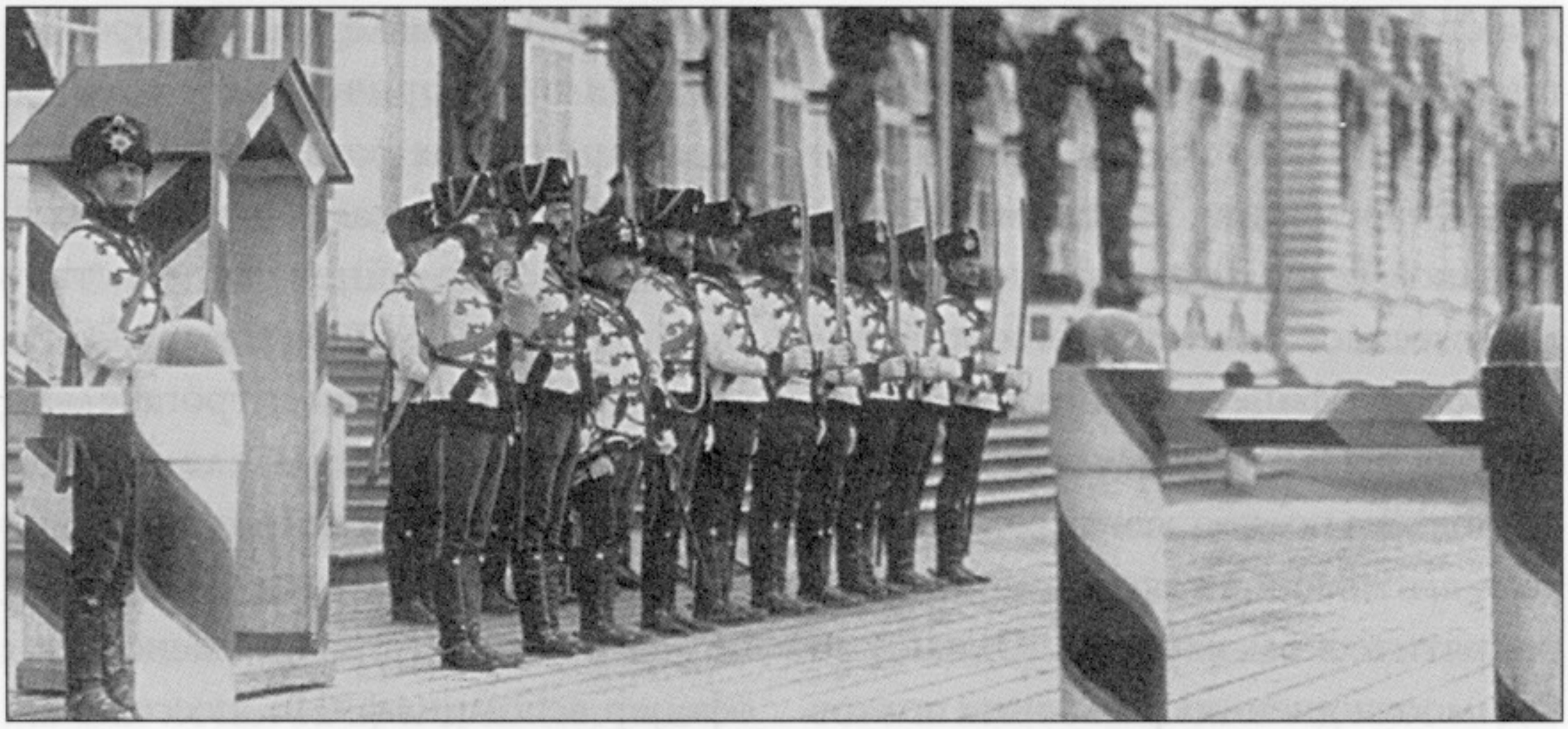
Язык общения гвардейского офицера начала XX века

Язык общения гвардейцев в некоторых полках был исключительно русский. Говорить по-французски в таких полках считалось моветоном. Вместе с этим Гвардии в целом был присущ и определенный профессиональный жаргон, возникший из смеси русского и французского языка, словечки из которого пережили несколько царствований и благополучно дошли в нетронутом виде до начала Великой войны. Слова этого жаргона изобретались как в полковом, так и в придворном быту и прожили до последних дней Гражданской войны, уйдя на чужбину вместе со своими носителями — гвардейцами. В Лейб-гвардии Конном полку не было особого предпочтения в языке. И русский и французский в нем не возбранялись. Лейб-гвардии Павловский, Лейб-гвардии Гусарский, Лейб-гвардии Измайловский и Лейб-гвардии Егерский полки предпочитали русский язык, равно как и Гвардейский экипаж.

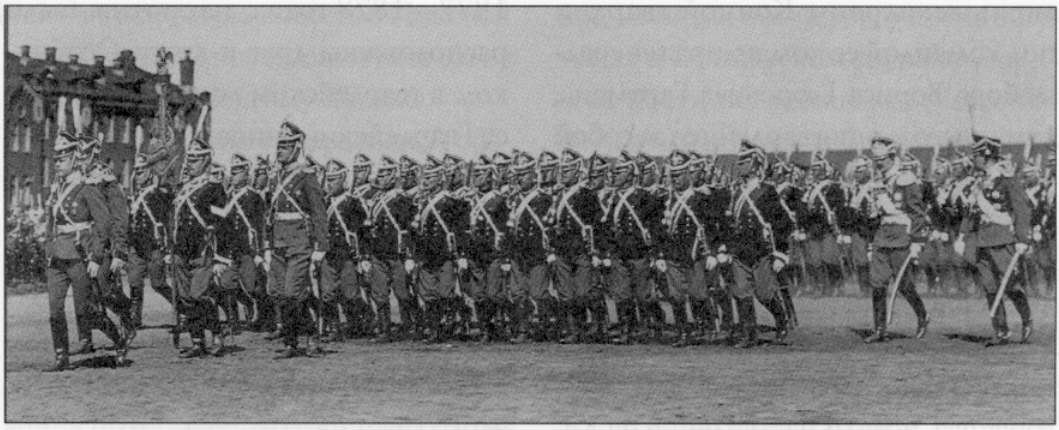
Взаимоотношения гвардейских полков

Взаимоотношения гвардейских полков между собой заслуживают отдельного исследования. Они были построены главным образом на исторических традициях, сложившихся за два столетия в Гвардии в целом. В общих чертах взаимоотношения сослуживцев в рамках одного полка описаны современником таким образом: «Полковые традиции предусматривали известное равенство в отношениях между офицерами, независимо от их титула. Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом, точь-в-точь как в каком-нибудь аристократическом клубе»[12]. Однако во взаимоотношениях различных полков могли иметься свои тонкости. Так, например, полки «Петровской бригады», восходящие своим началом к «потешным полкам» Государя Петра Алексеевича, Преображенский и Семеновский особенно благоволили к гвардейской артиллерии, с которой их связывала историческая память о «бомбардирских ротах», приданных Петром этим полкам. Определенное, по словам гвардейцев, «кумовство» сложилось и у семеновцев с лейб-гусарами. Их отношения трогательно проявлялись во время следования Лейб-гвардии Гусарского полка из Царского Села в Красное Село в конце мая в летние лагеря. Семеновский офицер вспоминал: «По шоссе мимо нашего сада гусары проходили в одно

и то же время, около часу дня, и, приближаясь к нему, трубачи начинали играть наш полковой марш... В день прохода гусар обед у нас обычно задерживался, и в нашу садовую беседку ставился махальный. Как только вдали показывался красавец Воронцов и раздавались звуки Семеновского марша, все наши офицеры выходили гусарам навстречу, а вестовые выносили подносы, уставленные серебряными стопками с налитым холодным шампанским. Не останавливаясь, на ходу, гусарские офицеры брали стопки и весело их опрокидывали. Некоторые умудрялись и повторить. После длинного перехода, да в жаркую погоду, это, должно быть, было приятно... В качестве ответа в те годы, когда на полковой праздник наш полк приходил в Царское Село... офицеры приглашались на парадный обед в гусарское Собрание. Собрание у лейб-гусар было роскошное. Особенно хорош был двухсотметровый зал, весь отделанный белым мрамором. В стороне помещалась портретная галерея, и там можно было любоваться портретами родоначальника русских "западников" ротмистра Чаадаева и лобастого корнета Михаила Лермонтова»[13]. В гвардейской кавалерии «Старой гвардии» можно было наблюдать некое соперничество между кавалергардами и конногвардейцами за право на старшинство. Лишь в апреле 1931 года, во время празднования 200-летия Лейб-гвардии Конного полка в Париже, кавалергардами князем А.Н Эристовым, Н.Н. Шиповым и бароном К.Н. фон Розеном был принесен поздравительный адрес конногвардейцам, в котором



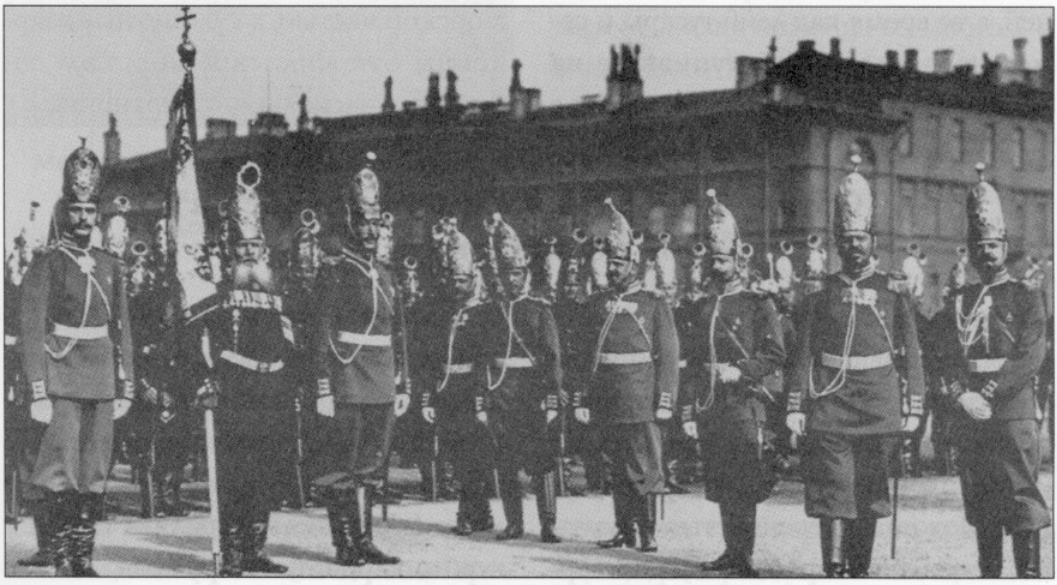
Лейб-гвардии гусары Гродненского полка



Лейб-гвардии Драгунский полк

прозвучали трепетные, примирительные слова: «...Конная гвардия, братский полк, плоть от плоти нашей, в тебе запечатлены блистательная красота войск российских и победное мужество Отечества...»[14]

Между иными воспоминаниями кавалергарды с благодарностью вспомнили и то, как в августе 1914 года им, спешившимся под беглым огнем германской пехоты у восточнопрусской деревушки Каушен, пришли на по-



Лейб-гвардии Павловский полк

мощь эскадроны Конной гвардии под командой ее командира генерал-майора Бориса Егоровича Гартмана, увлекшего конногвардейцев за собой со словами: «Идем, господа, выручать наших друзей — кавалергардов!». Подошедшие эскадроны конногвардейцев спешились и, усилив собой кавалергардские цепи, под командой князя Александра Николаевича Долгорукова, повели наступление на Каушен.

Боевое братство гвардейских полков, начавшееся еще на полях сражений XIX века, продолжилось в Великую войну, и в начале XX века «особые отношения» еще нередко давали о себе знать. Полки легкой кавалерии — конно-гренадеры и лейб-уланы относились друг к другу с прохладцей, в то время как лейб-гусары и семеновцы, удачно выступившие на поле брани Русско-турецкой войны в 1877—1878 годах, напротив, были расположены друг к другу. Особняком в гвардейском мире располагался Гвардейский экипаж штатной численностью в 410 человек, созданный в 1810 году.

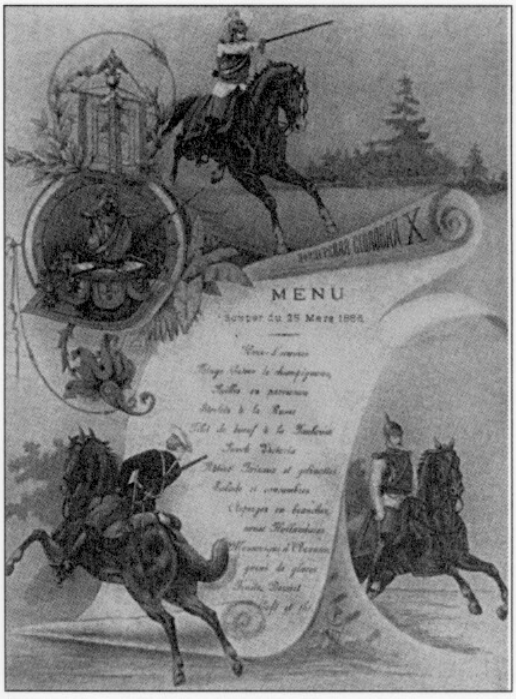
Эта своеобразная гвардейская часть состояла из чинов так называемой Придворной гребецкой и яхтенной команд. В нее также вошли части гребцов адмиральских и капитанских катеров, нижних чинов корабельных команд Санкт-Петербургского и Кронштадтского портов и чинов Черноморского флота. Состав ее насчитывал 4 строевые роты, одну артиллерийскую и одну «музыкантскую» команду. Императорские флотские отказывали Гвардейскому экипажу в праве считаться морской частью, а сухопутные гвардейцы относились к морским собратьям несколько отстраненно.

Образ жизни, тип поведения и досуга господ офицеров Гвардии

В недрах некоторых полков офицеры, служившие в них, делились на «партии», или «отделы», расслоенные не только по сословному признаку, но и по мировоззрению и типу поведения. Можно с уверенностью сказать, что изменение морали офицеров гвардейских полков рафинировалось на протяжении полутора веков, дойдя в очищении своем ко времени последнего царствования до полного совершенства. Так, вполне приемлемые в екатерининской Гвардии азартные игры («Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно...» —

так начинает свою повесть о Пиковой даме Пушкин) постепенно исчезли из быта Гвардии к началу XX века.

Сквернословие в гвардейской среде и обильные алкогольные возлияния, что не раз отмечались русскими

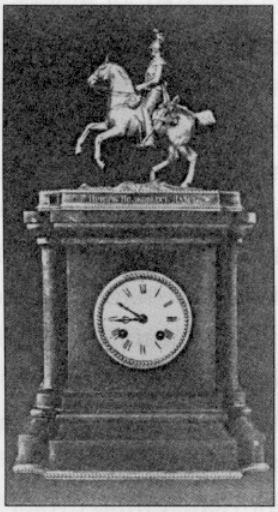


Меню обеда в Офицерской столовой в собрании Лейб-гвардии Конного полка

классиками в описании блистательного XVIII века, были почти исключены в прошлом веке условиями кодекса чести, однако не исчезли полностью. Ведь в отдельных частях Гвардии в начале XX века умение офицера выпивать ценилось весьма высоко. Предоставим слово современнику. «Для нас, молодых офицеров, участие в кутежах в Офицерском собрании являлось почти обязательным. Уклонившихся или почему-либо отсутствовавших вызывали из их квартир, не считаясь ни со временем, ни с нахождением в постели. И нужна была немалая стойкость характера, чтобы удержаться от излишеств и не пристраститься к вину вообще. Положение наше отяжелялось еще и тем, что существовало правило, по которому в случае нахождения в собрании в качестве гостя кого-либо из посторонних военных чинов молодые и особенно холостые офицеры не должны были покидать собрание во время пребывания гостя»[15].

Жизнь гвардейца, столь блиставшего на смотрах и парадах, отличалась от жизни армейца во многом, и в частности в образе полковой жизни. Уровень жизни армейского офицера качественно отставал по многим показателям. Жалованье армейского подпоручика составляло 81 рубль в месяц, капитан получал не более 120. Из этих денег шли вычеты на букеты членам царствующей династии, если полк находился в столице или крупном городе, где проживали члены Августейшей Фамилии. Вычитались деньги на «товарищеские обеды» в Офицерском собрании или приличествующем событию ресторане. Нема-

ло стоило и само обмундирование армейцев. Украшенный шитьем и галунами, такой мундир стоил не менее ста рублей ассигнациями. Для проживания в городе армейский офицер обычно нанимал комнату, однако де-



Каминные часы с бронзовой фигуркой императора Николая I в конногвардейском мундире

Граф Алексей Алексеевич Игнатьев

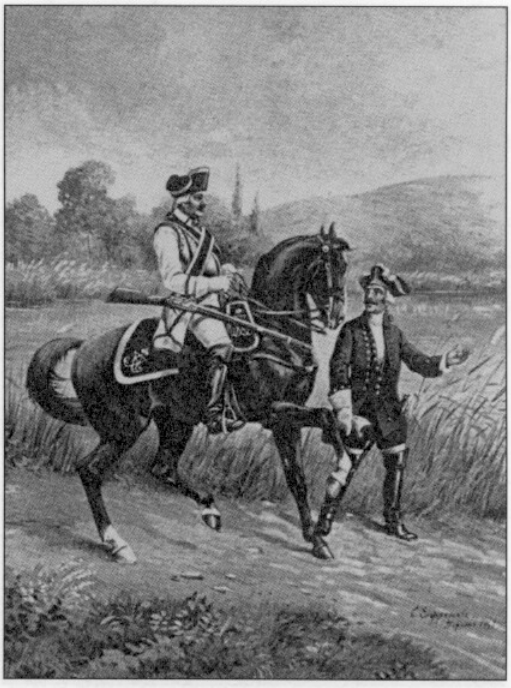
шевле двадцати рублей в месяц подходящее жилье было не найти.

Известный мемуарист с оттенком снобизма вспоминает о том, как жили избранные столичные кавалерийские полки: «...Жизнь офицеров первых гвардейских полков не имела с этим ничего общего. Выходя в полк, мы все прекрасно знали, что жалованья никогда не увидим: оно пойдет целиком на букеты Императрице и полковым дамам, на венки бывшим кавалергардским офицерам, на подарки и жетоны уходящим из полка, на сверхсрочных трубачей, на постройку церкви, на юбилей полка и связанное с ним издание полковой истории и т.п. Жалованья не будет хватать даже на оплату прощальных обедов, приемы других полков, где французское шампанское будет не только выпито, но и разойдется по карманам буфетчиков и полковых поставщиков (стоимость одной бутылки французского брюта в начале прошлого столетия колебалась от 5 до 7 рублей за бутылку. Стоимость бутылки "Вдовы Клико" в наши дни в России — 2600 рублей и выше! — *Прим. авт.*) На оплату счетов по офицерской артели требова-

лось не менее ста рублей в месяц, а в лагерное время, когда попойки являлись неотъемлемой частью всякого смотра, и этих денег хватать не могло. Для всего остального денег из жалованья уже не оставалось... Должен оговорить, что полк наш считался среди других полков скромным, а главное — "не пьющим", не то, что лейб-гусары, где большинство офицеров разорялось в один-два года, или Конная Гвардия, в которой круглый год шли знаменитые "четверговые обеды" — уйти "живым" с такого обеда было нелегко»[16].

Офицер Лейб-гвардии Конного полка эпохи Екатерины II

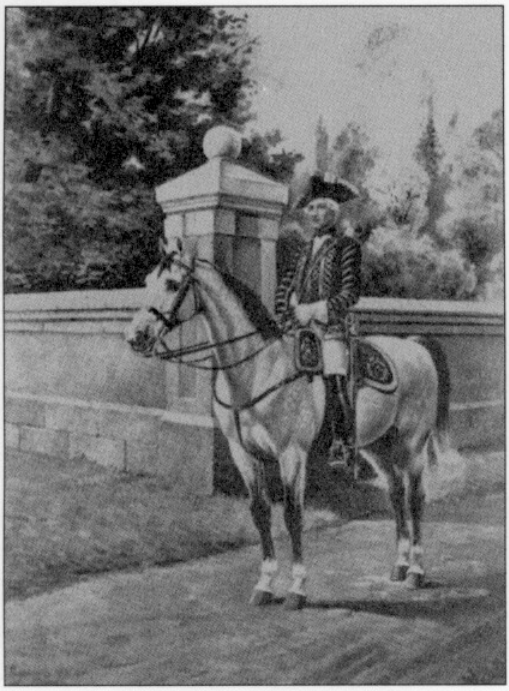
Во многом всеобщий поворот к консерватизму в поведении представителей имущих слоев общества начался с изменением общественного статуса дворянина, дарованием Екатериной дворянству в 1785 году «Жалованной грамоты», освобождающей дворянство от обязательной службы. Переместившись в родовые поместья, дворяне на протяжении двух-трех поколений создали свой собственный экономический мир, тесно переплетающийся с государственной экономикой, позволивший им обрести как моральную, так и финансо-



Чин Конной гвардии эпохи Государыни Елизаветы Петровны

вую независимость от Императорского двора, а следовательно, оставить в прошлом зависимость от государственной службы и в определенной степени от государственной бюрократии в частности. Это дало дворянству возможность не только не зависеть от переменчивой служебной фортуны, но и воспитать такое важное качество, как требовательность к себе, которая виделась молодым людям основным залогом собственных потенциальных взлетов и падений по службе и известной независимости в отношении с сослуживцами и старшими по чину, не допускавшей, однако, фамильярности или презрения к правилам и законам службы.

Подобное отношение к своим поступкам, осознание ответственности при поступлении на государственную службу подразумевали и качественно меняли модель общественного поведения как в полку, так и вне его, укрепляя и привнося в дела служебные не покорный дух исполнения рутинных обязанностей, но чувство достоинства, умение отвечать за свои поступки и слова. Дарование «Жалованной грамоты» имело, разумеется, и



Офицер и нижний чин Лейб-гвардии Конного полка эпохи Екатерины II

Офицер-конногвардеец эпохи царствования Павла I

оборотную сторону. Далеко не все офицеры Гвардии, имея независимые доходы, несли полноценную службу. Часто, по свидетельству очевидцев эпохи, наблюдались и такие явления: «Все гвардейские полки были наби-

Офицер-конногвардеец эпохи царствования Павла I

ты множеством офицеров, но из них и половина не находилась при полках, а жили они отчасти в деревнях, отчасти в Москве и в других губернских городах и вместо несения службы только лытали, вертопрашили, мотали, играли в карты и утопали в роскошах; и за все сие ежегодно производились и с такою поспешностью в высшие чины, что меньше чем через 10 лет из прапорщиков дослуживались до бригадирских чинов... И служба гвардейская, а особливо офицерская, потому для всякого была лестна, что нужно было только попасть в гвардейские офицеры, как уже всякий и начинает, так сказать, лететь и, получая с каждым годом новый чин, в немногие годы, и нередко лежучи на боку, дослуживался до капитана, а тогда тотчас выходил либо в армейские полковники и получал полк с доходом, в несколько десятках тысяч состоящим, либо оставался бригадиром»[17].

«Самостоянье человека — залог величия его» — читаем у Пушкина. Строка гения наглядно рисует содержание общественной перемены, произошедшей с дворянством на закате блистательной Екатерининской эпохи. В блистательную эпоху царствования Государыни Екатерины II Гвардия, правда, играла скорее придворную, нежели свою истинную роль, что изменило и саму гвардейскую жизнь. В своих записках русский публицист и критик Греч дает любопытную картину, воссозданную по воспоминаниям его детства, о службе своего дядюшки: «Нынче не поверят, как отправлялась военная служба в тот громкий славою Екатеринин век. Александр Яковлевич Фрейгольд раза

два в месяц ходил в караул на арсенальную гауптвахту. Этот день был для нас, детей, праздником. Утром дядюшка надевал мундир красный с черными бархатными отворотами, и отправлялся на службу. Обеденное кушанье носили к нему на гауптвахту, а после обеда вся фамилия с гостями, какие случались, отправлялись к нему на вечер. Он принимал гостей в утреннем сюртуке, похожем на халат, в красных сафьяновых сапогах. Раскрывались ломберные столы, и бостон вступал в свои права. Николай Михайлович Кудлай приносил скрипку и играл в антрактах; братья его пели в антрактах стихи Державина на свадьбу великого князя Александра Павловича: "Амуру вздумалось Психею, резвяся, поимать". В девятом часу являлся сержант, рапортовал, что все обстоит благополучно, и получал приказание бить зорю. Часу в одиннадцатом подавали холодный ужин, потому гости расходились, и денщик стлал постелю караульному офицеру. Солдатами помыкали офицеры как крепостными людьми и наряжали их в частную службу. У нас случилась покража. Что ж? В продолжение целой зимы из роты Александра Яковлевича наряжали к нам на каждую ночь двоих часовых. Солдаты были очень рады этой службе. Их кормили и поили вдоволь, и под предлогом охранения дома они спали преспокойно всю ночь»[18].

Черты обаятельной праздности странным образом можно было встретить в жизни некоторых гвардейских офицеров и в начале XX века. Бытописатель жизни офицерства Лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан Юрий Владимирович Макаров вспоминал об одном из старших однополчан, полковнике и впоследствии камергере Высочайшего двора Анатолии Владимировиче Павлове с оттенком легкой иронии. В книге своих воспоминаний о службе в полку он отмечал, что его старший товарищ в бытность его в капитанском чине «...был примечательная личность главным образом потому, что всю свою жизнь ничего не делал и никогда не имел ни минуты свободного времени... Расписание дня его было приблизительно такое. Вставал никогда не раньше 9-ти часов и около часа в своей прекрасной белого дерева спальне мылся, брился, причесывался и наводил для себя красоту. Тут же в спальню ему подавался кофе. Иногда часов в 11 он отправлялся в роту, на часок, но еще чаще оставался дома, так как в нездоровом петербургском климате выходить по утрам из дому без крайней нужды не любил. В спальню входил денщик и докладывал: "Вашесродие, фельдфебель при-

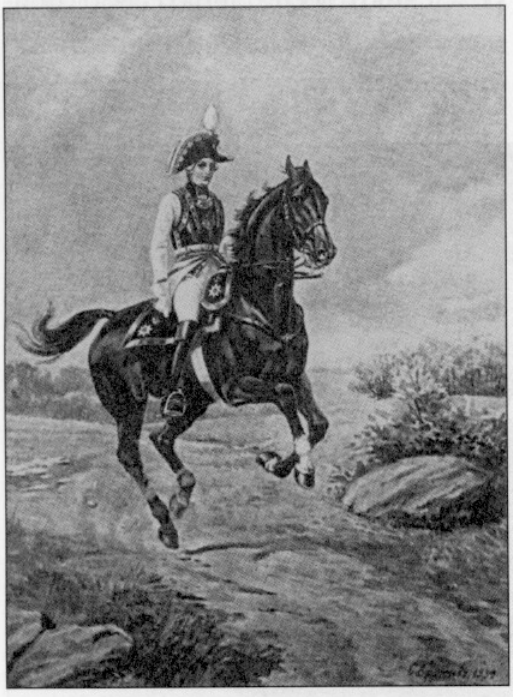
шли!"... Фельдфебель входил осторожно и почтительно становился в пяти шагах за стулом, на коем в белом, пушистом халате сидела тонкая... фигура "барина", внимательно отделывающего себе ногти. ...После фельдфебеля... читал газеты или садился за свой прекрасный письменный стол, с многочисленными фотографиями в серебряных и кожаных рамках... За столом он писал письма или занимался своими финансовыми делами. После 12 денщик подавал ему отлично вычищенный сюртук, длинные штаны со штрипками и тонкие шевровые ботинки... облекал в карман чистый носовой платок, предварительно его надушив... Прямо из дому он ехал завтракать к знакомым, если были приглашения, или в Английский клуб, где был членом, или во французскую гостиницу, или, наконец, в Собрание. Позавтракав там и выпив полбутылки красного вина, он любил сыграть два, три короля в пикет, всегда с одним и тем же партнером, с которым у него были одинаковые светские вкусы. Между тремя и пятью капитана Павлова можно было видеть в самых разнообразных местах, на выставках картин, в банках или министерствах, где у него всюду были приятели... Вечера он также проводил в семейных домах, иногда в театре и раньше часа ночи никогда домой не возвращался... По рождению и воспитанию Павлов принадлежал к самой обыкновенной среднедворянской семье. Носил

Пулеметная команда Лейб-гвардии Конного полка перед отправкой на фронт

обыкновенную отыменную фамилию и без всякого титула... И тем не менее его охотно принимали в самом большом петербургском "свете", в таких домах, которые имели репутацию очень закрытых и очень исключительных. Еще одно лишнее доказательство, что бывший петербургский "большой свет" был круг отнюдь не замкнутый и что проникнуть туда, при наличии некоторых самых скромных внешних данных, было вовсе не трудно, было бы только время и желание»[19].

Путь в Гвардию

Престиж гвардейской службы в русском обществе был всегда довольно высок. Порой, а особенно в царствование Императора Павла, количество желавших записать своих детей в Гвардию, со всеми вытекающими отсюда привилегиями, превышало все разумные пределы. Болотовым были отмечены доходящие до абсурда ситуации с записью детей в гвардию всеми слоями тогдашнего народонаселения России: «Не только дворяне, но даже купцы, подьячие, духовенство и "наконец самые управители и господские люди через деньги и разные происки" стали записывать с малолетства детей в гвардию, так что в одном Преображенском полку считалось их до несколько тысяч, а во всей Гвардии тысяч до двадцати... Злоупотребление дошло до такой степени, что можно было записывать не только взрослых и больших, но и самых маленьких, и не только детей, но и самых еще младенцев грудных; и бешенство сие достигло до того, что отыскивались такие, которые записывали и совсем еще не родившихся и получали на них паспорты с оставленными для имени пустыми местами»[20]. Ситуацию значительно поправил сам Император



Офицер Конной гвардии в эпоху Павла I

Павел. С той поры путь в Гвардию становился, если не усложненным, то не лишенным известного числа условностей, сохранившихся до начала Великой войны 1914—1917 годов. Желание части молодежи возвыситься над армейской или чиновничьей средой, открыть дверь в блестящее будущее часто просеивалось сквозь мощный общественный фильтр, каковым являлось мнение Офицерских собраний Гвардии в начале прошлого столетия, порой превышавшее самодержавную волю, что было бы немыслимо еще полвека назад. Если в царствование Государя Императора Николая I решение Государя о зачислении в полк «двух шуанов... офицерами» вызывало лишь *ропот в Гвардии*, то во времена его правнука решение о приеме в гвардейский полк не только офицером, но и вольноопределяющимся принималось лишь мнением Общего собрания господ офицеров полка, влияние на которое не мог оказать даже полковой командир, если ему случилось быть не «коренным» однополчанином, а выходцем из другого полка. Предполагаемый путь в Гвардию для большинства русской молодежи лежал в двух направлениях: был ли кандидат юнкером, то есть выпускником военного училища, или шел добровольцем. Избрав первый путь, молодой человек проходил обучение в течение 7 лет в кадетском корпусе, после чего 2 года — в юнкерском училище, дававшем юноше право на выбор определенной военной специальности: артиллериста, кавалериста, инженера или пехотинца. Функции кадетского корпуса и юнкерского училища в императорской России объединяли два привилегированных учебных заведения — Пажеский корпус и Финляндский кадетский корпус, прекративший свое существование в 1907 году по Высочайшему повелению. Обучение в подобных учебных заведениях было платным. К концу XIX века стоимость учебы в военных учебных заведениях Российской империи составляла 105 рублей в месяц — в Николаевском кавалерийском училище, 68 рублей 58 копеек в месяц — в стенах Пажеского корпуса, 54 рубля 33 копейки — в Константиновском артиллерийском училище и 35 рублей 75 копеек — в Александровском кадетском корпусе Санкт-Петербурга.

Путь добровольца в Гвардию мог пролегать через высшее учебное заведение, дававшее его выпускникам подобное право. В начале прошлого века в Российской империи таких учебных заведений насчитывалось 12. В их числе были Училище правоведения и знаменитый Александровский лицей в Царском Селе, ставший колыбелью

многих талантов земли Русской, начиная от Пушкина и заканчивая Великим князем Олегом Константиновичем, павшим смертью храбрых на поле битвы Великой войны в сентябре 1914 года. Выпускник высшего учебного заведения имел право сделать выбор в пользу понравившейся ему гвардейской части, однако кандидатуру соискателя должен был утвердить сам полковой командир. Для поступления в полк добровольцу было необходимо пройти полковые подготовительные учебные курсы и сдать экзамен на офицерский чин, набрав при этом не менее 8 баллов из 12 существующих, не уступая в этом поступающим из числа юнкеров. Еще проходя обучение в училище, по результатам учебы юнкера делились на три категории, принадлежность к 1-й категории давала возможность юнкеру получить чин подпоручика с предоставлением старшинства в чине в один год. В конце каждого года лучшие из юнкеров 1-й категории могли быть приняты в гвардейские полки. Автоматическое направление в гвардейские полки получали лишь те, кто закончил Пажеский корпус, или эскадрон, или сотню Николаевского кавалерийского училища. Выпускники этих двух учебных заведений, даже окончившие их по 2-й категории, также получали чин подпоручика, но без предоставления старшинства в один год. Имевшие несчастье окончить по 3-й категории выпускались в армию унтер-офицерами и свой первый офицерский чин получали на 6 месяцев позже, чем те их товарищи по учебе, что окончили курс по 1-й и 2-й категориям.

Служба по определенной военной специальности в вооруженных силах империи определялась, не без исключений, профилем военно-учебного заведения, которое закончил его выпускник. В течение последнего года в корпусе или училище его учащийся мог подать прошение в Главное управление военно-учебных заведений с просьбой о зачислении его по окончании в тот или иной полк Императорской Гвардии.

К прошению прилагался рапорт начальника училища с описанием качеств соискателя и его способности в будущем достойно войти в гвардейскую семью. Успех кандидата иногда был обусловлен не только личными качествами и внешним соответствием принятым в полку стандартам применительно к личности поступающего, но и его этнической принадлежностью. Так, лица шведского и финского происхождения попадали служить в 3-й Финский стрелковый батальон, в то время как остзейские немцы и представители германских

аристократических домов в большинстве своем служили в Конной гвардии. Преимущественно русскими по принципам комплектования оставались Преображенский и Семеновский полки. Не последнюю роль в выборе полка могли играть и семейные традиции кандидата. Иногда в течение двух столетий в одном и том же полку могло служить несколько поколений одной и той же знатной дворянской фамилии. На обсуждении кандидатуры в Офицерском собрании проводилась довольно свободная дискуссия, и предлагалось высказаться всем по предлагаемой кандидатуре. Результатом обсуждения являлось решение о поступлении кандидата в полк. Обсуждалось, как правило, впечатление, которое соискатель произвел на офицеров полка и генерала-командира. В принятии окончательного решения некоторую роль играло и мнение полковых дам. Впечатление от кандидата не в последнюю очередь могло складываться и из того, насколько соискатель службы в полку был склонен употреблять алкоголь. Для проверки этого качества в некоторых полках кандидату предлагался головной убор, наполненный алкогольным содержимым, для того чтобы молодой человек мог осушить его, показав тем самым либо умение оставаться трезвым даже после такой дозы, либо свою полную к тому неспособность. Умение «правильно» выпить требовалось от молодого человека и после поступления в полк. Мемуарист отмечает: «Умение выпить десяток стопок шампанского в офицерской артели было обязательным для кавалергарда. Таков был и негласный экзамен для молодых — надо было пить стопки залпом до дна и оставаться в полном порядке... Особенно тяжело приходилось некоторым молодым в первые месяцы службы, когда старшие постепенно переходили с ними на «ты»: в каждом таком случае требовалось пить на брудершафт. Некоторые из старших, люди более добродушные, сразу пили с молодыми на «ты», а другие выдерживали срок, и в этом случае продолжительность срока служила критерием того, насколько молодой корнет внушает к себе симпатию»[21].

В результате обсуждения кандидатуры Офицерским собранием полка выносился вердикт относительно приема в ряды полка соискателя на основании подсчета поднятых рук «за» и «против». Те, чье мнение о будущем сослуживце оказывалось отрицательным, должны были обосновать свою точку зрения. И вот когда решение наконец было принято, полковой адъютант оповещал начальника военно-учебного заведения соискателя. Ответ полка доводился до сведения юнкера, а ко-

пия решения Офицерского собрания уходила в Военное министерство империи и Главное управление военно-учебных заведений. Неблагоприятный для соискателя ответ передавался тому без разъяснений. Причиной

Вольноопределяющийся Кавалергардского полка в кирасе и парадном мундире

отказа зачастую мог явиться не только лишь видимый недостаток образования или военных познаний, но и незнание полкового и светского этикета, порой вольное обращение со старшими по званию или случайная оплошность по отношению к полковой даме. Мемуарист отмечал, что «носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из "рафинированных" полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении до поступления на службу полком собирались самые тщательные справки. А кавалергарды в некоторых случаях еще изучали родословную представлявшегося в полк молодого человека и проверяли несколько поколений назад его бабушек и прабабушек: не затесалась ли среди них какая-нибудь мадам, не подходящая по своему происхождению и тем самым портящая родословную. Ведь она могла бы передать по наследству плебейские черты своему потомству...»[22]

Поступление в Гвардию офицером не только давало счастливцу преимущество в один чин перед армейским офицером, но и накладывало на него неизмеримо большие обязательства в профессиональной и морально-этической области. Офицеры полка держались вместе. Их служебная и частная жизнь регулировалась многими уставными и неписаными законами, соблюдение которых гарантировало новичку плавное развитие карьеры в рамках избранной военной специальности.

Служебные будни гвардейского офицерства

Сама служба в гвардейском полку не отличалась по сути своей от таковой в армии, параллельно протекавшей на всех широтах необъятной Российской империи. Занятия, обучение воинским и общенаучным дисциплинам, хозяйственная работа, дежурства, участие в церемониальных мероприятиях и парадах, не говоря уже о такой неотъемлемой части службы, как дежурства во дворце или при особе Государя. Придворная служба была одной из важных составляющих отдельных гвардейских полков. Свободное время офицера было расписано между визитами в избранные столичные дома, посещением театра или участием в спортивных состязаниях иногда даже международного масштаба. Таковых, например, какими являются и по сей день Олимпийские игры. В 1912 году в команду России по конному спорту вошли представители Лейб-гвардии Конного полка, в том числе и Великий князь Дмитрий Павлович, служивший в полку в описываемое время.

«Историческая реконструкция» как часть досуга гвардейских офицеров

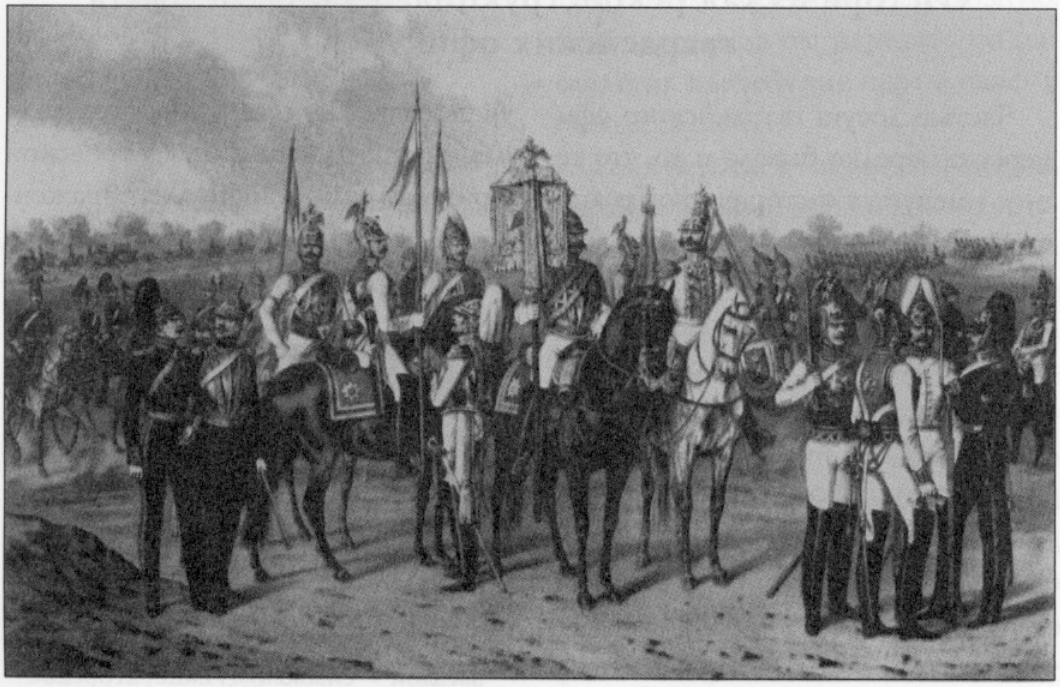
Частью досуга гвардейского офицерства нередко бывало и то, что теперь именуется «исторической реконструкцией». Многие полки бережно воссоздавали свои мундиры и атрибутику прошлых лет и участвовали в празднествах и торжествах, демонстрируя своего рода историческую преемственность и незыблемость полковых традиций. Воссозданная историческая форма полков принимала участие во всех сколь бы то ни было значимых российских общенациональных торжествах. Использовали ее и в дни празднования 200-летия битвы под Полтавой. Там подразделения так называемой Петровской бригады, включавшие Преображенский, Измайловский, Семеновский, Лейб-гвардии Егерский полки, а так-

Гвардейская лядунка с Андреевской звездой — символом Императорской Гвардии и девизом «За Веру и Верность»

же и наследницу «бомбардирской роты», 1-ю Лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду (все они принимали некогда участие в историческом сражении. — *Авт.*), со своими старинными знаменами прошли церемониальным маршем перед Государем Императором.

Полковые знамена и штандарты Гвардии

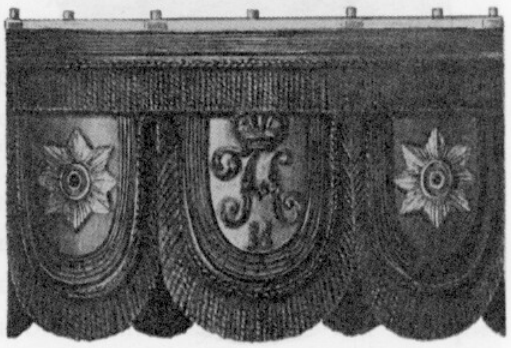
Знамя полка, или его штандарт были самыми священными для Гвардии реликвиями. Знамя гвардейского полка представляло собой изображение государственного герба в виде двуглавого орла и вензель самодержца. В годы последних двух царствований с 1881 по 1917 год к этим двум символам на гвардейских штандартах было прибавлено изображение Спаса Нерукотворного, дополнившего неразрывность государственной службы «За Веру, Царя и Отечество». Многие из гвардейских полковых знамен были с невероятными трудностями спасены из объятой пламенем Гражданской войны России, и в настоящее время 150 из них находятся еще у частных хранителей за пределами России, так как условием их воз-



Чины гвардейской кирасирской конницы эпохи Императора Александра II

вращения на родину последние представители русской Императорской армии ставили падение коммунистического режима.

Знамя Лейб-гвардии Гренадерского полка, отданное в 1950-е годы эмигрантами-ветеранами одноименного полкового объединения на хранение в гарнизон британских гренадер в Лондоне, летом 2004-го было передано британской стороной российскому президенту. Возмущение русской эмигрантской общественности этим фактом было велико, ибо даже потомки первой волны эмиграции, по рассказам своих пращуров, были осведомлены о том, какой реликвией в российской армии был полковой штандарт. Каждый гвардейский полк имел его лишь в единичном экземпляре. Старые боевые знамена по традиции подлежали хранению в полковых церквах, неподалеку от расквартирования в столице. Так, например, полковые знамена кавалергардов хранились в полковом храме на Захарьевской улице. У Лейб-гвардии Московского полка — в полковой церкви на Большом Самсоньевском проспекте (ныне улица Карла Маркса. — *Авт.*). У преображенцев — в алтарной части их родного Спасо-Преображенского собора. Сам храм находился рядом с Литейным проспектом. Знамена и штандарты выносились лишь в отдельных торжественных случаях, связанных, как правило, со знаменательными датами или юбилеем полка. Для двух первых кавалерийских полков «Старой гвардии» — Кавалергардского и Конногвардейского — был введен образец хоругвей и полотнище, прибитое к поперечной перекладине и подвешенное к древку на металлических цепях вместо прежних прибивных к древку полотнищ. Было изменено и число штандартов в полках. Вместо прежних шести, по одному на эскадрон, осталось лишь три — по одному на дивизион. Полку «Молодой гвардии» — Лейб-Кирасирскому Его Величества был дан измененный тип штандарта, прибивной, имевший желтые и синие углы. Образцы даруемых самодержцем штандартов менялись на протяжении почти 100 лет. Своего рода интересным исключением из общего стандарта полкового знамени явился Георгиевский штан-



Гвардейские литавры с вензелем Императора Николая II

дарт, дарованный Государем Николаем Павловичем кавалергардам, на котором было помещено изображение иконы Святых преподобных Захария и Елисаветы и который является единственным знаменем гвардейской конницы, сохранившим изображение полковой иконы. Одной из коллективных наград Гвардии были Георгиевские трубы, изготовляемые из серебра и несущие на своем корпусе крест, а также знаки на гвардейском головном уборе, на которых указывалась причина награждения, дата и место сражения, за которое было поощрено данное подразделение.

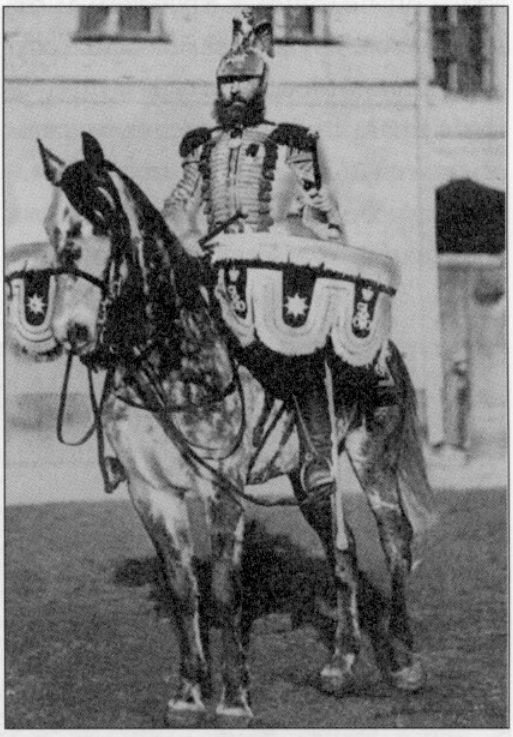
Участие гвардейцев в церемониалах и парадах

Довольно курьезным было месторасположение «квартир» Первой гвардейской бригады — кавалергардов и конногвардейцев. По свидетельству очевидца, «...наша Первая бригада... располагавшаяся в центре самого Петербурга; большую часть

Александр Алексеевич Желобовский, протопресвитер армии и флота

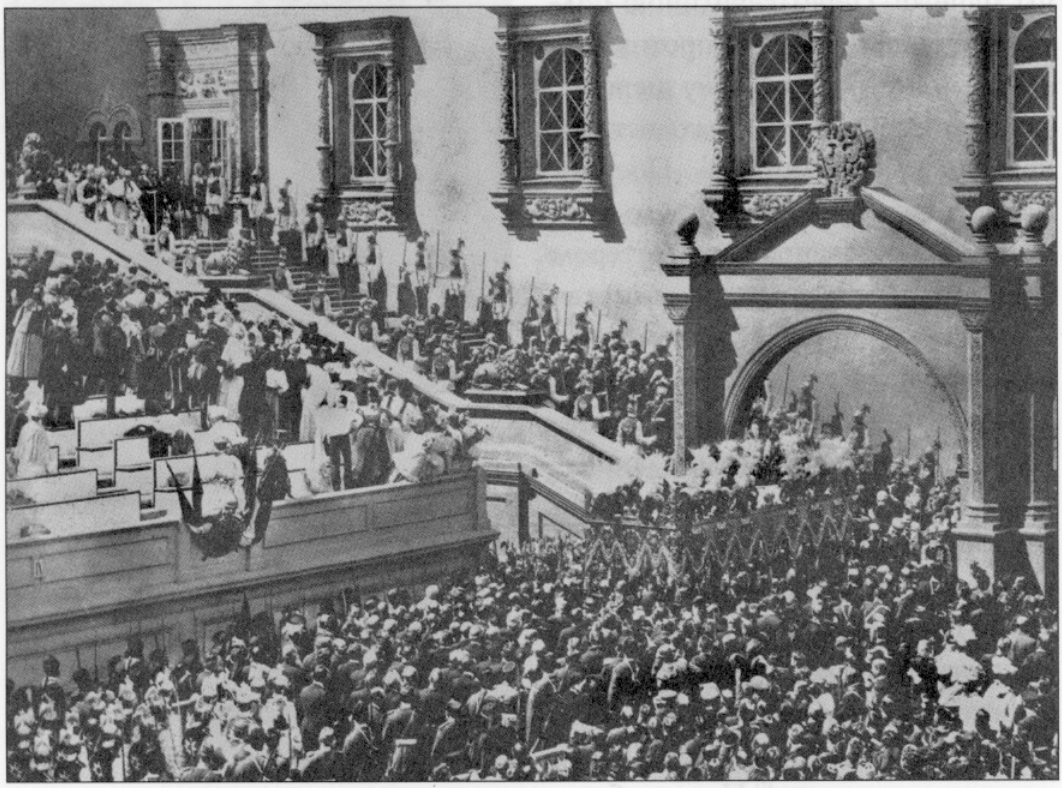
года мы не могли даже выехать в поле (для занятий. — *Авт.*), но зато заслужили прозвище «бюро похоронных процессий», так как были обязаны участвовать в конном строю на похоронах бесчисленного генералитета, проживавшего и умиравшего в столице. На этих церемониях, равно как на парадах, полк своим видом воскрешал в памяти давно отжившие времена... выступая в белых мундирах-колетах, а в зимнее время в шинелях, поверх которых надевались медные блестящие кирасы, при палашах и гремящих стальных ножнах и в медных касках, на которые навинчивались острые шишаки или, в особых случаях, посеребренные двуглавые орлы. Седла покрывались большими красными вальтрапами, обшитыми серебряным галуном. Первая шеренга — с пиками и флюгерами»[23]. Князь

императорской крови Гавриил Константинович поделился впоследствии в книге мемуаров личными впечатлениями о параде Конной гвардии, на котором побывал первый раз в жизни: «Мы поехали с лейтенантом Михайловым в Конногвардейский манеж и вошли в ложу, приготовленную для Императриц, Великих княгинь и полковых дам. Ложа была украшена коврами и растениями. Полк, в пешем строю, в белых мундирах и в золотых касках с золотыми орлами, занимал три стены манежа. Перед серединою полка, в глубине манежа, напротив входа, были выстроены в одну шеренгу, украшенные медалями, вахмистры с полковыми штандартами... Посреди манежа стоял аналой и около него полковой причт с протопресвитером военного и морского духовенства Желобовским во главе. Тут же стояли полковые певчие в белых конногвардейских фуражках и в синих кафтанах с красными рукавами, закинутыми за спину, с золотыми галунами. Такие кафтаны, похожие на польские кунтуши, носили все полковые певчие. Они отличались лишь расцветкой... Командир полка, князь Одоевский-Маслов, генерал с седеющей бородой, скомандовал: "Полк, смирно, палаши вон!" Палаши блеснули в воздухе, а трубачи заиграли полковой марш. Командир, с палашом "под высь", пошел навстречу главнокомандующему, остановился перед ним и, опустив палаш, отрапортовал... Наконец раздался выкрик: "Его Императорское Величество Государь Император изволит ехать!" Командир скомандовал: "Полк, смирно, палаши вон!" Вдали, в подманежнике, раздались голоса конногвардейцев, отвечавших на приветствие Государя. Манеж замер в ожидании Царя. Но вот отворились ворота манежа, и показался молодой Государь в конногвардей-



Литаврщик Кирасирского полка

ской форме, в сопровождении своего младшего брата, Великого князя Михаила Александровича... Государь подал руку командиру, подошел к стоявшим на правом фланге полка и тоже с ними поздоровался. После этого он подошел к трубачам и отмахнул им. Трубачи замолчали. Государь с ними поздоровался и поздравил с праздником; после этого начал обходить полк и с ним поздоровался: "Здорово, Конная гвардия!", и полк громко и ясно, слегка растягивая, ответил: "Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!" "Поздравляю вас с полковым праздником!", — крикнул Государь. "Покорно благодарим, Ваше Императорское Величество!" — ответил полк и тотчас весь закричал "ура!", а трубачи заиграли "Боже, Царя храни". За Государем шла большая свита. Обойдя полк, Государь стал посреди манежа. Трубачи сыграли "На молитву!", и полковой адъютант подвел штандарты к аналою. По команде командира полк снял каски на молитву, и начался молебен. Государь стоял на ковре, перед



Кавалергарды на коронационных торжествах по поводу восшествия на престол Государя Императора Николая II. 1896 г.

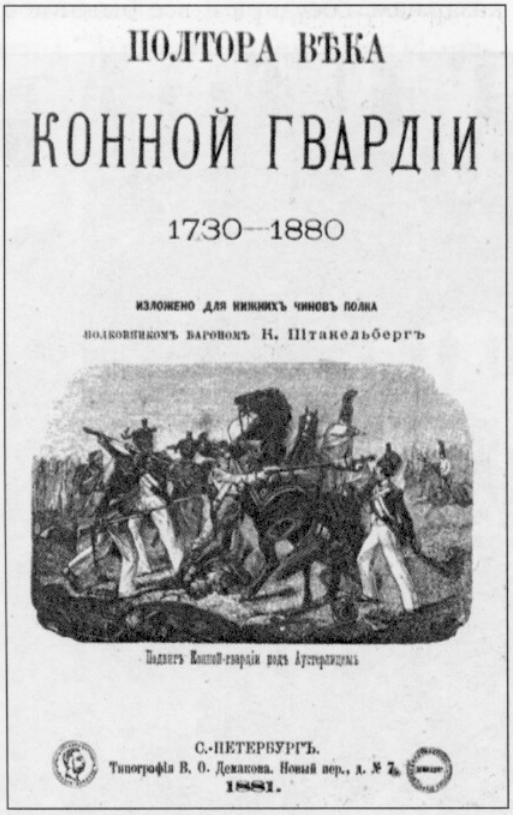
аналоем, а за ним Великие князья. Я помню среди них 18-летнего Андрея Владимировича, в кавалергардском мундире. По окончании молебна протопресвитер Желобовский окропил штандарты святой водой, а затем обошел полк, тоже кропя его святой водой. Государь с Великими князьями и начальством шел за ними. Я обратил внимание на то, что, когда Государю кадили, во время молебна, он кланялся, наклоняя только голову, а не голову и корпус, как делает большинство молящихся... По команде трубачи сыграли "отбой", полк надел каски, штандарты стали перед полком, и начался церемониальный марш. Полк проходил дважды мимо Царя, по полуэскадронно и справа по шести, и оба раза удостоился царского "спасибо"... По окончании церемониального марша Государь выпил за здоровье полка чарку вина и принял рапорт вахмистра лейб-эскадрона. Парад кончился, полк вышел из манежа и разошелся по казармам. Государь и все бывшие в

Эскадроны кирасирских полков Лейб-гвардии на коронационных торжествах по случаю восшествия на престол Государя Императора Николая II. 1896 г.

манеже вышли на двор, чтобы присутствовать при передаче первым взводом лейб-эскадрона штандартов конному взводу для отвоза их обратно в Зимний дворец и Благовещенский собор. Эта церемония всегда проходила на площадке между манежем и эскадронным флигелем»[24].

Юбилейные издания полковых историй гвардейских полков

Отдельно стоит сказать о роскошно изданных томах истории полков, публиковавшихся на полковые средства в конце XIX— начале XX века. Издания эти отличались небольшим тиражом и довольно большой стоимостью даже по тем временам. Так, при выходе в Кавалергардский полк его


ПОЛТОРА ВѢКА

КОННОЙ ГВАРДІИ

1730—1880

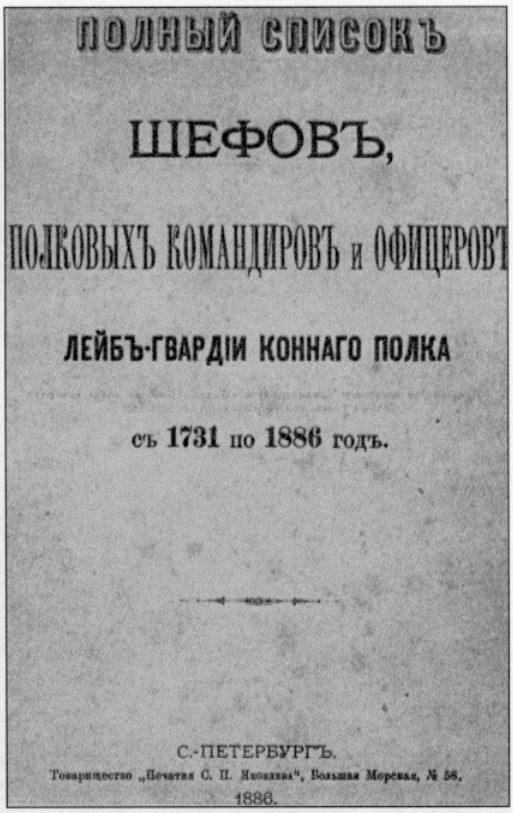
ИЗЛОЖЕНО ДЛЯ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ ПОЛКА

ПОЛКОВНИКОМЪ БАРОНОМЪ Н. ШТАКЕЛЬБЕРГЪ

Подвигъ Конной-гвардіи подъ Аустерлицемъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. О. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1881.

Первое осмысление пройденного пути полком Конной гвардии, выпущенное к его 150-летнему юбилею под редакцией Н. Штакельберга


ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ

ШЕФОВЪ,

ПОЛКОВЫХЪ КОМАНДИРОВЪ и ОФИЦЕРОВЪ

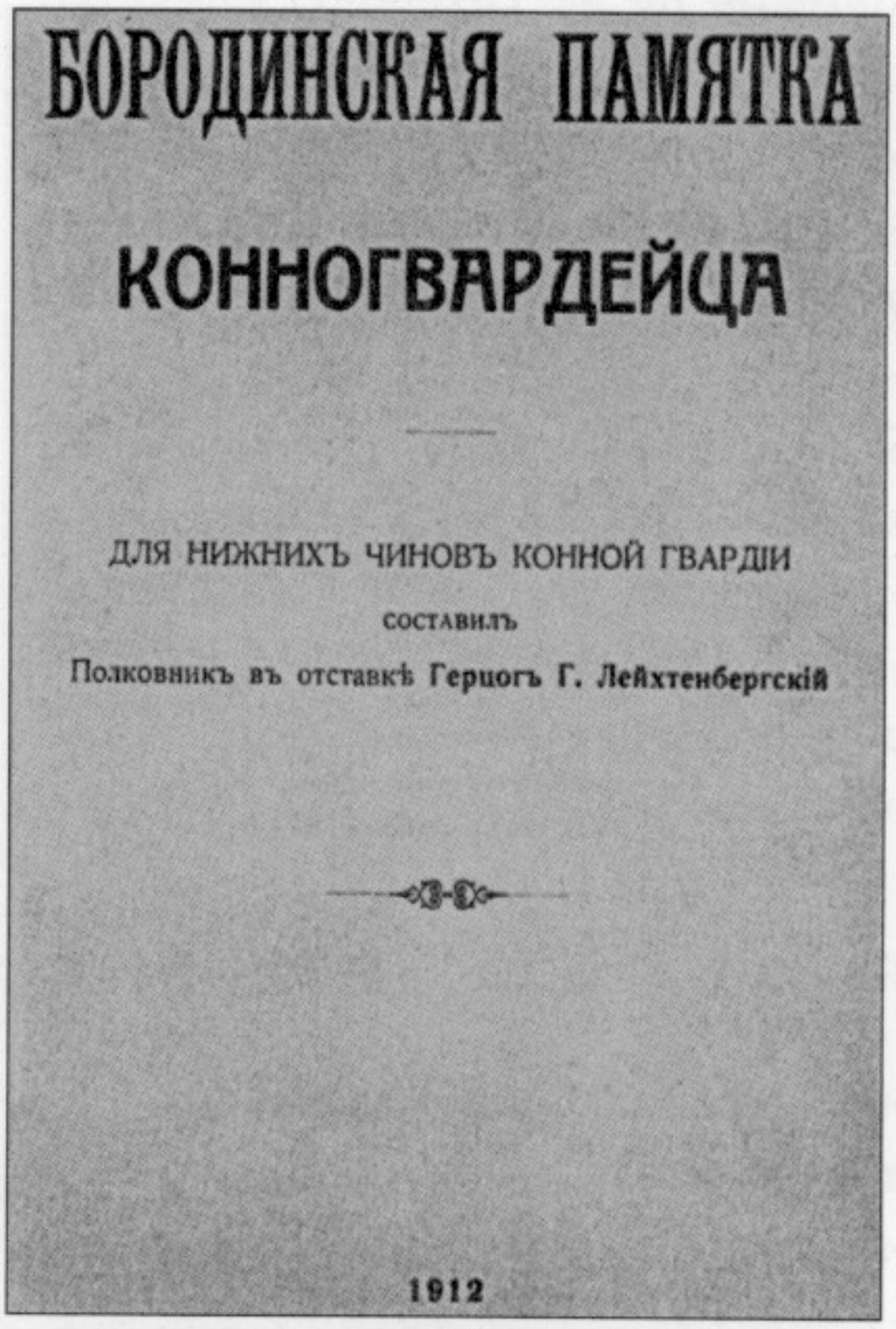
ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КОННАГО ПОЛКА

съ 1731 по 1886 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева", Большая Морская, № 56.
1886.

Полковые публикации Лейб-гвардии Конного полка последней четверти XIX века

офицеры были обязаны приобрести 8 томов издания: 4 — «Истории Кавалергардского полка» и 4 — «Сборника биографий кавалергардов», офицеров и чиновников, когда-то служивших в полку. За все тома из


БОРОДИНСКАЯ ПАМЯТКА

КОННОГВАРДЕЙЦА

ДЛЯ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ КОННОЙ ГВАРДІИ

СОСТАВИЛЪ

Полковникъ въ отставкѣ Герцогъ Г. Лейхтенбергскій

1912

Бородинская памятка конногвардейца

История Лейб-гвардии Конного полка, последовательно вышедшая в эмиграции в 3 томах (плюс том иллюстраций) с 1931 по 1965 г.

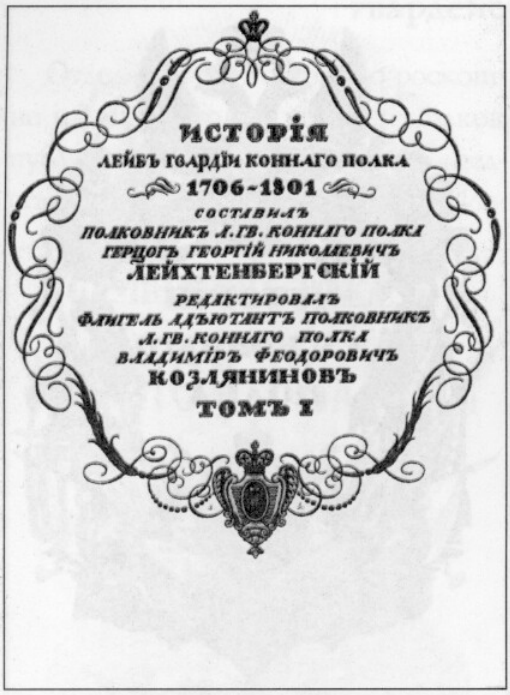
сударственных бумаг», обошлось полковым энтузиастам, собравшим многочисленные биографические и исторические сведения, в 131 725 рублей того времени. В стоимость расходов вошли издержки как на издание, так

офицерского жалованья удерживалось 100 рублей, что сопоставимо с 70 тысячами долларов США — стоимостью восьми томов в наши дни в антикварных магазинах.

Подобное издание, напечатанное в официальной типографии под названием «Экспедиция Заготовления Го-

и на сбор материалов, относящихся к теме, фотографии, заработную плату сотрудникам, разъезды и переписку с императорскими министерствами, государственным и частными архивами, а также стоимость канцелярских принадлежностей. Тома выходили попеременно с 1899 года, начав изда-

ваться в столетний юбилей полка, и их издание закончилось в 1912 году, в год столетия Отечественной войны, в которой не последнюю роль играли и Императорские Гвардейские полки. Все книги вышли под редакцией

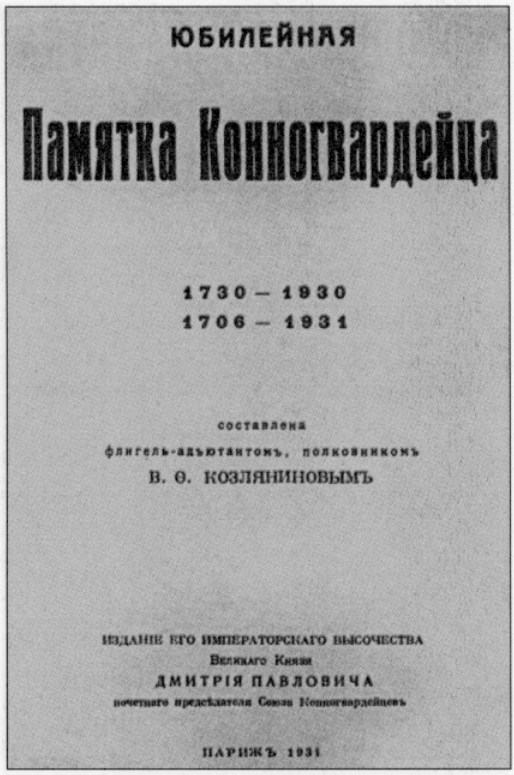

ИСТОРІЯ
ЛЕЙБЪ ГВАРДІИ КОННАГО ПОЛКА
1706-1801
СОСТАВИЛЪ
ПОЛКОВНИКЪ А.ГВ. КОННАГО ПОЛКА
ГЕРЦОГЪ ГЕОРГІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
ЛЕЙХТЕНБЕРГСКІЙ
РЕДАКТИРОВАЛЪ
ФЛИГЕЛЬ АДЪЮТАНТЪ ПОЛКОВНИКЪ
А.ГВ. КОННАГО ПОЛКА
ВЛАДИМІРЪ ФЕОДОРОВИЧЪ
КОЗЛЯНИНОВЪ
ТОМЪ I

Вышедшая в изгнании полковая история лейб-гвардии Конного полка

Сергея Алексеевича Панчулидзева, официального историографа полка.

В начале XXI века современными книгоиздателями была предпринята неудачная попытка переиздать один из томов «Сборника биографий кавалергардов», охватывающий биографии лиц, служивших в полку с 1801 по 1825 год. Однако у издателей современности, по-видимому, не хватило терпения и средств для успешного переиздания оставшихся семи томов.

В эмиграции в 1977 году известным историком Владимиром Владимировичем Звегинцовым был подго-


ЮБИЛЕЙНАЯ
Памятка Конногвардейца
1730 — 1930
1706 — 1931
составлена
флигель-адъютантомъ, полковникомъ
В. О. КОЗЛЯНИНОВЫМЪ
ИЗДАНІЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
Великаго Князя
ДМИТРІЯ ПАВЛОВИЧА
почетнаго председателя Союза Конногвардейцевъ
ПАРИЖЪ 1931

Известное «номерное» издание «Юбилейной памятки конногвардейца», вышедшее в Париже в 1931 г.

товлен и опубликован отдельный том, предназначавшийся дополнить пропуски информации первых 4 томов Биографий. Этот несомненно любопытный исторический труд можно было бы условно назвать «Кавалергар-

ды — декабристы». А именно в его содержание и вошли биографические данные офицеров полка — участников декабрьского мятежа 1825 года, чьи жизнеописания по соображениям придворного этикета редактор Панчулидзев не рискнул включить в начале XX века. Это уникальное теперь издание не раскупалось редкими советскими туристами в далекие от нас 1970-е годы в силу «пресыщенности» последних многочисленной литературой, издаваемой о декабристах в СССР. Апологетика заговора декабристов в виде расхожей беллетристики или даже «научных изысканий» в Стране Советов была поставлена на широкую ногу. По этим и другим объективным причинам труд эмигранта Звегинцова не нашел тогда своего читателя в России. Однако в наши дни ценность этой книги несомненна в силу многих бесценных сведений и ограниченности ее тиража.

Отношение к гвардейским заговорщикам, 14 декабря 1825 года решившимся на цареубийство и истребление Императорской Фамилии, недвусмысленно высказал Государь Император Николай Павлович, завещав похоронить себя в мундире Лейб-гвардии Казачьего полка, единственного изо всех гвардейских полков, чьи офицеры не участвовали в заговоре.

Гвардейский мундир

История гвардейского мундира вообще — обширная тема, коснуться которой автору хотелось лишь в самых общих чертах, настолько, насколько это относится к основной теме нашего повествования. Форма полков русской Императорской Гвардии претерпевала эволюцию, как и всякая военная форма Российской империи на протяжении всей истории ее существования. На «моду» гвардейского платья от ее начала неизменное влияние оказывали пристрастия российских самодержцев, формируемые иностранным воинским костюмом, если и не полностью, то во многих своих деталях заимствованных из европейских армий. Начало этой тенденции было положено Императором Петром I, обрядившим свою Гвардию в иноземные мундиры, скроенные по канонам «немецкого платья», как следствие Высочайшего указа о переходе всех подданных с 4 января 1700 года к ношению «европейской одежды». Первое награждение офицеров Преображенского и Семеновского полков за мужество при Нарвском

сражении в виде изображения двух скрещенных пальмовых ветвей, нанесенных на офицерские «шейные знаки», было напрямую заимствовано из шведской символики, служившей отличительным знаком штаб-офицеров

Нижний чин Лейб-гвардии Преображенского полка. На гимнастерке слева — полковой знак преображенцев, разработанный лично императором Петром Великим

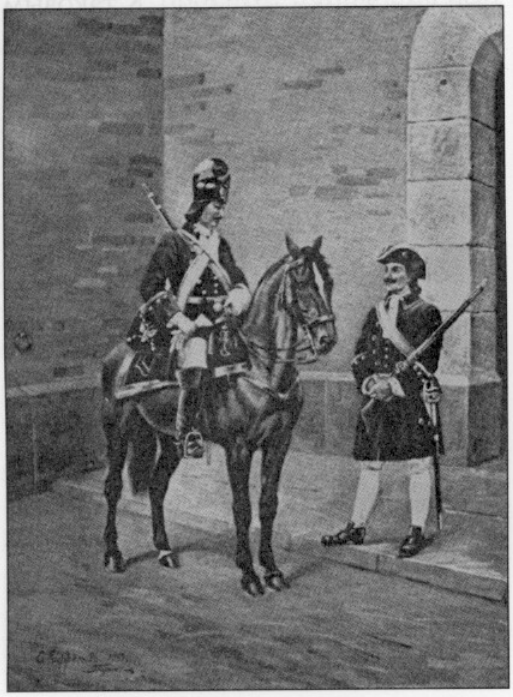
армии короля Карла XII. С течением времени Петр, уделявший достаточно времени обмундированию российской армии, внедрял элементы французской и немецкой формы, а спустя пять лет после указа о «европейской одежде» вся российская армия была обмундирована под стать армиям Европы. Гардероб гвардейцев составили треуголки, епанчи, двубортные кафтаны с широкими отворотами и обшлагами, штаны до колен (в летнее время), шитые или вязаные чулки и башмаки с пряжками. В 1712 году гренадеры Преображенского и Семеновского полков получили новые головные уборы, заказанные для них у шляпников Великобритании. Одной из примечательностей новых шляп стали султаны, состоявшие из трех перьев страуса, вставленные позади головного убора в специальную металлическую трубку. Новшество, завезенное с Британских островов, сохранялось в головном уборе российского гвардейца еще долгих 84 года.

С 1700 года Гвардия не получила строго регламентированной униформы; приличествующим для гвардейцев полагалось лишь соблюдение «полковых» цветов. В части украшения парадного мундира строгих ограничений не существовало, и состоятельные офицеры Гвардии порой соревновались между собой в количестве золотого шитья и искусно вышитого позумента, за которым едва угадывались фрагменты сукна, на которое наносился причудливый орнамент, и блестящая галунная отделка, призванная подчеркнуть торжествен-

ную парадность платья. Строевой вариант формы отличался более консервативным видом, на котором присутствовали знаки различия в виде офицерских знаков, цвета темляка или шарфа. Мундирный регламент как таковой появился в Российской империи лишь в 1720 году, определив гвардейскую форму во всех ее мелочах и сохранив ее на протяжении всего XVIII столетия в одном и том же виде: темно-зеленые мундиры, обшитые по галуну, воротнику, обшлагам и клапанам карманов золотом. Однако и в царствование Петра образцом одной из наиболее примечательных гвардейских форм являлся кавалергардский мундир, учрежденный императором в 1724 году. Состоявший из темно-зеленого мундира, богато расшитого золотом, с красными обшлагами, красных штанов, вышитых, как и камзол, золотыми галунами, и красного бархатного супервеста с серебряной восьмиконечной Андреевской звездой, он являл собой великолепие, призванное подчеркнуть торжественность церемонии коронования Екатерины I. На лядунки, «чушки» и черпаки кавалергардов были нанесены императорские вензеля, увенчанные короной. С той поры присутствие кавалергардов стало неотъемлемой частью коронационных и иных торжеств империи.

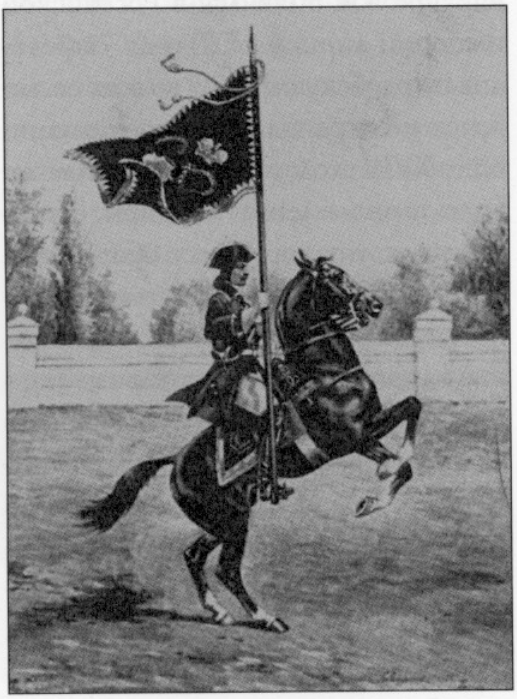
Пикет Кавалергардского полка выставлялся обычно перед залом, из которого намечался выход Императорской Фамилии, и правом входа «за кавалергардов» обладали придворные чины и дамы и высшие государственные чиновники империи. К таковым были причислены члены Государственного совета, сенаторы, статс-секретари и почетные опекуны, «дабы иметь счастье первым встретить Их Величества с Августейшей Фамилией при входе в церковь и откланяться при обратном шествии». При возвращении Их Императорских Величеств из церкви все лица, означенные выше, кроме придворных, а также штаб и обер-офицеры Кавалергардского полка, находящиеся в зале, становятся за кавалергардов, мимо которых шествуют возвращающиеся из церкви Императорская Фамилия, придворные чины и дамы; при желании члены Августейшей Семьи могли остановиться и заговорить с любым из присутствующих, стоящих «за кавалергардами», о чем шталмейстер двора каждый раз оповещал предполагаемого собеседника Их Императорских Величеств. Высочайшая беседа предполагала, что во время нее в зал могли входить генерал-адъютанты Свиты Его Величества, генерал-майоры и флигель-адъютанты, адъютанты Великих князей и состоящие при Их Императорских Высоче-

ствах генералы и генерал-губернаторы, военные губернаторы, полные генералы, адмиралы и лица в чине действительных тайных советников, а также состоящие при иностранных дворах российские послы и посланники.



Офицер и нижний чин Лейб-гвардии Конного полка эпохи Государыни Елизаветы Петровны

Великолепие мундиров Гвардии, оттенявших придворные торжества, получило существенное развитие еще в царствование Анны Иоанновны, при которой в 1738—1739 годах гвардейские полки стали отличаться погоном, носимым на левом плече, красного, зеленого или синего цвета. Штаб-офицеры в это царствование получили дополнительный ряд галуна по борту камзола. Анна Иоанновна положила начало и образованию Конной гвардии, переименовав в таковую Лейб-Регимент в своем указе от 4 ян-



Знаменщик Конной гвардии эпохи Государыни Елизаветы Петровны

варя 1731 года. Родившийся Гвардейский Кавалерийский полк был пышно обмундирован «по кирасирскому регламенту», с использованием материи высокого качества и наиболее дорогостоящих элементов отделки.

«Конная гвардия и кавалергарды были единым рыцарским орденом

империи, воплощавшим в себе блистательную и грозную красоту Императорской России. Цвет нации нес службу в их конных рядах, являвших собой живое российское рыцарство и живую российскую честь» — сказано в приветственном адресе кавалергардов к 200-летию Лейб-гвардии Конного полка, что в наибольшей мере рисует тесно переплетенные истории этих двух гвардейских подразделений. Парадные мундиры конногвардейских офицеров в царствование Анны Иоанновны несли оттенок пышного великолепия эпохи: золотые галуны, нашитые в виде петель по борту камзола, сочетались с расшитыми золотом обшлагами рукавов мундира, карманными клапанами, и его задним разрезом. Офицерские шарфы гвардейцев с 1730 года обрели традиционную «кирасирскую» расцветку — в них поразительным образом сочетались желтый и черный цвет. В царствование Елизаветы Петровны гвардейские офицерские знаки приобрели окончательную округлость и подковообразную форму. Серебряный позумент на офицерских портупеях с 1745 года заменен золотым, а серебряные крышки гвардейских лядунок стали покрывать позолотой. Во дни «веселой императрицы Елисавет», в 1746 году гвардейские обер-офицеры навсегда попрощались с плюмажами на шляпах, ставших привилегией гвардейских штаб-офицеров и армейских генералов. Особо стоит упомянуть великолепие мундиров чинов Лейб-кампании, гренадер, возведших Елизавету Петровну на трон. Возведенные в дворянство, уравненные в чинах с армейскими поручиками, эти последние гренадеры стали обладателями поражающей своим великолепием формы. Гренадерские шапки их были обтянуты красным сукном, на шапках красовались позолоченные металлические детали, а сами головные уборы венчали пышные султаны из белых и красных страусовых перьев. Одежду лейб-кампанцев составили зеленые кафтаны с красным подбоем, а также расшитые золотыми галунами красные штаны и камзолы. На шейных знаках их изображался вензель Императрицы в окружении воинской арматуры и тускло поблескивали выбитые даты ее восшествия на престол.

Для торжественных случаев лейб-кампанцев обряжали в кавалергардские алые супервесты с шитыми двуглавыми орлами и двойным золотым галуном и бахромой по краю. В то же время офицеры Конной гвардии немного уменьшили в объеме отделку своих мундиров, выглядевших теперь значительно скромнее против тех, что еще живо помнились всем, видевшим

оных во всем великолепии в прежнее царствование.

С кончиной Ее Величества новый Государь, которого притягивало все, что было связано с милой его сердцу Голштинией, немало потрудился, что-

Офицер и нижний чин Лейб-гвардии Конного полка эпохи Екатерины II

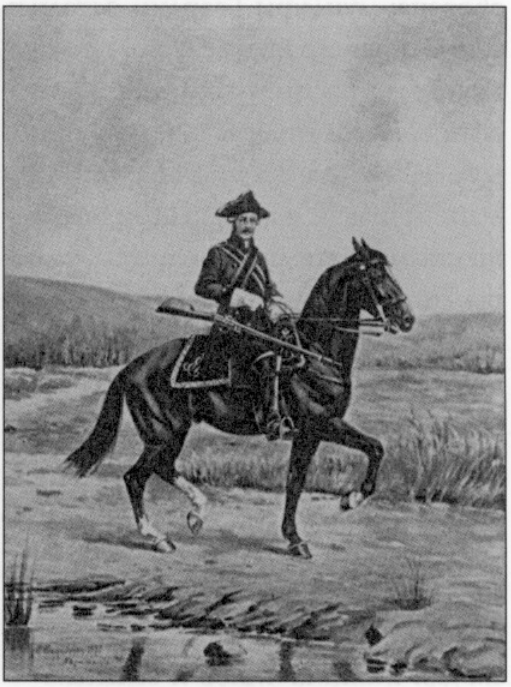
бы внести изменения в гвардейскую форму, переделав ее на прусский манер. Так, российские гренадеры получили шапки, форма которых была напрямую заимствована у прусской Лейб-гвардии.

С начала 1762 года Конная гвардия была обряжена в колеты лосиного сукна, с красным прибором, обложенные яркими золотыми галунами. К мундиру конногвардейцев добавились медные кушаки и ташки с золотой галунной выкладкой и красными суконными крышками, отчего вид униформы конногвардейцев не только не потерял, но даже приобрел новые, не менее привлекательные черты.

Воцарившись на троне, Государыня Екатерина II повела войну с прусским влиянием на армейскую и гвардейскую, в частности, моду. В отношении к гвардейскому мундиру здесь сказалось стремление новой Императрицы к некоему консерватизму в сохранении старых форм обмундирования, с возможностью отличия полков по мелким и второстепенным деталям мундира и аксессуаров, что простиралось даже на неоднородность украшения крышек лядунок и гренадерских сумок. Некоторые изменения в цвете обмундирования появились после 1775 года, когда красные штаны были заменены белыми суконными, которые при всех формах одежды носились с белыми полотняными башмаками. В изменяющихся формах военного мундира скользило излишнее щегольство, и проступали черты, формируемые во многом французским влиянием моды на гвардейскую форму. Совершенство головного убора или мундира достигалось нередко в ущерб его

практической пользе. С 1775 года, когда гвардейская кавалерия приросла Лейб-гусарским эскадроном и двумя конвойными Казачьими Донской и Чугуевской командами, это событие внесло дополнительные знаки отли-

Офицер-конногвардеец эпохи царствования Павла I



Офицер-конногвардеец эпохи царствования Павла I

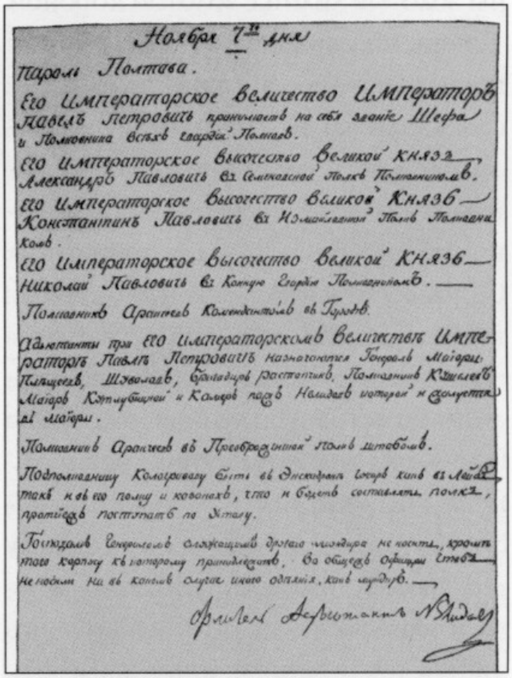
чия и варианты формы. Мундиры лейб-казаков были роскошно расшиты серебряными галунами и шнурами, а головным убором казаков стала шапка соболиного меха с красной лопастью, с белым султаном, декорированная красным и серебряным галунами. Весьма пестрое казачье обмундирование составлял красный верхний кафтан с зеленым подбоем, а также нижний белый кафтан, к которому полагались зеленые шаровары и желтоватые сапоги.

С 1790 года обе конвойные команды получили новую форму, состоявшую из шаровар и недлинной куртки либо красного цвета для Донской команды, что отделывалось серебряной обшивкой, или красной куртки с серебряными лацканами и голубыми откидными рукавами для Чугуевской. Цвет шаровар был по обыкновению черным для той и другой команды.

Царствие Павла I внесло некоторое унылое однообразие в прежнее многоцветие гвардейской формы, осужденное постфактум многими подданными Императора. Гренадеры получили новые головные уборы прусского образца; мундиры Гвардии остались темно-зеленого цвета с синеватым отливом и красным подбоем. Унтерофицеры получили в качестве рангового аксессуара трость, а в строю они маршировали с алебардами, выкрашенными в «полковой» цвет. Офицеры Гвардии получили эпонтоны в дополнение к шпаге, придававшие большую эффектность внешнему виду офицерства во время плац-парадов. Офицерский мундир стал одного покроя с таковым для нижних чинов. С самого начала 1796 года началось внедрение нового офицерского двубортного мундира с красным подбоем для нижних чинов и зеленым — для офицеров. Были введены красные галстуки для рядовых и для офицерства. С 16 декабря 1798 года, в связи с восприятием Государем титула Великого Магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, мальтийский белый крест на красном поле стал неотъемлемой атрибутикой на головном уборе гренадеров. Спустя 8 месяцев гренадерские налобники были украшены большим двуглавым орлом со щитом в центре, на котором располагался белый крест на красном поле. Над орлом был вензель Государя, и лента, на которой появилось слово «Благодать» в честь Анны Лопухиной, любимицы Государя, чье имя переводилось именно таким образом с древнееврейского языка. Семеновские и измайловские офицеры получили новые шитые петлицы, расположенные дополнительно еще и по борту, на карманных клапанах и на лифе. Рисунок петлиц оставался неизменным до последних дней этих полков в XX веке. Шитье, установленное для формы преображенцев, также осталось неизменным до конца существования Императорской Гвардии. И в царствование Павла Лейб-гвардии Конный полк не остался без внимания. Конногвардейцам было присвоено обмундирование армейского кирасирского образца, красные вицмундиры с синими обшлагами и воротником для офицеров. Кушаки различались цветами по эскадронам: оранжевые, бирюзовые, алые, фиолетовые и др. В 1797 году в ходе подготовки к коронационным торжествам по распоряжению готовящегося стать Государем Павла Петровича Кавалергардский корпус был снова сформирован. В каком числе формировался Кавалергардский корпус, официальных сведений той эпохи не сохранилось, однако в бумагах полное

его название звучало так: Кавалергардский Его Императорского Величества корпус. Государь оставил себе право назначать лично в него офицеров и унтер-офицеров. Чуть позже ставший шефом кавалергардов граф Литта получил от Императора право подбирать в корпус унтер-офицеров из числа чинов других гвардейских полков. Любопытно, что, командуя первым гвардейским кавалерийским корпусом, его сиятельство числился вице-адмиралом Балтийского гребного флота. Командование графа Литта корпусом продолжалось всего два месяца, и с 23 марта 1799 года командование кавалергардами принял генерал-майор князь Долгоруков.

Высочайшим указом кавалергардам были пожалованы мундиры кирасирского образца с подколетником и красным прибором. Для торжеств, одним из которых предполагалась быть предстоящая коронация, поверх кавалергардского колета надевался черный супервест с красной обшивкой; в частности для предстоящих торжеств кавалергарды собирались добавить к существующему платью кирасу с изображением черного двуглавого орла на груди и спине, а также такие экзотичные атрибуты формы, как наручи и набедренники. Головным убором становился серебряный шлем с султаном из белых страусовых перьев. В дополнение кавалергардам полагался шарф с бахромой, носимый через плечо. Впрочем, когда через полгода Кавалергардский корпус был расформирован, часть его доспехов перешла в виде церемони-


Ноября 7го дня

Пароль Полтава.

Его Императорское величество Императоръ Павелъ Петровичъ принимаетъ на себя званiе Шефа и Полковника всѣхъ гвардiи Полковъ.

Его Императорское высочество Великой Князь Александръ Павловичъ въ Семеновской Полкъ Полковникомъ.

Его Императорское Высочество Великой Князь Константинъ Павловичъ въ Измайловской Полкъ Полковникомъ.

Его Императорское Высочество Великой Князь Николай Павловичъ въ Конную Гвардiю Полковникомъ.

Полковникъ Аракчеевъ Комендантомъ въ Городъ.

Адъютанты при Его Императорскомъ Величествѣ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ назначаются Генералъ Майоры Плещеевъ, [illegible], Бригадиръ Растопчинъ, Полковникъ Кушелевъ, Майоры [illegible]

Полковникъ Аракчеевъ въ Преображенской полкъ штабомъ.

Подполковнику Кологривову быть [illegible]

[illegible]

[illegible]

Назначение Государем Павлом I шефами гвардейских полков своих сыновей — Великих князей

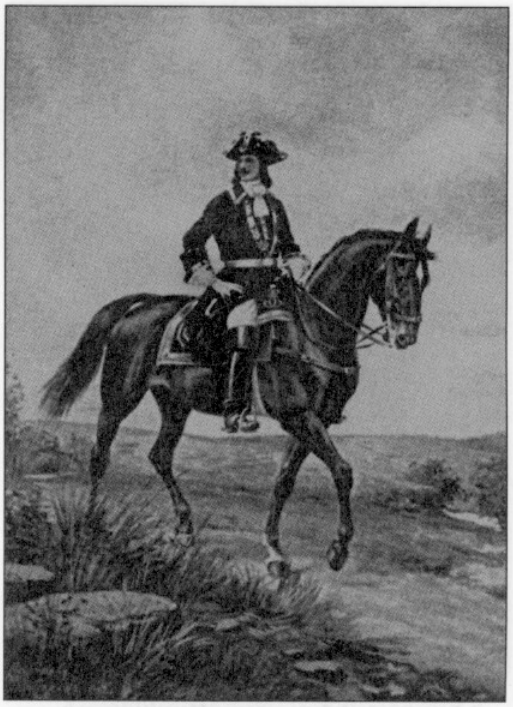
альной униформы в Лейб-гвардии Конный полк. Через полтора года после коронации Государя кавалергардам суждено было стать почетным конвоем Его Величества, принявшего на себя бремя Великого Магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, в связи с чем униформа этих стражей вновь претерпела некоторые каче-

ственные изменения. Для парадных случаев теперь супервесты почетной стражи стали малинового цвета с мальтийским крестом в центре и серебряными галунами. По углам подобного супервеста были расположены золотые лилии с золотой короной. Теперь на торжествах кавалергарды носили черные лакированные каски с накладным золоченым двуглавым орлом. Каски были украшены султанами, как всегда красными для нижних чинов и белыми — для офицерства. Одной из замечательных церемоний, в которых участвовали кавалергарды, в царствование Павла I в качестве гвардии-Магистра Мальтийского ордена был обряд возжигания костров накануне Иванова дня, с особым торжеством исполнявшийся у мальтийских рыцарей. К половине седьмого вечера в Павловском дворце собирались чины Совета, придворные, кавалеры и командоры Ордена мальтийских рыцарей, ожидая выхода Императорской Фамилии. Ровно в половине седьмого появлялся Государь в сопровождении членов Августейшей Фамилии, шествуя под звуки труб и литавр, за кавалерами и командорами Ордена, двигающимися в ряд по двое в новую Большую залу дворца. Император и Императрица занимали свои места на троне, и Нарышкин подносил на золотом блюде факел. Одновременно с этим пажи подавали факелы членам Священного совета. Далее Император в сопровождении членов Священного совета следовал на площадь перед дворцом к приготовленным заранее девяти кострам. Процессию открывал церемонимейстер Иерусалимского ордена, за которым следовали, начиная с младших чинов, члены Ордена, четыре священника, четыре секретаря, капитан гвардии (как правило, это был шеф Кавалергардского полка князь Долгоруков) и множество придворных, начиная с оберегермейстера до гофмаршала и т.д. На площади эта пышная процессия трижды обходила костры, затем присутствовавшие на церемонии камергеры Двора Великого Магистра зажигали свои факелы. Император зажигал первый костер; за ним следовали члены Священного совета, поджигая другие костры, передавая далее свои факелы по старшинству орденских званий и придворных чинов. Императрица и Великие княжны наблюдали дымящие костры из специально устроенной по такому случаю пышно разукрашенной палатки. После возвращались во дворец прежним порядком. На утро следующего дня, в праздник Св. Иоанна Предтечи и в праздник Св. Иоанна Иерусалимского, весь Кавалергардский корпус со штандартом по обыкновению рас-

ставлялся внутри Павловского дворца от Колонной до Кавалерской залы. После литургии и молебна производился 101 пушечный выстрел. Затем все лица, участвующие в церемонии, приглашались за обеденный стол с Императорскими особами. Князь Долгоруков недолго командовал кавалергардами, по повелению Государя был заменен генерал-майором Уваровым, большим знатоком кавалерийской службы. С 11 января 1801 года Кавалергардский полк был уравнен с остальными гвардейскими полками, утеряв прежнее преимущество. Они поступили в общий состав войск, удерживая первое место в ряду кавалерийских полков и сохранив дарованное полку Петром I преимущество — иметь из своих офицеров стражу у трона во время священного обряда венчания на царство монархов российских.

Для внеслужебного ношения чинам корпуса полагался вицмундир красного цвета с черным прибором и белым подбоем. Сей вицмундир имел белые пуговицы; в довершение всего к нему полагался золотой аксельбант и эполет на левом плече. Офицерский вицмундир имел еще и бархатный прибор, а также широкий золотой галун. Перемена в гвардейской моде дошла и до других полков: лейб-гусарам присвоили зеленые ментики с соболиной опушкой. Для лейб-гусарского офицерства предусматривалось ношение барсовой шкуры с красным подбоем и обшивкой из серебряного галуна.

Этот новый, по существу декоративный, атрибут лейб-гусарского платья

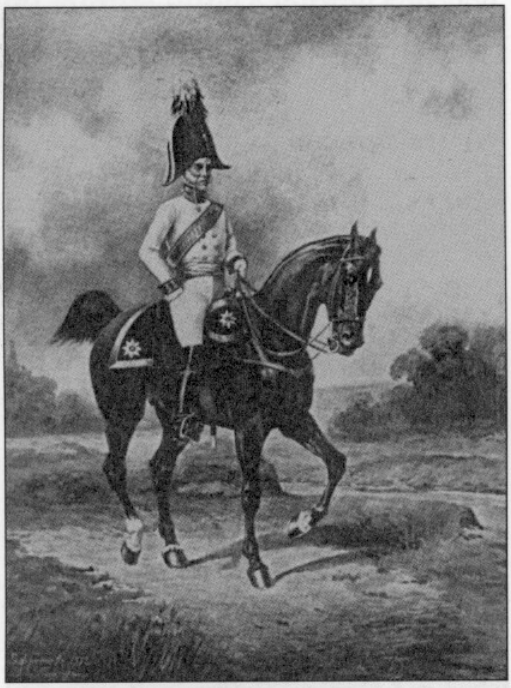


Чин Конной гвардии эпохи Государыни Елизаветы Петровны

носился наискосок через правое плечо. Скреплялись задняя и передняя лапы барса на груди серебряным медальоном с накладным золотым императорским вензелем. Вместо прежних меховых шапок голову гусара отныне украшал кивер с желтыми шнурами.

Чуть меньше изменения в униформе коснулись лейб-казаков, которые

получили в это царствование темно-синий кафтан со стоячим воротником да серебряные шнуры на офицерские шапки. После цареубийства в ночь с 11 на 12 марта 1801 года взошедший на престол Государь Александр I приложил немало усилий по дальнейшему украшению гвардейской формы, проводя множество часов в разработке новых моделей обмундирования, вникая в самые незначительные детали и конструируя новые образцы. Прически Гвардии тоже не были обойдены монаршим вниманием. 9 апреля 1801 года Высочайше повелено было всем военным чинам обрезать букли, а косу укоротить до 4 вершков. Покрой мундира подвергся дальнейшим изменениям, что окончательно закреплено было новыми регламентациями — «мундирными штатами» в 1802 году. В Гвардию, да и в целом в армию пришли новомодные мундиры фрачного покроя, с отсутствующими лацканами, новым высоким стоячим воротничком взамен устоявшейся традиции кафтана, пришедшего в армию из XVIII столетия. Казалось, александровская эпоха стремилась изо всех сил



Офицер Лейб-гвардии Конного полка эпохи Императора Александра I

Офицер Лейб-гвардии Конного полка эпохи Императора Александра I

наверстать упущенные в прежние, павловские, времена новшества в армейской моде, в частности от державших марку первых щеголей европейских армий — британцев.

Уже в конце 1802 года были утверждены новые гвардейские штаты, в соответствии с которыми мундиры стали короче, французский покрой обшлагов вытеснил прусский, галунные петлицы гвардейской пехоты были упразднены, изменился покрой солдатской шинели. Офицеры также получили в качестве обмундирования шинель для холодного времени года точно такого же покроя, как и солдатская, но с широкой и круглой пелериной. Каски сохранялись какое-то время, но с 19 октября 1804 года для повседневного ношения были введены цилиндрические суконные шапки, или кивера, с пристяжными козырьками, украшенные широкими султанами, высотой до полуметра, вставлявшимися в особый кармашек, обшитый кожей. Под султаном крепился и репеек цвета, присвоенного данному батальону.

17 сентября 1807 года были введены эполеты, которые до 1809 года носились лишь на левом плече, сохраняя место на правом для аксельбантов, и новый покрой генеральских мундиров, над которыми российские военные иронизировали, говоря, что они скорее похожи на ливрею камердинера, нежели на мундир военачальника.

В 1808 году кивер российского нижнего чина приобрел характерные черты кивера французской пехоты двухлетней давности. В том же

Литаврщик эпохи царствования Александра I

году гвардейские офицеры получили новые знаки, отличные от тех, что бытовали в их обмундировании в прежнее царствование. Знаки эти были меньшими по размеру и имели более округлую форму в сопоставлении с прежними.

В январе 1812 года изменился покрой воротничков, а за два месяца до

этой перемены гвардейские ряды пополнились новым полком — Лейб-гвардии Литовским, обмундированным в мундиры с красными воротниками, лацканами и обшлагами. Петлицы и знаки этого полка были такими же, как и у Лейб-гвардии Финляндского полка и Лейб-гвардии Егерского.

Успехи российского оружия в Отечественной войне 1812 года сделали образ русского солдата весьма популярным в союзнических армиях, постаравшихся заимствовать даже некоторые элементы обмундирования у российской Императорской армии, в частности переняв даже форму кивера, который был введен в армии прусской, а затем и некоторых других европейских армиях. И хотя в минувшей войне французская армия потерпела поражение, даже спустя пять лет после нее в российской армии и гвардии продолжались «нововведения» вроде пехотного кивера, напоминавшего его французский оригинал.

Фигура конногвардейца в форме эпохи Александра I

1813 год стал временем, когда изрядно дополненная новыми полками (Лейб-кирасирским, Лейб-гренадерским и Павловским) российская Императорская Гвардия была разделена, подобно французской на «Старую» и «Молодую», о чем мы уже упоминали выше, однако окончательно их гвардейский статус был закреплен спустя два года, в феврале 1815 года. Офицерам «Молодой гвардии» были пожалованы знаки гвардейского образца и Андреевские звезды на черпаки и чушки. Изначально «Молодая гвардия» имела преимущество перед армейскими в один чин, в то время как «Старая» — в целых два. Нижние чины «Молодой гвардии» носили басонные петлицы белого цвета, а не желтого. Лейб-гвардии Павловский полк сохранил в качестве награды за Фридландский бой с французскими войсками старые гренадерские шапки образца 1802 года. Через пять лет после победоносного окончания Отечественной войны дошла очередь и до модификаций униформы «Старых гвардейцев» — чинов Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерских полков.

Менее года спустя сформированным в Царстве Польском на правах «Старой гвардии» Литовскому и Волынскому полкам были присвоены такие же мундиры, что и в Лейб-гвардии Московском и Финляндском. Разница была лишь в том, что у варшавских гвардейских полков цвет красный прибора и выпушка мундира были заменены на желтый, а приборный металл головного убора был изменен с позолоченного на посеребренный. В том же 1818 году у офицеров гвардейской пехоты и кавалерии были заменены шейные знаки, по образу своему приближенные к французским. Эти знаки имели форму полумесяца с расположенным в центре российским государственным гербом — двуглавым орлом, восседающим на воинской арматуре. Обер-офицеры Преображенского и Семеновского полков получили привилегию сохранить по сторонам орла прежнюю надпись «1700/№ 19».

В начале царствования Государя Александра Павловича мундиры главных кавалерийских полков Гвардии — Кавалергардского и Конного — остались без изменений. Сменили лишь головные уборы и покрой воротничков мундира, однако затем перемены в обмундировании последовали довольно часто. Сначала летом 1801 года были отменены кирасы, годом позже кавалергарды получили колеты с высоким красным воротником, красным обшлагом и отворотами фалд. В 1803 году всем строевым чинам Кавалергардского и Конного полков в виде парадного головного убора было предписано носить кожаные каски с гребнем, с плотным волосяным плюмажем, белым у офицерства и черным — у рядовых. Все каски имели на медном налобнике Андреевскую звезду. В конце 1803 года кавалергарды получили такие же колеты, как и конногвардейцы, с той лишь разницей, что пуговицы колетов были белыми, а не желтыми, как в дружественном полку. В 1807 году кавалергардам было указано носить на левом плече серебряный эполет, в отличие от конногвардейцев, носивших золотой. В 1808 году плюмажи на кавалергардских и конногвардейских кирасах уступили место подстриженным гребням конского волоса черного цвета, кроме музыкантов полков, имевших гребни красного цвета. В 1812 году оба полка получили черные лакированные кирасы, скреплявшиеся на плечах ремнями с латунной фигурной чешуей, на поясе — ремнями из красной кожи.

Новый 1813 год прибавил к семье тяжелой гвардейской кавалерии новый полк, названный Лейб-гвардии

Кирасирским. Через пять лет в Варшаве сформировался Лейб-гвардии Подольский Кирасирский полк. Весна 1814 года принесла новшества в гвардейский мундир: двубортные колеты всех чинов и офицерские вицмундиры заменили однобортные на 9 пуговиц, в таком виде просуществовавшие до конца царствования Государя Императора Николая I. В том же 1814 году в Варшаве был сформирован еще один полк «Молодой гвардии», названный Лейб-гвардии Конно-Егерским и собранный в пригороде Парижа — Версале из отборных кавалеристов. Полку были присвоены «польские» обшлага однобортного мундира с красным прибором и петлицами. В 1815 году появился Лейб-гвардии Жандармский полуэскадрон, получивший кирасирское обмундирование. Цвет жандармских светло-синих колет, правда, без упоминания о посеребренных пуговицах и желтых петлицах на воротнике и обшлагах с желтыми гарусными аксельбантами на левом плече и золотыми эполетами был обыгран в стихотворении Лермонтова: «Прощай, немытая Россия,/Страна рабов, страна господ,/И вы, *мундиры голубые*,/И ты, им преданный народ», спустя двадцать с лишним лет.

Через четыре года, в 1818-м, в столице Царства Польского был сформирован Лейб-гвардии Уланский Цесаревича Великого князя Константина Павловича полк, которому присвоили ту же форму, что носил старый Лейб-гвардии Уланский полк. К ней добавился белый приборный металл и шапка желтого цвета.

Незадолго до конца александровского правления взоры Государя были обращены на определение полковых различий по мастям лошадей. Произошло это знаменательное событие в 1823 году, когда, например, Кавалергардскому полку Высочайше назначено было иметь лошадей гнедой масти, Конному — вороных, а Лейб-гвардии Кирасирскому — рыжих. Отбором лошадей для обер- и штаб-офицеров в кавалерийских полках заведовал особо назначенный на эту должность офицер, заведующий конюшней, тщательно следящий за тем, чтобы в полковой конюшне кони соответствовали учрежденной для полка масти. Обычай этот благополучно дожил и до XX века, о чем можно прочитать в мемуарах гвардейского кавалериста: «Велико, однако, было мое разочарование, когда заведующий офицерской конюшней и безапелляционный эксперт поручик Петька Арапов определил, что оба мои красавца, имеющие свыше четырех вершков роста, не кони, а крысы и по-

этому непригодны для строя в эскадроне, называемом "эскадроном Его Величества". Действительно, они казались малы среди пяти- и шестивершковых светло-гнедых коней. Надо было опять искать лошадь»[25].

Рядовой Кирасирского полка эпохи Государя Николая I

Август 1825-го, последнего года правления Александра I, внес изменения в высоту султанов на киверах гвардейской пехоты, которые были заменены круглыми шерстяными султанами желтого цвета для солдат и из канители серебряного цвета — для офицерства.

Последовавшее за исчезновением Императора в декабре 1825 года царствование его младшего брата, Николая Павловича, не было столь «бурным» для гвардейского мундира. Во-первых, основные перемены уже были сделаны в прежние годы, во-вторых, практической необходимости в частом изменении фасона и покроя,

Бронзовая фигура Государя Императора Николая I в гвалергардском мундире. Литье середины 1850-х гг.

а также цвета и иных свойств гвардейского мундира не было. Перемены происходили главным образом в соответствии с эстетическими воззрениями на военный мундир нового Государя. Именно в эту эпоху образ русского военного мундира меняется в значительной мере в сторону «французских» образцов ушедшей

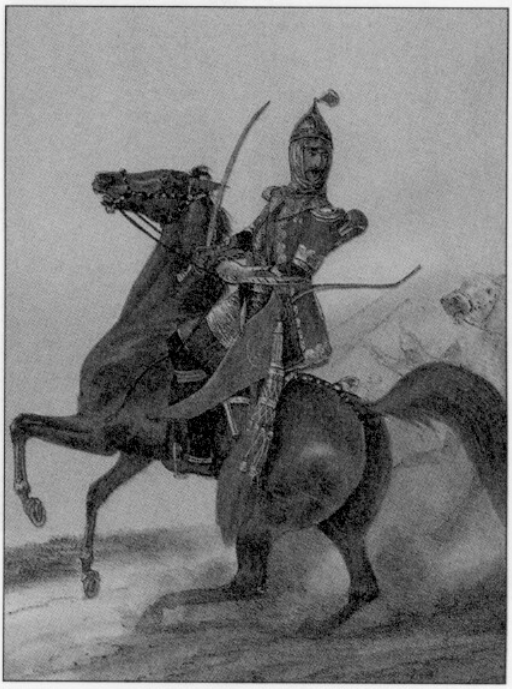
эпохи Наполеона Бонапарта. Государь подолгу размышлял о переменах в гвардейской униформе, которые виделись ему необходимыми, и лично создавал акварельные эскизы, навеянные его юношескими восторгами перед медвежьими шапками гренадеров «Старой гвардии» Бонапарта и кирасирскими касками с круглым плюмажем кавалеристов маршала Сен-Сира. Уже в 1826 году пехота получила темно-зеленые штаны с выпушкой по шву, взамен прежних зимних панталон с крагами. Еще год спустя ряд гвардейских полков получили эполеты с чешуйчатой шейкой, прямой для солдат и изогнутой для офицерства, и пятиконечными золочеными звездочками для серебряных эполет и серебряными — для золотых. По прошествии двух лет перемены наконец коснулись и мундирных пуговиц, получивших отныне рельефное изображение государственного герба Российской империи. Покрой мундиров гвардейской пехоты оставался неизменным все царствование Николая Павловича. Роте Дворцовых гренадер были приданы высокие медвежьи шапки с этишкетом из золотого шнура и золоченой вставки в нижнем углу в центре, на которой был изображен гвардейский орел в ореоле света. Мало того, перевязи, портупеи и ружейные ремни рядовых и унтер-офицеров были обшиты золотым галуном с красной выпушкой по краям. Внешний шов штанов был также выложен золотым галуном. Некоторые дополнительные нововведения не обошли и гвардейскую пехоту, получившую в 1828 году еще одну модификацию кивера, который отличался от устаревшего оригинала своей высотой и шнуровым этишкетом иной формы вокруг верхнего края. У нового кивера наличествовали два плетешка с кистями. Небольшие изменения претерпел и рисунок киверного герба. Любопытно, что в том же 1828 году для Собственного Его Им-

Офицер Лейб-гвардии Конного полка эпохи Императора Николая I

ператорского Величества конвоя создан был на правах «Старой гвардии» Лейб-гвардии Кавказско-горский взвод, через два года развернутый в полуэскадрон. Стоит упомянуть обмундирование команд Конвоя, отличавшееся особенной восточной роскошью и пестротой, что придавало конвойным командам почти фантастический вид, стиравший грани между современностью и давно канувшими в Лету эпохами. Так, например, чинам Кавказско-горского полуэскадрона при парадной форме полагались стальные кольчуги, поверх которых надевались алые куртки, обшитые серебряными галунами. К этому добавлялся стальной шлем при кольчужной брамице и железные наручи. Вооруженные не только огнестрельным оружием, но и луками, саблями и кинжалами, чины полуэскадрона могли показаться заблудившимися во времени кочевниками, чудом оказавшимися при дворе Николая Первого. Достоин упоминания экзотический наряд лезгин, входивших в состав Конвоя.

Их синие архалуки, нижние кафтаны, сочетались с верхними алого цвета, у которых были откидные рукава. Верхние кафтаны, именовавшиеся на лезгинском «чоха», по обыкновению расшивались серебряными галунами. Дополнялся этот каскад цветов вполне соответствующими ему меховыми шапками с красным верхом.

Радостное известие пришло в 1831 году в Лейб-гвардии Павловский и Лейб-гвардии Гренадерский полки. Государем были жалованы им



Офицер Горского эскадрона Императорского Конвоя. Акварель 1830-х годов

права «Старой гвардии», и наконец белый басон их мундиров был заменен желтым, гвардейским.

1831 год стал временем пополнения гвардейского корпуса в Варшаве двумя новыми гвардейскими полками — Короля Прусского (после 1914 года — Лейб-гвардии Санкт-Петербургский) и

Императора Австрийского (после 1914 года — Кекскольмский). Оба полка получили мундиры гвардейского образца с красными лацканами, что, по существу, повторяло цветовую гамму мундиров Лейб-гвардии Гренадерского и Лейб-гвардии Павловского полков. Небольшие детали рознили новые полки, в которых прибор был металлическим, белым, а гренадерские погоны — желтыми, равно как и киверные гербы. Офицерам двух новых полков в утешение за однообразие формы были даны эполеты серебристого цвета гвардейского образца с золотыми вензелями и шитые серебром петлицы.

Блюдо с портретом Государя Императора Николая I — одна из реликвий полкового музея Лейб-гвардии Конного полка

В конце этого славного царствования для офицеров и генералов Гвардии в дополнение к парадной шинели с пелериной была введена и шинель походная. Покроем своим она походила на солдатскую, сшитую только лишь из очень плотного сукна. В качестве отличительных признаков чина на шинели гвардейскими модельерами были приделаны на суконной основе галунные погоны. Чин, носимый владельцем шинели, определялся количеством просветов между полосками галуна, а на полковую принадлежность его указывал цвет бокового канта погона. Генеральский погон полностью покрывался широким галуном с зигзагообразным рисунком.

Бронзовая фигурка конногвардейца

Гвардейским кирасирам царствование Государя Императора Николая Павловича принесло новые медные шлемы в феврале 1846 года. Шлемы декорировались так называемыми

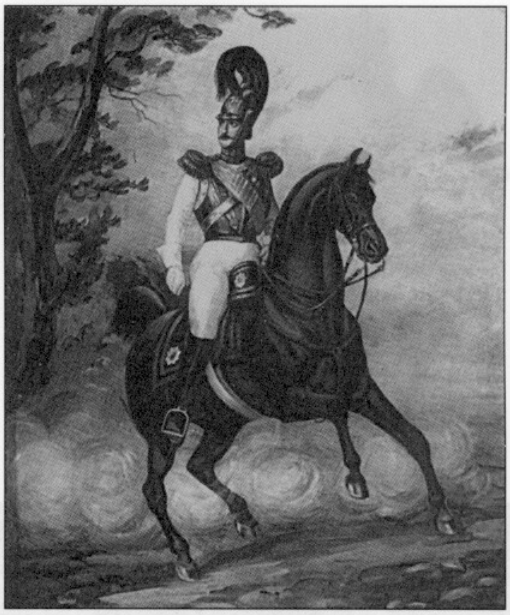
съемными навершиями в виде парадных орлов или горящей гранаты (Гренады), а для удержания касок служили чешуйчатые подбородные ремни по цвету приборного металла. Каски повседневные носились с ви-

Реформированный шлем гвардейских кирасирский полков

сячими султанами из конского волоса, а для парадных случаев к верхней обкладке шлема привинчивался посеребренный двуглавый орел. В том же славном году кирасы гвардейской тяжелой кавалерии стали полностью медными.

Надобно заметить, что лет за пять до внесения изменений в металлические, декоративные детали формы гвардейских кавалеристов, о которых мы говорили выше, для несения внутренней дворцовой службы чины Кавалергардского и Конного полков получили красные супервесты. Были супервесты сшиты из сук-

на средней толщины, на груди и спине кавалергардам полагалось иметь восьмиконечные звезды с вензелем «А», расположенным по центру, а конногвардейцам — двуглавых орлов.



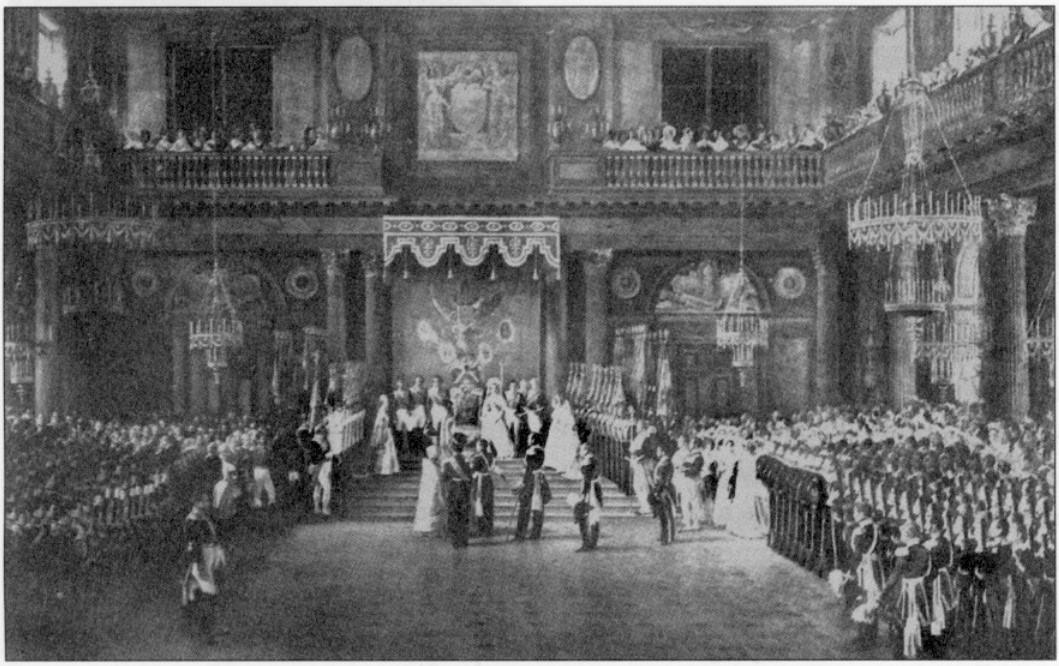
Государь Император Николай I в форме Лейб-гвардии Конного полка

Изменения мундиров и формы коснулись при Государе Императоре и лейб-гвардии казаков, и лейб-гвардии гусар, и конно-егерей, переименованных еще в 1831 году в Лейб-гвардии Драгунский полк. В 1844 году лейб-драгунам были пожалованы пехотные каски с черными султанами. Немногие гвардейские части, которых в долгое царствование Николая I не коснулось массовое переобмундирование,

можно пересчитать по пальцам одной руки, а именно: саперы, конно-пионеры и артиллеристы, они отделались лишь сменой головных уборов при сохранении прежних приборных металлов и петлиц. Вместе с расформированием в 1862 году конно-пионерского эскадрона канул в Лету и его мундир.

«Реформированная» каска с навершием в виде орла для гвардейских кирасирских полков

Новое царствование Государя Императора Александра Второго ознаменовалось подлинно революционным отказом от колетов и мундиров фрачного типа. На смену им в марте 1855 года были введены двубортные длинополые полукафтаны, с воротниками, срезанными так называемым тупым углом, и лацканами, эволюционировавшими в настежной пластрон, надеваемый при определенных формах одежды. В 1858 году изменился покрой солдатской шинели, получившей отложной воротник и карманы в полах, оставшейся по-прежнему од-



Приём во дворце в эпоху Александра II

нобортной. В конце мая 1857 года изменился государственный герб империи, что нашло свое отражение и в смене рисунка на гвардейских головных уборах. Орел теперь выглядел несколько иначе: крылья птицы были распластаны, вдоль них расположились титульные гербы, хвост развернут. Над головой были помещены три императорские короны, в обе лапы орла вложены скипетр и держава. В 1859 году Лейб-гвардии Атаманский полк получил права «Молодой гвардии». Спустя восемь лет после этого знаменательного события парадные чекмени лейб-казаков было положено расшивать на груди, подобно гусарским доломанам, восемью рядами шнура: шерстяного для рядовых и серебряного для офицерских чинов. Парадные лосины и ботфорты кавалергардов и конногвардейцев были оставлены в качестве архаичного атрибута, призванного символизировать связь времен, лишь для несения дворцовых караулов, когда поверх колетов надевался супервест красного цвета. В 1875 и 1878 годах изменилась каска кирасир, ставшая немного ниже; очертания Андреевской звезды стали меньше, как и размеры парадного орла в виде навершия. Дважды за царствование Александра II изменялась и парадная шапка: в 1868 и 1869 годах. Некоторые образцы мундиров, например уланские, видоизмененные в это царствование, сохранились вплоть до 1918 года.

Царь-Миротворец Александр III постарался добавить в обмундирование войск, в том числе и Гвардии, национальные черты, выразившиеся во введении кафтана со скошенным запашным бортом о пяти крючках и широкие шаровары, которые заправлялись в высокие сапоги. Низкие мерлушковые шапки со скошенным верхом были учреждены для инфантерии, а кавалеристам «достались» шапки, немного суженные кверху с треугольным вырезом с передней стороны, на меховой опушке. И все же, несмотря на изменения в несколько «мужицком» духе, упрощение и обеднение повседневной гвардейской формы, в целом блеск гвардейских полков остался неомраченным, ибо

Августейший шеф Кавалергардского полка Императрица Мария Федоровна

исторические корни гвардейского мундира не только сохранились, но и остались примером для заимствования Гвардией других государств. Более того, в последнее царствование в гвардейский мундир вернулось немало декора-

Один из командиров Конной гвардии

тивного, сметенного реформами Александра III. Любопытно, что последний российский самодержец вернул двум Лейб-гвардейским полкам — Императора Австрийского и Короля Прусского старые мундиры с красными лацканами и вместе с этим Андреевские звезды на шапки, желтые басонные петлицы и красные погоны, что свидетельствовало о новости — правах «Старой гвардии», пожалованных Его Величеством этим двум, без сомнения, заслуженным полкам.

Повторимся, даже после недавних изменений, внесенных в помпезную форму Гвардии, в целом вид ее поражал воображение очевидцев. Парады и церемониальные марши гвардейских полков, случавшиеся быть на па-

Государь Император Николай II в форме Лейб-гвардии Конного полка

мяти тех, кто пересказал их потомкам в первой половине XX века, заслуживают внимания и так же будоражат воображение новых поколений.

«После минутного перерыва на краю поля, со стороны Инженерного замка, появлялась блиставшая на солнце подвижная золотая конная масса. То проходила спокойным шагом наша первая Гвардейская кира-

сирская дивизия... Перед царской ложей выстраивался на серых конях хор трубачей Кавалергардского полка, игравший полковой марш, и торжественно проходил шагом наш лейб-эскадрон... на первом взводе ехал Манконной гвардии на могучих вороных и вновь золотистыми линиями кирасир на рыжих. Вслед за ними появлялись красные линии донских чубатых лейб-казаков и голубые мундиры атаманцев, пролетавших обыкновенно

Нижние чины Лейб-гвардии Павловского полка на памятной фотографии

Памятное фото чинов Лейб-гвардии Гренадерского полка. 1916 г.

нергейм. В последующие три года на этом месте ехал я — не без замирания сердца и стараясь ни на минуту не отклониться от направления на второе от угла окно дворца принца Ольденбургского... Серебристые линии кавалергардов на гнедых конях сменялись золотистыми линиями наметом. Во главе второй дивизии проходили мрачные конногренадеры, в касках с гардами из черного конского волоса, а за ними на светло-рыжих конях — легкие синеватые и красноватые линии улан. Над ними реяли цветные флюгера на длинных бамбуковых пиках, отобранных ими

в турецкую кампанию. Красно-серебряное пятно гвардейских драгун на гнедых конях было предвестником самого эффектного момента парада — прохождения царскосельских гусар.

По сигналу "галоп" на тебя летела линия красных доломанов; едва успевала, однако, эта линия пронестись, как превращалась в белую — от накинутых на плечи белых ментиков. Постепенно кавалерийские полки выстраивались в резервные колонны во всю длину Марсова поля, противоположную Летнему саду»[26].

Личности Гвардии

«...Полк этот поставил из своей среды все царское окружение, как то: министра двора — барона Фредерикса, гофмаршала — графа Бенкендорфа, князей Долгоруковых, Оболенских и даже директора императорских театров Теляковского. Большинство великих князей предпочитало служить или числиться в Конной гвардии»[27]. О личности одного из «выпускников» Конной гвардии, гофмаршале Высочайшего Двора Василии Александровиче Долгорукове с симпатией отзывались многие знавшие его люди. «Долгоруков по натуре не был военным. Мягкий, скромный, застенчивый, он и по своим физическим качествам не отвечал требованиям суровой строевой

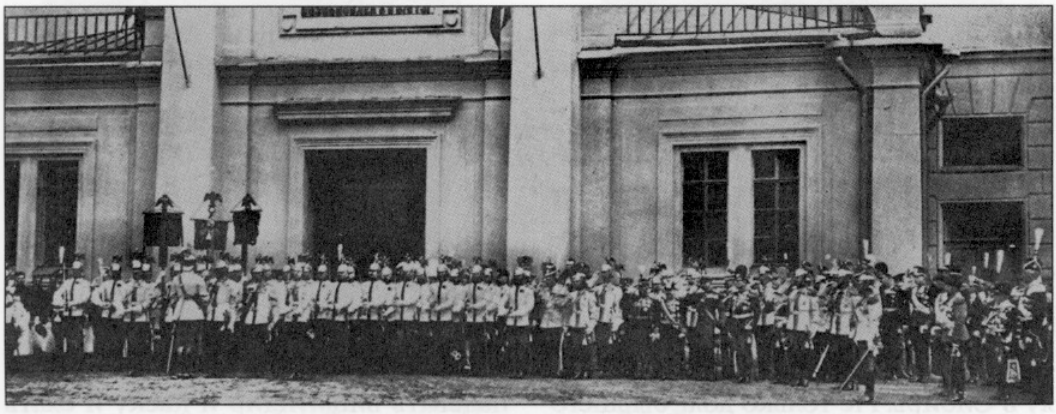
Владимир Аркадьевич Теляковский, директор Императорских театров

Бронзовый бюст конногвардейца графа В.Б. Фредерикса — последнего министра Двора Его Величества

службы. Блондин среднего роста, с вялой походкой и движеньями без малейшего темперамента, с слабым здоровьем, медлительный в словах и поступках... Лишениям маневренной жизни князь предпочитал домашний покой. Горячим кавалерийским ученьям на Пожарском поле — уют кабинета, беседу с друзьями, партию в преферанс или "тетку"... В полку его одинаково любили и солдаты, и офицеры, и расстались с ним с сожалением»[28]. Особенное уважение его сиятельство заслужил тем, что прошел свой крестный путь вместе со свергнутым Императором почти до самого конца. При пересылке Царской Фамилии в Екатеринбург большевики отправили князя Долгорукова и Татищева в Пермь, где в местной тюрьме оба царедворца были расстреляны чекистами. Примечательно и то, что когда из своего тобольского заточения Государь позвал к себе бывшего лейб-гусара Илью Леонидовича Татищева, ставшего генерал-адъютантом Николая Александровича и состоявшего одно время при особе германского кайзера Вильгельма II, в ответ на назначение своего генерал-адъютанта графа Дона Шлобиттен при особе русского царя, Татищев, не задумываясь, отправился к своему монарху в Сибирь. Не только долг бывшего придворного, но и человеческие привязанности, часто столь много определявшие в жизни гвардейца в ходе его службы в столице, сыграли и здесь не последнюю роль. Помимо исключительно «светских» визитов, считавшихся социальной обязанностью для гвардейского офицера, не возбранялось и посещение родственников из числа многочисленных столичных семейств, породнившихся друг с другом и желавших видеть у себя блистательного молодого офицера, связанного с принимающим домом родственными узами. Иногда визиты к известным столичным семействам давали юному корнету или подпоручику своеобразный пропуск в высший свет. «Первые два года меня из-за дружеских чувств к моим родителям приглашали иногда только Шереметевы, Вяземские и Сипягин, женатый на Вяземской. Вместе с двумя-тремя подобными семьями они хотя и принадлежали к высшему петербургскому свету, но составляли в нем обособленное ядро, с ярко выраженным патриархальным и помещичьим оттенком. ...Отношение ко мне высшего света изменилось, как только я надел кавалергардский мундир. Посыпались приглашения, большей частью на французском языке... Выезды в свет зимой заключались в том, что каждый вечер нужно было надевать вицмундир и каску и ехать около одиннадцати часов вечера в

один из тридцати — сорока домов, куда ты бывал приглашен на бал... Каждый вечер танцующим раздавались бантики и гвоздики из Ниццы, а в богатых домах в залу вносились корзины с розами и сиренью. Каждый вечер тот же примерно ужин и бегство с котильона в четыре часа утра под предлогом утреннего манежа... Самыми недоступными в этом свете являлись "доморощенные лорды" с их дамами, как Белосельская, родом американка, Трубецкая, Орлова, Бобринская, говорившие по-русски или с природным, или со специально привитым английским акцентом. Особенно смешон был один из их постоянных кавалеров — "лорд в казачьей форме, Иван Орлов, перенявший от них этот модный акцент"»[29].

Признавая право мемуариста на иронию по отношению к столичному «англофильскому» кружку, нельзя не упомянуть, справедливости ради, что мужская половина этих семейств достойно встретила вызов времени — большевистский переворот и последовавшую за ним братоубийственную войну. Так, Иван Давыдович Орлов, о котором шла речь выше, служивший в Лейб-гвардии Казачьем полку в чине генерал-майора, командовал впоследствии Донской дивизией. В Гражданскую войну с января 1918 года генерал Орлов служил начальником войск Макеевского района, а затем перешел в распоряжение Донского атамана А.М. Каледина. В марте 1918 года генерал Орлов попадет в плен к красноармейцам и будет расстрелян в Новочеркасске вместе с другими белыми пленниками. Молодые князья Сергей Сергеевич, Константин Эсперович и их старший родственник Сергей Константинович Белосельские-Белозерские приняли впоследствии участие в



Лейб-гвардии Конный полк у ворот храма Благовещения. Фото 1890-х гг.

разразившейся Гражданской войне. Бог даровал им долгую жизнь в эмиграции в Великобритании и США, в полном соответствии с их тяготением к англо-саксонской культуре.

Огонь Гражданской войны не прошел мимо и графов Бобринских, служивших до октябрьского переворота в Лейб-гвардии Саперном полку (А.А. Бобринский), Лейб-гвардии Гусарском (Алексей Алексеевич, Владимир Алексеевич и Георгий Александрович Бобринские) и Лейб-гвардии Конной артиллерии (Петр Андреевич Бобринский). Все пятеро приняли участие в борьбе против большевизма. Молодой Алексей Алексеевич Бобринский, как и другие молодые англофилы Российской империи начала XX века, до Великой войны успел окончить Оксфордский университет.

В борьбе против врагов Отечества — большевиков приняли участие и семеро князей Трубецких, служивших до революции в лейб-гвардейских полках — Лейб-гвардии Казачьем, Конном, Кирасирском Ее Величества и Уланском Ее Величества. Князь Георгий Иванович был даже командиром Собственного Его Императорского Величества конвоя. Из семерых князей лишь Николаю Петровичу Трубецкому суждено было окончить свои дни в англоязычной стране — США.

Личности этих и многих других офицеров и генералов русской Императорской Гвардии, их судьбы и заслуги перед Отечеством нашим достойны отдельного повествования. И о многих из них пойдет речь в нашей следующей главе, а пока нам хотелось бы остановиться немного на связи Гвардии с обществом и участии в культурной жизни империи и немного рассказать о своеобразном полковом эпосе, придающем некий оттенок романтики нелегким гвардейским служебным будням.

Офицеры Кавалергардского полка накануне Великой войны

Гвардия и история Отечества

Когда в городах России в 1912 году прошли торжества, посвященные столетию Отечественной войны 1812—1814 годов, все просвещенное российское общество приняло самое живейшее участие в реконструкции эпохальных событий той войны. Были собраны немалые пожертвования от частных лиц на восстановление Бородинской панорамы, картина которой дополнилась специально написанным заново сюжетом, изображающим полк кавалергардов перед атакой, в тот момент, когда мимо первого полка русской гвардии провезли раненого князя Багратиона.

Не остался в стороне и Эрмитаж, в Военной галерее которого экспонировались картины, посвященные героям войны и событиям 1812 года. Как известно, Военная галерея, в которой были собраны портреты 332 генералов — участников Отечественной войны, оказалась как нельзя более удачным местом для экспозиции. Из трехсот с лишним портретов героев 19 являются чинами Кавалергардского полка. В дореволюционном Эрмитаже хранилось более шести тысяч знамен и штандартов императорской армии, 700 из которых было выделено специально для выставки.

Чины Императорской Гвардии на памятной фотографии в день празднования юбилея Бородинской битвы в 1912 г.

Эти знамена принадлежали некогда полкам, сражавшимся с армией Наполеона, и среди них были почти все гвардейские полковые знамена, существовавшие ко времени Отечественной войны. Представлены были и Георгиевские штандарты Кавалергардского полка, пожалованные ему Государем в 1817 году за «поражение и изгнание неприятеля из пределов России в 1812 году». Немалую часть Военной галереи занимали картины художников-баталистов, посвященные различным боевым эпизодам, литографии товарищества Голике и Вильборг и гравюры. На них запечатлены отдельные герои-гвардейцы, оставившие в истории Отечества нашего свой заметный след — Денис Васильевич Давыдов, кавалергард М.Ф. Орлов и другие.

Среди памятников, стоявших в начале XX века на Бородинском поле, находился памятник, установленный в честь 1-й Кирасирской дивизии на личные средства чинов Гвардейской кавалерийской бригады — Лейб-гвардии Конным полком и кавалергардами. На одной стороне была помещена плита, гласящая: «Подвигам предков Кавалергарды и Конная Гвардия 1812—1912», а под этой надписью —

Встреча Государя в Красном Селе чинами Лейб-гвардии Конного полка. Лето 1905 г.

обнаженный меч и лавровая ветвь. С другой стороны памятника дан список офицеров этих двух полков, павших в ходе Бородинского сражения.

Открытие и освящение памятника свершилось поутру 26 августа 1912 года в присутствии Высочайших особ. Сводные эскадроны двух полков выстроились у памятника, по обеим сторонам которого были выставлены двое часовых в реконструированных мундирах того времени. Два полковых священника, о. Стефан Щербаковский от Кавалергардского полка и его коллега от Конного в сослужении провели молебен с поминовением всех павших в этом бою.

Сводные эскадроны прошли церемониальным маршем под звуки хора Кавалергардских трубачей, сыгравших «Парижский марш». В этот же день на самом Бородинском поле прошел парад прибывших в Москву сводных рот и эскадронов тех полков, что участвовали в бою на Бородинском поле. Так же, как и в 1812 году, перед выстроенными во фронт войсками была пронесена икона Смоленской Божией Матери, принесенная для этого случая на руках богомольцами из Смоленска. Икону встретил митрополит Московский Владимир, вместе с представителями высшего православного духовенства, а на Москве по случаю прибытия иконы состоялись многочисленные крестные ходы.

По окончании парада Его Величеству была представлена делегация, опекаемая можайским исправником, весьма старых людей — современников Отечественной войны, и среди них 122-летний участник Бородинского боя, получивший в нем ранение, унтерофицер Винтонюк. Исторический анекдот того времени гласил, что после Высочайшего представления дежурный генерал-адъютант Свиты Его Величества князь Феликс Юсупов, обращаясь к ответственному за депутацию стариков и старух исправнику, сказал тому: «Не забудьте, что в январе следующего года будем праздновать 300-летие дома Романовых. Постарайтесь разыскать современников».

Полковые легенды

Одной из романтических легенд, бытовавших в Гвардии, была легенда о знаменитой Белой Даме кавалергардов, появлявшейся в полковом Офицерском собрании накануне какого-нибудь важного события. Те, кто созерцал ее, а из таковых история кавалергардов знает двух — Евгения Ивановича Бернова и Павла Владимировича Родзянко, говорили, что появлялась она из глубины би-

льярдной, проходила через столовую, мимо императорских портретов и исчезала в портретной галерее, в которой висели изображения всех командиров Кавалергардского корпуса и полка. Офицерское собрание кавалергардов

Князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон

размещалось в небольшом уютном двухэтажном здании на Захарьевской улице, напротив церкви Святого Захария. Верхний этаж собрания занимали столовая, бильярдная и портретная, а в нижних старых сводчатых комнатах расположились читальный зал, полковой музей и комната дежурного офицера.

Кавалергардское предание связывало Белую Даму с личностью Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны, вдовы Александра Первого, таинственно скончавшейся по пути из Таганрога в Петербург в городке Белеве. Связывали ее имя с днем полкового праздника — 5 сентября — днем Святых Захария и Елизаветы...

Павел Владимирович Родзянко

Бывший кавалергард граф Шереметев вспоминал: «Повторяю, неизвестно, кто она была и была ли она на самом деле. Знаю только, что она, несомненно, жила в наших душах, вдохновляла на подвиги, удерживала от падений и давала силы переносить невзгоды жизни. Она жила в нас чистой белой мечтой, звавшей к идеалу, к красоте и чистым порывам. Всякий полк, как коллективное тело, имеет свою душу, свое настроение. Душой

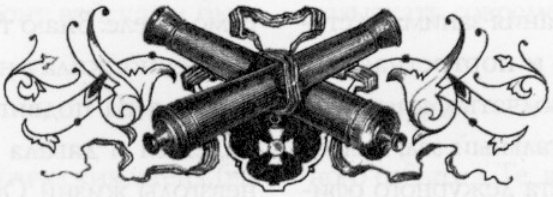
нашего полка и была Белая Дама, мечта о женственности, скромности и служении Царю и горячо любимой Родине. Мы были, как и все, грешные люди; но наша мечта, наша Белая Дама, часто удерживала нас от темного».

Недаром кавалергардский марш Белой Дамы еще долго звучал призывом к светлому и великому. И последний раз был сыгран полковыми трубачами на празднике в объятом пламенем Гражданской войны Крыму:

Chevaliers-Gardes, prenez garde,
La Dame Blanche vous regarde,
La Dame Blanche vous entend...

Прошли годы, после того как гвардейцы покинули берега России. Верность полковым традициям, о которых мы поговорим в других главах, не оставила гвардейцев и на чужбине, которую донской поэт-эмигрант Николай Николаевич Туроверов назвал «мачеха веселая моя». Граф Шереметев проникновенно напишет о гвардейском полковом братстве: «...Молебен на рю Дарю. Скромный обед уцелевших. Полковые друзья и кандидаты... Все в штатском. Нет полковой музыки, но эта картина врезалась в моей памяти, как последнее клише дорогой для меня полковой жизни. И вспомнилась вся чудная Царская эпоха, ее величие, красота, изобилие и такая изумительная простота самого Царя и Его тихой России. Вижу идеальные полки Императорских Гвардии и Армии, крепких верою, доблестью и честью; все то, чего теперь больше нет. Встает наше старое военное поле; в тучах пыли проходят наши чудные эскадроны, и сквозь туманы ушедших лет звучит незабываемый родной мотив:

Chevaliers-Gardes, prenez garde,
La Dame Blanche vous regarde...»[30]



Глава вторая
ОЧЕРКИ О ЛИЧНОСТЯХ ГВАРДИИ

Напрасно думаете вы,
чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.

Денис Васильевич Давыдов

Гвардейцы XIX века

Несколько ярких личностей подарила Отечеству своему российская Императорская Гвардия за два века своего существования! Сколькими современными ей писателями и поэтами была она воспета! Пожалуй, как ни из какой иной среды, из рядов гвардейских вышло столько славных военачальников, государственных деятелей, писателей и поэтов. Увы, два величайших русских поэта пали от руки гвардейских дуэлянтов: Александра Сергеевича Пушкина поразила пуля кавалергардского корнета барона Егора Осиповича Дантес-Геккерена, выбывшего 20 марта 1837 года* из полка за этот проступок, а выстрел ротмистра Гребенского казачьего полка, бывшего некогда корнетом Кавалергардского полка, Николая Соломоновича Мартынова унес жизнь бывшего корнета Лейб-гвардии Гусарского полка Михаила Юрьевича Лермонтова.

Прима-балерина Евдокия Ильинична Истомина, увековеченная бессмертной пушкинской строкой:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,

* Все даты до момента перехода на новый стиль (до 14 февраля 1918 г.) даются по старому стилю, после — по новому.

Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совьет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет. —

тый Пушкиным в «Евгении Онегине» — «...К Talon помчался: он уверен,//Что там уж ждет его Каверин», и будущий известный драматург Александр Сергеевич Грибоедов, служивший в те славные времена по

Жорж Дантес

Николай Соломонович Мартынов

стала причиной широко известной дуэли — штабс-ротмистра Кавалергардского полка Василия Васильевича Шереметева с камер-юнкером графом Александром Петровичем Завадовским. В дуэль эту, помимо двух соперников, вовлечено было и некоторое количество сторонних лиц — подпоручик гвардейской артиллерии барон Строганов, корнет Лейб-гвардии Уланского полка Александр Иванович Якубович, в будущем — известный декабрист, лейб-гусар Петр Павлович Каверин, также упомяну-

статской части. Еще задолго до прозвучавшего выстрела среди петербургского света и «золотой молодежи» только и было разговоров, что про необычайный талант и чарующую негу юной балерины, выпускницы Императорского театрального училища, что помещалось на Екатерининском канале (ныне по странной иронии истории именуемом каналом Грибоедова. — *Авт.*), у самого Львиного мостика, неподалеку от Фонарного переулка. Училище это брало на обучение «детей свободного состояния»

для обучения «драматическому и балетному искусству». За время своего существования училище это дало целую плеяду талантливых актеров и актрис, балерин и танцовщиков, а уровень преподавания балетного искусства был

Граф Василий Васильевич Шереметев

поставлен в нем на выдающуюся, исключительную высоту, непревзойденную и до сей поры. Неподалеку от училища размещался «Северный трактир», где коротала вечера петербургская «золотая молодежь» и гвардейские офицеры, некоторые из которых проводили в нем время в надежде и ожидании появления предметов своих юношеских восторгов — молодых балерин и актрис Императорского театрального училища. Михаил Юрьевич Лермонтов устами своей героини отметил одну из характерных картинок, случавшихся каждый вечер, когда воспитанницы училища возвращались с занятий:

В кареты всех сажают нас
Тут у подъезда офицеры
Стоят все в ряд, порою в два...
Какие милые манеры
И все отборные слова!
Иных улыбкой ободряешь,
Других бранишь и оттоняешь...

Одним из главных поклонников юных дарований оказался командир Гвардейского корпуса Санкт-Петербурга граф Михаил Андреевич Милорадович, кстати, начавший также свой боевой путь в Лейб-гвардии Измайловском полку, поступив в полк после студенческой скамьи Кенигсбергского университета. Помимо чинов и положения начальника привилегированного воинского подразделения, Милорадович был известен в столичном бомонде своим покровительством балерины Телишевой. Ее более юной соученице, «воздушной Крыловой» поклонялся офицер Лейб-гвардии Конно-егерского полка Павел Борисович Мансуров. Это к нему были обращены известные строки Пушкина:

Мансуров, закадычный друг,
Надень венок терновый!
Вдохни и рюмку выпей вдруг
За здравие Крыловой.

Служивший в те времена в Лейб-гвардии Уланском Его Величества полку Якубович порой любил нарядиться этаким продавцом сбитня, что позволяло ему беспрепятственно проникать за кулисы и там, в окружении юных дев, угощать всех присутствовавших шампанским:

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.
Оно сияет Иппокреной,
Оно своей игрой и пеной,
Подобием того сего
Меня пленяло. За него
Давал последний, бедный лепт, бывало.
Помните ль, друзья?

Надев солдатские шинели, гвардейские офицеры в компании статского чиновника Грибоедова умело притворялись за кулисами музыкантами, что давало им возможность присоединиться там же к лихому Якубовичу, сидевшему в окружении веселых и хмельных балерин за бокалом шампанского. Так, бражничая и пируя, гвардейская молодежь со своими товарищами беззаботно предавалась романтическим восторгам юности.

Грибоедов был давним приятелем Шереметева, и на глазах его начался и протекал бурный роман графа Шереметева и балерины Истоминой, с необычайной грациозностью опустошавшей карманы его сиятельства. В веселой их компании любил порой и Грибоедов поколесить по увеселительным заведениям Петербурга ночи напролет. Товарищу своему, кавалергарду Степану Бегичеву будущий драматург с жаром писал: «Приезжай, приезжай скорее!.. я с Шереметевым и Истоминой еду в Шустер-клуб: когда бы ты был здесь, и ты бы подурачился с нами. Сколько здесь портеру и как дешево». Гибель Шереметева на роковой для него дуэли тяготила Грибоедова всю оставшуюся жизнь, ибо косвенным виновником дуэли друга оказался он сам. Истомина, обиженная «жестокими с ней поступками», замыслила «отойти от Шереметева», дав недвусмысленный намек графу на то, что она не прочь отдохнуть от «беспокойного характера» своего любовника. Напрямую встретиться с прелестной балериной для объяснений Завадовскому не позволяла репутация «человека честного». Грибоедов, живший в описываемое время на квартире Завадовского, что располагалась в доме крупного коммерсанта Чагина, неожиданно для него сам вызвался помочь графу и вскоре действительно привез к нему Истомину на квартиру.

Расследовавший обстоятельства сего трагического случая полковник Кавалергардского полка Сергей Пет-

рович Ланской, изучавший дело о дуэли вместе с петербургским полицмейстером полковником Ковалевым, опрашивая свидетелей, установили следующее. Привезенная на квартиру Грибоедовым танцовщица провела некоторое время в обществе как бы невзначай заглянувшего «на огонек» к приятелю Завадовского. От балерины они узнали, что «он предлагал ей любви, но в шутку или на самом деле, того она не знает, но согласия ему на то объявлено не было, с коими, посидев несколько времени, была отвезена Грибоедовым на ее квартиру».

Сергей Петрович Ланской

12 ноября 1817 года выстрелом из дуэльного пистолета граф Шереметев был смертельно ранен противником. Согласно расследованию Ланского, «Первым стрелял Шереметев и оторвал пулею край воротника у сюртука противника. Выстрел Завадовского попал Шереметеву в бок и живот. Якубович отвез Шереметева на его квартиру, где он скончался на следующий день в 5 часов вечером». Поскольку дуэль была двойная, то следующими представителями противоборствующих сторон становились Якубович и Грибоедов, однако, по общему согласию, эта дуэль была отложена на год и состоялась 23 октября 1818 года в окрестностях Тифлиса, вблизи горского селения Куки. Неплохой пианист Грибоедов получил вследствие меткого выстрела Якубовича ранение в руку. «По крайней мере, играть перестанешь!» — беззлобно заметил будущий декабрист будущему драматургу. Это легкое ранение было куда как легче переносимо Грибоедовым, чем сознание собственного недвусмысленного поведения по отношению к убитому другу. Пушкин писал в своем «Путешествии в Арзрум»: «Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками. Он почувствовал необходимость расчесться раз и навсегда со своею молодостью и круто повернуть жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностью».

Неблаговидный с точки зрения света поступок Грибоедова недолго ос-

тавался тайной для круга его общения в столице. Без сочувствия его проводили, а слухи, возможно, даже слегка сгустившие краски его небесспорного поступка, достигли даже Кавказа, где впоследствии разжалованный в рядовые декабрист А.А. Бестужев, сочинявший литературные опусы под псевдонимом Марлинский, старался держаться подальше от знакомства с Грибоедовым, всеми силами стараясь избежать личной встречи как повода для дальнейшего общения. Впоследствии сам сочинитель вспоминал: «Я был предубежден против Грибоедова... рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне были переданы его противниками в черном виде».

За дуэль Якубович из Гвардии был переведен на службу в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе, Завадовский же отбыл за границу и был позже прощен Государем как человек, применивший оружие в целях допустимой обороны. Грибоедов, терзаемый тяжелыми переживаниями, нашел утешение в Грузии, предложив руку и сердце юной грузинской княжне Нине Чавчавадзе. Сама же Истомина скончалась от холеры в Петербурге в 1848 году. После ее кончины молодому мужу достались все многочисленные бриллианты балерины, по крупицам собранные в пору бурной ее молодости. Грибоедов пал от рук убийц в Персии. Еще одна история «золотой молодежи», гвардейцев и балетных див завершилась.

Бурные досуги гвардейской молодежи в те времена часто неизбежно вели к конфликтам. Порой единственным способом разрешить подобный конфликт был поединок. Так, будущий декабрист, Иван Александрович Анненков, брат автора первой 4-томной «Истории Кавалергардского полка», стрелялся 19 марта 1820 года с корнетом Лейб-гвардии Гусарского полка Владимиром Яковлевичем Ланским, и метким выстрелом уложил последнего наповал. Причины дуэли окутаны легкой дымкой тайны. В наказание за убийство по Высочайшему повелению кавалергард Анненков подвергся трем месяцам ареста при Главной петербургской гауптвахте. Имена секундантов этих двух дуэлянтов история не сохранила, а причин и подробностей поединка не найти ни в «Истории лейб-гусар» Манзея, ни в «Истории кавалергардов» Панчулидзева (в последней по соображениям политической корректности, соблюденной в последнее царствование, когда имен кавалергардов-декабристов цензурой решено было не упоминать). Однако не только дуэлями и светскими приключениями славились гвардейцы всех времен.

Выпускники гвардейского корпуса на государственной и придворной службе

Было бы несправедливо не упомянуть о других ярких личностях Гвардии, прославивших себя в дальнейшей своей карьере на поприще придворной и государственной службы. Покинув гвардейский полк, но состоя в рядах Офицерского собрания, бывшие гвардейские офицеры порой устремлялись к высотам государственной службы, подбирая в соратники бывших однополчан. Мемуарист отмечал: «Благодаря бывшему конногвардейцу, министру двора Фредериксу, одно время все крупные должности в Министерстве Двора были заняты бывшими конногвардейцами. Из старых семеновцев известны были старый генерал-адъютант М.И. Драгомиров, генерал Махотин, бывший начальник военно-учебных заведений, министр по делам Финляндии генерал Лангоф, начальник Главного штаба генерал Михневич. Начальник Морского генерального штаба адмирал князь Ливен и другие»[31]. Иные из этих ярких личностей аттестовывались впоследствии пытливыми исследователями «таинственными историческими фигурами». Одним из этих «таинственных личностей», которому служба в Гвардии дала возможность сделать скорую придворную карьеру, был Сиятельный князь Петр Михайлович Волконский, наперсник и генерал-адъютант Государя Императора Александра Павловича. Личность князя Петра Михайловича, отчасти довольно подробно описанная в истории, долгое время недооценивалась многими биографами Государя.

Волконский, свояк декабриста Сергея Григорьевича Волконского, остался в памяти потомков не только как «близкий друг» Царя, но порой представлен был чуть ли не главным организатором и режиссером скоропостижной кончины Государя в Таганроге. За Светлейшим князем тянулся долгий шлейф странных и на первый взгляд необъяснимых поступков и действий, предшествующих мучительной кончине Императора. Он же оказался и главным организатором таинственного следования августейшего тела Александра, по прибытии которого в столицу взглянувшие на покойного мать, вдовствующая Императрица Мария Федоровна, и присутствовавший с ней младший брат ЕИВ Великий князь Николай Павлович первоначально отказались признать в покойнике своего сына и брата...

Светлейший князь Петр Михайлович Волконский, позднее генерал-

фельдмаршал, член Государственного совета, министр Двора и уделов, канцлер всех российских орденов, начал когда-то службу свою в Конной гвардии. В 1797 году Государь Император Павел Петрович назначил его состоять адъютантом при особе Великого князя Александра Павловича. В благодарность за первое придворное назначение князь Петр принял участие в «событии 11 марта 1801 года», как деликатно называют некоторые историки убийство Павла группой заговорщиков. И снова, по странному стечению обстоятельств, недавний заговорщик и пособник убийц был пожалован чином генерал-адъютанта в день коронации нового Императора 15 сентября 1801 года. Впрочем, вскоре князь Волконский был отослан от Высочайшего Двора в действующую армию, где состоял некоторое время дежурным генералом при командующем Русским вспомогательным корпусом графе Буксгевдене, а после соединения корпуса с главными силами Кутузова, князя Волконского назначили дежурным генералом соединенных русских армий. Под Аустерлицем князь Петр Михайлович отличился, увлекая за собой солдат в контратаку при общем отходе бригады Каменского, атаковавшей ранее Праценские высоты и отброшенной французами. За этот доблестный поступок Волконский был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Заключив Тильзитский мир, Государь словно бы старался вновь отослать Волконского от себя, направив его во Францию для ознакомления с организацией французской армии и работой ее Генерального штаба. Командировка князя растянулась на два года, после чего он прибыл в Россию, представив Александру «блестящий» отчет, за что был Высочайше назначен управлять квартирмейстерской частью. Войну 1812 года Волконский провел неотлучно при особе Государя, не высказав решительно никаких талантов, напротив даже, был среди членов военного совета, «подавших свой голос за оставление пресловутого Дрисского лагеря», едва не погубившего всю русскую армию. Однако в начале 1813 года Волконский получил должность у Кутузова, а после смерти фельдмаршала принял должность начальника штаба самого Императора Александра I — Главного штаба Его Императорского Величества. Именно это обстоятельство позволило некоторым биографам Волконского считать его основателем русского Генерального штаба.

«С самого начала своей деятельности по устройству Генерального штаба он приступил к составлению военной карты России...; он же основал

библиотеку Генерального штаба, пожертвовав в нее множество книг из своего собственного собрания»[32].

Любопытно, что после кончины старшего брата новый Император Николай I назначил его вероятного убийцу министром Двора, а в 1834 году пожаловал Волконскому титул «Светлости». Характеристика, исполненная истинного братского пиетета Великого князя Николая Михайловича по отношению к собрату князю Волконскому, невольно заставляет задуматься о том, отчего столь замечательный человек и друг покойного Государя был столь нелицеприятно характеризован другим, «преданным без лести» Александру человеком — графом Аракчеевым?

Великий князь Николай Михайлович объясняет это следующим образом: «Князь Волконский, как самый близкий человек к Александру I, не покидавший его с юных лет до самой его кончины, никогда не злоупотреблял своим положением государева любимца. По отзывам знавших Светлейшего князя лиц, он всегда отличался беспристрастием, не знал ни друзей, ни родных, не выпрашивал им милостей, ни наград и был известен своей ненавистью к непотизму... Благородный и великодушный по природе, но суровый при исполнении долга, он в последние годы жизни Александра являлся противовесом влиянию Аракчеева, которого презирал и называл "змием" и самым вредным для России и Государя человеком»[33].

Возможно, именно Аракчеев мешал ему осуществить давний масонский замысел по устранению Государя как человека, уже выпавшего из сферы «братского» влияния и, вероятно, искренне раскаявшегося в заблуждениях молодой поры своей жизни. «Масонские ложи тех лет, — замечает современный исследователь обстоятельств таинственной смерти Александра историк Богданов, — были переполнены Волконскими, Голицыными, Лобановыми-Ростовскими, Куракиными, Трубецкими, Кутузовыми и многими другими "родовитыми". Вступая в ложу, "по традиции", они становились заложниками неведомых масонских капитулов и при случае должны были выполнять чужую волю; другие, не являясь масонами, тоже не находили в себе сил противостоять чужому влиянию, "модным" поветриям»[34].

Расследование мотивов, побудивших бывшего конногвардейца Волконского тем или иным образом принять участие в двух цареубийствах, не входит в замысел нашей книги. Но именно Светлейший князь не допускал к внезапно занемогшему Государю

рю независимого медика Тарасова и своего преемника на посту начальника Главного штаба, барона Ивана Ивановича Дибича, верного слугу престола и преданного Александрова соратника. Он же настоял на немедленном отпевании Царя в Таганроге и в немедленной запайке августейшего гроба со строгим предписанием — не пытаться вскрыть его до самого Петербурга. Именно Волконский настоял на том, чтобы овдовевшая Императрица Елизавета Алексеевна немедленно покинула дом, в котором на ее руках в тот же день скончался ее супруг... Сама Императрица столь же внезапно скончалась по пути в Петербург в тульском губернском городке Белеве, первым свидетелем чего оказался... все тот же путешествующий с ней гофмаршал ее Двора Волконский... Дело это не идет в сравнение с иным приключенческим романом, однако справедливости ради отметим, что злодеи такого масштаба были скорее исключением для российской Гвардии, нежели закономерностью.

Гвардейские поэты XIX века

Бесспорно утверждение, что XIX век открыл великое множество прекрасных имен людей, начинавших свой жизненный путь в гвардейских полках, однако оставивших впоследствии яркий след в русской литературе. Чего стоит хотя бы знаменитый лейб-гусар Денис Васильевич Давыдов, зачисленный в 1801 году в Кавалергардский полк эстандарт-юнкером и в три года выслужившийся до поручика.

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил!
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел... —

обращался к Давыдову поэт Николай Михайлович Языков в своем посвящении.

Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне? —

восхищенно вопрошал читателей в 1825 году другой поэт, Евгений Абрамович Баратынский.

Усач.
Умом, пером остер он, как француз,
Но саблею французам страшен:

Он не дает топтать врагам
нежатых пашен.
И, закрутив гусарский ус,
Вот потонул в густых лесах с отрядом... —

рисовал давыдовский образ и его деяния Федор Николаевич Глинка.

Что же это был за гвардейский офицер, которого воспевали лучшие лиры империи? В 1806 году Давыдов в качестве адъютанта князя Петра Ивановича Багратиона принял участие в Отечественной войне, затем до 1815 года успел поучаствовать в шведской и турецкой войнах. С 1812 года перевелся служить в Ахтырский гусарский полк.

Вокруг костров воспламененных;
Средь них толпами удальцы:
Ахтырцы, бугцы и донцы
Пируют всадники лихие,
Свершив отчаянный набег... —

живописал Кондратий Федорович Рылеев партизана Отечественной войны. Денис Васильевич был первым, кто предложил князю Багратиону концепцию партизанской войны, в которой он сам, заменив гусарский ментик простонародным кафтаном, с отпущенной бородой и образом Св. Николая Чудотворца на груди, стал во главе партизанского отряда. В этом новом образе Давыдов совершал дерзкие рейды на неприятеля, его обозы и боевые запасы. В 1814 году за доблесть Давыдов получил чин генерал-майора и стал командиром Ахтырского гусарского полка, что стало пиком его военной карьеры. И хотя в 1831 году во время участия в подавлении польского мятежа Давыдов

Денис Васильевич Давыдов

был произведен в следующий генеральский чин, после окончания военных действий он вышел в отставку и поселился в своем симбирском имении. Прямолинейный и смелый в высказываниях, Давыдов снискал немилость у нового военного начальства, его первый генеральский чин был объявлен «недействительным», вследствие чего ему пришлось некоторое время пребывать в полковниках. Его приятельство с генералом Алексеем

Петровичем Ермоловым стало причиной нелюбви к нему графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского, сменившего Ермолова на Кавказе. Литературная деятельность Давыдова была менее известна читающей публике и даже совсем неизвестна Императору Николаю Павловичу, высказавшему однажды немалое удивление тому факту, что Давыдов пишет стихи. Любовь Давыдова к сочинительству и успехи на поэтической ниве снискали ему дружбу великих литераторов его времени. Современники называли его друзьями Пушкина, князя Вяземского, Языкова и Баратынского. Проза, поэзия, военные воспоминания составили многообразную палитру жанров, в которых с успехом пробовал себя Давыдов. Наиболее известны его стихи, посвященные гусарской жизни, их популярность пережила другие его творения. Многие стихи Давыдова были положены на музыку и нашли поклонников в последние годы советской власти благодаря стараниям композитора А.Б. Журбина. Эпиграммы, написанные Давыдовым на современников, были всегда остроумны и беспощадны даже по отношению к собственному начальству. Так, командир кавалергардов граф Уваров обрел литературное бессмертие в четырех посвященных ему давыдовских строках эпиграммы:

Говорит он очень тупо,
Но в нем это мудрено.
Что он умничает глупо,
А дурачится умно[35].

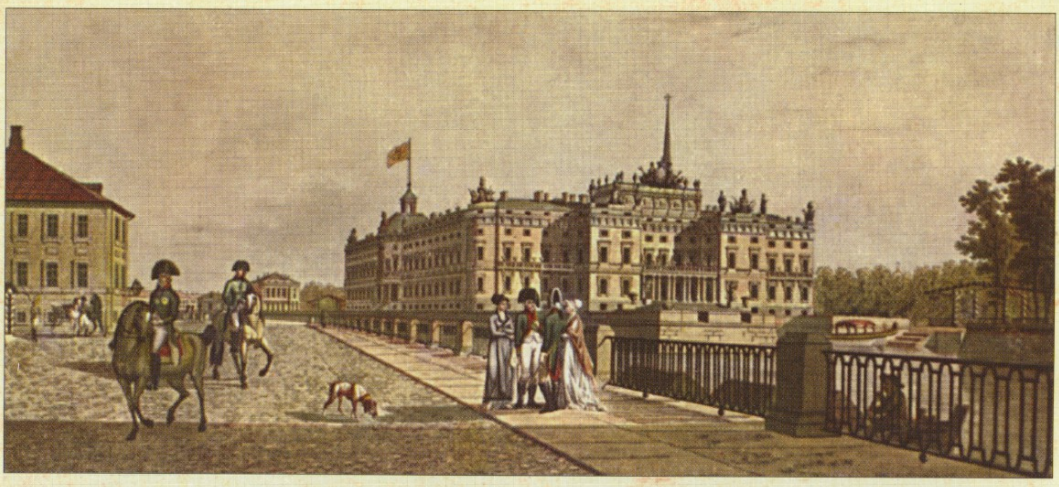
Граф Федор Петрович Уваров был, по общему признанию, человек доброго нрава и отчаянной кавалерийской храбрости, но небольшой образованности и, по-видимому, в развитии своем слегка отставал от того уровня, который предполагался для придворного. «Уваров был человек мало образованный, с неблестящими умственными способностями, без особых дарований, с не очень строгими нравственными правилами, но добрый, честный, старавшийся не делать никому зла...»[36] — признавалось историком. Иронический интеллектуал, князь Вяземский, оставил анекдот о том, как глуховатый Александр I, пытаясь расслышать отдаленный разговор Милорадовича и Уварова, известных своим посредственным владением французским языком, спросил у оказавшегося быть поблизости Ланжерона, о чем те говорят между собой. «Я их не понимаю, Государь, — отвечал тот. — Они говорят по-французски...» Унаследовав от покойной жены обширные имения в Волынской губернии, в знак расположения к своим подчиненным по Гвардейскому корпусу, граф Уваров оставил 400 тысяч рублей на памятник в

Портрет императора Петра Великого (1672–1725),
худ. Ф. Жувене

Офицер Лейб-гвардии Семёновского полка

Первый командир Конной гвардии
граф П.И. Ягужинский

Выезд императрицы Екатерины I на водосвятие 6 января 1727 года.
Водосвятие на Неве в Санкт-Петербурге



Михайловский замок в Петербурге

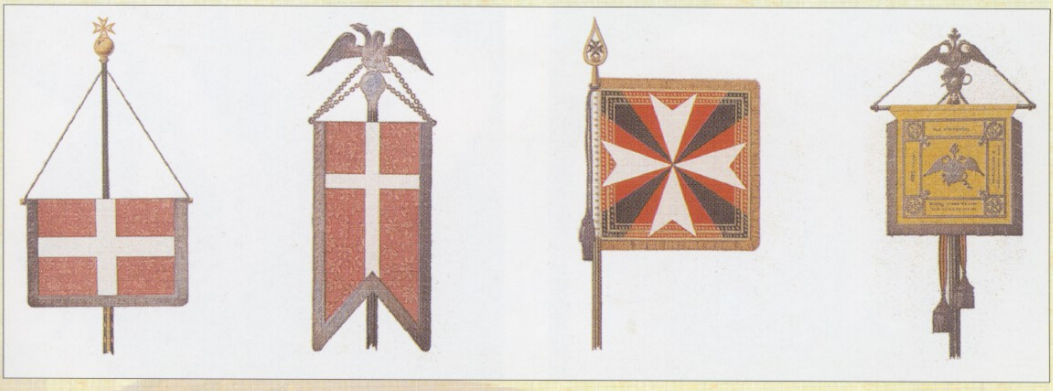
Государыня императрица Елисавета Петровна (1709–1762),
учредительница Лейб-Компании

Кавалергарды в царствование Александра I, акварель

Кавалергарды в царствование государя императора Павла I, акварель

Государыня императрица Екатерина II в мундире Лейб-гвардии Семёновского полка, худ. Б. Эриксон

А.В. Суворов, худ. И. Крейцингер



Штандарты Кавалергардского полка

Великий князь Николай Павлович в мундире Лейб-гвардии Измайловского полка, худ. Дж. Доу

Портрет Л.А. Нарышкина (1785–1846) в мундире Лейб-гвардии Преображенского плока

Н.Л. Дубельт 1-й (1819–1874) в мундире корнета Кавалергардского полка, портрет приписывается худ. А.В. Тыранову

Полковник Лейб-гвардии Конного полка граф В.С. Апраксин (1796–1833), худ. Н.С. Крылов

Обер-офицер Лейб-гвардии Казачьего полка,
худ. А.И. Заурвейд

Трубач Лейб-гвардии Конно-егерского полка. 1818 г.

Портет И.С. Раевского, худ. Э. Бушарди

Граф А.А. Аракчеев (1769–1834) в мундире гвардейской артиллерии. 1813 г., неизвестный художник

Государь император Александр I в вицмундире Кавалергардского полка,
худ. Дж. Доу

Барабанщик Лейб-гвардии
Преображенского полка

Горнист и тамбур-мажор Лейб-гвардии
Преображенского полка

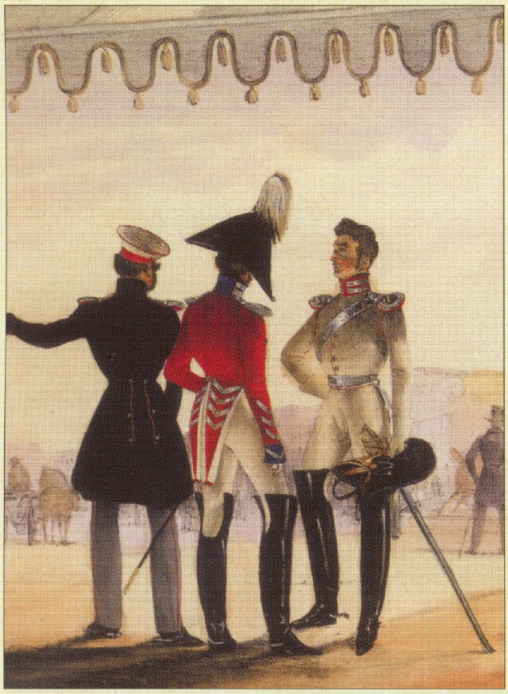
Рядовые Лейб-гвардии
Преображенского полка

Обер-офицеры Лейб-гвардии
Преображенского полка

Обер-офицер Лейб-гвардии Кавказско-горского эскадрона в парадной форме, худ. Д. Монтен

Обер-офицер Команды Кавказского казачьего линейного войска, худ. Д. Монтен

Бой русских и французских кирасир. 1812 г.

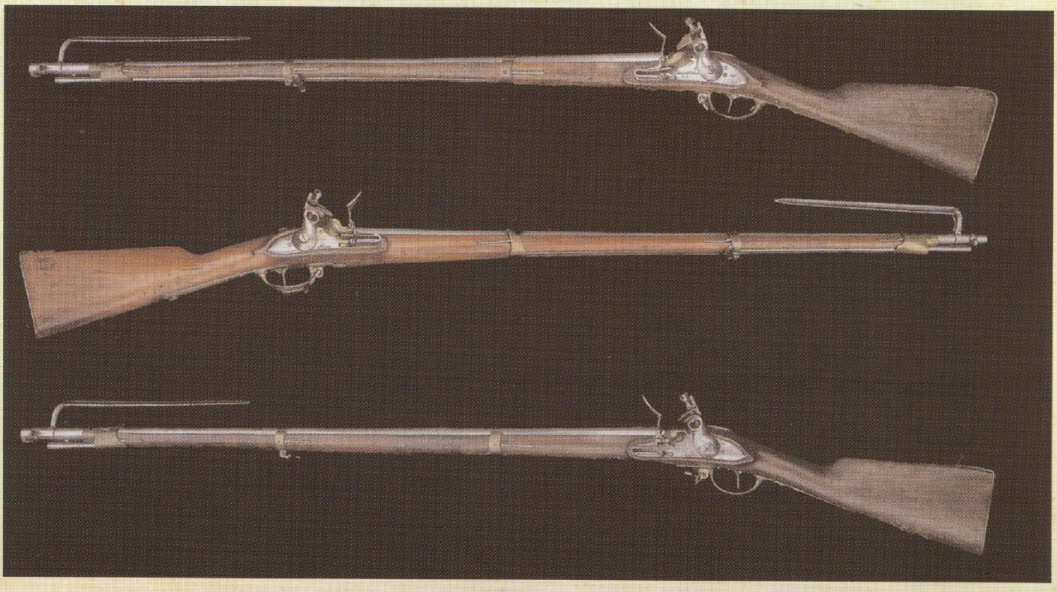


Обер-офицеры Кавалергардского полка,
худ. Д. Монтен

Рядовые конногвардейцы,
худ. Б.П. Виллевальде

Кавалерийский штуцер, гусарский мушкетон Лейб-гвардии Финского стрелкового батальона. 1827 г.

Офицеры Лейб-гвардии Преображенского полка. 1807 г.,
гравюра А.О. Орловского



Пехотные ружья образца 1808 года

Офицерские шпаги конца XVIII века

Трубач Лейб-гвардии Драгунского полка,
худ. А.И. Заурвейд

Обер-офицер Лейб-гвардии Гусарского полка,
худ. А.И. Заурвейд. 1819 г.

Рядовой Кавалергардского полка,
худ. С.П. Шифляр

Обер-офицер Кавалергардского полка,
худ. С.П. Шифляр

Государь император Николай I (1796—1855)

Обер-офицер Лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона

Рядовой Лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона

Гвардия в 1832 году у Александровского дворца в Царском Селе, худ. Ф. Крюгер

В.В. Левашов (1783—1848) в доломане и ментике Лейб-гвардии Гусарского полка

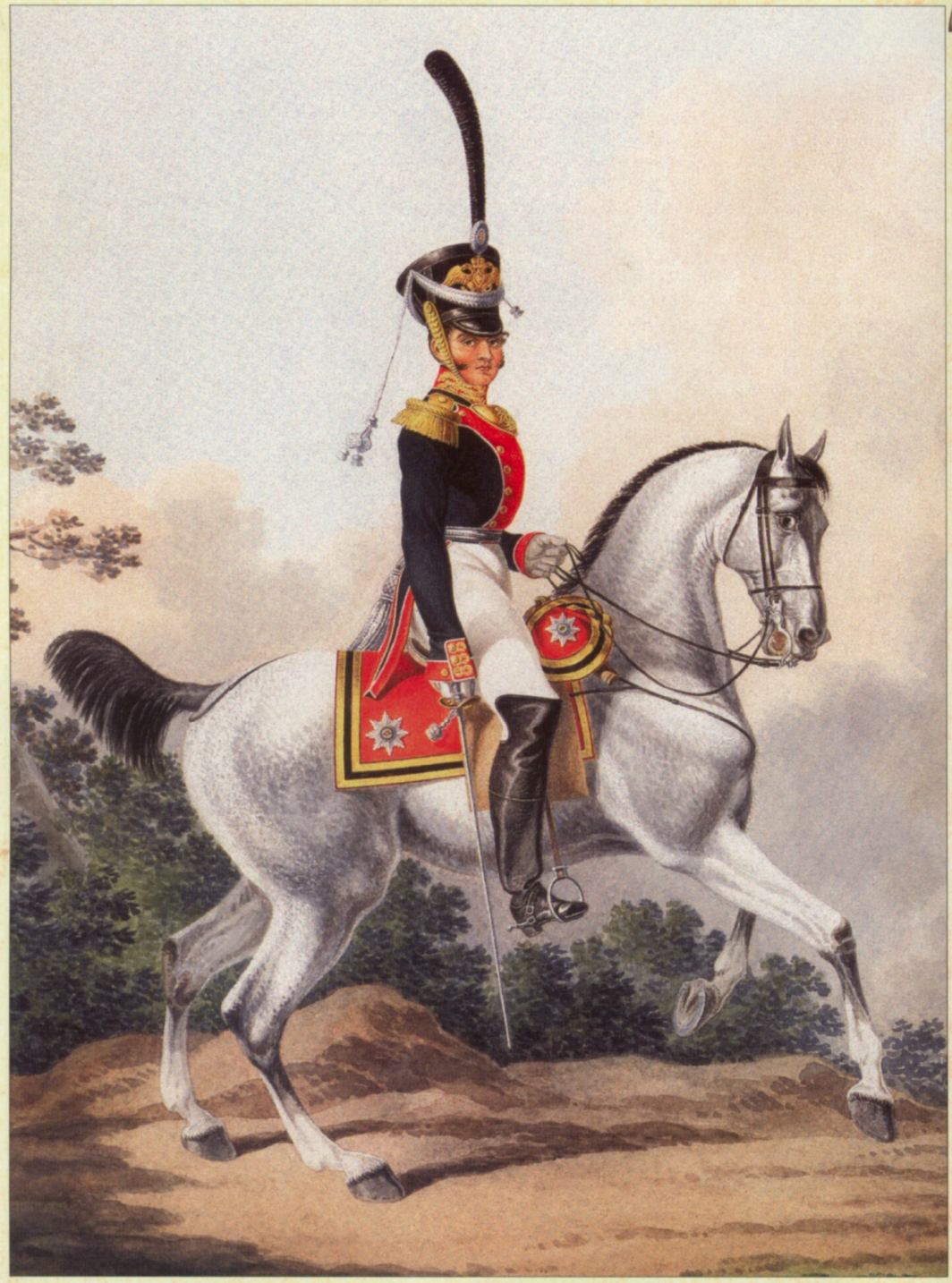
Штаб-офицер гвардейских инженеров. 1832—1842 гг., худ. Л.А. Белоусов

Штаб и обер-офицеры Лейб-гвардии Сапёрного батальона. 1832—1842 гг., худ. Л.А. Белоусов

В.М. Лаврентьев 1-й капитан роты Дворцовых гренадёр. 1828 г., худ. Дж. Доу

Е.Е. Гетгорт, унтер-офицер роты Дворцовых гренадёр. 1828 г., худ. Дж. Доу

Обер-офицер Лейб-гвардии Казачьего полка, худ. А.И. Заурвейд



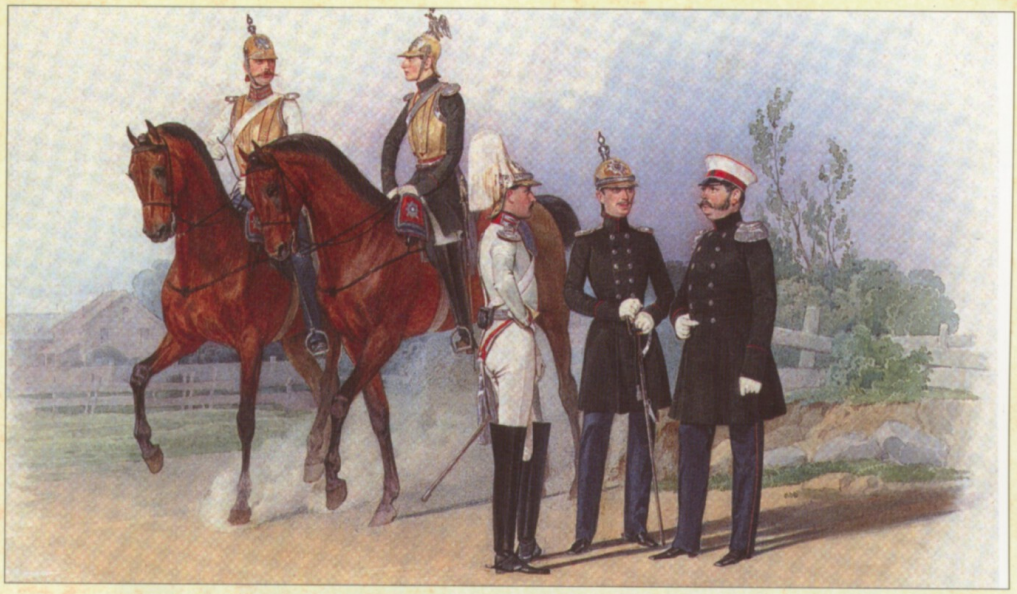
Штаб-офицер Преображенского полка в конном строю.
1819 г., худ. С.П. Шифляр

Флейтист, барабанщик и унтер-офицер
Лейб-гвардии Измайловского полка

Горнист, обер-офицер и штаб-офицер
Лейб-гвардии Волынского полка

Штаб-офицер и обер-офицер Лейб-гвардии
Волынского полка

Офицерский эспонтон, нагрудный знак и шпага Лейб-гвардии
Преображенского полка



Офицеры Кавалергардского полка времён царствования Государя Императора Николая I, акварель

Чины кавалерии Гвардейского корпуса, худ. К.К. Пиратский

Офицеры Кавалергардского полка времён царствования Государя Императора Николая I, акварель

Офицеры Кавалергардского полка времён царствования Государя Императора Николая I, акварель

Рядовые Лейб-гвардии Конно-пионерского эскадрона, худ. А.И. Заурвейд

Князь В.С. Галицин (1792—1856) в форме поручика Лейб-гвардии Гусарского полка

Рядовой и унтер-офицер Лейб-гвардии Финляндского полка

Горнист Лейб-гвардии Егерского полка

Государь император Александр II (1818—1881)

Портрет Лейб-гвардии прапорщика Конно-пионерского эскадрона, неизв. художник

Чины Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, худ. А. Гебенс

Чины Кавалергардского полка времён царствования Государя Императора Николая I

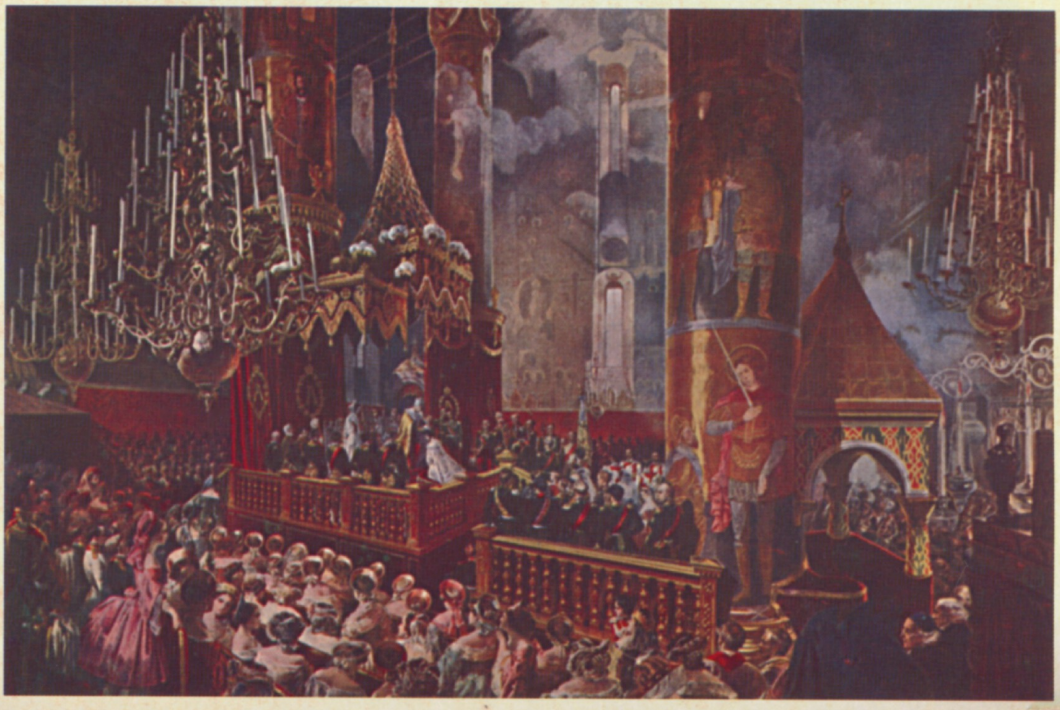
Граф Л.А. Перовский (1792—1856) в мундире Лейб-гвардии Стрелкового Императорской Фамилии полка, худ. Е.И. Ботман

Обер-офицер и рядовой Лейб-гвардии Уланского полка

Обер-офицер Лейб-гвардии Конного полка
граф П.А. Шувалов. 1851 г., худ. Ф. Крюгер

Коронация императора Александра II. Въезд в Москву

Обмундирование четырёх оставшихся
гвардейских кирасирских полков. 1860-е гг.



Коронация императора Александра II. Император коронует императрицу
в Успенском соборе в Кремле

Формы Лейб-гвардии Конно-пионерского эскадрона,
худ. А. Гебенс

Солдаты и офицеры Лейб-гвардии Сапёрного батальона,
худ. А. Гебенс

Обер-офицер Жандармского полка в парадной форме. 1855 г.

Кавалерия Гвардейского корпуса, худ. К.К. Пиратский

Великий князь Михаил Николаевич (1832—1909)
в мундире Артиллерийской бригады

Штаб-офицер Кавалергардского полка и обер-офицер Лейб-кирасирского Её Величества полка. 1855 г.

Штаб-офицер Кавалергардского и обер-офицер Лейб-гвардии Конного полков. 1855 г.

Рядовой и офицер Кавалергардского полка и офицер Лейб-гвардии Конного полка. 1841—1845 гг.

Государь император Александр III (1845—1894)

Великий князь Константин Константинович (1858–1915) в мундире
Лейб-гвардии Измайловского полка, худ. И.Э. Браз

Кивер и фуражка Лейб-гвардии Измайловского полка. 1909 –1914 г.

Солдатский кивер Лейб-гвардии Семёновского полка и офицерская фуражка Преображенского и Московского полков. Начало XX в.

Портрет полковника Лейб-гвардии Конного полка В.Ф. Козлянинова. 1915 г., худ. Д.П. Жуйков

Лейб-гвардии улан Его Величества полка

Великий князь Дмитрий Константинович (1860–1919)
в форме Лейб-гвардии Конно-Гренадёрского полка

Винтовки системы Бердана, предназначенные для гвардейской пехоты

Форма обозных рядовых Лейб-гвардии Конного и Кирасирского
Его Величества полков

Форма унтер-офицера Лейб-гвардии Конного
и денщика Лейб-гвардии Кирасирского полков

Офицерский колет Лейб-гвардии Кирасирского Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка

Генеральская каска Лейб-гвардии Конной артиллерии

Портрет графа В.Б. Фредерикса, бывшего командира Лейб-гвардии Конного полка. 1913 г., худ. Д.П.Жуйков

Великий князь Константин Николаевич (1827–1892)
в мундире Гвардейского экипажа

Рота Дворцовых гренадёр, худ. К.К. Пиратский

Государь император Николай II (1868 —1918) в мундире Лейб-гвардии Гусарского полка, худ. Э.К. Липгарт. 1892 г.

Генерал-адъютант М.И. Чертков (1829—1905) в колете Лейб-гвардии Конного полка, худ. А.В. Маковский. 1897 г.

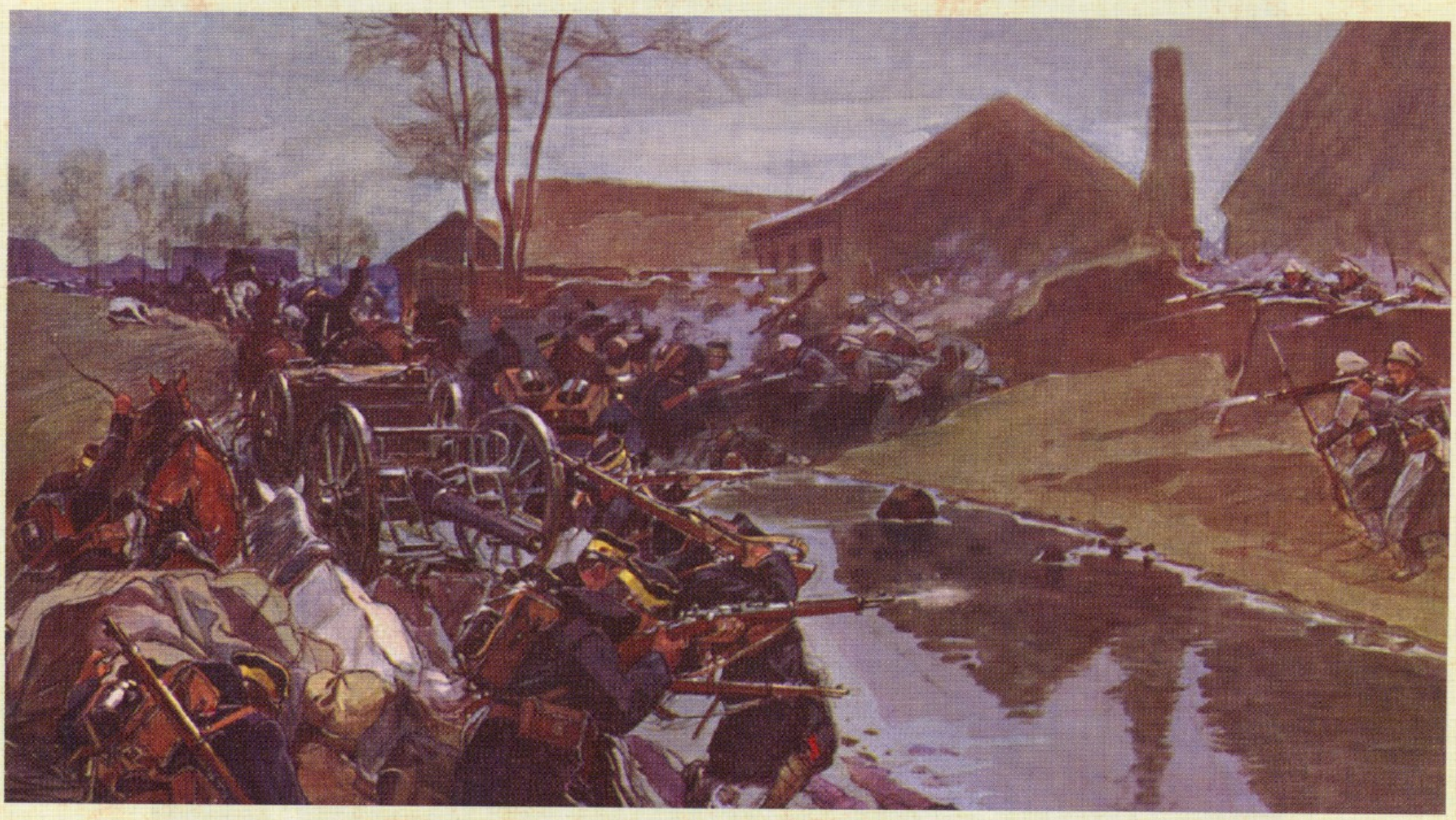
Унтер-офицер Кавалергардского полка, неизв. худ.

Портрет рядового роты Дворцовых гренадёр, худ. М. Кулаков. 1915 г.

Гвардия в Русско-японской войне, худ. Н. Самокиш

Командир Лейб-гвардии Преображенского полка
Великий князь Сергей Александрович (1857—1905)

Чин гвардии Казачьего полка конвоирует пленного японца.
1904 г. худ. Н. Самокиш



Гвардия в Русско-японской войне, худ. Н. Самокиш

Командир Лейб-гвардии Конного полка Великий князь Павел Александрович в полковой форме. 1897 г., худ. В.А. Серов

Офицерские сабли гвардейских казаков. Начало 1910-х гг.

Портрет Ф.Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона,
худ. В.К. Штейнберг

Князь В.А. Долгорукий в мундире Лейб-гвардии Конного полка.
1882 г., худ. В.О. Шервуд

честь чинов корпуса. Именно на эти средства и были сооружены знаменитые Уваровские ворота, торжественно открытые прохождением церемониальным маршем гвардейских колонн в 1834 году. Князь Вяземский оставил в записной книжке ироничную заметку о кончине графа Федора Петровича (Уварова) в ноябре 1824 года. «Похороны Уварова, — пишет Вяземский, — ...были блестящие и со всеми военными почестями. Император Александр присутствовал при них от самого начала отпевания до окончания погребения. "Славно провожает его один благодетель, — сказал Аракчеев Алексею Федоровичу Орлову, — каково-то встретит его другой благодетель!"»[37].

Золотой век русской литературы открыл читающей публике и некоторых офицеров Гвардии, внесших свою лепту в копилку русской словесности. Иные из них были незаслуженно забыты потомками, которые обращались больше к творчеству литературных звезд первой величины. В связи с этим нельзя не вспомнить князя Александра Ивановича Одоевского, поступившего в 1821 году на службу в Лейб-гвардии Конный полк. В среде конногвардейцев он сразу же оказался «в кругу ученых, с утонченным, — как пишет он сам, — вкусом офицеров». О быстротечных днях своей службы в полку Конной гвардии князь Одоевский напишет весьма вдохновенно: «...Шагаю себе, может быть, лечу, но сам не знаю, как, и вместе с тем в некоторые мгновенья наслаждаюсь истинно возвышенной

Федор Петрович Уваров

жизнью, всегда независимою, которая и кипит во мне, как полная чаша Одеонова меду...»[38] Одоевский был дружен с Грибоедовым, не упуская случая назвать себя «питомцем» драматурга. Дружба с мэтром не привела его к трагическим последствиям, как случалось порой с некоторыми грибоедовскими друзьями, что давало повод молодому князю всегда с признательностью вспоминать о старшем своем товарище. Будучи врагом декабризма, считая его «противо-

законным насилием», Одоевский тем не менее сам оказался в стане декабристов и даже горячо призывал своих полковых товарищей в казармах конногвардейцев к мятежу против законного монарха. Не ограничившись стенами родного полка, князь устремился к лейб-гренадерам, пытаясь подбить их на выступление, в результате чего часть полка в приснопамятный день 14 декабря прибыла на Сенатскую площадь. После провала мятежников Одоевский пытался бежать, но, проблуждав в окрестностях засыпанной снегом столицы, сильно устал, замерз и повернул своего коня назад. Вернувшись в город, князь бросился к старшему родственнику, прося у него укрытия. Его дядя, Н.С. Ланской, хитростью заманил племянника в ловушку, усыпив бдительность своими убеждениями, что в его доме князь Александр Иванович находится в полнейшей безопасности, а затем сдал племянника петербургскому генерал-губернатору графу П.В. Кутузову. На допросах Следственного комитета, учрежденного для разбора декабрьской крамолы и покушения на цареубийство, Одоевский все отрицал, потом признавал и снова отрицал, так и не придумав, какой же ему держаться линии. Был приговорен к 15-летней каторге, милостиво сокращенной Государем на три года. В 1827 году мятежный князь был отправлен в Сибирь вместе с другими заговорщиками и потенциальными цареубийцами, возмущался произволом местных властей и, не утратив поэтического дара, воспевал одиночество, пытаясь постичь тайный смысл бытия.

Что мы, о Боже? — В дом Небесный,
Где Сын твой ждет земных гостей,
Ты нас ведешь дорогой тесной,
Путем томительных скорбей,
Сквозь огнь несбыточных желаний!
Мы все приемлем час страданий
Как испытание Твое;
Но для кого, о Бесконечный!
Вложил ты мысль разлуки вечной
В одноночное бытие?[39] —

отчаянно вопрошал собеседника поэт в своем мысленном диалоге с Творцом. Князь Одоевский, мечтавший романтически погибнуть от черкесской пули на Кавказе, куда был переведен из Сибири, в недельный срок сгорел от малярии в поселке Псезуапе, ныне именуемом Лазаревское, 15 августа 1839 года.

Гвардейские «вольнодумцы» на страже российской государственности и их потомки

Возвращаясь к бунтарям иного рода, не всегда разделявшим восторги по поводу того, что творилось в родном Отечестве, нельзя не вспомнить и о славном командире Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка в Отечественной войне 1812 года Якове Петровиче Кульневе. Именно на него обратил внимание сам великий Суворов. Полководец отметил смелость кавалерийской атаки, ведомой молодым Кульневым, которая решила участь сражения под Брест-Литовском. Яков Петрович оказался не только прирожденным кавалеристом, но и азартным человеком. Он восторженно воспринимал известия о военных кампаниях, приветствуя их словами: «Люблю матушку-Россию за то, что у нас всегда где-нибудь, да дерутся!» В армейском быту Яков Петрович был известен своей неприхотливостью: ел простую солдатскую пищу, носил доломан из грубого солдатского сукна, не любил классического гусарского разгула и хмельных пирушек. «Живу по-донкишотски! — часто признавался Кульнев приятелям, — странствующим Рыцарем печального образа, без кола и двора, но милости прошу пожаловать! Голь на выдумки хитра! Попотчую собственным стряпаньем и чем Бог послал». Аскетизм быта он оправдывал перед своими приятелями тем, что в нем он старался подражать Суворову: «...в общем, прозябаю в величии нищеты римской. Ты скажешь, это химера? Отнюдь нет. Чтение Квинта Курция есть беспрестанное мое упражнение...»

В походе 1807 года Кульнев снискал себе славу тем, что с летучим кавалерийским отрядом перешел по льду Ботнический залив и неожиданно появился под стенами Стокгольма. Напуганный известиями о диком русском отряде, возникшем из снежного тумана подле стен его столицы, шведский король поспешил запросить мира.

По подписанному после того Фридрихсгамскому миру, к России отошли Финляндия и Аландские острова. За этот смелый рейд, приведший к неожиданным географическим приобретениям Российской империи, Кульнев получил из рук Государя шейный Георгиевский крест и пять тысяч рублей золотом...

Жизнь Якова Петровича оборвалась на поле брани. Во время преследования отступавших из пределов России наполеоновских частей Яков Петрович так увлекся, что, не рассчи-

тав сил, ввязался в бой с превосходящими его отряд силами противника. Французское ядро оторвало ему обе ноги выше колена. Он оказался первым русским генералом, павшим в Отечественной войне 1812 года. На смерть героя поэт Василий Андреевич Жуковский отозвался полными печальных восклицаний строками:

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал, главу на щит склонив,
И стиснул меч во длани[40].

Один из внуков Кульнева, генерал-майор Иван Яковлевич Кульнев, стал командиром Лейб-гвардии Семеновского полка вместо убитого в 1905 году генерала Мина, а два старших сына Ивана Яковлевича — Николай Кульнев и Илья Кульнев — погибли на двух последних войнах империи: Николай — в Цусимском бою на флагманском броненосце «Князь Суворов», а Илья — на Великой войне, когда его гидроплан был подбит германцами над Балтийским морем...

Гвардейские композиторы

Среди «творческой» гвардейской молодежи XIX века никак нельзя пройти мимо автора мелодии знаменитого гимна на слова В.А. Жуковского «Боже, Царя храни!» Алексея Федоровича Львова, начавшего службу в Лейб-гвардии Жандармском полу-эскадроне и из-за отличий по службе переведенного в Кавалергардский полк, с оставлением в должности старшего адъютанта Штаба Отдельного корпуса жандармов. Путь молодого Львова в Лейб-жандармы начался в 1826 году, когда графу Бенкендорфу потребовался офицер в адъютанты. Молодой кавалергард получил должность по рекомендации Николая I, посоветовавшего Бенкендорфу взять на эту службу именно Львова, который в 1819 году понравился Государю, бывшему в те времена еще Великим князем, образцами инженерного искусства, возведенными по проектам Львова в военных поселениях и имевшими своей целью улучшение жилищного быта проживавших там солдат и их семей. Сам превосходный инженер, Великий князь Николай Павлович обратил внимание на талант Львова, к тому же получившего прекрасные рекомендации и от Аракчеева.

Поступая в жандармы, Львов попросил Бенкендорфа освободить его от всякого рода секретных поручений, для исполнения которых он не испытывал особенных склонностей

по своей натуре. Бенкендорф заверил своего адъютанта в том, что предоставит ему совершенно отдельное от секретной части поле деятельности, вверив его попечительству все дела Главной квартиры и Собственного Его Величества конвоя. Последнее накладывало обязательство на Львова сопутствовать Высочайшим выездам и передвижениям. Более того, создание отдельной части конвоя из народов Кавказского и Закавказского краев в количестве 138 человек Николай поручил всецело заботам Львова.

Как-то в августе 1833 года в частной беседе с Алексеем Федоровичем Царь высказал сожаление о том, что в России еще нет своего гимна, в противоположность другим странам, и, будучи извещен о музыкальных пристрастиях Львова, поручил ему сочинить мелодию российского гимна.

Подходящая, по мнению самого композитора, мелодия была подобрана им лишь в ноябре 1833 года. Именно тогда, «внезапно, в несколько минут», появилась на свет известная ныне многим музыка. Алексей Федорович вспоминал потом, что «чувствовал надобность сочинить гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа, от ученого до невежды...»[41]

Получив от Львова доклад о готовности гимна, Государь тотчас же пожелал услышать его, и вот 23 ноября 1833 года при входе Августейшего Семейства и Свиты в залу Придворной певческой капеллы их встретили величественные звуки Русского гимна в исполнении хора капеллы в сопровождении двух оркестров военной музыки. Государь был потрясен услышанным, повторяя в восторге: «*C'est superbe*!»[42] Гимн был немедленно введен в войсках начиная с 4 декабря 1833 года, а его автору Государь подарил золотую табакерку со своим портретом, усыпанную бриллиантами. 6 декабря 1833 года состоялось первое публичное исполнение гимна в Большом театре в Москве. «Рукоплескания восхищенных зрителей и крики "ура!", смешавшись с хором, оркестром и с бывшей на сцене духовой музыкою, произвели гул, колебавший как бы самые стены театра»[43], — вспоминали свидетели этого события. Вторым публичным исполнением гимна 25 декабря 1833 года были открыты празднества, посвященные изгнанию французов из пределов России в 1812 году, состоявшиеся в Зимнем дворце в Петербурге.

Успех Львова был отмечен Государем пожалованием ему звания фли-

гель-адъютанта 22 апреля 1834 года. При Высочайшем дворе, под руководством Львова был создан оркестр камерной музыки, необычный по составу, но превосходно справлявшийся со своим назначением — услаждать слух взыскательной публики исполнением классических музыкальных сочинений. Оркестр состоял из самого Львова, в качестве ведущей скрипки, графа Виельгорского, игравшего на виолончели, командира Кавалергардского полка графа Апраксина, виртуозного контрабасиста, придворного музыканта, альтиста Ауэра и самого Государя, игравшего на корнет-а-пистоне. На рояле аккомпанировала оркестру Императрица Александра Федоровна. Князь Волконский, Бартенев и Бороздин составляли вокал при оркестре. Дети Государя принимали участие в концертах сообразно своим музыкальным дарованиям.

1 января 1836 года Львов был произведен в полковники, а всего год спустя стал директором Придворной певческой капеллы, не оставляя, впрочем, службы в корпусе Жандармов, покинутой им лишь в 1842 году. Жизнь Алексея Федоровича теперь была посвящена целиком сочинению музыки, гармонизации и приведению в порядок годичного обихода церковной музыки, при этом им сочинено было 48 духовных произведений и немало светских, в том числе и несколько опер. Духовные произведения Львова имели куда больший успех в сравнении со светскими опусами.

Достаточно вспомнить две обработки «Отче наш», «Свете Тихий», «Ныне отпущаеши», четыре версии «Херувимских» и исполняемую на греческом языке молитву «Испола эти, деспота». Духовная музыка Львова отличается особой художественностью ее обработки и стремлением уйти от шаблона и ложного пафоса. Особая мелодичность произведений Львова обеспечила его духовным произведениям самое широкое распространение в Российской империи. Император Николай I не мог, по его собственному признанию, сдержать слезу, слушая «Отче наш» Львова. Нередко произведения, поставленные или исполненные Львовым, заставляли увлажняться глаза монарха, признававшегося композитору: «Мне было совестно, и я прятался за колонну, чтобы никто не видел моих слез. Ты заставил меня войти в самого себя...» Гвардейский полковник Львов был знаменит еще и тем, что оказался талантливым скрипачом, приобретшим известность и за границами империи. Немецкий композитор Р.А. Шуман не без восторга отзывался о способностях Львова, не

ведая, что автор потрясающих произведений не был профессионалом в истинном смысле этого слова, оставаясь лишь музыкантом-любителем...

В 1843 году Государь пожаловал Львову чин генерал-майора и зачис-

Модест Петрович Мусоргский. Художник И.Репин

ровичем Мусоргским, прапорщиком Лейб-гвардии Преображенского полка с 11 июня 1855 года. Его служба в Гвардии была непродолжительной, всего около трех лет, после чего молодой русский композитор всецело по-

лил его в свою Свиту, а еще через десять лет композитор дослужился до чина III класса и был Высочайше пожалован в гофмейстеры. На этом карьера Алексея Федоровича не окончилась, и продвижения по службе, состоявшиеся уже в новое царствование, продолжились. В 1862 году он стал обер-гофмейстером, однако радость его была омрачена наступавшим недугом: еще в 1846 году, упав с лошади, Алексей Федорович стал стремительно терять слух, а к 1868 году полностью лишился оного. В отчаянии Львов покинул столицу, поселившись в своем имении близ Ковно, где прожил совсем недолго и скончался два года спустя после приезда. По повелению Государя герб Львовых отныне украшала начальная строка гимна.

Львову суждено было стать не последним композитором, вышедшим из гвардейских рядов. Список можно продолжить великим Модестом Петсвятил себя занятию музыкой. Знаменитый автор «Бориса Годунова» и «Хованщины» прожил трудную, полную нужды жизнь, однако его поистине народные оперы стали украшением мировой оперной сцены.

Гвардейские сочинители

Преображенский полк дал русскому искусству изрядное количество знаменитостей: в нем начинал свою службу солдатом Гавриил Романович Державин, пожалованный затем в 1773 году чином прапорщика. Охотник до исторических анекдотов и воспоминаний, князь Вяземский не мог пройти мимо занятных подробностей полковых будней солдата-преображенца Гавриила Державина: «Солдатские жены, жившие с Державиным-солдатом, заметили, что он всегда занимался чтением, и поэтому стали просить его, как грамотея, писать за них письма к родственникам. Державин и писал их. После хотел он употребить в пользу свою писарскую должность и писал (Бакунин говорит — за деньги, за 5 и 10 коп. за письмо) письма, с тем чтобы мужья отправляли за него ротную службу, то есть ездили за мукой и проч. Далее перекладывал он в стихи полковые поговорки, переписывал Баркова сочинения...»[44]

В Преображенском полку проходил службу и незадачливый поэт и переводчик авторов классической древности Павел Александрович Катенин, за «шиканье» артистке Семеновой как-то высланный разгневанным графом Милорадовичем из Петербурга в Костромскую губернию. Там Катенин и осел на десять лет, занимаясь переводами и переделками драматических отрывков.

Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый... —

напишет в «Евгении Онегине» Пушкин, откликаясь на получивший благосклонную прессу катенинский перевод «Сида». Катенин стал автором многих лирических и эпических поэтических произведений, в которых звучит его очарование древнерусской культурой, однако наибольшее признание Катенин получил как критик. Именно к нему на суд Грибоедов принес свою рукопись «Горе от ума». Пушкин ставил Катенина выше многих современных ему критиков, считая, что в своих критических упражнениях тот превзошел даже А.А. Бестужева (Марлинского).

Преображенцем был сын и внук одного из знаменитых писателей XVIII века Якова Борисовича Княжнина и А.П. Сумарокова Александр Яковлевич Княжнин. Дед Княжнина по материнской линии справедливо считался большим оригиналом и острословом. Князь Петр Андреевич Вяземский вспоминает, что, по рассказам, как-то тот «имел тяжебное дело, которое поручил ходатайству какого-

то г-на Чертова. Однажды, написав ему письмо по этому делу, заключил его следующим образом: "С истинным почтением имею честь быть не вам покорный слуга, потому что я чертовым слугою быть не намерен, а просто слуга Божий, Александр Сумароков"»[45].

Отец преображенца Яков Борисович Княжнин, автор «Дидоны» и «Вадима Новгородского», никогда не был военным в формальном смысле этого слова, неся лишь службу при дежурных генерал-адъютантах в должности, как тогда говорилось «за секретаря», и посвятил большую часть своей жизни драматургии. Сам Александр Яковлевич Княжнин был причислен к Преображенскому полку, начав свою службу, впрочем, в Лейб-гвардии Измайловском, а затем продолжив ее в Кексгольмском полку. В войне 1812 года он участвовал в бою под Красной и обороне Смоленска. С отступлением русской армии на Бородинскую позицию, Княжнина назначили командовать бригадой, направив для захвата знаменитого Шевардинского редута. Там Княжнин был тяжело ранен, и это ранение заставило его окончательно оставить службу четырнадцать лет спустя. В свое время Княжнин был сравнительно известным литератором и журналистом. Пытался заниматься драматургией и создал три оперы. Довольно успешно выступал он как подающий надежды поэт и баснописец, однако именно в этих жанрах не развил должного успеха.

Лейб-гвардии Семеновский полк может по праву гордиться своим офицером — Петром Яковлевичем Чаадаевым, начавшим там службу в юнкерском чине и участвовавшим вместе с полком в Отечественной войне 1812 года. В 1814 году Чаадаев переводится в Ахтырский гусарский полк поручиком, а затем корнетом в Лейб-гвардии Гусарский полк. В 1821 году Чаадаев вышел в отставку в чине ротмистра и более не служил, до 1825 года проводя время в путешествии за границей. В 1828—1830 годах работал над «Философскими письмами», где не без упоения показал своим читателям нелицеприятные стороны российского общества.

Полководцы — выходцы из Гвардии

Не только философы, но и вполне «земные» люди, чьими стараниями прирастал престиж и могущество Российской державы, были выходцами из гвардейских полков. Знаменитый «белый генерал», покоритель мя-

тежного Туркестана, Михаил Дмитриевич Скобелев, про которого эпос уральских казаков говорил, что «Под начальством Скобелева//Лестно будет умереть...», вышел юнкером в Кавалергардский полк и в 1863 году произведен в корнеты. Вскоре по состоянию здоровья он был переведен в легкую кавалерию, в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, а еще два года спустя он поступил в Академию Генерального штаба, после ее окончания был причислен к штабу Туркестанского военного округа. Туркестан оказался важной геополитической целью российской внешней политики, достичь которую можно было не столько дипломатическими стараниями, сколько рядом точных успешных военных операций, позволивших нейтрализовать феодальные очаги сопротивления и закреплявших власть «белого царя», как в тех краях именовались российские императоры.

Туркестанские войны проходили в тяжелых условиях прежде всего в силу особенностей местного климата и состояли из кровопролитных стычек русских экспедиционных корпусов с войсками местных эмиров и ханов. Почти каждый русский командир, участвовавший в туркестанских походах, мог вспомнить впоследствии:

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой...[46]

Именно Хивинский поход 1873 года выдвинул Михаила Дмитриевича Скобелева на первые роли в российской армии. Командуя авангардом, Скобелев отличился в боях с воинством эмира при Мангыте, Шенешеп-Авли и взятии самой Хивы, за что получил Георгиевский крест 4-й степени и был произведен в чин полковника. Кроме того, Скобелев был пожалован флигель-адъютантом.

Михаил Дмитриевич Скобелев в юности

Истории было угодно, чтобы подающий надежды русский полководец впал в немилость к самому «русскому» по своим убеждениям из последних монархов. Неприязнь Александра III к Скобелеву усилилась после того, как ему донесли о высказываниях генерала на банкете в Париже, посвященном первой годовщине взятия Геок-Тепе, в которых тот позволил себе высказаться о племени славянском, терзаемом и попираемом, в том числе «в среде доморощенных и заграничных иноплеменников». В этом доносители усматривали в том числе упрек и в сторону многочисленных иностранных родственников правящего императора, занимавших значительные государственные посты. Речь генерала провокационно опубликовали парижские и российские газеты, и 7 марта 1882 года Скобелеву пришлось прибыть в Петербург для объяснений с самим императором. По свидетельству дежурного флигель-адъютанта Александра III, Скобелев вошел к Монарху со словами искреннего раскаяния: «Несу повинную голову, русское сердце заговорило...», и большая часть их беседы протекала в «отечески-назидательном тоне» со стороны Императора. Казалось бы, недоразумение разъяснено, но это не принесло душевного покоя Михаилу Дмитриевичу. Последние месяцы перед своей неожиданной кончиной он провел отчасти в упадке настроения, проронив однажды, как бы подведя итоги многолетних раздумий: «Все на свете — ложь! Даже слава...» В последний роковой свой день «Скобелев направляется в Столешников переулок, в резиденцию "Англия". Кутеж был в разгаре, когда из соседнего кабинета к Скобелеву вышел мужчина и предложил выпить бокал шампанского. Скобелев не отказался, поскольку из кабинета доносились здравицы в его честь... Как ни старался Скобелев, веселье не приходило. Даже очарование известной всей Москве кокотки Ванды не избавило от хандры. Не прошла она и в роскошном номере, где продолжался ужин. Каково же было удивление дворника, когда поздно ночью он услышал пронзительный крик, а затем увидел неряшливо одетую, испуганную и зареванную Ванду. "У меня в номере умер офицер", — дрожащим голосом сказала она»[47].

Узнав о странной кончине Скобелева, Государь телеграфировал сестре Михаила Дмитриевича, княгине Наталье Дмитриевне Белосельской-Белозерской: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для всей Русской Армии трудно заменимая и... сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно...»[48]

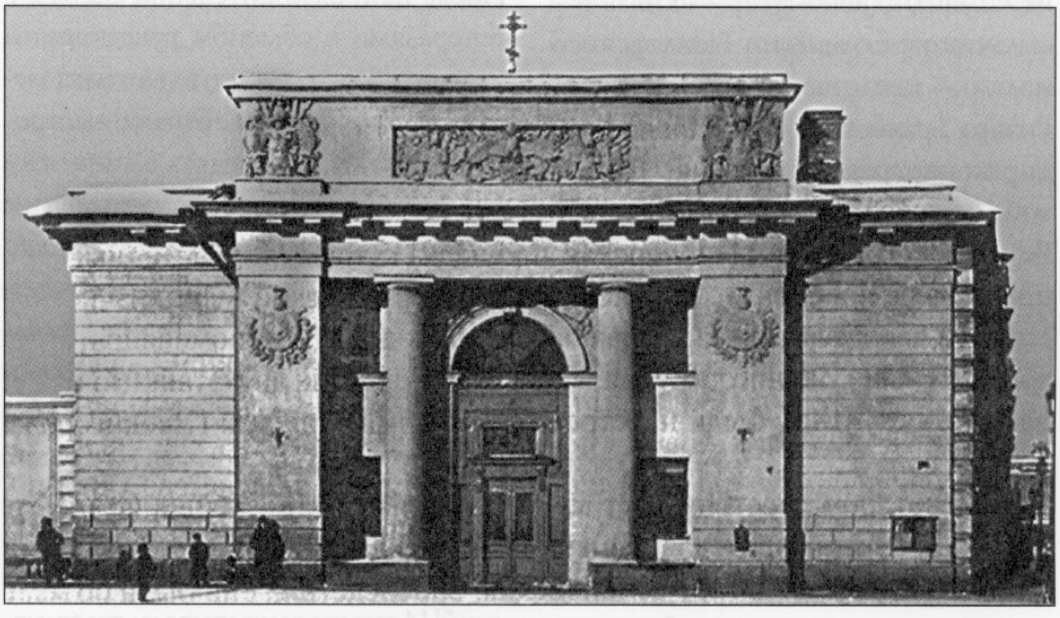
В оставшееся время двух последних царствований Отечество наше, увы, не увидало в рядах своей армии столь ярких полководцев, каким был Михаил Дмитриевич Скобелев. И, вероятно, потому Михаил Дмитриевич навсегда останется в памяти потомков как один из последних великих полководцев своего века.

Круг общения гвардейцев

Начальник штаба Гвардейского корпуса, генерал-майор Георгий Иванович Гончаренко, командир 19-го Архангелогородского драгунского полка в Великую войну, начинавший свою службу офицером Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, оставил несколько занимательных портретов своих сослуживцев по Гвардейскому корпусу и весьма подробный рассказ о комплектации рядов Гвардии, проходившей по обыкновению в стенах Михайловского манежа. «В манеже, — повествует Георгий Иванович, — стоит гул голосов. Манеж наполняется высшими генералами, командирами гвардейских частей, офицерами и солдатами в золотых касках кирасирской дивизии, в вздетых набекрень уланских киверах, в бобровых гусарских шапках... Гвардия комплектуется со всей империи. Черны, как смоль, гиганты малорусских губерний, рыжеволосые ярославцы, костромичи, нижегородцы, белокурые с голубыми глазами великаны-поморы и латыши, все лучшее, все отборнейшее, весь цвет великой страны, пригоняется в эти хмурые ноябрьские дни в столицу для распределения по гвардейским полкам. Люди стоят в боязливом смущении, ошеломленные ярким светом, озадаченные ярким блеском никогда не виданных форм, присутствием высокого столичного начальства».

Георгий Иванович Гончаренко

В описании «высокого столичного начальства» генерал Гончаренко краток и точен. Здесь он стремится схватить и донести до читателя самые яркие образы многочисленных гвардейских командиров — своих современников. Эти образы столетней давности весьма контрастируют со «столичным начальством» наших дней: «...прежде всего привлекает стройная фигура Великого князя Павла. Его породистое лицо, с коротко подстриженными усами, свежо и красиво. Он по виду напоминает молодого полковника. Однако уже успел откомандовать Конною Гвардией и кирасирской дивизией и состоит сейчас командиром гвардейского корпуса... Тут же рядом стоит начальник второй гвардейской кавалерийской дивизии, будущий генерал-адъютант и варшавский генерал-губернатор Скалон. Он одет в форму варшавских улан, высокий, подтянутый, сухощавый, с медленными движениями — олицетворение выдержки и изящества... Вот командир лейб-казаков седоусый красавец генерал Антон Новосильцев. Бывший конногвардеец, порастративший за время службы в полку все состояние, не потерял, однако, былой беззаботности и веселого расположения духа. Революция застала его в звании генерал-адъютанта... Вот — генерал Дубенский. Он носит форму гродненского полка. Из-под распахнутой шинели сверкают серебряные шнуры гусарской вен-



Знаменитый Михайловский манеж

герки. Кривая сабля волочится, касаясь темляком самой земли... В общем-то, этот влюбленный в себя холостяк, с пушистыми бакенбардами, отнюдь не плохой человек. Одевается безукоризненно... букет парижских духов распространяет благоухание. Но генерал скуповат. И даже никак не собирается завести вторую лошадь. А на высочайших парадах, чтобы ввести в заблуждение начальство, привязывает к своей короткохвостой кобыле длинный арабский хвост. Вот командир кавалергардов, румяный, выхоленный генерал Николаев, с неизменной сигарой в зубах. Утверждают, будто он выиграл в Английском клубе двести тысяч рублей и с тех пор играет только в покер и бридж. Рядом стоит командир лейб-гусар — князь Васильчиков, командир Павловского полка — представительный генерал Ричард Траянович фон Мевес, командир конногренадер — длинный, сухой, в пенсне на близоруких глазах, Великий князь Дмитрий Константинович, всецело занятый строевой службой и церковными требами. Наконец, чуть ли не головой возвышаясь над всеми, на тонких журавлиных ногах, стоит угловатый, нескладный, узкоплечий командир батареи гвардейской конной артиллерии, великий князь Сергей Михайлович... В сопровождении начальника штаба... и нескольких адъютантов в манеж входит Главнокомандующий, Великий князь Владимир. «Грандюк» в темно-сером пальто с красными отворотами, между которыми сверкает шейный Георгиевский крест. На большой седеющей голове Великого князя неуклюже сидит генерал-адъютантская фуражка с белыми кантами. Весь он тяжелый, крупный, медлительный, преждевременно обрюзгший, но со следами былой красоты, с густым, низким, рокочущим, как медный геликон, совершенно исключительным голосом»[49].

В те славные времена сам Великий князь занимался сортировкой новобранцев по гвардейским полкам. После непродолжительной беседы с генералами и обменом рукопожатиями, получив от своего адъютанта мелок, Великий князь обходил выстроенные ряды, вглядываясь в лица вчерашних крестьян, и одному за другим выводил на груди мелом несколько букв: Кав... Гр... Кир... Его... Два присутствующих при сортировке новых кадров исполина-преображенца, с золотыми шевронами на рукавах, звучно оглашали манеж своими голосами, видя, как мелок Великого князя выводит на груди очередного новобранца, например, «Кав» — Кавалергардский! И тут же выхватывали счастлив-

ца из общего ряда, перебрасывая его в руки ждавшей неподалеку группы кавалергардов, ответственных за подбор пополнения в полк. И снова звучат зычные голоса преображенцев-великанов: «Гренадерский», «Кирасирский Ее Величества» и так далее, пока все присутствующее пополнение не распределено по гвардейским командам, не без радости увозящим с собой в полки новых нижних чинов.

Георгий Иванович Гончаренко завершает сцену отбора так: «Разбивка закончена. Группы, одна за другой, выходят в широкие ворота манежа. Одна за другой растекаются по мокрым, скользким, залитым огненным светом, мостовым невской столицы. Впереди идут трубачи. Звуки бодрого марша оглашают оживленные улицы и проспекты...»[50]

О службе и полковой жизни в рядах славного Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка Гончаренко написано немало страниц, однако наиболее яркие воспоминания его посвящены литературному кругу его знакомых и его литературным наставникам. Одному из них, отцу его товарища по полку Владимира Константиновича Случевского, известному в свое время поэту и гофмейстеру Высочайшего двора Константину Случевскому Георгий Иванович посвятил целый рассказ.

Константин Константинович служил в Гвардии, в Лейб-гвардии Семеновском полку, после чего, оставив службу, как поступали многие его современники, уехал за границу, чтобы поступить в старинный германский Гейдельбергский университет. Оттуда он вернулся в Россию в звании доктора философии и поступил на службу в Министерство внутренних дел. Там Случевский занимал различные должности в Цензурном комитете, пока его приятельство с Великим князем Владимиром Александровичем не принесло ему чина III класса (тайного советника), а заодно и придворное звание. Это, в свою очередь, привело его на должность редактора газеты, гордо именуемой «Правительственным Вестником». Ко времени, когда Гончаренко показал Случевскому свои первые литературные опыты в поэзии, литературный багаж самого гофмейстера Высочайшего двора «состоял из нескольких томов стихотворений, рассказов, философских этюдов»[51] и серии очерков путешествия по Крайнему Северу России, предпринятому им совместно с Великим князем Владимиром Александровичем.

Случевский отнесся вполне благосклонно к начинающему свой путь в литературе гвардейскому офицеру и рекомендовал его редактору одного

из столичных литературных журналов со слегка легкомысленным названием «Стрекоза», Ипполиту Михайловичу Василевскому-Букве. Гончаренко стал одним из постоянных авторов журнала и порой даже обижался, когда его первые литературные опыты безжалостно правились редакторской рукою. «Не обижайтесь, молодой человек, — успокаивал молодого гвардейца издатель журнала старик Корнфельд — ...Антошу Чехонте мы тоже правили...»[52]

Одной из традиций, принятых у Случевского, были его знаменитые «вторники» и «четверги», на которые собирались его приятели — беллетристы и поэты. «Звезды», возможно, не первой величины, но уже во многом прославившие свое имя. Самым молодым из них был философ-поэт Владимир Соловьев. Гончаренко вспоминал, что «философ с милой снисходительностью отнесся к моим литературным забавам и говорил: "Пегас-то наш, правда, хромает!.. Ну, да мы его подкуем!.. Не унывайте, фельдмаршал!" ...К сожалению, Соловьев вскоре умер. Я поступил в военную академию. Моя литературная деятельность приняла совершенно иной характер...»[53]

Сам Случевский ненадолго пережил Соловьева, а через год погиб и его старший сын, лейтенант Гвардейского экипажа, тоже Константин Константинович. Он служил старшим минным офицером на броненосце «Петропавловск», который после жестокого обстрела японцами перевернулся вверх дном и унес жизни почти всего экипажа. Как известно, одним из спасшихся был Великий князь Кирилл Владимирович. Русский флот потерпел в той войне неслыханное поражение, и в связи с этим невольно вспоминаются пророческие слова Владимира Соловьева, написанные им за восемь лет до поражения Российской империи в Русско-японской войне:

О Русь, забудь былую славу,
Орел двуглавый посрамлен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен...[54]

Второй сын поэта, Владимир Константинович Случевский, служивший до войны в Лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку погиб на Великой войне в 1915 году. Начав военную карьеру в качестве ординарца в 6-й кавалерийской дивизии в Царстве Польском, он был тяжело ранен осколком германского снаряда. От разрыва этого снаряда пострадал и помощник Гончаренко, Генерального штаба капитан Виттекопф, впоследствии во время гражданской войны в Сибири ставший

широко известным под именем «генерала Белова».

В своих воспоминаниях о службе в Гвардии Гончаренко не мог обойти вниманием и курьезную фигуру своего современника конногвардейца Козлова, известного в петербургском великосветском обществе под именем «Le beau Cozloff», а также тем, что он женился на правнучке великого полководца Александра Васильевича Суворова. Козлов состоял при особе военного министра и «...занимался собаками и коллекционировал старинный фарфор. Что касается службы, она его занимала постольку, поскольку была связана с правом ношения красивых серебряных аксельбантов и мечтами о превосходительном чине»[55].

Козлов ожидал, что со смертью своего тестя, генерал-адъютанта Александра Аркадьевича, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, не имевшего наследников мужского рода, титул отойдет к нему по ходатайству некоторых его влиятельных друзей перед государем. В 1900 году, в год столетия со дня смерти Суворова, в петербургской Александро-Невской лавре проходила панихида по Суворову, собравшая представителей Высочайших особ, депутацию от Гвардии и шефских полков, а также некоторых потомков генералиссимуса — Молостовых и Башмаковых. Свидетельствуя об этом печальном и торжественном событии, Георгий Иванович Гончаренко отмечал, что «в центре внимания находилась фигура правнучки, пожилой и некрасивой "суворочки" в глубоком трауре, и рядом — представительная масса полковника. Козлов, напоминавший своим видом болгарского царя Фердинанда Кобургского, был в приподнятом настроении и держал себя именинником. Лицо его сияло самодовольством. Он милостиво принимал знаки сочувственного внимания, целовал ручки высокопоставленным дамам и, почтительно склонив голову, отвешивал поклоны высочайшим особам...»[56]

Ожиданиям незадачливого Козлова не суждено было сбыться. Государь отклонил ходатайство о передаче ему суворовских титулов. Козлов был глубоко огорчен Высочайшим решением, однако эта печальная новость не изменила его обычного распорядка жизни: «В весенние петербургские дни, когда пахнет неясными ароматами, и в Летнем саду наливаются почки, можно было видеть на Набережной крупного, представительного полковника в адъютантской форме, совершавшего для моциона, в сопровождении нескольких фокстерьеров, утреннюю прогулку»[57].

Русско-японская война, на которой Козлов заведовал квартирмейстерской частью у Куропаткина, принесла ему первый генеральский чин и иконостас боевых орденов. Полученная контузия привела его назад в Петербург, где он ежедневно наведывался в Главный штаб пожаловаться на расстроенное здоровье и навести справки о причитающемся ему Георгиевском кресте. Георгиевский крест, как ранее и княжеский титул, по каким-то причинам был отклонен. «Да-с, государи мои! — говорил он, молодцевато выпячивая крутую грудь и играя кисточкой красного темляка. — Нехорошо-с! Вот вы критикуете, а мы воюем... Кровь не чернила, государи мои!.. Читали последнюю реляцию его превосходительства главнокомандующего? В устах заведующего штабной столовой это звучало комично...»[58]

Жизнь конногвардейца Козлова закончилась до нелепости трагично. Он был убит неврастеничной революционеркой, принявшей его сослепу за петербургского генерал-губернатора Трепова. Скрытая насмешка судьбы состояла именно в том, что на Трепова он не походил ни складом характера, ни лицом, ни даже фигурой.

Гвардейские дуэли

Нелепая смерть представительного гвардейского офицера от руки революционной дамочки, конечно, трагична, однако этот случай был в своем роде единичным. Гораздо больше и чаще в мирное время гвардейцы гибли на поединках, которые не прекращались вплоть до начала Великой войны. В «Дуэльном кодексе» Дурасова, сообразно которому проходили гвардейские дуэли, орудием убийства гвардейцами друг друга, как правило, служили гладкоствольные пистолеты без мушки. В эпоху последнего царствования обычай дуэли вошел практически в обиход русского, главным образом военного, общества и не рассматривался с точки зрения уголовного кодекса как преступление. Участники дуэлей в начале XX века освобождались от наказания, ибо поединок считался единственно объективным средством смыть оскорбление и восстановить честь мундира. В случае дуэли между гвардейскими офицерами результаты ее выносились на рассмотрение суда чести, и последний выносил постановление, подчинение этому решению считалось обязательным. В случае неповиновения решению суда чести офицер ис-

ключался не только из Гвардии, но и из армии.

Мотивы гвардейских дуэлей последней четверти XIX и дореволюционного периода XX века были самыми разнообразными, но главный из них на протяжении времени оставался неизменным. В центре дуэльной фабулы стояла женщина. Одной из ярких иллюстраций «романтического» поединка может по праву считаться дуэль между кавалергардским и конногвардейским офицерами — графом Арвидом Эрнестовичем Мантейфелем и князем Арсеном Карагеоргиевичем, братом будущего сербского короля Петра I, известным тем, что был женат на столичной красавице Авроре Павловне Демидовой. Примерно к этому же времени относится поединок двух офицеров Лейб-гвардии Павловского полка — князя Николая Петровича Вадбольского и склонного к язвительным выпадам поручика Ломоносова. Секунданты пытались примирить обидчивого князя и его невоздержанного на язык противника, но Вадбольский категорически отказался от примирения. В результате обмена выстрелами Ломоносов был убит наповал. Князя осудили к трем годам крепости, но вскоре помиловали и выпустили на волю. Николай Петрович, недолго думая, поступил в Академию Генерального штаба и с головой ушел в учебу, что со временем принесло положи-

Князь
Арсен Карагеоргиевич

Владимир Михайлович
Безобразов

тельные результаты. На Великой войне князь Вадбольский командовал кавалерийской дивизией и впоследствии даже корпусом.

На почве разногласий между Великими князьями, Павлом Александровичем и Николаем Николаевичем младшим, стрелялись их почитатели — лейб-гусары Безобразов и Лихарев. На произошедшем поединке Безобразов ранил Лихарева, и вскоре тот оставил полк и поселился в усадьбе. Сам же Владимир Михайлович Безобразов впоследствии командовал Кавалергардским полком, 1-й бригадой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и дослужился до чина генерала от кавалерии, а позже стал командиром Гвардейского отряда. Он благополучно покинул погибавшую империю в начале 1919 года, перебравшись в Данию, и скончался в Ницце 17 сентября 1932 года, вдали от страдающей под большевистским игом России.

Анна Павловна Павлова.
Рисунок В. Серова

Известная балерина Анна Павлова стала причиной дуэли между конногвардейцем Дерожинским и лейб-гусаром, известным спортсменом-наездником Маркозовым. Дуэль эта, по счастью, не имела трагического исхода. Противники обменялись выстрелами, честь была спасена, и балерина перешла к счастливому лейб-гусару от незадачливого конногвардейца. После дуэли Дерожинский покинул полк Конной гвардии и поступил на учебу в Горный институт. Его противник и новый обладатель благосклонности балерины Павловой Дмитрий Васильевич Маркозов был зарублен большевиками в ходе боев под Новороссийском в 1920 году.

Гусары Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Николай Сергеевич Ильенко и Петр Александрович Половцов вышли на поединок из-за одной варшавской артистки. Пуля Половцова оцарапала щеку Ильенко. Пуля последнего, скользнув по кос-

тыльку гусарского ментика Половцова, лишь сбила его с ног. Дуэль без последствий позволила Петру Александровичу благополучно дослужиться до чина генерал-лейтенанта, побывать командующим войсками Петроградского военного округа и даже покомандовать войсками Кавказского туземного конного корпуса, а главное, дожить до глубокой старости и скончаться в 1964 году в Монте-Карло под благоуханье роз и шум морского прибоя. Будущее его противника оказалось иным. Получив Георгиевский крест на Великой войне, после большевистского переворота он безвыездно проживал в СССР, вынужденно прикидываясь крестьянином и перебиваясь сезонной работой. Подавленный тяжелой переменой в своей судьбе, измученный подпольной своей жизнью, он скончался в Луганске в 1930 году.

Анастасия Вяльцева

Конногвардеец граф Мантейфель убил своего соперника князя Николая Феликсовича Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона, в поединке, состоявшемся в связи с тем, что Мантейфель пытался защитить честь жены, имевшей несчастье любить его удачливого соперника в 1908 году.

Конногвардейский полковник В.В. Бискупский с супругой Анастасией Вяльцевой (в центре)

За несколько лет до войны произошла известная дуэль между конногвардейцами Василием Викторовичем Бискупским, автором полковой песни Конной гвардии, и Петром Николаевичем Золотницким из-за той роли, которую жена Бискупского, певица Анастасия Дмитриевна Вяльцева, желала играть в качестве полковой дамы. Золотницкий, отнесшейся весьма скептически к потугам про-

винциальной певицы блистать в роли Grande Dame 2-го полка в Гвардии, был вынужден принять вызов будущего покровителя молодого Адольфа Гитлера.

Великий князь Кирилл Владимирович

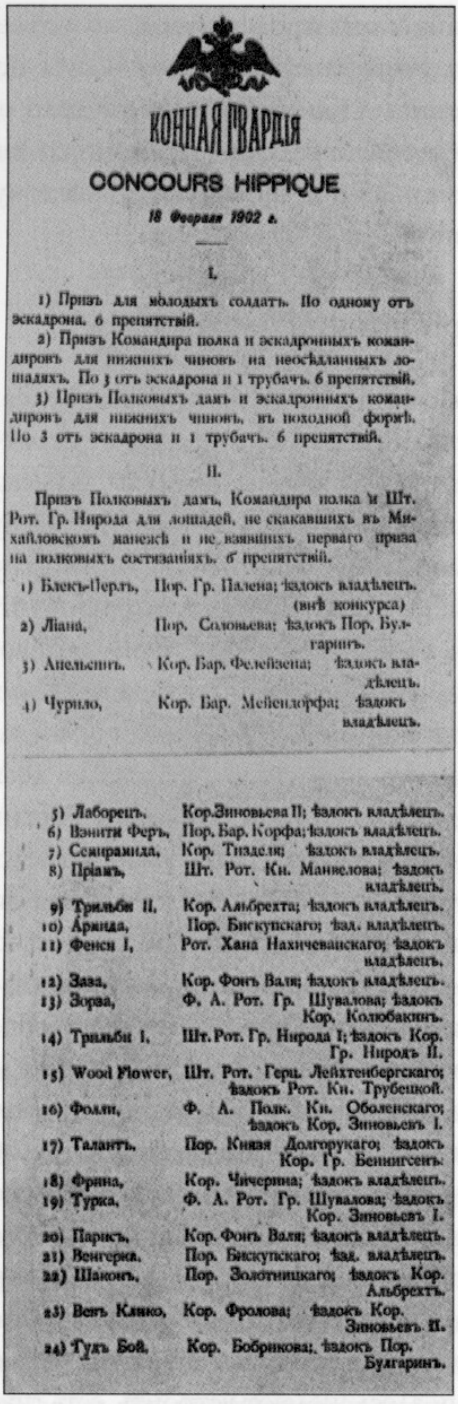
Как мы уже отмечали в предыдущей главе, брак гвардейского офицера не только с артисткой, но и с недостаточно родовитой дворянкой обуславливал уход «провинившегося» из рядов Гвардии. Случай с Василием Бискупским, продолжавшим служить после скандальной женитьбы в Лейб-гвардии Конном полку, был скорее исключением. Вскоре после поединка оба противника покинули полк. Известный своими германофильскими взглядами, Бискупский прожил долгую жизнь, пройдя от службы у гетмана Скоропадского до карьеры у Гитлера, который был обязан ему тем, что после провалившегося «пивного путча» скрывался некоторое время у него в доме. В германском рейхе Василий Бискупский получил синекуру в виде канцелярии по делам русских эмигрантов, где успешно справлял службу до 1945 года, скончавшись в столице милой его сердцу Баварии. Его соперник по поединку был расстрелян большевиками в Москве в 1918 году.

Одна из известных дуэлей между гвардейцами, произошедшая уже в эмиграции, состоялась между «известным генералом П.» и неким флотским лейтенантом из-за того, что генерал имел неосторожность высказаться неодобрительно по отношению к Великому князю Кириллу Владимировичу, провозгласившему себя «императором» в изгнании. Первоначально дуэль должна была состояться в Париже, однако местная полиция предотвратила поединок, посчитав его нарушением общественного спокойствия. По обоюдному согласию сторон дуэль была перенесена в Монте-Карло. Поскольку лейтенант и его секунданты не имели средств добраться до княжества Монако, генерал обес-

печил их билетами на проезд до Монако во втором классе поезда. В благословенных владениях повелителя монегасков дуэль между двумя русскими противниками разрешилась следующим образом. Лейтенант промахнулся, но в ответ получил ранение в ногу и был помещен в клинику Монте-Карло на излечение за счет ранившего его генерала под надзор местных эскулапов.

Участие Гвардии в «Петербургских конкурах»

Состязания между гвардейцами, к счастью, проводились и менее жестоким образом. Спорт часто являлся тем родом деятельности, где чины Гвардии могли соревноваться в ловкости и умениях. В 1907 году в войсках Гвардии с Высочайшего разрешения задумали ввести игру в футбол. Мемуарист так описывал это начинание: «Главным инициатором всего дела был кавалергардский полковник Воейков, лицо, близкое царю, большой штукарь и гроссмейстер ордена очковтирателей... Когда в полк пришло распоряжение о введении футбола, Шильдер распорядился опросить чинов учебной команды — в ротах и спрашивать не пытались, — кто умеет играть. Как и следовало ожидать, никто даже не знал, что это такое. При дальнейших разъяснениях обнаружилось, что трое наших юношей видели футбольные мячи в окнах магазинов... Через две недели в воскресенье был объявлен матч между нашей командой и кавалергардской. На поле перед полком разбили нашу большую палатку, развесили флаги кавалергардские и наши, расставили стулья, складные кресла... В палатке стол с белоснежной скатертью, на нем серебряный самовар, торты, печенья, прохладительные напитки, сандвичи, "виски", одним словом все, что полагается... В великолепной коляске прикатил великолепный командир кавалергардов, один из десяти самых богатых людей в России, князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. С ним его жена красавица Зинаида Юсупова, молодое прелестное лицо и седые волосы, первая дама Санкт-Петербурга... Общество собралось самое блестящее... Кавалергардская команда с офицером пришла раньше. Офицер оказался наш добрый знакомый и человек понимающий. Мы с ним с первого слова договорились. "Я, — говорит кавалергард, — четыре года учился в Англии и три года играл там в футбол. Все, что они здесь желают устроить, есть гнусный балаган. Где уж нам к черту «мат-



КОННАЯ ГВАРДІЯ

CONCOURS HIPPIQUE

18 Февраля 1902 г.

I.

1) Призъ для молодыхъ солдатъ. По одному отъ эскадрона. 6 препятствій.

2) Призъ Командира полка и эскадронныхъ командировъ для нижнихъ чиновъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ. По 3 отъ эскадрона и 1 трубачъ. 6 препятствій.

3) Призъ Полковыхъ дамъ и эскадронныхъ командировъ для нижнихъ чиновъ, въ походной формѣ. По 3 отъ эскадрона и 1 трубачъ. 6 препятствій.

II.

Призъ Полковыхъ дамъ, Командира полка и Шт. Рот. Гр. Нирода для лошадей, не скакавшихъ въ Михайловскомъ манежѣ и не взявшихъ перваго приза на полковыхъ состязаніяхъ. 6 препятствій.

1) Блекъ-Перлъ, Пор. Гр. Палена; ѣздокъ владѣлецъ. (внѣ конкурса)
2) Ліана, Пор. Соловьева; ѣздокъ Пор. Булгаринъ.
3) Апельсинъ, Кор. Бар. Фелейзена; ѣздокъ владѣлецъ.
4) Чурило, Кор. Бар. Мейендорфа; ѣздокъ владѣлецъ.
5) Лаборецъ, Кор. Зиновьева II; ѣздокъ владѣлецъ.
6) Взяти Феръ, Пор. Бар. Корфа; ѣздокъ владѣлецъ.
7) Семирамида, Кор. Тизделя; ѣздокъ владѣлецъ.
8) Піанъ, Шт. Рот. Кн. Манвелова; ѣздокъ владѣлецъ.
9) Трильби II, Кор. Альбрехта; ѣздокъ владѣлецъ.
10) Аранда, Пор. Бискупскаго; ѣзд. владѣлецъ.
11) Фенси I, Рот. Хана Нахичеванскаго; ѣздокъ владѣлецъ.
12) Заза, Кор. Фонъ Валя; ѣздокъ владѣлецъ.
13) Зора, Ф. А. Рот. Гр. Шувалова; ѣздокъ Кор. Колюбакинъ.
14) Трильби I, Шт. Рот. Гр. Нирода I; ѣздокъ Кор. Гр. Нирод II.
15) Wood Flower, Шт. Рот. Герц. Лейхтенбергскаго; ѣздокъ Рот. Кн. Трубецкой.
16) Фолли, Ф. А. Полк. Кн. Оболенскаго; ѣздокъ Кор. Зиновьевъ I.
17) Талантъ, Пор. Князя Долгорукаго; ѣздокъ Кор. Гр. Беннигсенъ.
18) Фрина, Кор. Чичерина; ѣздокъ владѣлецъ.
19) Турка, Ф. А. Рот. Гр. Шувалова; ѣздокъ Кор. Зиновьевъ I.
20) Парисъ, Кор. Фонъ Валя; ѣздокъ владѣлецъ.
21) Венгерка, Пор. Бискупскаго; ѣзд. владѣлецъ.
22) Шаконъ, Пор. Золотницкаго; ѣздокъ Кор. Альбрехтъ.
23) Вечъ Клико, Кор. Фролова; ѣздокъ Кор. Зиновьевъ II.
24) Тихъ Бой, Кор. Бобрикова; ѣздокъ Пор. Булгаринъ.

Программка очередного петербургского конкур-иппика

чи» устраивать, когда наши игроки из пяти ударов два бьют в землю, а два в ногу товарища... Давайте сделаем не так матч, как тренировку... Я возьму на себя середину поля, вы оба ближе к голам. Вы останавливайте моих, я ваших... одним словом, каждый всех... Будем следить, чтобы не было уж очень грубых нарушений и, по возможности, членовредительства. Но нам трем придется побегать...” Начался матч... Мы все трое рефери как бешеные носились по полю и то и дело оглашали воздух свистом... Не обошлось и без потерь. Одному кавалергарду повредили колено, а одному нашему свихнули руку... Наша команда как более ловкая и подвижная забила гостям восемь голов. Все же в качестве любезных хозяев мы позволили и кавалергардам забить нам два гола. Часа через два этот, с позволения сказать, “матч”, кончился. Команды пошли пить чай с булками и колбасой...»[59]

И все же наиболее изящными были традиционные конские состязания, знаменитые «Петербургские конкуры». С двух часов дня по воскресным дням в марте каждый год в Михайловском манеже собирался столичный высший свет на открытие сезона конного спорта — «конкур-иппик». Места на трибунах и в манежной ложе по обыкновению были

расписаны еще накануне, и под звуки военного оркестра манеж наполнялся калейдоскопом цилиндров, военных фуражек и дамских шляпок посетителей и посетительниц, пришедших отдать дань моде, среди ко-

Его Императорское Высочество Великий князь Николай Николаевич — Верховный Главнокомандующий русской армией в Великой войне и гвардейский начальник довоенного времени

торых большинство было коренными петербуржцами, считающими вопросом чести приехать на открытие. Места в центральной ложе чаще всего занимали генерал-инспектор кавалерии Великий князь Николай Николаевич, младший брат царя и до 1904 года наследник Российского престола Великий князь Михаил Александрович. Не обходилось без присутствия трех Владимировичей — Великих князей Кирилла, Бориса и Андрея, иногда к

Тамара Платоновна Красавина с рисунка В. Серова

ним присоединялись некоторые из Константиновичей и Михайловичей. Почти всегда, по наблюдению свидетелей тех славных дней, в великокняжеской ложе мелькали лица герцога Георгия Лейхтенбергского, великих княжон и княгинь, окруженных командирами гвардейских полков, гене-

ралами Свиты, личными адъютантами и представителями иностранных правящих дворов. В этой пестрой великосветской толпе то и дело мелькали парадные формы офицеров Гвардии, треуголки воспитанников лицея, блестели каски камер-пажей и выделялись обшитые барашком красные шапочки юнкеров гвардейской школы. На трибунах ожидали начала конкура представители финансового мира столицы, адвокаты, журналисты, известные люди Петербурга — певец Леонид Собинов, бойкий журналист Василий Немирович-Данченко, балетмейстер Михаил Фокин и другие. Внизу, на арене, возле препятствий — соломенных барьеров и херделей, каменных стенок и канавы с водой — располагались стартеры и судьи из числа гвардейских кавалерийских офицеров.

Как только в Михайловский манеж прибывал Главнокомандующий — Великий князь Владимир Александрович, состязания конников начинались. Широко распахивались ворота паддока, и по звонку коротким галопом, салютуя великокняжеской ложе, выезжал кавалергардский штаб-ротмистр Карл Густав Эмиль Маннергейм. В описываемые времена он считался одним из лучших ездоков-спортсменов и взял немало призов за классические прыжки через препятствия. Два других извест-

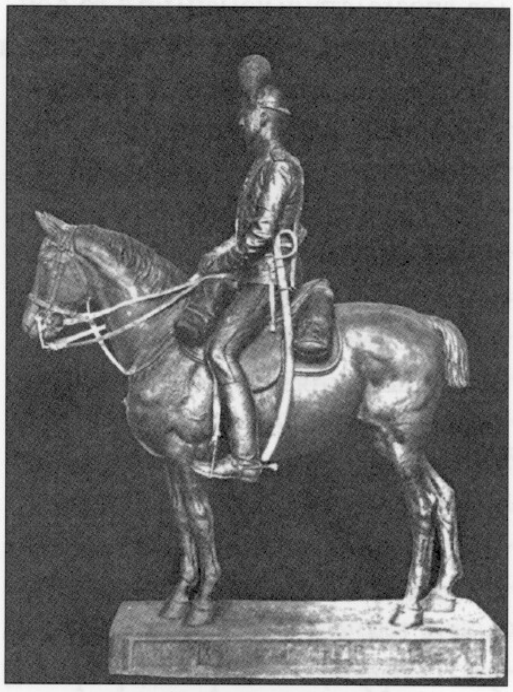
Российская сборная по конному спорту на Олимпиаде в Стокгольме в 1912 г. Крайний слева — Его Императорское Высочество Великий князь Дмитрий Павлович

ных всадника из числа гвардейской конной артиллерии — братья Яков и Александр Гилленшмидт — часто срывали дружные рукоплескания публики своим умением брать препятствия с виртуозностью, достойной

Петр Иванович Арапов (Арапов 1-й)

восхищения. Яков Федорович Гилленшмидт командовал впоследствии царскосельскими кирасирами и получил царские вензеля на погоны, а на Великой войне состоял командиром 4-го кавалерийского корпуса. В Гражданскую войну Яков Федорович участвовал в корниловском «Ледяном» походе и погиб в апреле 1918 года при попытке добровольцев прорваться из большевистского окружения из колонии Ганчбау. Александр Федорович Гилленшмидт выехал во Францию, где и скончался в 1942 году, во время немецкой оккупации Парижа.

Известными спортсменами-ездоками, получавшими признание и пе-

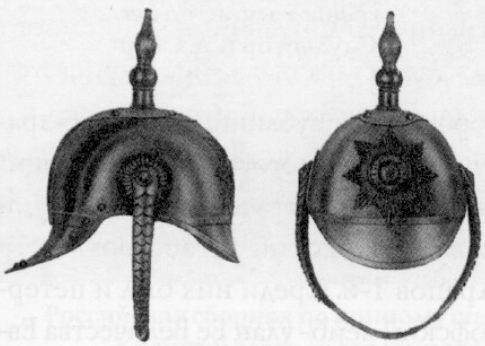


Великий князь Дмитрий Константинович, шеф Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Скульптор А.Л. Обер

тербургской публики, были лейб-драгун Васильев, погибший в революционном Петрограде в 1918 году, и кавалергардский штабс-ротмистр Арапов 1-й. Среди них был и петергофский лейб- улан Ее Величества Евгений Константинович Арсеньев,

впоследствии председатель полкового объединения в эмиграции, прибывший за границу после боев с большевиками в рядах Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича; лейб-гусар Александр Александрович Павлов, впоследствии командир 4-го Донского корпуса в Вооруженных силах Юга России Деникина; гатчинский лейб-кирасир Его Величества Анатолий Александрович Мордвинов 2-й, а также кавалергардские поручики — два графа Граббе, упоминавшийся нами ранее конногвардеец Василий Викторович Бискупский и «варшавский улан» князь Владимир Михайлович Андроников.

В последние предреволюционные десятилетия славу на конкур-иппиках снискали себе молодой тогда кавалергард Александр Павлович Родзянко 1-й, конногвардейцы Суровцев и Струве, конногренадер Ершов, лейб-драгун Захарченко, измайловец Карл Альфонсович Руммель и гродненский гусар Кашменский. Им благосклонно улыбались из ложи оперные дивы и балерины — Кшесинская, Петипа, Вяльцева, Шувалова и Потоцкая.



Кирасирская каска

Особый эффект производила карусель Офицерской кавалерийской школы во главе с молодым генерал-майором Алексеем Брусиловым: пятнадцать наездников-офицеров на определенной дистанции выезжают один за другим и проделывают нечто наподобие конной кадрили. После карусели следовала рубка чучел саблями и фланкировка, превосходно проделываемая лейб-казаками гвардейских частей и Собственного Его Величества конвоя. Ко всему прочему казаки демонстрировали удаль в конных играх и джигитовке.

Далее происходил так называемый стоверстный конный пробег, в котором Михайловский манеж являлся конечным стартом, и, когда под самый финал состязаний на взмыленной и покрытой комьями грязи лошади на манеж выезжал победитель, недостатка в овациях не было. Состязания оканчивались довольно поздно, и после того светская публика разъезжалась в колясках и на редких автомобилях праздновать окончание конкура.

Увы, едва ли могла знать публика и участники конкуров о том, что скоро в империи все изменится самым трагическим образом и все, что

казалось столь обыкновенным и незыблемым — конкуры, парады и сама Гвардия, скоротечно уйдет в историю?! Большую часть Гвардии, ее командиров и шефов ожидала незавидная участь. Их выбор составляли две возможности: уехать в эмиграцию, или проживать в стране, делая вид, что ничего не произошло, или, присоединившись к армейским генералам, попытаться противостоять большевизму.

Путь гвардейского офицера

Неисповедимы пути русского гвардейского офицера на стыке веков, в особенности тех, чей расцвет карьеры пришелся на начало XX века. Едва ли кто из них мог и помыслить о невероятных переменах, затрагивающих не только их карьеру, но и существование империи в целом. Судьба одного человека, с вариациями повторяя истории других, выстраивала в судьбах русского офицерства на переломе веков некую печальную закономерность. Для примера мы обратимся к личности князя Юрия Ивановича Трубецкого, офицера Конной гвардии, бывшего некогда командиром Собственного Его Императорского Величества конвоя. Задолго до октябрьского переворота, после незначительного инцидента в ливадийском императорском дворце, он был уволен от должности Государем и тем самым окончил свою карьеру придворного. Великая война застала князя начальником 2-й Кавалерийской дивизии, или, как ее называли в гвардейском обиходе, «лейб-дивизии», а после Февральской революции, когда штаб дивизии был переведен в белорусские Прилуки, Трубецкому довелось стать свидетелем медленного разрушения гвардейских частей. Сначала два полка дивизии — павлоградские гусары и казаки были вызваны в Петроград для подавления беспорядков, затем, после того как весть об отречении Государя распространилась повсеместно, эти полки были отозваны назад, в дивизию, где действие революционной пропаганды начало разъедать еще недавно здоровый организм Гвардии. Сначала солдаты потребовали снятия императорских вензелей с погон, так как конная батарея и четыре полка дивизии были шефскими и носили вензель шефа полка. Во все времена это составляло предмет особой гордости нижних чинов, однако все изменилось мгновенно. Далее солдатский комитет дивизии потребовал от командиров и офицеров участия в праздновании 1 Мая, с непременными красными бутоньерками в петлицах.

Лейб-гвардии улан барон Эльсен, растоптавший в негодовании бутоньерку, был едва не растерзан на части возбужденной солдатской толпой. Затем солдатский комитет потребовал от командования дивизии выплаты компенсаций за продовольствие, от которого они отказались во время восточнопрусского похода 1914 года, так как имели возможность питаться более калорийной пищей на польских и прусских фольварках и выплескивали котелки с крупой и щами из походных кухонь в придорожные канавы. Наконец в штаб дивизии стали поступать тревожные донесения о том, что третий эскадрон улан не вышел на боевую стрельбу, что пятый эскадрон драгун не вышел на конное учение и что первый эскадрон гусар отказался нести службу на станции. Командующий дивизией генерал Гурко беспрестанно направлял князя Трубецкого в полки для решения то там, то здесь возникающих очагов бунта. По личному приказанию Гурко Трубецкой был направлен для разрешения острой ситуации, возникшей в казачьем полку. Командир полка, полковник Василий Васильевич Упорников и все офицеры были арестованы казаками. Ситуацию накалял, невесть как появившийся в полку агитатор из местных жителей, проведший, по свидетельству знавших его по Минску людей, всю Великую войну в местной психиатрической клинике. Он-то и призывал казаков непременно расправиться с арестованными офицерами и командиром полка. Приехавший Трубецкой, в обычной своей черкеске, с белым эмалированным офицерским Георгием на груди, обратился к волнующейся массе людей, обступившей его лошадь: «Станичники, успокойтесь!» Только два слова, произнесенные твердым, спокойным голосом, произвели неожиданное впечатление. К Трубецкому прислушались и после получасовой беседы командир казаков и все офицеры были освобождены. Агитатор тихо исчез. Так продолжалось еще какое-то время. Трубецкой объезжал полки и примирял ссоры и споры, предотвращал самосуд, освобождал офицеров до тех пор, пока наконец Временное правительство стараниями Гучкова не стало избавляться от генералов, подлежащих «в революционном порядке исключению со службы». С отъездом Трубецкого из дивизии в ней начался необратимый распад воинского духа и обыкновенной человеческой морали. Дело шло к октябрьскому перевороту. Князь жил еще некоторое время в Петрограде и даже был арестован по приказу начальника Петроградской чрезвычайки Моисея Урицкого, однако после получения тем крупного денежного выкупа спустя две недели был освобожден и отпущен на

Украину. Оттуда в мае 1919 года князь вместе с семьей и членами еще недавно царствующего дома отбыл на британском крейсере «Мальборо» за границу. Среди отбывавших навсегда в тот день на борт крейсера поднялись Великая княгиня Ксения Александровна и ее красавица дочь (в замужестве княгиня Ирина Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстон). На том же судне покинула страну, где она великолепно царила более 10 лет, вдовствующая Императрица Мария Федоровна, бывший Главнокомандующий величайшей армией мира Великий князь Николай Николаевич в компании нескольких придворных чинов, свитских генералов, фрейлин и статс-дам.

Бывшие гвардейцы во главе национальных правительств

После крушения в марте 1917 года великой империи многие гвардейские обер- и штаб-офицеры оказались во главе своих «родных» национальных правительств, усиленно стремившихся отделиться от России на волне угарного шовинизма и ложного стремления к некоему абстрактному, подсказанному им, вероятно, большевиками, самоопределению. Имена многих из них замелькали сначала среди национальных лидеров, но вскоре совсем потерялись на многолюдном европейском политическом Олимпе. Гвардейцы, изменившие принципу отстраненности от политической, тем более националистической борьбы, расплатились почти полным политическим забвением и не снискали доброй памяти у своих русских сослуживцев по императорскому гвардейскому корпусу. Среди таковых наиболее яркими фигурами стали Карл Густав Маннергейм, регент Финляндии, и Павел Скоропадский, гетман Украины. В современной Финляндии, в Хельсинки, есть даже музей основателя независимой Финляндии маршала Маннергейма, расположенный на улице, имеющей не-

Барон К. Маннергейм

сколько странную подковообразную форму, с труднопроизносимым для всякого славянина именем Kalliolinnantie, затерявшейся в разросшейся зелени Брунспарка. Этот квартал считается у финнов престижным. Его особняки словно бы соревнуются между собой в том, какой из них выглядит более роскошным. Неброский двухэтажный деревянный дом Маннергейма, обшитый покрашенной в непритязательный мышиный цвет доской, выглядит на их фоне довольно просто. Дом был построен более ста тридцати лет назад, в 1873 году. Сорок лет спустя он был куплен богатым финским домовладельцем Карлом Фацером и в 1924 году сдан им в аренду Карлу Густаву Маннергейму. К этому времени Маннергейм успел побыть и Главнокомандующим финской армией, и регентом (то есть фактическим главой государства). В 1919 году оставил (как ему казалось, навсегда) большую политику. За то время, что Маннергейм прожил в этом доме, ему не раз пытались передать его в собственность — «за заслуги перед Финляндией». Все попытки Маннергеймом были вежливо, но решительно отвергнуты — помимо порядочности и скромности, явно сказывалась привычка старого военного к казенным квартирам... Именно непритязательный и аскетический офицерский быт сразу бросается в глаза в самой дальней комнате дома — расположенной на втором этаже спальне маршала. Обычная раскладная походная кровать, от которой даже врачи не сумели Маннергейма отучить, стоптанные тапочки, вытертый коврик. Казенная, с пронзительным светом лампа без абажура и обыкновенный графин с водой. И — единственная роскошь, которую позволил себе Маннергейм на старости лет: великолепный вид на Хельсинкскую гавань. Хозяйство Маннергейма вели служанки из числа чухонских крестьянок, а в конце 1940-х годов двухэтажный дом бывшего кавалергарда вообще мало напоминал жилище крупного государственного деятеля. Вскоре после перемирия 1944 года, заключенного между Финляндией и Советским Союзом, Маннергейм отдал нижний этаж своего дома финским воинам, лишившимся крова на полях военных действий.

Именно из этого дома старый маршал уехал в Швейцарию, в Лозанну, на операцию, которую, как выяснили потом врачи, делать не следовало и которая оказалась роковой в жизни старого кавалергарда. Спустя несколько дней после нее Маннергейм умер. После его смерти дом был выкуплен финляндской государственной казной и отдан под музей. На ме-

стах остались и трофеи китайской экспедиции 1900 года, и личные вещи в рабочем кабинете, и портрет матери Маннергейма, и стол с фотографией последнего русского Императора. Хотя и изменилось многое: некоторые из комнат обрели экспозицию, которой хозяин явно не одобрил бы, — например, почти полторы сотни его орденов. На самых видных местах — специфические экспонаты, говорящие о том, что Маннергейм был не прочь упиваться своими победами над русскими: аппликация из выложенной советскими военнопленными простой барачной соломы, изображающая золотого финского льва с короной на голубом поле; местные экскурсоводы не прочь отметить, что это был чуть ли не подарок маршалу от благодарных русских пленных. Или сами адреса от тех же пленных. В числе прочего в них говорится, что во вражеском плену с ними обращались лучше, чем в собственной армии... Финны не прочь подчеркнуть, что во время «войны-продолжения», в 1941—1944 годах, Маннергейм строго запретил обстреливать историческую часть Ленинграда. Однако это великодушное решение звучит довольно сомнительно, учитывая, насколько зависимой была финская армия от курирующего ее ряды германского вермахта. По плану Гитлера Ленинград должен был исчезнуть с лица земли, и неподчинение военачальника одного из государств — сателлитов Германии, противоречащее идее фюрера, особенно в первые годы войны, звучит сейчас не более чем по-

Гетман Скоропадский, бывший офицер Лейб-гвардии Конного полка

здним апокрифом, призванным облагородить образ «этого образцового наемника», как выразился о Маннергейме его сослуживец, кавалергард граф Алексей Игнатьев.

Исторический факт, который не подлежит сомнению, — отказ Маннергейма от насильственной выдачи советских военнопленных назад, в СССР, был, возможно, продиктован попыткой финляндского маршала по-

играть в политику и подтвердить славу «антикоммуниста» перед новыми хозяевами — англичанами и американцами. Их нарастающий конфликт с СССР после окончания войны приобретал все более отчетливые формы и многим виделся неизбежным.

Сотоварищ Маннергейма по кавалергардскому полку, Павел Петрович Скоропадский, также стремился к главенству в «независимой» Украине, и первоначально этой давней мечте Скоропадского было почти суждено осуществиться. На краткое время при помощи германцев бывший кавалергард воцарился в качестве гетмана, однако после, вполне оправдывая свою фамилию, растворился в политическом небытии и погиб под бомбами союзников в 1945 году, сброшенными на поезд, в котором Скоропадский с семьей стремился к ним навстречу. Исторической справедливости ради нужно признать, что объективно Павел Скоропадский был неплохим офицером. В Русско-японскую войну он воевал на Дальнем Востоке в составе 2-го Читинского казачьего полка, став вскоре адъютантом генерала Линевича, а по окончании войны — флигель-адъютантом с присвоением звания полковника. С апреля 1911 года Скоропадский командовал Лейб-гвардии Конным полком, сделав этот избранный гвардейский коллектив одним из лучших в российской армии, что впоследствии подтвердилось в первых августовских боях Великой войны. За личное мужество в бою под Краупишкеном сам командир Конного полка был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Февральскую революцию Скоропадский встретил не без скепсиса. Ему претил состав Временного правительства и Центральной рады, однако он оставался военным человеком и выполнял приказы командиров. Одним из таких приказов Скоропадскому поручалось «украинизировать» 34-й армейский корпус. Распоряжение исходило от генерала Корнилова. К осени 1917 года имя Павла Скоропадского стало сравнительно популярным на Украине. В нем многие видели ту самую «твердую руку», которая могла бы навести порядок в стране. Бездействие Центральной рады вызывало на Украине все больше нареканий, а имя Скоропадского все чаще упоминалось в связи с вероятностью избрания его гетманом.

С легкой руки Михаила Афанасьевича Булгакова у его читателей создается представление о восьмимесячном правлении гетмана на Украине как о своего рода балагане. И в 1918 году и позже такое мнение было распространено широко. Гет-

ману Скоропадскому не раз говорили в глаза о неустойчивости его власти: «Это несерьезно, придет Антанта и все сметет». Да он и сам хорошо понимал, что немцы, против которых он воевал четыре года и на которых

Павел Петрович Скоропадский

потом был вынужден опираться, ненадежные союзники. Но англичане, французы, американцы не стремились к союзу с гетманом. В противоположность войскам этих держав, германские были уже в Киеве. И привел их в Киев общий распад Западного фронта. Слухи, наводнившие украинскую столицу в 1918 году, были фантастичны и невероятны. Но часто они основывались на вполне реальных событиях. Если взглянуть на комический эпизод, рассказанный Шервинским, по сюжету пьесы дежурным адъютантом гетмана, своим собеседникам в «Днях Турбиных»: «А о дальнейшем с вами будет говорить... — портьера раздвинулась, и вышел наш Государь...», то можно невольно поразиться авторской интуиции Булгакова, едва ли знавшего о том, что во время сентябрьской встречи 1918 года во дворце Вильгельмцрере у гетмана и императора Вильгельма Второго была продолжительная беседа о Государе Николае II. Оказалось, что Вильгельм был осведомлен о судьбе российского монарха куда менее, чем сам гетман. В разговоре с германским монархом Скоропадский заметил тому, что российский Государь не должен был бы отрекаться от власти, пока оставались преданные ему войска. Эта мысль запомнилась императору, и вскоре, когда пришел его черед подписывать отречение, Вильгельм довольно долго отказывался это сделать, ссылаясь на мнение его недавнего собеседника Скоропадского: Император не имеет права отрекаться. Далеко не таким дурацким в реальности, как про него рассказал Турбиным, Мышлаевскому и Студзинскому в пьесе поручик Шервинский, выглядел и финал гетманства Скоропадского. Не было ложного выстрела немецкого майора в потолок, с последующим переодеванием гетмана в немецкую фор-

му и бегства в Германию на поезде. Что было согласно историческим свидетельствам, так это лишь поручение дежурным адъютантам держать открытой дверь гетманской резиденции в проходном дворе по Левашовской, 14 на всякий случай. Однако адъютанты гетмана и этого не сделали. В город уже вошли войска Директории, когда гетман лично приехал на извозчике в киевскую гостиницу «Палас» к турецкому посланнику. За окном уже гремели пулеметные очереди, и отчетливо трещали выстрелы. «...и я подумал: вероятно, есть еще честные люди, которые дерутся до тех пор, пока они не получат сведения, что они освобождены от своих обязанностей и от присяги», — отметил Скоропадский всего через год в наскоро созданных им «Воспоминаниях». Там же, в своей резиденции, перед тем как навсегда покинуть ее, гетман составил короткое, в пять строк, отречение. Действительно, была в этом документе именно та фраза, которую гетман во втором действии «Дней Турбиных» начал, но так и не закончил диктовать поручику Шервинскому. «...Бог не дал мне силы справиться с этой задачей. Ныне ввиду сложившихся условий, руководствуясь исключительно благом Украины, от власти отказываюсь. Павел Скоропадский. 14 декабря 1918 года, город Киев».

За неполные восемь месяцев правления Павла Скоропадского в городе и на Украине в целом произошло немало перемен. Одно из главных достижений, приписываемых гетману украинцами, — Украину в 1918 году удалось удержать вне гражданской войны. Была сохранена ее промышленность, постепенно налаживались международные связи. Однако само украинское общество оказалось слишком разрозненным и не смогло объединиться, да и не нашлось силы, способной его объединить. Едва ли, считают украинские историки, стоит винить в этом лишь Грушевского, Скоропадского или Петлюру. Каждый из них принужден был играть по правилам, предложенным Украине более сильными государствами, невольно признавая призрачность своей власти. Свой крестовый поход против большевизма Павел Скоропадский начал 3 декабря 1917 года, находясь на Правобережной Украине. За один день его войсками были разгромлены военно-революционные комитеты большевиков Юго-Западного фронта в Бердичеве и 11-й армии в Староконстантинове. Еще спустя несколько дней его частями были разогнаны «обольшевиченные» части в Проскурове. Таким образом, на большей части Правобережной Украины большевистская угроза захвата власти

была ликвидирована. Генерал Скоропадский вполне мог перебросить войска на Левобережье и там так же быстро расправиться с большевиками, как он это сделал в Бердичеве, Староконстантинове, Проскурове, Ровно и под Винницей. Но этому помешала... сама Центральная рада.

Единственным ее членом, кто ясно представлял угрозу большевистского нашествия, оказался ее военный секретарь Симон Петлюра. Он призывал перебросить с фронта надежные войска под Киев и с ними идти на Харьков, чтобы ликвидировать оплот большевизма в Украине. Под надежными войсками как раз и подразумевался корпус Павла Скоропадского. Но призыв Петлюры оказался не поддержан большинством в Раде. Через три дня после рокового заседания Генерального секретариата Петлюра был снят большинством голосов с должности военного секретаря. Его место занял секретарь труда Николай Порш, имевший весьма отдаленные представления о военном деле. Интересно, что уже значительно позже бывший глава Генерального секретариата Владимир Винниченко обвинял в поражении Центральной рады не своего ставленника Порша, а Петлюру, который был убран со своего поста при активном участии местного украинского драматурга, но слабого политика и прозаика. Снятие Петлюры с должности военного секретаря полностью изменило планы Скоропадского. Вместо вразумительного ответа от Николая Порша о возможности дальнейшего ведения боевых действий генерал получил указание... демобилизовать корпус в связи с ненужностью Украине армии (!) Концепция Порша оказалась непонятна и чужда Скоропадскому, и 29 декабря 1917 года он подал в отставку, которую новый военный секретарь не замедлил принять. На место известного и заслуженного генерала Порш предложил... прапорщика Биденко — комиссара Центральной рады при 1-м Украинском корпусе.

О том, как все это закончилось, красочно рассказал в своих воспоминаниях один из офицеров штаба корпуса, которому пришлось служить при новом начальстве: «Как и русский генерал Кутузов, который, созвавши в 1812 году генеральный совет под Москвой, поставил вопрос, оборонять Москву или оставить Наполеону, так и Биденко созвал военный совет в Фастове, на котором рассматривался вопрос уже не о Москве, а о Киеве. Бог его знает, какую они там утвердили стратегию, только последствия ее для командного состава оказались весьма плачевными. Во-

енного руководителя и начальника штаба корпуса генералов Гандзюка и Сафонова красноармейцы расстреляли. Командиры полков, спасая жизнь, разбежались кто куда; автора этих строк, который имел несчастье выполнять в то время обязанности начальника штаба 1-й Украинской дивизии, большевики загнали в Мотовиловский лес, в непролазную глушь, где он долгое время питался побегами и диким медом». Впрочем, большевики разогнали не только оставшийся без начальника 1-й Украинский корпус. Из Киева 8 февраля 1918 года ими была изгнана и Центральная рада, которой пришлось искать помощи у недавних врагов — немцев. Она же, Центральная рада, заключила с Четверным союзом кабальный договор о поставках в Германию и Австро-Венгрию хлеба и продуктов питания, который потом пришлось выполнять ставшему гетманом Скоропадскому. То, что украинский гетман и его бывший начальник, военный секретарь Центральной рады, недолюбливали друг друга, — это не более чем миф, гуляющий в современной украинской историографии. По свидетельству личного секретаря Петлюры Василия Беня, гетман относился к Петлюре весьма дружелюбно. Их кабинеты связывал прямой телефонный провод. Часто Петлюра стремился обращаться напрямую к Скоропадскому, иногда даже по незначительным поводам. Тем не менее военный секретарь выказывал свое неудовольствие не только гетману лично, но и не скрывал своего взгляда на правление Скоропадского и перед широкой общественностью.

Павел Скоропадский был вынужден неукоснительно исполнять условия Брестского мирного договора Центральной рады относительно поставок продовольствия в страны Четверного союза. Чтобы выполнять этот договор, Скоропадскому пришлось прибегнуть к услугам специальных отрядов, насильно изымавших у крестьян продовольствие. Естественно, это вызвало широкую волну недовольства среди крестьянства, в украинских селах вспыхнули бунты. Критика со стороны Петлюры принудила Скоропадского посадить своего оппонента в тюрьму. Там Петлюра пробыл всего несколько месяцев и был отпущен гетманом под честное слово не выступать против него лично. Впрочем, Петлюра своего слова не сдержал и в ноябре 1918 года поднял восстание против гетмана. И уже через месяц власть Скоропадского пала.

Новые герои Гвардии в Гражданской войне

Гражданская война в целом дала новых героев, выходцев из среды гвардейской молодежи, без колебаний выступивших за сохранение России перед лицом нависшей над ней опасности. Десятки древних и известных российских фамилий дали в этой войне своих героев. Внук композитора Владимир Николаевич Римский-Корсаков, полковник Лейб-гвардии Литовского полка и участник 1-го «Ледяного» похода генерала Корнилова, был убит 30 апреля 1918 года при штурме Екатеринодара. Семья Римских-Корсаковых вообще дала как минимум пятерых своих представителей, вставших на путь борьбы с большевизмом. Внук графа Льва Николаевича Толстого, штабс-ротмистр Лейб-гвардии Драгунского полка Андрей Львович Толстой, воевавший с красными в составе сводно-кирасирского эскадрона, погиб в боях за Перекоп 3 апреля 1920 года. Пять графов Толстых, служивших до революции в Кавалергардском, Лейб-гвардии Кирасирском Его Величества и Лейб-гвардии Драгунском полках, сочли для себя обязательным вступить в бой с большевизмом. Потомок великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, Владимир Владимирович Лермонтов, корнет Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, состоял в белых войсках Северного фронта. Потомок поэта Ф.И. Тютчева, Владимир Николаевич Тютчев, поручик Лейб-гвардии Саперного батальона, тоже воевал против красных в рядах Вооруженных сил Юга России генерала Деникина. Сын знаменитого певца Леонида Собинова, Юрий Леонидович Собинов, начал воевать с большевиками во времена «Ледяного» похода. Позднее он вступил в глазенаповский партизанский отряд, а с октября 1919 года был прикомандирован к эскадрону Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка в чине корнета. 1 октября 1920 года Юрий Собинов был тяжело ранен красными кавалеристами у села Марьинского и через неделю умер от ран в Мелитополе. Как мы видим, у части «золотой молодежи» того времени не возникало сомнений, как необходимо поступать каждому честному русскому человеку, когда Отечество его оказалось в опасности. Точно так же и поступил сын известного русского публициста и издателя Михаила Каткова, Павел Михайлович Катков, офицер Кавалергардского полка. Аристократия поставила в ряды гвардейских борцов с большевизмом 14 князей Оболенских и одну княжну Зою Алексеевну

Оболенскую, в замужестве Бакееву, служившую сестрой милосердия в Вооруженных силах Юга России и Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Князь Александр

Князь Александр Александрович Оболенский

Сергеевич Оболенский был убит 21 февраля 1919 года под селом Благодатным, неподалеку от Мелитополя. Кавалергард князь Сергей Петрович Оболенский погиб от рук большевиков 22 марта 1918 года. В войне участвовало три гвардейца — князья Вадбольские, один из которых, подпоручик Лейб-гвардии Егерского полка Авенир Авенирович Вадбольский, после войны был арестован в Москве, сидел в Бутырской тюрьме, затем на Соловках и в Березовской тюрьме. В 1930 году советская власть определилась, как поступить со своим давним узником, и князь был расстрелян в Москве. Из троих князей Волконских, прошедших фронты Гражданской войны, погиб один, штабс-ротмистр Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, сраженный в бою под станицей Ольгинской 2 февраля 1920 года, а другой, поручик Лейб-гвардии Конной артиллерии, пропал без вести в 1920 году, находясь в войсках Восточного фронта. Из двоих князей Трубецких, воевавших в Вооруженных силах Юга России и Русской Армии, один, ротмистр Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, скончался от тифа весной 1920 года. Кстати, в Вооруженных силах Юга России действительно служил и воевал с большевиками Мышлаевский, чья фамилия была использована для собирательного образа, столь недурно воплощенного Булгаковым. Однако настоящего Мышлаевского звали Всеволод Александрович и, в отличие от своего литературного прототипа Виктора Мышлаевского, выпивохи и бонвивана, реальный Мышлаевский носил звание полковника Лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка и был сыном известного генерала от артиллерии и профессора военного искусства в Николаевской академии Генерального штаба.

Судьба гвардейского офицера в СССР

Многие воевавшие на стороне Белой армии гвардейцы покинули Отечество свое в ненастные ноябрьские дни 1920 года. Их путь в зарубежье и судьба более или менее прослежены и хорошо известны. При отсутствии роскошных условий быта многие из них тем не менее устроили свои жизни сравнительно благополучно в западных государствах и даже на других материках. Судьба гвардейского офицера, волею случая оставшегося в СССР, зачастую была исполнена множества превратностей, а порой даже драматична и до нелепого несправедлива. Многие из тех, кто не покинул родные берега, понадеявшись на Волю Божию, обрекли себя на существование в абсолютно чуждой среде, где антагонизм классов проявился в своей высшей, граничащей с социальным нездоровьем, степени. Среди офицеров Императорской Гвардии были те, кого надломили создавшиеся условия; многие просто не могли жить под прежним именем, в привычной среде обитания и обрекли себя на вечные скитания, меняя дома и города, гонимые злым роком советского всевластия.

Однако и среди таких людей находились те, кто смело бросал обстоятельствам вызов и, не сомневаясь, начинал свою жизнь с чистого листа. К таким людям можно отнести и литератора раннего советского времени, пишущего свои приключенческие произведения под псевдонимом «В. Ветов», лейб-гвардии кирасира Его Величества, князя Владимира Сергеевича Трубецкого. Личная привлекательность князя Трубецкого и его дар запросто и без церемоний сходиться с людьми притягивали к нему множество людей в обедненной яркими личностями советской России. А советский писатель Михаил Пришвин был просто в восторге от возможности быть накоротке с прямым потомком Гедиминовичей, с которым иной раз он мог запросто отправиться на охоту и там, бродя в лесу или поле, позволить себе роскошь человеческого общения, в котором не было того истеричного официоза, присущего не только общественной стороне жизни 1920-х годов, но основательно проникавшего, казалось, и в самую человеческую природу. Незаурядный литератор, спасавшийся бегством в нейтральную зону природоведческой беллетристики от необходимости творить в заданных рамках «партийной литературы», Пришвин не мог не оценить многообразие

знаний своего сиятельного собеседника, а тому было что рассказать наблюдательному писателю не только о том, что он рассмотрел на лесных тропинках.

Владимир Сергеевич происходил родом из семьи князей Трубецких, давших России известных философов, ваятеля, дипломата, военачальников Гвардии и армии, а также деятеля Православной церкви. Последним военным до Владимира Сергеевича был его прадед — генерал Петр Иванович Трубецкой, известный орловский губернатор, несколько карикатурно изображенный во многих произведениях Николая Семеновича Лескова. Отец Владимира, Сергей Николаевич, и дядя, Евгений Николаевич, стали учеными, философами. Другой его дядя — Григорий Николаевич Трубецкой пошел служить по линии МИДа, а впоследствии стал видным деятелем Православной церкви. Двоюродный брат отца, Паоло Трубецкой, был выдающимся скульптором Серебряного века русского искусства и автором знаменитого монумента Александра III. В 1905 году внезапная утрата постигла семью Владимира Сергеевича. Сергей Николаевич, создатель русской историко-философской науки, яркий публицист, крупный общественный деятель, первый выборный ректор Московского университета, внезапно скончался. Из печати того времени видно, как остро переживалась эта смерть русским обществом. «С именем Сергея Трубецкого связана была вера... в превозмогающую силу правды и возможность общего примирения, — писал философ и правовед П. Новгородцев. — После его смерти все почувствовали, что в русской жизни что-то оборвалось». А из семьи Трубецких исчез целый мир, связанный с друзьями и знакомыми ее главы, — Л. Лопатиным, В. Герье и В. Ключевским, А. Скрябиным и Л. Толстым, с воспоминаниями об учителе и лучшем друге Владимире Соловьеве, петербургскими философами. Музыкальный и артистичный с детства, Владимир Сергеевич, бывший вечно незаменимым маркизом или пастушком в любительских спектаклях и шарадах, предпочел наукам театр, музыку и спорт. Связанный разными степенями родства почти со всей Москвой, Владимир Трубецкой особенно дружил со своими кузенами — талантливым философом Д. Самариным, будущим историком Церкви С. Мансуровым, Михаилом и Георгием Осоргиными (о Георгии Осоргине, расстрелянном в 1929 году в Соловках, рассказано в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына и воспоминаниях Олега Васильевича Волкова). В эту компанию входил и Борис Пастернак, посвятивший па-

мяти Трубецких свое позднее стихотворение «Липовая аллея». Окончив гимназический курс, Владимир Трубецкой поступил в Московский университет, но, проучившись полгода на физико-математическом отделении, оставил академическую среду, устроившись юнгой на миноносец «Всадник», входивший в эскорт императорской яхты «Штандарт». Правда, вскоре внезапная пылкая влюбленность заставила молодого Трубецкого избрать иной путь «в люди» — в 1911 году он поступил вольноопределяющимся в Гвардию. Прослужив год вольноопределяющимся, Трубецкой сдал офицерский экзамен и был выпущен корнетом, став командиром взвода Лейб-гвардии Кирасир Ее Императорского Величества Марии Федоровны полка, а после дальновидно женился на дочери известного московского городского головы В. М. Голицына. С начала Великой войны за храбрость, проявленную в сражении при Гумбиннене, Трубецкого наградили офицерским Георгиевским крестом 4-й степени. После ранения и госпиталя в 1915 году Владимир Сергеевич получил назначение в штаб Юго-Западного фронта, в распоряжение А.А. Брусилова. Брусилов назначил его командиром первого в России отдельного автомобильного подразделения. Известно, что именно в этом качестве он руководил спасением казны румынских союзников, когда германские войска уже входили в Бухарест. После октябрьского переворота 1917 года в Москве почти сразу же стали формироваться конспиративные офицерские организации. Среди них была и монархическая, куда и вошел вместе со своими родственниками-гвардейцами А. Трубецким, М. Лопухиным, Н. Лермонтовым и сам Владимир Сергеевич. В начале 1918 года все они участвовали в одной из первых попыток освобождения Царя. Больше с новой властью Трубецкой не воевал, однако России не покинул, хотя почти все его родные оказались к тому времени в эмиграции. Возможно, удержали его не только семейные обстоятельства (трое маленьких детей и старики, родители жены), но и сознание гражданского долга и однажды данная присяга на верность своему монарху. В 1920 году Владимир Сергеевич был призван в Красную армию. И здесь судьба снова свела его с Брусиловым. Шла Гражданская война. Брусилов, быстро перешедший на службу к большевикам, занимался мобилизацией кадровых военных, и многие из них вынужденно откликнулись на его «Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». Трубецкой получил назначение в Южный штаб фронта в Орел, но и защищать советс-

кую власть Трубецкому не пришлось. По дороге в Орел он сделал крюк, заехав к семье, жившей тогда в Богородицке у своих давних друзей Бобринских, чтобы отдать им свой паек «военспеца». Владельцы Богородицкого имения Бобринские пережили грозные революционные события при вполне сносном или даже сочувственном отношении к себе крестьян и немногочисленных появлявшихся в их поле зрения «пролетариев», которые помогали бывшим дворянам обменивать их вещи на провиант. На фоне всеобщего разорения поместий и многочисленных случаев поджога собственности это явление было скорее редким, но далеко не случайным исключением. К Бобринским съехались родственные им семьи Трубецких и Голицыных. Жили они все во флигеле графского дворца; сам графский дворец, объявленный «достоянием республики», зиял выбитыми стеклами, оставаясь в полном запустении. Конечно, это «дворянское гнездо» привлекало внимание ЧК, и во флигеле с завидным постоянством что-то искали неутомимые чекисты. Все обитатели флигеля вели вполне «трудовую жизнь», преподавая окрестным жителям городка музыку и иностранные языки, а В.М. Голицын взялся создать для местного Отдела народного комиссариата образования краеведческую работу — историю Богородицкого уезда.

Трубецкой для заработка работал в военкомате ремонтером — выбраковывая лошадей для Красной армии. Общим свойством многих дворянских семей России было увлечение домашним театром, и забытый Богом городок их стараниями не отставал от столицы. В нем появился свой Народный дом имени Луначарского, где в основном силами этих трех семей составилась труппа. Все создавалось собственными силами — готовили декорации, находили реквизит и шили костюмы, для которых использовали шторы дворца и содержимое старых графских сундуков. Среди режиссеров и авторов театра был Владимир Трубецкой. Первый литературный опыт В. Трубецкого относится к периоду жизни в Богородицке: там он сочинил и поставил в Народном доме оперетту на сюжет новеллы Боккаччо. Успех и полученный гонорар вдохновили его на сочинение текста и музыки следующей оперетты, уже для московского театра. В эпоху нэпа сиятельные беженцы попытались перебраться назад, в Москву. Ни жилья, ни работы в столице не нашлось, и князь снова переехал с семьей на сей раз в Сергиев Посад, где после октябрьского переворота 1917 года в «аристократическом квартале» город-

ка — Красюковке, Огородной и Нижней слободке проживали графы Олсуфьевы, а с ними рядом селились многочисленные Нарышкины, Иловайские, Истомины и Лопухины. Русское дворянство проживало неподалеку от Сергиева монастыря, постоянно находясь в мистических поисках «спасительного убежища», и, проживая каждый день свой как последний, находило утешение хотя бы в близости православных святынь. Поддерживая прежние традиции, русские семейства иногда устраивали домашние концерты, а Владимир Сергеевич, отменный рассказчик, музыкант и актер, солировал в эти вечера, увлекая на это время своих домашних и их гостей под сень муз.

В 1926 году в Сергиевом Посаде недалеко от Трубецких поселился Михаил Пришвин. Исподволь началась дружба домами и совместная охота мужчин. Уже известный тогда писатель, Пришвин поддерживал и поощрял оказавшегося его соседом «сиятельного литератора» В. Ветова. Сотрудничество Владимира Сергеевича с журналом «Всемирный следопыт» продолжалось более или менее успешно. Читающая публика требовала продолжения серии рассказов Ветова, а в рецензиях их называли «образцами блестящего стиля и сюжетного мастерства». Результатом командировок Трубецкого по заданию редактора по стране стало появление увлекательных очерков о Байкале и Каспийском море, а также небольшая повесть для детей «Тюлень Яшка». Однажды Трубецкой попробовал себя в жанре фантастики и написал рассказ о ферме для китов на одном из островов Тихого океана. Подробности доения и переработки ценного китового молока перемежались в нем с яркими описаниями реальных океанских пейзажей. Но фантастика обернулась мистификацией: читатели приняли все за чистую монету. Редакцию «Следопыта» завалили письма с советами по улучшению производства. Иные даже предлагали свои услуги в качестве фермеров. И почти все читатели журнала желали лично познакомиться с легендарным «В. Ветовым», прося редактора дать адрес дебютанта. Для князя Трубецкого это была пора временной устойчивости в жизни. Его собственное бытие иногда представлялось ему странной игрой. Один из его рассказов тех лет так и начинался: «Не случалось ли с вами когда-нибудь в жизни, что вдруг найдет на вас полоса неудач и невезений?.. Все у вас идет хорошо, пока вдруг что-то не оборвется и не испортится, и тогда у вас ничего уже не выходит, что бы вы ни предпринимали. Попадая в такую по-

лосу, не отчаивайтесь, терпите: ведь это только "полоса". Даю вам слово, что рано или поздно вы выскочите из нее».

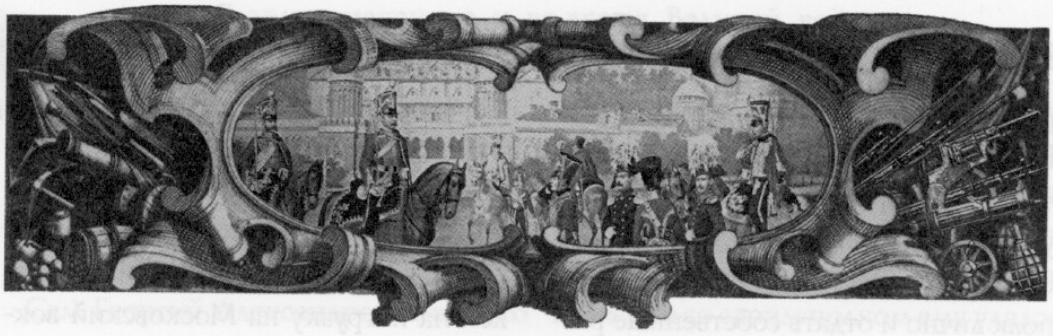
Но коротко было литературное счастье автора. В недоброй памяти 1930-е годы начал свершаться «великий перелом» во всех сферах советского общества. Журнал «Всемирный следопыт» за свою приключенческую направленность был закрыт по настоянию Главлита. Сергиев Посад переименовали; безбожники сбросили большой колокол со знаменитой колокольни Ухтомского; в массовом порядке люмпены растаскивали или уничтожали богатейшую библиотеку Лавры. О настроениях Трубецкого той поры легко догадаться по записи его визави Пришвина, сделанной им в 1930 году: «Князь сказал: иногда мне бывает так жалко родину, что до физической боли доходит». Многих знакомых Владимира Сергеевича уже давно не было в Загорске, некоторые были «выкуплены» родственниками-эмигрантами из Советского Союза за доллары, а другие — арестованы и пропали в ГУЛАГе.

НКВД начинал волну «дел», сфабрикованных против немногочисленной уже научной интеллигенции. В Ленинграде охота шла на историков и краеведов, а в Москве «прогремело» так называемое «дело Сперанского». Суть его заключалась в том, что филологи, академики М.Н. Сперанский, Г.А. Ильинский, М.С. Грушевский, члены-корреспонденты Н.Н. Дурново, А.М. Селищев и другие ученые обвинялись НКВД в создании монархической организации, подчиненной бог знает какому зарубежному центру, во главе которого, по сценарию чекистов, стоял князь Николай Сергеевич Трубецкой. Этот крупнейший лингвист прошлого века, проживавший в эмиграции, академик Венской академии наук, был родным братом Владимира Сергеевича. В январе 1934 года Владимир Сергеевич Трубецкой был арестован по обвинению в связи с руководителями иностранного центра. В ходе раскручивания этого дела сценарий чекистов постоянно менялся, и все обвиняемые «монархисты» постепенно трансформировались в членов некой «национал-фашистской организации». Этой злополучной организации приписывалась целая программа, среди пунктов которой были и национализм, и примат нации над классом, и идеи превосходства славянской расы, и пропаганда исключительного исторического будущего славян. Многие из обвиняемых были сосланы, а славяноведение объявлено лженаукой, враждебной советскому строю.

По приговору советского суда Владимир Сергеевич был выслан на пять лет в Среднюю Азию. Семья его свет-

лости поселилась в Андижане. Интеллигенции в городе практически не было, а тогдашний «тип русского в Андижане: кепка на боку под углом 45°, голубая майка, из-под которой видна татуировка на груди, в одном кармане — финка, в другом поллитровка», жаловался Трубецкой в письмах родственникам, к общению с собой, по понятным причинам, не вдохновлял. Но творческая натура князя всегда отзывалась на новые впечатления. «Красота! Здесь приключенческий край, полный авантюристов в джеклондоновском смысле. Инженеры, спустившиеся с Памира, врачи, заехавшие из пустыни, золотоискатели, пограничник со свежим шрамом или прокурор, выехавший расследовать преступление, — вся эта публика, попав в Андижан, устремляется в мой кабак, где старый следопыт Ветов расставляет сети и вылавливает свежие темы. Материалов горы... Но когда писать? Вечером — я до двух часов ночи играю в саду-ресторане, а утром до 12 — в узбекском гостеатре, где под извлекаемые мною звуки дуся-балерина, нарочито выписанная из Москвы, приобщает узбекских актеров к европейской культуре... Взял еще сдельную на музыкальное оформление шиллеровского "Коварство и любовь", так что не имею на дню и 10 свободных минут», — иронизировал князь в письме своему родственнику по линии жены Владимиру Голицыну об окружающей его фантасмагорической обстановке. Письма его сиятельства из Андижана, найдись желающий опубликовать их в советской прессе, смогли бы стать занимательными рассказами и путевыми очерками. Родственник и постоянный художник, иллюстрировавший его рассказы, В. Голицын постоянно уговаривал Трубецкого писать воспоминания. Уговоры младшего родственника и не в меньшей степени тоска по Центральной России заставили Владимира Сергеевича в 1936 году все же взяться за мемуары. Создать их князь задумал в четырех частях — детство, записки кирасира, война 1914 года (окопное сидение) и «записки советского музыканта». Но прежде всего Трубецкой стал описывать свою службу в Гвардии, которую он начал в чине вольноопределяющегося. Возможно, у него были опасения, что он не успеет охватить в мемуарах все, что было им намечено, но описать время, проведенное в полку, ему показалось значительно легче, чем углубляться в прочие временны́е отрезки своей жизни. Живописать же тех, кого он знал еще в юности, людей, внесших огромный вклад в русскую культуру «золотого века» — а именно таковыми являлись их лично-

сти для отечественной мысли начала XX, — становилось для него делом не менее важным. К тому же жизнь не создавала Трубецкому иллюзий относительно полноценных публикаций в советских издательствах, в то время как «Записки кирасира» князь все же надеялся увидеть напечатанными. Гвардейские кавалеристы первыми пали в боях войны 1914 года в Восточной Пруссии, и Трубецкому захотелось своими «Записками» увековечить память героев. Это почти осуществилось. Блистательная память князя позволила ему без сверки со справочными материалами живописать события четвертьвековой давности с поразительной точностью, и притом со свойственным князю остроумием и легкостью. Летом 1937 года Владимир Трубецкой оказался арестованным НКВД. Во время обыска, проводимого чекистами, по-видимому, без должного рвения, один из его сыновей успел незаметно выхватить из стопки бумаг, лежащих на столе, несколько тетрадок отца и незаметно для чинов НКВД спрятать их в шароварах младшего брата. Так оказались спасенными «Записки кирасира», которые не только опубликовались в 1991 году, но и с триумфом были переизданы в 1996-м. Вместе с князем были арестованы и трое его старших детей, и в 1943 году в тюрьме оказалась его жена, Елизавета Владимировна Трубецкая, урожденная княжна Голицына. Жизнь младших князей Трубецких, оставшихся «на воле», в СССР была весьма трудной. Но самоотверженное хранение ими уцелевших листов воспоминаний не позволило исчезнуть литературному имени Трубецкого, ставшего для читающей публики не забытым автором занимательных охотничьих рассказов, но автором возникшей из небытия повести о «синих» кирасирах. Создав книгу, князь воздал сполна своим однополчанам, здравствующим и погибшим на фронтах Великой войны, оказавшейся переломным рубежом в истории Российской империи.



Глава третья

ГВАРДИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Я вижу ясно тот жестокий бой,
Треск пулеметов и снарядов вой,
Простреленных знамен столетний шелк,
Твоих знамен, Конногвардейский полк...

Георгий Иванов.
«Павшим гвардейцам»

Семеновцы спасают империю

Предчувствие смуты и оказавшаяся на поверку непрочность государственной власти в ходе беспорядков 1904—1905 годов в Петербурге и Москве, казалось бы, должны были усилить значение Гвардии как инструмента решения политических кризисов. Однако наступивший новый век ясно показывал, что времена «лейб-кампанцев» Елизаветы Петровны, готовых по призыву своего шефа вершить судьбу государства, остались вместе с веселой Императрицей в далеком прошлом. С этической точки зрения многих командиров гвардейских полков, участие отборных военных частей в подавлении народного бунта придало бы им незаслуженную славу «жандармов» прав и свобод граждан «новой России». Эту точку зрения генералитета охотно поддерживало правительство, нерешительность которого повлекла за собой хаос и беспорядки. Граф Витте в телефонном разговоре с командующим Лейб-гвардии Семеновским полком Георгием Александровичем Мином пытался выяснить обстановку и вероятность успешного подавления бунта, ибо, как заявил сам Сергей Юльевич, он «любит

русский народ и просит его щадить». Командир семеновцев отвечал графу, что любит народ не менее того, но если у Витте есть лучшая идея, как обуздать бунтовщиков, он сможет прибыть в полк лично и отдать собственные распоряжения. Витте повесил трубку, не ответив. Тем временем положение становилось все более тревожным. Толпа «революционеров» двигалась от Невского проспекта на Загородный, а от стен Технологического института другая толпа потекла в том же направлении. К Царскосельскому вокзалу подходил поезд с буйствующими «революционными элементами». Меры, предпринятые семеновцами, не только усмирили толпу, но заставили врагов русской государственности надолго отложить самую мысль о вооруженном выступлении. В начале декабря 1905 года угрожающее положение сложилось в Москве, где подстрекаемая «революционными» агитаторами чернь угрожала спокойствию города. Проанализировав ситуацию, московский генерал-губернатор адмирал Федор Васильевич Дубасов пришел к заключению, что своими силами ему не справиться. В Петербург им была послана депеша с просьбой о направлении войсковой бригады для подавления бунта. Великий князь Николай Николаевич хотел по собственным соображениям было отказать просителю, но Государь повелел отправить в Москву Лейб-гвардии Семеновский полк под командованием Мина. 14 декабря 1905 года полк двумя эшелонами был поднят по тревоге и направлен на погрузку на Московский вокзал. Георгий Александрович Мин распорядился перед отправкой оставить в казармах нестроевую роту полка и новобранцев последнего призыва, что ослабляло его численно, но сохраняло высокий боевой дух части. По прибытии в Москву, прямо с Николаевского вокзала, в открытых санях вместе с адъютантом и ординарцем и в сопровождении двух всадников Мин направился прямо в дом генерал-губернатора. Там он затребовал письменное распоряжение Дубасова о принятии мер к подавлению бунта. Этот документ был подготовлен адмиралом в категорическом тоне — арестованных не иметь. Во исполнение этого приказа Мин отправил третий батальон полка на Московско-Казанскую железную дорогу для ликвидации на ней очага восстания, а сам с оставшимися батальонами и полубатареей Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады, прибывшей вместе с полком в Москву, немедленно перешел к боевым действиям в районе Пресни. Завязались перестрелки возле мебельной фабрики Шмидта и Прохоровской мануфактуры. Мин поставил задачу

войскам атаковать восставших, ликвидировать штаб восстания и захватить их склады вооружения. Окончательной целью ставилась ликвидация восстания в самом активном его районе. Сам Георгий Александрович все это время находился на передовой событий, изредка навещая генерал-губернатора с докладом. Московский гарнизон помогал семеновцам слабо, но все же в течение нескольких дней восстание ликвидировали «малой кровью» как среди семеновцев, так и среди восставших. Главари восстания успели скрыться в большинстве своем, убежав за границу.

После того как восстание было ликвидировано, адмирал Дубасов осторожно пожелал получить свое письменное распоряжение о подавлении бунта назад. Мин ответил генерал-губернатору, что эта бумага останется у него и что он будет носить его до самой своей смерти... Дубасов отметил наступившее затишье в городе большим обедом в губернаторском дворце. Из состава Лейб-гвардии Семеновского полка на обед были приглашены сам Георгий Александрович Мин и его штаб-офицеры, однако посажен командир семеновцев был совсем не по своему званию и рангу, а главное по значению того, что сделал для спасения Москвы его полк. Ход застольных здравиц и речей говорил о том, что о Семеновском полку говорить не собираются. Тогда командир семеновцев встал сам и произнес несколько проникновенных слов о том, как он счастлив, что со своим полком ему удалось освободить Москву от кошмара спровоцированного известными элементами бунта. Руководителю обеда не оставалось ничего другого, как ответить тостом за полк...

Замалчивание правды о декабрьских событиях в Москве и о роли Лейб-гвардии Семеновского полка и его командующего продолжалось и в Петербурге. Мин обратил внимание на то, что ему всячески мешают представиться Государю и доложить ему правду о действиях полка в Москве. Между тем не только либеральная интеллигенция, но и растерявшиеся власти уже старались придать декабрьским событиям максимально нейтральную окраску. Мин понял, что лишь решительность может помочь ему донести всю правду до монарха. Воспользовавшись правом командира гвардейской части, имеющей своим шефом Государя, явиться к царю без предварительно назначенной ему официальной аудиенции, Георгий Александрович незамедлительно отправился в Царское Село и поручил дежурному офицеру доложить монарху о своем прибытии. Николай

Александрович незамедлительно принял командира подшефного полка, который в деталях доложил ему все о характере восстания и принятых мерах по его подавлению. Результатом аудиенции стало производство Мина в генерал-майоры и зачисление в Свиту Его Величества. А 3 января 1906 года весь военный и чиновный Петербург провожал в последний путь трех убитых в Москве в ходе подавления восстания семеновцев — фельдфебеля Якова Кобыляцкого, ефрейторов Григория Цыганкова и Петра Основина. В выносе одного из гробов героев участвовал и Великий князь Николай Николаевич. Герои-семеновцы были погребены в нижнем приделе полковой церкви Семеновского полка Пресвятой Богородицы, где доселе в верхнем ее приделе хоронили лишь полковых командиров — фельдмаршала Светлейшего князя Волконского и графа Кляйнмихеля. А всего через семь месяцев там состоялось погребение и самого Георгия Александровича. 13 августа 1906 года в Петергофе, на пути к посадке в вагон, сопровождаемый женой Екатериной Сергеевной Мин, командир семеновцев был убит четырьмя выстрелами в спину «революционеркой» Зинаидой Коноплянниковой. Пятый выстрел не попал в генерала, хотя каждый из предыдущих четырех был по существу смертельным. Жена генерала безуспешно пыталась остановить стрелявшую... От полученных ран генерал-майор Мин скончался, пока его переносили с вокзала в Петергофе домой. На первой панихиде по убиенному командиру семеновцев присутствовал сам Государь Император с женой, без свиты. На следующий день при отправке тела в Петербург для погребения в полковой церкви Пресвятой Богородицы в Петербурге Государь присутствовал при выносе и лично нес гроб командира семеновцев. В Петербурге в Императорском павильоне траурную процессию встретила вдовствующая Императрица Мария Федоровна, утешавшая вдову и единственную дочь генерала. Сам полковой храм Лейб-гвардии Семеновского полка, где упокоились останки генерала Мина, не дожил до наших дней. Под предлогом того что церковное здание «мешает уличному движению», оно было снесено по постановлению Ленинградского исполкома, а все находящиеся в ней усыпальницы осквернены.

После революции, уже в 1920-х годах, прах генерала Мина, а также останки Светлейшего князя Волконского и графа Кляйнмихеля, включая 40 покоившихся семеновских офицеров, павших в Великой войне, и трех солдат, погибших в Москве в 1905 году,

был безжалостно перемешан и вместе со строительным мусором вывезен на городскую свалку.

О том, что Георгий Александрович Мин был и до конца дней своих оставался вернейшим из верных православию и государственности, большевистский интернационал не забывал и много лет спустя после убийства генерала. В февральские дни 1917 года в квартиру, где жила вдова генерала Екатерина Сергеевна, ворвалась банда с целью увести ее с собой для расправы. Однако интернационалисты опоздали. Мужественная женщина, некогда пытавшаяся голыми руками защитить своего мужа от убийцы, скончалась всего за несколько дней до Февральской революции. О судьбе дочери славного генерала после февраля 1917 года практически ничего не известно.

Боевое оснащение Гвардии накануне Великой войны

История повседневной жизни Императорской Гвардии накануне испытаний, выпавших на ее долю в Великой войне, полна обыденностями полковой жизни. Учениями и Высочайшими смотрами, дуэлями, любовными приключениями и династическими скандалами, так или иначе затрагивающими придворные войска. Однако на фоне пестрой суеты общественной жизни интеллектуальные кадры страны не оставляли работу по поддержанию боеспособности русской армии и оснащению ее новым вооружением и техническими средствами, позволявшими русской армии и флоту адекватно отвечать на вызовы предполагаемых противников. Как нами уже было отмечено ранее, русская Гвардия являлась в предвоенные годы главными испытателями передовых систем вооружения. Именно гвардейцами были испробованы новейшие достижения в области стрелкового оружия, боевой техники и воздухоплавания.

В 1912 году успешные испытания в гвардейских и некоторых армейских полках прошла автоматическая винтовка Федорова. Русский оружейник Владимир Григорьевич Федоров был одним из основных конструкторов, успешно применивших свои блистательные инженерные способности в области автоматического оружия. Работая над русской автоматической винтовкой, Федоров изначально пытался переделать магазинную винтовку Сергея Ивановича Мосина, однако эта попытка тогда успехом не увенчалась. Затем Федоров разработал свой оригинальный вариант винтовки, автоматика которой была основана на коротком ходе ствола. Успех

его конструкторской и инженерной деятельности был отмечен золотой медалью и так называемой Михайловской премией. Производство автоматической винтовки под отечественный патрон калибра 7,62 мм должно было начаться на Сестрорецком заводе примерно к 1915 году, но начавшаяся в 1914 году Великая война помешала этим планам. Несмотря на успешные испытания автоматической винтовки Федорова, для Военного министерства империи оставалось неясным, в каком качестве можно использовать это оружие. Массовым даже с началом войны это производство признавалось нецелесообразным, поэтому Военным министерством было решено вооружать лишь особые подразделения, например экипажи аэропланов.

В 1914—1915 годах Федоров вел работу по созданию нового патрона для автоматического оружия. Им был предложен патрон уменьшенного калибра 6,5 мм, что позволяло уменьшить и общий вес оружия, сделать его более компактным, а также существенно снизить отдачу при стрельбе очередями. Как впоследствии показала история, подобный подход оказался более перспективным. Автоматическое оружие с середины XX века развивалось именно по этому пути.

Уже в начале войны Россия столкнулась с острой проблемой нехватки винтовок и боеприпасов к ним. В сложных условиях первых военных лет Федоров был вынужден прекратить свои разработки — Военным министерством он был направлен в длительную командировку по странам Антанты, имея задачу закупить как можно больше стрелкового оружия для Императорской армии. К началу 1916 года русская военная промышленность стала выпускать достаточное количество винтовок и нужда в активных зарубежных поставках отпала. В середине 1916 года полевые испытания в гвардейских полках проходили сразу несколько новых видов вооружения — ручной пулемет, улучшенный вариант автоматической винтовки и новый тип оружия, которое сам Федоров назвал «автоматом». Используя богатый личный опыт изучения и конструирования автоматического оружия, а также практику боевых действий на фронте, Федорову удалось создать оружие, которое как нельзя лучше отвечало требованиям не только Великой войны, но и всех последующих войн XX века. Автомат Федорова оказался достаточно компактен (длина 104 см), удобен, имел приемлемый вес — 5,2 кг с патронами, боепитание осуществлялось из съемного (внешне похожего на магазин автомата Калашникова) магазина, рассчитанного на 25 патронов. Ха-

рактеристики этого оружия позволяли его успешно использовать в ближнем и дальнем бою. Успеху автомата Федорова в значительной степени способствовал 6,5-мм патрон от японской винтовки системы «Арисаки». Собственный патрон такого калибра русский конструктор в условиях войны разработать не смог, однако в то же время Россия совершила массовую закупку в Японии большого количества винтовок Арисаки и боеприпасов к ней.

Создатель этого оружия высказался про него так: «...оружие, сходное с самострельными винтовками, но имеющее приставной магазин емкостью в 25 патронов, имеющее укороченный ствол с рукояткой и делающее оружие пригодным для выполнения широкого спектра боевых задач». Испытания новых видов оружия продолжались и на поле боя. В конце 1916 года особая команда из состава Измайловского полка, вооруженная опытными образцами автоматических винтовок и автоматов Федорова, была отправлена на Румынский фронт. Успешные результаты испытаний в боевых условиях убедили высшее военное командование и Генеральный штаб в необходимости срочного принятия на вооружение нового оружия, особенно автомата, который пришелся по душе русским солдатам — стрелкам из гвардейских пулеметных команд. Помимо гвардейской пехоты автомат проходил испытание и в 10-м авиационном дивизионе. В конце 1916 и в начале 1917 года Главным артиллерийским управлением было принято решение в кратчайшие сроки произвести и поставить в войска 25 000 автоматов Федорова. В качестве подрядчика был выбран один частный завод. Но владелец завода отказался выполнять заказ — в условиях военного времени поступок невиданный. Подобные военные заводы находились в подчинении небезызвестного Земгора, лидеры которого впоследствии активно включились в Февральскую революцию. Скорее всего земгоровцы, предчувствуя грядущую смуту, саботировали ускоренное принятие на вооружение нового оружия. До февраля 1917 заказ все же успели разместить на Сестрорецком заводе, как и планировалось военным ведомством еще до начала Великой войны.

Общеизвестно, что русская армия к началу 1917 года была в состоянии активного перевооружения и реорганизации. Командование готовило на весну и лето текущего года крупные стратегические операции, в том числе мощное наступление на Юго-Западном фронте и невиданную доселе десантную операцию на Константинополь (Царьград). Уровень

внутренней организации и переизбыток вооружений, в том числе и новейших, не позволял сомневаться в успехе кампании 1917 года и даже в успешном окончании войны в том же году. Немаловажное место в этих планах отводилось новым видам оружия и снаряжения. В Англии и Франции русскими военными агентами организовывалась закупка танков, а российская промышленность готовилась к выпуску отечественных образцов — одноместного легкого «вездехода», танка Рыбинского завода и оригинального танка Лебеденко. Остов опытного образца танка Лебеденко несколько десятилетий ржавел на одном из крестьянских полей, точно так же, как уже полтора десятилетия ржавеет в московском Парке культуры в наши дни российский космический корабль многоразового использования «Буран».

К наступлению 1917 года готовилось большое количество стрелкового оружия (отечественного и зарубежного), артиллерийских орудий и снарядов к ним, бронеавтомобилей, аэропланов, а также авианесущих кораблей и т.д. Все это вооружение впоследствии было захвачено большевиками, и в дальнейшем это сыграло важную роль в положительном для них исходе Гражданской войны. Большевики не только захватили огромные резервы оружия, подготовленного к победоносному наступлению 1917 года, в их распоряжении оказалось огромное количество новой униформы (знаменитые шинели с клапанами, как у стрельцов, и шлемы-богатырки, дизайн которых был разработан русским художником М.Н. Нестеровым, и позднее называвшиеся «буденовками»).

Федоровским автоматом планировалось вооружить отдельные отряды стрелков в строевых частях, а также особые русские ударные части. Таким образом, к середине 1917 года Германия должна была встретиться с совершенно новой русской армией, обладавшей невиданной доселе мощью. Но, как известно, все произошло иначе — все силы русского народа были перенаправлены из русла победоносного созидания в безумие саморазрушения. Особое место в вооружении гвардейских и армейских частей в Великой войне заняла новая боевая техника, создание и разработка которой начались задолго до того, как хрупкий европейский мир был нарушен первыми выстрелами, прозвучавшими за пограничной рекой.

Организация работ по серийному изготовлению бронеавтомобилей отечественного производства была предложена еще Военным министром Рос-

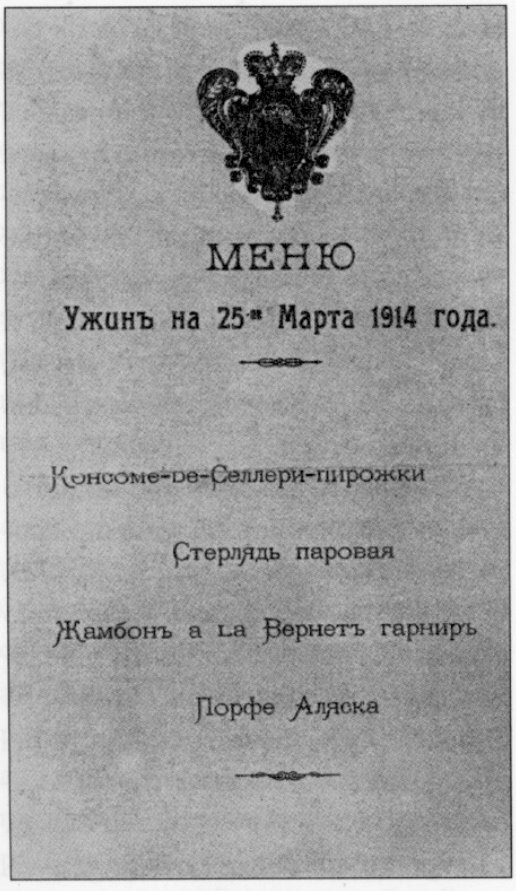
сийской империи генерал-адъютантом Сухомлиновым 17 августа 1914 года полковнику Лейб-гвардии Егерского полка А. Добржанскому. Сам он был знаком с производством бронемашин на заводах Крезо во Франции и принимал активное участие в их проектировании.

До начала войны считалось, что в будущем эти машины смогут применяться для ведения разведки в тылу и на флангах противника, для огневой поддержки своих войск в наступлении и преследовании отступающего врага и срыве атак его кавалерии, для связи и других видов боевой деятельности. Сразу же после появления на вооружении русской армии бронеавтомобилей стали формироваться и автомобильные подразделения. Из бронеавтомобилей «Руссо-Балт», разработанных при личном участии полковника Добржанского, сформировали 1-ю пулеметную автомобильную роту, состоявшую из трех взводов пулеметных бронеавтомобилей и одного взвода пушечных бронеавтомобилей. В каждом было по два броневика и легковых автомобиля, по одному грузовику малой грузоподъемности в одну тонну и по мотоциклу. На грузовых автомобилях перевозили личный состав и имущество, а мотоцикл использовался для связи с командиром роты и штабом. 19 октября 1914 года, после напутственной молитвы на плацу Лейб-гвардии Семеновского полка в Петрограде, 1-я пулеметная автомобильная рота под командованием полковника Добржанского отправилась на Северо-Западный фронт в Царство Польское. Там, в районе Лодзи, рота поступила в оперативное подчинение штаба 2-й Армии. Боевое крещение рота бронеавтомобилей прошла во время боев 9 и 10 ноября 1914 года в составе Ловичского отряда, когда шесть пулеметных машин роты прорвались через занятый неприятелем городок Стрыков, а два пушечных автомобиля поддерживали огнем наступление 9-го и 12-го Туркестанских стрелковых полков. Германцы, австрийцы и венгры, попав между двух огней, были выбиты из города, понеся очень крупные потери.

В 1915 году началось производство самого массового отечественного бронеавтомобиля — «Остин-Путиловец». С 1916-го был запущен в производство «Остин-Путиловец-Кегресс», поставленный на полугусеничные шасси. За отличную проходимость и высокую огневую мощь этот бронеавтомобиль испытатели назвали «русский тип танка». Так бронеавтомобили заняли свое место в истории.

Гвардия накануне военных испытаний

Казалось, что в 1910-е годы ничто не предвещает скорых социальных бурь и потрясений. Как и в любой другой стране, в особенности с крепкими монархическими традициями, жизнь гвардейских полков продолжалась в том же русле, что и пятьдесят, и сто, и даже двести лет назад, с присущими XX веку незначительными изменениями, характерными для всего российского общества в целом. Впрочем, на Западе традиционно считали, что даже консервативная гвардейская среда в России поражена вирусом некоего упадка. Курьезный случай произошел в Лейб-гвардии Семеновском полку, превосходно описанный одним из его офицеров: «С разрешения командира полка Кирилл Владимирович (Великий князь. — *Авт.*) на один из четверговых обедов привез свою жену Викторию Федоровну и английскую писательницу Элинор Глин, которая у них тогда гостила... В английской литературе место Элинор Глин было невысокое, приблизительно то же, что занимала у нас Лаппо-Данилевская, но романы ее, особенно из иностранной жизни, читались в Англии нарасхват. Обед провели очень сдержанно, пили мало. Рядом с писательницей посадили офицеров, говоривших по-английски. Писательница очень интересовалась жизнью русских гвардейских офицеров. В то время в душе ее зрел новый роман. Мы всячески старались ее убедить, что жизнь петербургских офицеров похожа на жизнь их лондонских собратьев. Они так же, как и англичане, ходят в казармы и учат своих солдат, завтракают и обедают в


МЕНЮ

Ужинъ на 25-мъ Марта 1914 года.

Консоме-де-Селлери-пирожки

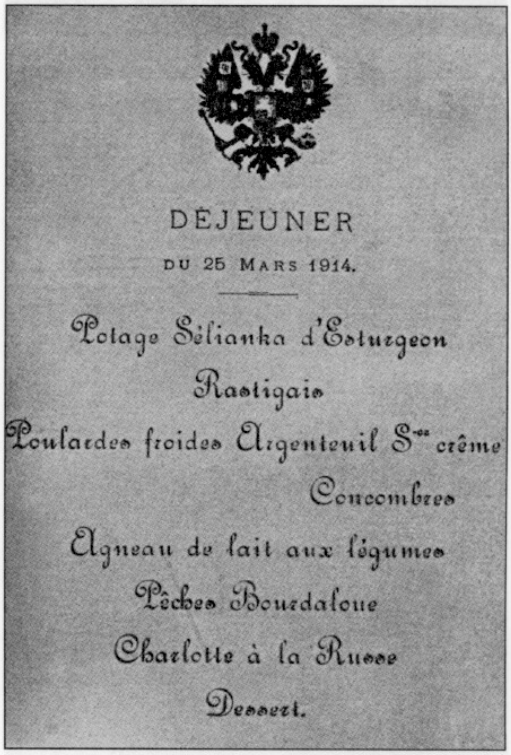
Стерлядь паровая

Жамбонъ а la Вернетъ гарниръ

Порфе Аляска

Меню ужина в Офицерском Собрании Конной Гвардии 25 марта 1914 года

своих "месс", занимаются спортом, бывают в театре и у знакомых. Писательница кивала головой и со всем соглашалась. А через год появился ее новый роман из "русской жизни", где герой ротмистр "князь Грицько" в своем "дворце" на Фонтанке играет со своими собутыльниками офицерами в "кукушку". Для молодого поколения объясню, что в "кукушку" в свое время, как рассказывали, играли иногда одуревшие от безделья и пьянства офицеры со стоянкой в диких местах Азиатской России. Игра состояла в следующем. В комнате... двери закрывались наглухо, и устраивалась полная темнота. Четыре человека расходились по углам. По данному знаку из какого-нибудь угла раздавался крик: "ку-ку". Тогда остальные трое в этот угол, целясь по звуку, палили из револьверов. Ерунду о русской жизни иностранцы писали и пишут вот уже несколько сот лет... Причина этому или бойкое невежество, или голый расчет. Если написать, что в России люди жили более или менее как всюду, это будет незанимательно. Нужно дать что-нибудь экстатическое, чтобы било в нос. Тогда книгу будут читать. По тому же принципу до самого последнего времени снимались и фильмы "из русской жизни". Кто рассказал Элинор Глин про "кукушку", не знаю. Во всяком случае, не мы»[60]. Впрочем, и без особых выдумок невежественных беллетристов сенсаций из гвардейской жизни хватало не только журналистской братии, но и однополчанам некоторых особо эксцентричных личностей. Так, например, в 1912 году для высшего петербургского общества давно перестала быть секретом связь Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича, младшего брата Государя, с многократно разведенной особой, известной некогда под име-



DÉJEUNER

DU 25 MARS 1914.

Potage Sélianka d'Esturgeon

Rastigais

Poulardes froides Argenteuil Sᵐᵉ crême

Concombres

Agneau de lait aux légumes

Pêches Bourdaloue

Charlotte à la Russe

Dessert.

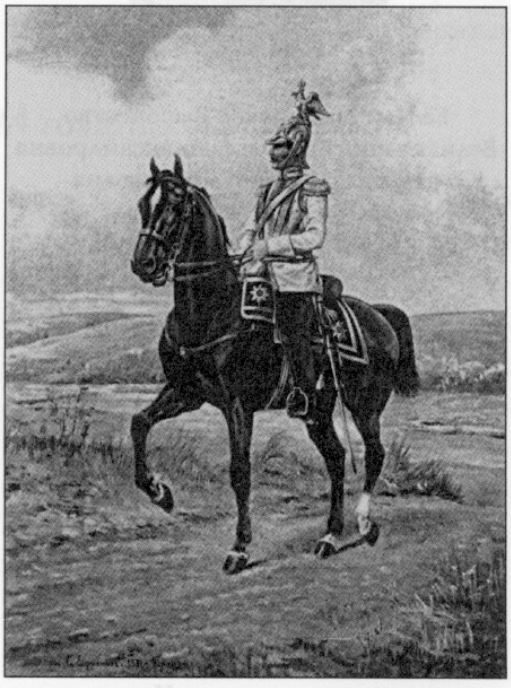
Меню ужина в Офицерском Собрании Конной Гвардии 25 марта

нем Наташи Шереметевской. Эта дочь петербургского чиновника средней руки успела пройти через головокружительные романы и замужества с наиболее влиятельными и скандальными фигурами довоенного

Развлечения гвардейских офицеров в летнем лагере в Красном Селе

Петербурга, прежде чем судьба свела ее с младшим братом Царя, за которого она вышла замуж, получив впоследствии титул графини Брасовой. В 1912 году, когда Великий князь вернулся из Орла в Петербург и привез с собой жену, Царь, расстроенный выходкой брата, в конце концов смилостивился и после двух лет «изгнания» Великому князю было предложено принять в начале 1912 года Кавалергардский полк. Идея предложить возглавить первый во всех отношениях кавалерийский полк Гвардии принадлежала безутешной матери Великого князя. Советуя старшему сыну передать под командование Михаилу Александровичу кавалергардов, старая Императрица надеялась, что из-за существующих в полку условностей ее сын постыдится представить подчиненным морганатическую супругу. Великому князю был даже сделан прозрачный намек через посредников. Когда же Михаил Александрович вопреки надеждам матери все же оказался в столице вдвоем с женой, министр Императорского двора, бывший конногвардеец — граф Владимир Борисович Фредерикс — был уполномочен передать Его Высочеству, чтобы тот удовлетворился казенной командирской квартирой в Кавалергардском полку и чтобы во дворец на жительство не переезжал. Михаил Александрович отнесся к этому очень просто и безропотно, заняв скромную казенную квартиру в расположении полка. Много горького пришлось пережить ему и в особенности его жене в Петербурге. Все столичное общество отворачивалось от графини Брасовой и не спешило делать визиты новой полковой даме. В угоду Высочайшему Двору никто не хотел принимать ее у себя. Особенно тяжело было Михаилу Александровичу отношение к его браку подчиненных ему кавалергардских офицеров: ни один из них не сделал визита его жене и никто из кавалергардов не кланялся ей — хотя бы как супруге своего

полкового командира. Недаром кавалергарды считались в Гвардии придворным полком, а их шефом, как известно, состояла сама вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Одновременно с этим протекал роман «отбившейся от рук» младшей сестры Государя, Великой княгини Ольги Александровны, с молодым офицером Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, поручиком Николаем Куликовским. Как Великий князь Михаил Александрович, так и сама Великая княгиня Ольга Александровна очень любили Гатчину, главным образом связанную в их сознании с давними детскими воспоминаниями. Там покойный Государь Александр III в последние годы жизни имел обыкновение подолгу живать с семьей во дворце и играть с «младшими» — Мишей и Ольгой. Когда Михаил Александрович поступил в Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк, у его сестры появился повод навещать младшего брата, с которым у нее сложились доверительные отношения с детства именно в милой ее сердцу Гатчине. Его Императорское Высочество держался очень просто, и в его обществе постоянно находились многие кирасирские офицеры. Муж Ольги Александровны — принц Ольденбургский был человек довольно немощный и в силу некоторых причин равнодушен к своей супруге. В один прекрасный день Великая княгиня почувствовала сильное влечение к красивому и статному кирасирскому офицеру Куликовскому, которого она частенько видела рядом с братом и который казался ей во всех отношениях интересным и достойным человеком. В своих «Записках кирасира» князь Трубецкой, служивший в описываемое время в Лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку, описал всю историю этого романа, поведав читателям свое разочарование действиями полкового начальства и последовавшей за этим



Генерал лейб-гвардии Конного полка эпохи Императора Николая Второго

переменой к полку отношения его Высочайшего шефа: «...Куликовский не преминул ответить взаимностью на зарождавшееся чувство сестры Государя, а так как последняя, несмотря на свой высокий сан и положение,

Её Императорское Высочество Великая княгиня Ольга Александровна работала сестрой милосердия во время Великой войны

держала себя чересчур свободно и независимо, то в обществе очень скоро заговорили об их романе. Ольга Александровна стала все чаще показываться в Гатчине, где она имела обыкновение держать себя, как "обыкновенная смертная", избегая всякого этикета и помпы. Ее можно было частенько встретить разъезжающей по гатчинским улицам в простом извозчике в сопровождении Куликовского. Встречали их и в укромных уголках гатчинского парка прогуливающимися под руку, как полагается обыкновенной и пошлой влюбленной паре. Если бы командовавший в то время полком генерал Бернов обладал бы достаточным тактом и умом, он на правах свитского генерала указал бы поручику Куликовскому на недопустимость такой простоты в отношениях с сестрой Государя. По крайней мере на глазах у широкой публики, ибо всякое афиширование таких отношений с Великой княгиней могло лишь компрометировать последнюю. Однако недалекий генерал не только этого не сделал, но, как говорят, искренне радовался успеху своего офицера, ибо, по его мнению, этот успех был только выгоден для полка, все более входившего в моду. Поведение Ольги Александровны и Куликовского привело лишь к тому, что про их связь стали открыто говорить в обществе. Получался опять придворный скандал — скандал, в котором опять-таки упоминалось имя нашего кирасирского полка! И когда все это дошло до сведения старой Императрицы, она очень разгневалась и огорчилась. Все это окончательно обозлило Марию Федоровну в отношении нашего полка, и после этого она прекратила свои былые, интимные и "милостивые" посещения полкового лазарета, полковой церкви

и казарм, к великому огорчению всех старых офицеров, не чувствовавших за собой никакой вины и мечтавших наладить снова прежние, добрые отношения с шефом. Однако за все мое пребывание в полку Императрица ограничивалась лишь посещением нашего смотра полкового учения и присылкой официальной поздравительной телеграммы ко дню нашего полкового праздника. К кавалергардам она была гораздо милостивее. Что касается до участи поручика Куликовского, то дабы более не разлучаться с Великой княгиней, он при ее содействии легко устроился личным адъютантом к ее мужу — принцу Ольденбургскому. Этот ловкий человек с фигурой бога Аполлона, хотя и снял форму полка, променяв ее на общеадъютантскую, однако продолжал числиться в списках полковых офицеров, как это полагалось в отношении всех личных адъютантов высочайших особ. С полком он связи не терял и в мое время пользовался известным влиянием на нашу молодежь, примыкая к партии спортсменов Экса и Плешкова (Михаила Михайловича, впоследствии полковника Белой армии, участника боев на Восточном фронте адмирала Колчака, автора книги «Мои воспоминания», вышедшей в Мюнхене в 1959 году. — *Авт.*) и принимая участие в полковых интригах...»

Великая война 1914 года и Гвардия

Невинные, на современный взгляд, ухищрения влюбленных, пытавшихся сохранить свои взаимоотношения под перекрестными взорами света и Гвардии, искренняя привязанность Ее Императорского Высочества к гвардейскому парвеню, надежды на стремительную военную или государственную карьеру поручика Куликовского были безжалостно разбиты надвигавшейся военной грозой 1914 года. Невзирая на видимое обилие публикаций и книг прошлого века, посвященных теме Великой войны 1914—1917 и роли в ней Императорской Гвардии, дефицит объективной и исчерпывающей информации все еще ощутим. Прошлый век оказался неожиданно «щедр» на масштабные войны, довольно подробно описанные по свежим впечатлениям их участниками и историографами. Но все же нельзя утверждать, что и в нынешнем веке, в преддверии 100-летия начала Великой войны, читатель легко обнаружит все исчерпывающие сведения о всех периодах Великой войны, позволяющие составить полную картину до мельчайших подробностей. В ходе создания этой книги

автором не ставилась задача охватить весь период той «неизвестной» войны, равно как и все театры военных действий. И потому он постарался ограничиться лишь теми свидетельствами, которые оказались общедоступными или нашли свое отражение в воспоминаниях гвардейцев.

Среди многих историков бытует мнение о том, что, бросив в августе 1914 года в Восточной Пруссии на противника гвардейские дивизии, русское военное командование, и сам Государь недальновидно обрекли их на неизбежное истребление. Вместе с тем, задумываясь над ходом военных действий июля — августа 1914 года, нельзя не согласиться с генералом Владимиром Николаевичем Доманевским, служившим в начале войны штаб-офицером при Штабе гвардейского корпуса, отмечавшим, что достижения сторон в первый месяц операций являлись далеко не случайностью, а прямым следствием подготовки к войне в предвоенное время. Ибо никаких «случайностей» стратегия не знает, а случай — это удел тактики. «Каждая армия достигла в августе 1914 года того, чего заслуживала подготовка к войне, в широком смысле, ее страны»[61], — писал он. Огромные жертвы, понесенные брошенной в бой Гвардией, не сказались на дальнейшем ходе войны и не способствовали тому, чтобы русские войска вошли в Берлин уже осенью того же 1914 года. К 1917 году, по воспоминаниям гвардейцев, личный состав гвардейских полков успел трижды смениться. Так, например, от преображенцев и семеновцев, примкнувших к революционной черни в феврале 1917-го, остались только названия их полков и полковая форма. Содержание новобранцев этих созданных еще при Петре полках было уже совсем иным.

Просматривая многие публикации о первых неделях войны, можно нередко заметить критику русской тактики, а также недостаточное использование в войне технических новинок. Но вместе с этим немаловажно и то, что именно в начале Великой войны рыцарская доблесть Императорской Гвардии впервые столкнулась с беспринципностью и коварством своих европейских противников, воевавших с ними по законам, не предполагавшим известной доли благородства. Атака развернутым кавалерийским строем на артиллерию неприятеля, влекущая неизбежные жертвы, была романтической данью гвардейцев кавалерийским атакам при Бородино. Но на дворе стоял жестокий XX век, и тяжелая тевтонская военная машина силами ландсвера — призывников 2-го разряда в первые недели боев беспощадно перемолола лучших представителей Гвардии.

Предчувствие Великой войны

Когда стало известно, что война объявлена, полки Гвардии хладнокровно встретили это известие, занявшись практическими мероприятиями и всего менее подвергая сомнению скорый успех России на фронте. Сборы первого во всех смыслах полка русской Гвардии — Кавалергардов на войну прошли вполне обыкновенно и без лишней суеты. В полку преобладало мнение, что поражение Германии и союзных ей монархий не за горами. 17 июля 1914 года, кавалергардами был получен приказ об общей мобилизации. 20 июля 1914 года в 4 часа дня в Зимнем дворце был отслужен молебен в Высочайшем присутствии — в Николаевском зале, переполненном членами Императорской Фамилии, министрами, членами Государственного совета и Думы, генералами и офицерами Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В ожидании монаршего прибытия на Дворцовой площади собралась многотысячная толпа. Из Нового Петергофа по направлению к Зимнему дворцу под высочайшим штандартом шел небольшой катер с Императорской Семьей. По мере того как катер приближался к набережной, по ней волнами проносилось нескончаемое «ура!». Над толпой развевались сотни национальных флагов и видны были

Офицеры Лейб-гвардии Московского полка перед отправкой на фронт. Лето 1914 г.

портреты Государя. Императорский катер пришвартовался у гранитной набережной, и Император с Императрицей через Иорданский подъезд вошли в Зимний дворец, откуда проследовали в сопровождении дяди

Государь Император Николай II с Наследником Цесаревичем Алексеем. Парадный портрет, сохранившийся среди прочих реликвий в полковом музее конногвардейцев

Царя, Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича, назначенного Верховным главнокомандующим, в Николаевский зал. Многократным «ура!» встретили их все собравшиеся в зале. Через переполненный зал Их Величества подошли к аналою, и молебен начался. По окончании молебна Государь обратился ко всем находившимся в зале подданным с краткой речью. «Со спокойствием и достоинством встретила наша Матушка Русь известие об объявлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с Земли нашей. И к вам, собранным здесь представителям дорогих мне войск Гвардии и Петроградского Военного округа и в вашем лице обращаюсь я ко всей единокровной, единодушной, крепкой, как стена гранитная, Армии Моей и благословляю ее на труд ратный». Присутствующие, все как один человек, опустились на колени. Затем грянуло громовое «ура!». Многие из гвардейцев плакали. Стоявший на площади народ подхватил начатое в залах дворца пение «Боже, царя храни!», и звуки этого могучего русского гимна потекли над площадью перед Дворцом. Государь и Государыня с августейшими детьми вышли на балкон, под приветственные крики восторга своих подданных. Пение национального гимна не прекращалось, многие бывшие на площади опустились перед вышедшей к ним августейшей четой

на колени. При разъезде из Зимнего дворца толпа народа горячо приветствовала офицеров. 21 июля в их казармах на Шпалерной улице, куда Кавалергардский полк прибыл пешим строем, о. Стефан Щербаковский, кавалергардский полковой священник, служил «напутственный» молебен. Отец Стефан Щербаковский до своего перевода в Кавалергардский полк был полковым священником в 11-м Восточносибирском стрелковом полку, с которым прошел всю русско-японскую войну. В бою под Тюренченом этот полк попал в окружение, и в ходе боя почти все его офицеры оказались убитыми или ранеными. Отец Стефан, видя грозящее полку безначалие, сам стал во главе солдат и с крестом пошел впереди цепи стрелков, увлекая их в прорыв. Японцы дрогнули, не выдержав штыковой атаки, и кольцо вокруг остатков полка было прорвано. В атаке отец Стефан получил ранение, но поля боя не покинул. За свой подвиг иерей получил наперсный крест на Георгиевской ленте. На этом молебне в последний раз собрались вместе старые кавалергарды во главе со старейшим из здравствовавших в ту пору полковых командиров генерал-адъютантом Артуром-Отто-Мориц Александровичем фон Гринвальдом. Благословив уходящий на войну полк образом Святых Захарии и Елисаветы, от имени всех старых ка-

Артур-Отто-Мориц фон Гринвальд

Князь Александр Николаевич Долгоруков

валергардов генерал фон Гринвальд пожелал полку успехов в предстоящих сражениях. По окончании молебна полк прошел церемониальным маршем перед старыми кавалергардами. Едва ли кто из кавалергардов мог представить себе тогда, что их полк марширует по плацу в последний раз... Ибо для большей их части возвращения с Великой войны не было. Прохождение по городу каждого Кавалергардского эскадрона сопровождалось горячими приветствиями народа. Стояли белые ночи, и уличная петербургская жизнь не прекращалась в течение суток. Почти все население было на улице, провожая в поход уходящие войска. Проезжающих кавалергардов благословляли и крестили старики и женщины. В ту же ночь полковой командир генерал-майор Свиты Его Величества, князь Александр Николаевич Долгоруков распорядился отправить первый эшелон кавалергардов на столичный Варшавский вокзал для посадки в вагоны. К месту своего назначения Кавалергардский полк двигался в четырех эшелонах. На эшелон полагалось 1 классный, 3 людских, 32 конских вагона и 2 платформы, а в 4-м эшелоне было 4 платформы.

Организационная структура Гвардии и российской Императорской армии в целом

Организационно гвардейские части распределялись следующим образом. В состав пехотной (стрелковой) дивизии или отдельной стрелковой бригады входили: легкая артиллерийская бригада (6 батарей по 8 орудий) или легкий артиллерийский дивизион (3 батареи по 8 орудий) со своими артиллерийскими парками, дивизионный госпиталь и дивизионный обоз. Номера артиллерийской бригады или дивизиона, как правило, соответствовали номеру дивизии или отдельной стрелковой бригады. В военное время дивизии могли придаваться казачья сотня второй или третьей очереди и саперная рота с мостовым парком из состава саперного батальона. При штабе дивизии имелась также команда связи в составе 8 самокатчиков и телефонистов из расчета 3—4 человека на телефонный аппарат. Комплектование дивизионной команды связи нижними чинами, так же как и полковых команд, осуществлялось подготовленными специалистами из всех подразделений дивизии равномерно. На театре военных действий начальнику дивизии полагался личный конвой (казачий взвод). Общая численность пе-

хотной дивизии в военное время доходила до 21 000 человек. Пехота, как и прежде, являлась основным и самым массовым родом войск. Она составляла основу вооруженных сил России, или свыше 60% их штатной численности в мирное время. Основной единицей в пехоте, способной самостоятельно решать тактические задачи и имевшей самостоятельное хозяйство, была рота. Батальон при этом оставался расчетной единицей при планировании боевых действий, а полк — административной единицей, имеющей самостоятельное управление и свое хозяйство. Рота состояла из 4 взводов, которые, в свою очередь, включали по 4 отделения (в мирное время могло быть 2 отделения). Далее, в соответствии с принятой в российской армии организацией, 4 роты сводились в батальон, 4 батальона в полк, а 4 полка в пехотную или стрелковую дивизию. Промежуточной структурой была бригада, состоявшая из 2 полков. Отдельные стрелковые бригады также состояли из 4 полков, но в отличие от пехотных в стрелковых полках этих бригад было по 2 батальона. Исключение при этом составляли только полки сибирских стрелковых дивизий, которые имели по 4 батальона. На этом отличие стрелковых частей от пехотных заканчивалось, так как ни по вооружению, ни по способу комплектования, а также по тактике ведения боевых действий они ничем не разнились. Гвардейские и гренадерские части (полки и дивизии) имели такую же организацию, что и армейские, но, в отличие от последних, они комплектовались наиболее рослыми, видными и выносливыми новобранцами. Кроме этого, в гвардейские части со времен правления Императора Николая Первого подбирались новобранцы с определенными внешними данными для каждого полка. Так, в Лейб-гвардии Преображенский полк подбирались высокие блондины (в 3-ю и 5-ю роты с бородами), в Лейб-гвардии Семеновский — высокие шатены без бород, в Лейб-гвардии Измайловский — брюнеты (в роту Его Величества — с бородами), в Лейб-гвардии Московский — рыжие с бородами, в Лейб-гвардии Павловский — курносые, в Лейб-гвардии Гренадерский — брюнеты (в роту Его Величества — с бородами), в Лейб-гвардии Литовский — высокие блондины без бород, в Лейб-гвардии Кексгольмский — высокие шатены и так далее. Роты и батальоны в полку имели общую нумерацию. По штатам военного времени в роте числилось 235 человек нижних чинов. К ним относились фельдфебель, каптенармус, 4 старших и 14 младших унтер-офицеров, 20 ефрейторов, 180 рядовых и 15 безоружных нестроевых, для вы-

полнения хозяйственных работ, денщики офицеров и чиновников, хлебопеки, кашевары, конюхи и ротные писари. Во главе роты стоял ротный командир (капитан). В помощь ему обычно давали 2—3 младших офицеров, отвечающих за определенные вопросы по обучению и хозяйственной деятельности. Каптенармус (как правило, унтер-офицер) заведовал ротным цейхгаузом. Он принимал, хранил и выдавал обмундирование, мундирно-амуничные деньги, оружие, провиант, топливо и руководил печением хлеба (при отсутствии хлебопекарен). В помощь ему из состава нестроевых чинов выделялся один помощник, который полностью отвечал только за хранение оружия. Должности ротного фельдфебеля и взводных унтер-офицеров (командиров взводов), как правило, занимали сверхсрочнослужащие унтер-офицеры в звании подпрапорщика, фельдфебеля или старшего унтер-офицера, а должности отделенного командира — младшие унтер-офицеры или ефрейторы срочной службы. В мирное время пехотные и стрелковые части содержались в уменьшенном составе. Так, в роте 50-рядного состава (100 человек рядовых с учетом ефрейторов) по штатному расписанию числилось 107 человек (фельдфебель, каптенармус, 4 старших унтер-офицера, 1 младший унтер-офицер, 10 ефрейторов и 90 рядовых). В приграничных округах пехотные части были несколько усилены и насчитывали в ротах по 84 ряда (168 человек рядовых и ефрейторов). В каждом пехотном или стрелковом полку имелись пулеметная команда в составе 4 взводов (по 2 пулемета в каждом), команда разведчиков и команда связи (телеграфисты, самокатчики и конные ординарцы). При этом штатным расписанием полка были определены только чины пулеметной команды. Остальные же команды комплектовались нижними чинами, прошедшими специальную подготовку, равномерно от каждой роты полка. В команду разведчиков подбиралась наиболее храбрые и находчивые солдаты из всех рот полка (по 4—6 человек с роты). Всего команда разведчиков включала обер-офицера — начальника команды и до 85 человек нижних чинов (старшего унтер-офицера,4 младших унтер-офицера и до 80 рядовых). Что же касается команды связи, то в ее состав, как правило, входили 13 конных ординарцев и 4 самокатчика для доставки приказаний и донесений, а также телефонисты из расчета 3—4 человека на аппарат (телефонист, надсмотрщик для выполнения ремонтных работ и 1—2 прокладчика кабеля).

Первые дни войны

Итак, война объявлена, и, пройдя линию Двинск — Вильно — Ковно, русские эшелоны прибыли в ночь с 23 на 24 июля на станцию Пильвишки и немедленно начали выгружаться из вагонов. Первый бивак кавалергардов был разбит в польской деревне Юркше, а утром со своим штабом туда прибыл начальник 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Казнаков. По боевому расписанию 1-я Гвардейская кавалерийская дивизия — без 3-й казачьей бригады — вошла в состав кавалерийского отряда генерал-лейтенанта Гуссейна Хана Нахичеванского, составлявшего правую группу армейской конницы 1-й армии. Свою первую боевую задачу в Великой войне — провести разведку боем за пограничной рекой Шешупой — кавалергарды, как и сто с лишним лет тому назад, выполняли совместно с конногвардейцами. Успешно переправившись через реку, Кавалергардский полк повел наступление на деревню Ваббельн, а Лейб-гвардии Конный — на Бильдервейген. «Заиграли трубы, раздалась команда: "Шашки вон!", "Пики в руку!", "Рысью!".

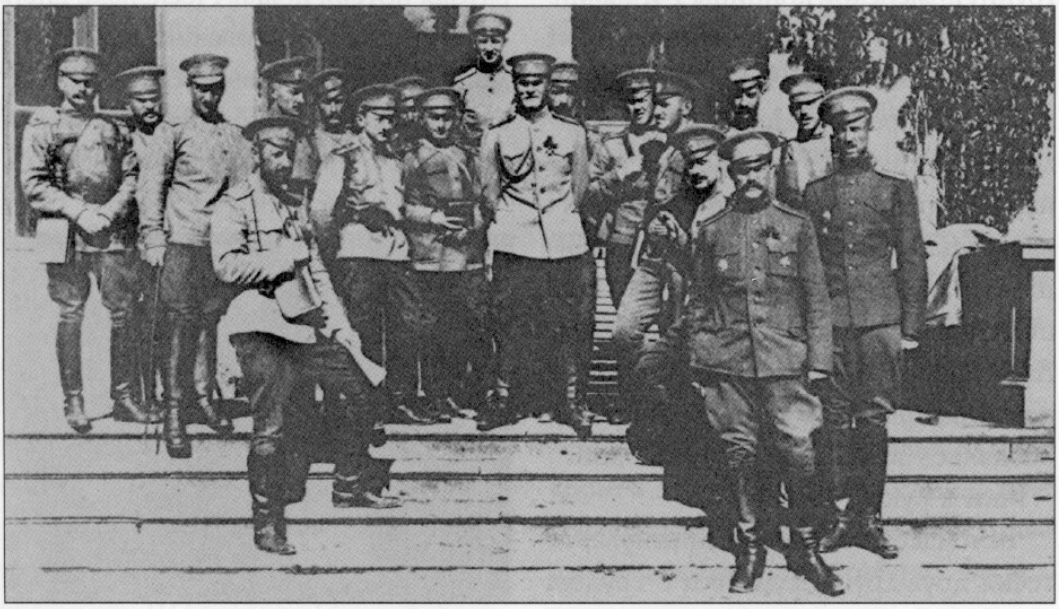
Вся масса кавалерии дрогнула, и, тесня друг друга, всадники с трудом сдерживали коней, стараясь держать равнение... Конница плотной массой двигалась вперед. Земля тряслась от тяжелой поступи Кавалергардских и Конногвардейских эскадронов. Перейдя в галоп, мы шли прямо на неприятельскую кавалерию, расположившуюся перед деревней впереди... Это была первая и последняя атака такого рода, и с тех пор уроки военного поля перешли в разряд исторических воспоминаний»[62]. Германские кавалеристы и пограничная стража после непродолжительных стычек вытеснена из этих деревень, и командир дивизии распорядился отвести бригаду в исходное положение. При отходе отрядов был смертельно ранен кавалергард Зеленин — первая безвозвратная потеря полка. Несколько дней кавалергарды осваивались на новом для себя театре боевых действий, неся сторожевую службу, были в перестрелках с противником, проводили

Ротмистр лейб-гвардии Конного полка барон П.Н. Врангель (слева) и баронесса О.М. Врангель, лето 1914 г.

рекогносцировки. 1 августа 1914 года в Ширвинт вступил Лейб-гвардии Драгунский полк вместе с взводом 5-й батареи Лейб-гвардии Конной артиллерии и взводом пулеметной команды. Противник начал усиленный артиллерийский обстрел Ширвинта. По западной и южной окраине Ширвинта были выставлены стрелковые цепи, а 5-я батарея присоединилась к своему дежурному взводу на северо-западной окраине Владиславова, возле кладбища. Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк вошел в деревню Мейшты для обеспечения расположения всей дивизии справа и наблюдению за северным берегом Шушупы, чтобы не допустить обхода противником русских позиций с фланга. В ходе этих незначительных с точки зрения большой стратегии боевых стычек в пограничных районах двух стран начался один из самых грандиозных переломов в ходе истории Европы и мира в целом.

Европа цезарей! —
с тех пор как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта![163] —

тонко уловил эту смену вех поэт уплывающей в небытие империи Мандельштам.



Группа офицеров Лейб-гвардии Конного полка в Восточной Пруссии. Август 1914 г. В центре — генерал-майор П.П. Скоропадский, крайний справа — ротмистр барон П.Н. Врангель

Поэт-гвардеец на войне

...2-я батарея и Лейб-гвардии Ее Величества Уланский полк выдвинулись на позиции южнее Владиславова, остановившись среди песчаных холмов, чуть выступая вперед, дабы обеспечить себе возможность поражать фланговым огнем неприятеля, наступающего на Ширвинт. Их поход, как иные походы лейб-улан Ее Величества, еще будут достоверно точно воспроизведен поэтом Николаем Степановичем Гумилевым, предпринявшим незадолго до этого огромные усилия для того, чтобы поступить вольноопределяющимся в этот гвардейский полк. После долгих мытарств и комиссий Гумилев был определен во 2-й маршевый эскадрон Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка, отправившийся на позиции 23 сентября 1914 года. Эскадрон прибыл в полк 30 сентября. Приказом № 76 по Лейб-гвардии Уланскому полку от 30 сентября 1914 года прибывшие нижние чины и вольноопределяющиеся рядового звания (всего 190 человек) зачислены на жалованье согласно аттестату за № 4512 от 24 августа 1914 года. Именно эта дата занесена в известный «послужной список» Гумилева, и долгое время литературоведы ошибочно считали ее датой прибытия в полк поэта. В описываемое время этим полком командовал полковник (с 1 января 1915 года — генерал-майор) Дмитрий Максимович Княжевич. В полку было шесть эскадронов, первый эскадрон традиционно обозначался как эскадрон Ее Величества. Командиром эскадрона был ротмистр князь Илья Алексеевич Кропоткин, и это в его эскадрон и оказался зачислен Николай Гумилев.

Николай Степанович Гумилев

К моменту прибытия поэта Лейб-гвардии Уланский полк в составе 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии уже успел поучаствовать в боях и совершить свой длительный поход по Восточной Пруссии, после того как пересек государственную границу 27 июля 1914 года. Самый тяжелый, но победный бой он принял вместе с другими гвардейскими полками 6 августа 1914-го под Каушеном. За этот бой были награждены более 80 человек. Однако первый прусский поход русской армии, и Гвардии в частности, закончился неудачно. 2-я армия попала в окружение, 1-я армия, в состав которой входила 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, понесла меньшие потери, но 30 августа 1914 года Лейб-гвардии Уланский полк вынужден был отступить за пределы Восточной Пруссии. 9 сентября 1914 года Уланский полк как наиболее уставший был временно выведен из состава дивизии, отправившись на отдых, в тыл. На это время полк был расквартирован в городке Россиены (теперь именуемый Расейняй в современной Литве). Именно там и началась боевая военная служба поэта. Подробное изучение архивных материалов, связанных с боевыми действиями Лейб-гвардии Уланского полка на протяжении 1914—1916 годов, позволяет сделать вывод, что «Записки кавалериста» с самого начала задумывались автором как документальная повесть обо всех глав-

Лейб-гвардии конно-гренадерский полк

ных событиях первого года его участия в войне. Фактически «Записки кавалериста» описывают весь период военной службы Гумилева в Лейб-гвардии Уланском полку. С первых дней своего пребывания в Уланском полку Гумилев вел подробный дневник. Хотя судьба всего военного дневника неизвестна (как и судьба большинства его африканских дневников), однако можно предположить, что большую часть его составили «Записки кавалериста», печатавшиеся в газете «Биржевые ведомости» на протяжении почти года: с 3 февраля 1915 по 11 января 1916 года прошло целых 17 публикаций. За участие в боевых действиях Гумилев, как известно, был награжден двумя степенями Георгиевского креста.

Знал он муки голода и жажды.
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь... —

вспоминал о своей фронтовой жизни Гумилев в стихотворении «Память», вошедшем в последний сборник стихов поэта под названием «Огненный столп», увидевший свет в Петрограде в 1921 году...

Гвардия в первых наступательных боях

Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк составил собой общий резерв дивизии и стал возле юго-восточной окраины Владиславова, укрытый зданиями пригорода. К вечеру германский артиллерийский огонь достиг почти ураганной силы. Лейб-драгуны понесли первые потери. Было много раненых и контуженых, в том числе и сам командир полка. «Город Ширвинт положительно засыпался шрапнелью, которая падала преимущественно на черепичные крыши домов, производила очень много шума и сильное моральное впечатление, но... сравнительно с моральным напряжением наносила немного повреждений... Лишь одна гаубичная граната ударила в Владиславове в маленький еврейский дом, пробила стену, вошла в комнату и, разорвавшись, перерани-ла всю семью, в ней жившую... Несколько жителей евреев прибежали ко мне ошалевшие, рассказали это происшествие. И, выставляя меня ответственным за него, настоятельно стали требовать, чтобы были приняты меры, дабы подобное не повторялось», — вспоминал офицер, очевидец событий[64]. Кроме сильного артиллерийского огня, неприятель ничем не обнаруживал своего намерения перей-

ти к активным боевым действиям, однако, как показали потом данные разведки, по обеим сторонам Вилуненского шоссе была сосредоточена 1-я германская кавалерийская дивизия и пехотная гаубичная батарея, в мирное

Офицеры 1-й Гвардейской дивизии. Ближний в центре офицер — ротмистр барон П.Н. Врангель

время обычно не входящая в состав кавалерийской дивизии. Вечером 1 августа 1914 года, около 7 часов, к Владиславову неожиданно подошел переменными аллюрами дивизион Кирасирского Его Величества полка с 4-й батареей Лейб-гвардии Конной артиллерии под командованием полковника Коленкина. Дивизион был прислан начальником 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии генералом Казнаковым для оказания посильной помощи боевым товарищам, однако уже через час германский артиллерийский обстрел прекратился, а колонны противника двинулись назад, к Вилунену. В самом городке после обстрела занялись несколько пожаров, которые были потушены усилиями находившихся в нем гвардейских частей. «Когда бой кончился, я поехал в Ширвинт, чтобы обойти драгун и благодарить их. Приятно было смотреть при обходе на спокойные, довольные лица людей и слышать их громкие, уверенные в себе голоса в ответ на мое приветствие»[65].

В течение дня 2 августа 1914 года авангарды закончивших мобилизацию и подошедших корпусов 1-й армии должны были подходить к государственной границе. Правой группе армейской конницы генерала Хана Нахичеванского командующим армией было приказано, свернув войска, стоявшие сплошной завесой вдоль границы, перейти в район города Владиславова для действий на фланге и в тылу противника в общем направлении на городок Истербург. Однако наступление германской пехоты не позволило реализовать этот замысел командующего армией. 1-я германская пехотная дивизия ударила в направлении городка

Эйдукунен после усиленного артиллерийского огня по направлению к северу от этого населенного пункта. Наступлению противостоял сторожевой резерв полка, на помощь которому рысью подошли кирасиры Ее Величества и 4-я батарея Конной артиллерии. Бой стих с наступлением сумерек, а с утра, когда пулеметная команда маркиза делли Альбицци открыла огонь по наступавшим германцам, она сразу же попала под точечный огонь германской артиллерии.

Первый бой кавалергардов в Великой войне

Лишь 6 августа 1914 года Кавалергардский полк принял свой первый бой в длинной череде грядущих боев и сражений Великой войны. По многим своим деталям этот бой перекликался с боевым крещением кавалергардов при Аустерлице в царствование Александра Благословенного. В своей беспримерной отваге и презрении к смерти, в дерзости и рыцарстве последних кавалергардов проявились те лучшие качества, что были унаследованы ими от своих отцов и дедов — кавалергардов александровской эпохи. Полк вышел конным строем в направлении деревни Каушен, двигаясь без остановок, пока германская артиллерия не начала беглый обстрел колонн, мешая их продвижению. Кавалергарды развернули строй и отступили. Отходили они спокойно, однако потом вдруг заспешили задние взводы, поджимаемые свистом снарядов, несущихся им вслед, и стали заскакивать вперед рядов идущих перед ними. «Кавалергарды галопом не отходят!» — крикнул солдатам корнет Воеводский 4-й, офицер второго эскадрона. Этих слов, обращенных к нижним чинам полка, напомнивших им о славных полковых традициях, оказалось достаточно, чтобы люди успокоились, пустив своих лошадей шагом. Через не-

Князь Михаил Михайлович Кантакузен, граф Сперанский

которое время, спешившись, кавалергарды цепью вновь двинулись на противника. Немцы обрушили на них плотный артиллерийский огонь. Почти сразу был тяжело ранен шальной пулей в живот шагавший впереди рядов помощник командира полка полковник Михаил Михайлович князь Кантакузен, граф Сперанский. Кавалергард Владимир Николаевич Звегинцов, участник этого боя, привел поразительный факт, свидетельствующий о характере Михаила Михайловича: «Несмотря на мучительную боль и на потерю крови, он продолжал идти впереди цепей, показывая кавалергардам пример бесстрашия и воинской доблести. И только получив приказание командира полка, он сел на подведенную ему лошадь и поехал на перевязочный пункт, где от потери крови лишился сознания»[66]. 4-й эскадрон поддерживал наступающих в конном строю — несмотря на усиливающийся ружейный огонь и рвущуюся шрапнель.

Дмитрий Владимирович Коссиковский

Князь Долгорукий, поднявший в знаменитую штыковую атаку кавалергардов в августе 1914 г.

В этой пешей атаке кавалергардов был смертельно ранен корнет эскадрона Ее Величества П.П. Карцов, контужен корнет эскадрона Ее Величества А.А. Волжин, смертельные ранения получили штабс-ротмистр эскадрона Ее Величества Дмитрий Владимирович Коссиковский и начальник полковой команды связи по-

ручик князь Д.П. Кильдишев. Когда, умирающего, его проносили мимо командира полка, то поручик, превозмогая боль, обратился по-французски к князю Долгорукову, старясь придерживаться светского этикета даже на смертном одре: «N'oubliez pas ces pauvres diables, mon general!»[67]. Князь Кильдишев имел в виду награду для вытащивших его с поля боя рядовых кавалергардов. Немало было от XIX века и прежней Кавалергардии и в том, как поручик Воеводский 2-й, собрав оставшихся одиннадцать нижних чинов кавалергардов, повторно повел их на штурм батареи противника. Шестеро из них сразу же погибли в этой дерзкой атаке под беглым огнем германцев, а прочие были ранены. Их командир сам перевязал раны каждому. И все же порыв атакующих кавалергардов оказался тщетным — у самых позиций врага их ожидало одно из новшеств современной войны — заграждения из колючей проволоки. «Многие всадники запутались в проволоке. Корнет барон фон дер Остен-Дризен сломал себе при падении с лошади ключицу и был эвакуирован в Петроград»[68]. Кавалергардам пришлось отходить под огнем. Чуть позже они снова атаковали германские позиции, и теперь уже впереди кавалергардских цепей шагал с обнаженным палашом их командир, князь Долгоруков. Вражеская шрапнель, не переставая, била по цепям, кося ряды кавалергардов. По ним хлестали пулеметные очереди. Им приходилось останавливаться, залегать, окапываться. В одной из этих атак шальной пулей был сражен корнет Воеводский 4-й, уцелевший в Балканскую войну в 1912 году. Еще до атаки он, словно предчувствуя свой конец, заметил шагающему с ним в цепи флигель-адъютанту, поручику князю Багратиону-Мухранскому: «Пожалуй, целыми мы отсюда не уйдем». Падая, он успел крикнуть, обращаясь к соседним рядовым кавалергардам: «Прощайте, братцы!» Наконец ближе к исходу дня, когда на помощь кавалергардам подошли конногвардейцы, лейб-гусары, а их совместную контратаку поддержала огнем гвардейская артиллерия, сообща им удалось прорвать оборону противника. В клубах дыма и пыли, под свист пуль и разрывы снарядов гвардейцы перешли к преследованию германцев. При преследовании отступавших германцев был убит еще один кавалергардский офицер.

«...Через несколько минут его лошадь прискакала назад в Каушен с окровавленным седлом. Корнет барон Пиллар фон Пильхау был убит залпом отступающей из деревни Мешкен немецкой роты»[69]. 13 августа после непро-

должительных боев кавалергарды взяли Фридланд — город, близ которого в 1807 году произошло ожесточенное сражение между русской и французской армиями. Тогда победа досталась наполеоновской армии. Теперь же Лейб-гвардии Конной артиллерии достаточно было дать несколько метких артиллерийских залпов, чтобы германские части поспешили очистить город. Пройдя через Фридланд, дивизия стала на ночлег в окрестных деревушках, выставив сторожевое охранение от Кавалергардского полка по линии Зоммерфельд — Стокхем — Георгенау. От Хана Нахичеванского понеслась депеша командующему 1-й русской армией: «...1-й германский армейский корпус отходит на Кенигсберг, 17-й армейский корпус — к юго-западу от Фридланда. Отступает неприятель так быстро, что его не могли настичь даже разъезды». Казалось, победа не за горами...

Битва за Каушен

Стоит подробнее остановиться на этом важном боевом эпизоде — борьбе гвардейских полков за местечко Каушен, что довольно красноречиво дает полное представление о характере и ходе боевых действий цвета русской Гвардии в ее схватке с германскими призывниками 2-го разряда, именуемыми ландвером. Этот эпизод наглядно иллюстрирует трудности, возникшие у цвета русской Гвардии в столкновении с обыкновенными германскими запасниками, оказавшими отчаянное сопротивление русским. Князь Долгоруков, подчинив себе все части, занимавшие позиции напротив Каушена, повел их в новую атаку. Одновременно с этими действиями русских войск германская ландверная пехота, подкрепившись подошедшей от Моулинена ротой 2-го батальона 4-го ландверного полка, перешла в наступление по левому берегу речки Эйменис, оттесняя противостоявших им Лейб-гвардии конно-гренадеров все дальше и дальше. Вскоре расположение полков 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии на правом берегу реки Эйменис было подвергнуто обстрелу с фланга. Полковник Арсеньев был вынужден отвести цепи в Опелишкен. Цепи кавалергардов, конно-гренадеров и лейб-улан на правом берегу реки Эйменис подвергались сильному обстрелу как артиллерийским, так и ружейным огнем германцев и каждую минуту несли большие потери. Только ответный артиллерийский огонь батарей Лейб-гвардии Конной артиллерии мешал

германцам перейти в контратаку и разметать окончательно стремительно редевшие ряды гвардейцев. Успехи германцев на левом берегу Эймениса подали надежду их полковнику Люпину на успешный исход боя, и он решился ввести здесь в бой свой последний резерв — роту 4-го ландверного полка, стоявшую на перекрестке дорог южнее Краупишкена. Резерв пришел в движение, причем сам полковник Люпин, получил извещение своего штаба 1-го германского армейского корпуса о том, что 1-й кавалерийской дивизии послано приказание обойти Цулькинерский лес с востока и атаковать противостоящего 2-й ландверной бригаде противника в тыл, лично напутствовал бойцов перед маршем на Пилькален.

Тем временем полковник кавалергардов граф фон Граббе привез к генерал-майору Скоропадскому известие об очень тяжелом положении, в котором пребывал его полк. Скоропадский отдал приказание полку Конной гвардии поддержать кавалергардов. Командовавший Конным полком полковник Гартман поднял эскадроны Его Величества, 2-й и 4-й, на помощь кавалергардам. Получив донесение от графа фон Граббе, генерал Казнаков приказал 4-й батарее стать на позицию и поддержать цепи огнем, а 2-й бригаде 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии выдвинуться к перекрестку дорог восточнее Веркснюпенена, выслав один эскадрон для прикрытия левого фланга боевого порядка. В штаб Сводной кавалерийской дивизии была отправлена записка следующего содержания. «Дивизия ведет упорный бой в районе Туттельн — Каушен. Резервов почти не осталось. Казнаков».

Однако выдвигавшаяся согласно полученному приказу кирасирская бригада была встречена генералом Гуссейном Ханом Нахичеванским, который, полагая, что и эти части двигаются для усиления боевого порядка, остановил их, не желая лишаться резерва. Распоряжение об отправке на левый фланг эскадрона было заменено отправкой лишь одного полуэскадрона. Со своей стороны Гуссейн Хан Нахичеванский отправил записку генералу Бельгарду, гласившую: «1-я и 2-я Гвардейские кавалерийские дивизии ведут очень упорный бой с фронта, у деревень Туттельн и Каушен; держимся; дело зависит от успеха вашей дивизии с фланга. Хан Нахичеванский». Генералом фон Раухом для парирования обхода германцев слева были введены в дело Лейб-гусарские полки, направив эскадроны Его Величества и 3-й Лейб-гусарский полк занять берег реки Эйменис и не допускать противника его перейти. 2-й с

взводом пулеметной команды отправить на поддержку теснимых противником конно-гренадеров на левом берегу этой же реки. Конно-гренадерам поставить задачу атаковать и отбросить обходящего неприятеля.

Германцы на левом берегу реки Эйменис, усилившись ротой резерва, повели новую атаку, стремясь перейти реку вброд и обойти левый фланг кавалерии. Однако же под пулеметным и ружейным огнем находившихся на левом берегу эскадронов конно-гренадер, лейб-гусар и полуэскадрона кирасир Ее Величества во фланг и тыл они принуждены были прекратить наступление и, понеся потери, отойти в исходное положение. Одновременно с этим цепи 1-го батальона 33-го ландверного полка германцев перешли в наступление и на фронте Туттельн — Гиренен вынудили батареи сводной кавалерийской дивизии, занимавшие позицию у Шпиргинен и оказавшиеся в зоне действия ружейного огня, переменить свою позицию. Артиллерия стала теперь между Шпиргинен и Пауткандшен. Тем временем, не выдержав огня, делавшего все попытки атаковать от Веркснюпенена на Каушен совершенно безнадежными, эскадроны кавалергардов постепенно стянулись с поля к Опелишкену, оставив в поле только 3-й эскадрон своего полка. Там же сосредоточился почти весь Лейб-уланский полк, так как к нему вернулся ранее выдвинутый на правый фланг 6-й эскадрон. Командование оказавшимися в Опелишкине войсками принял генерал Лопухин, командовавший 1-й бригадой 2-й дивизии. На совещании начальников частей было решено предпринять еще одну атаку на Каушен.

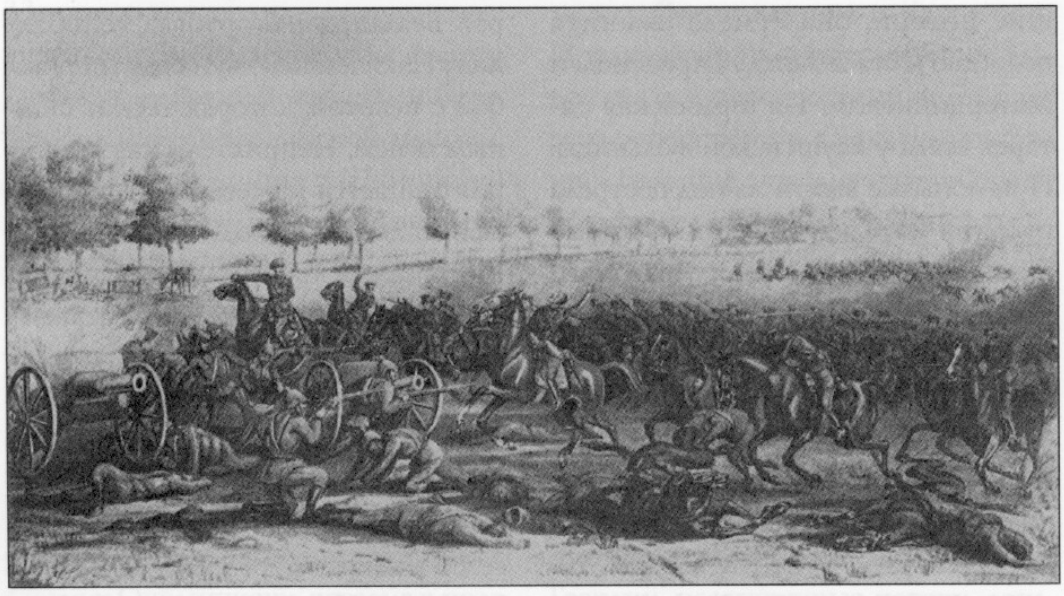
В это время на поле севернее пролегавшего неподалеку шоссе, почти недавно оставленном кавалергардами, появились наступающие цепи эскадронов Конной гвардии. Спешенные 1-й, 2-й и 4-й эскадроны во главе с временно командующим полком Конной гвардии полковником Гартманом повели наступление на хутора между Опелишкеном и Каушеном. Продвижение конногвардейцев вывело их под перекрестный огонь с левого берега реки и с фронта, повлекший большие людские потери среди конногвардейцев. Однако их эскадроны чудесным образом держались, отражая контратаку за контратакой германской пехоты, в то время как скопившиеся в Опелишкине части под общим руководством генерала Лопухина двинулись в наступление. Участник боя, Владимир Николаевич Звегинцов вспоминал: «...Цепи Конной Гвардии, неся крупные потери, дошли до цепи № 3 эскадрона Кавалер-

гардов. Оставив на ее высоте свой 1-й эскадрон и взвод дивизионной коннопулеметной команды корнета кирасир Его Величества маркиза делли Альбицци, полковник Гартман, только что сам раненный, повел цепи 2-го и 4-го эскадронов Конного полка на деревню Каушен»[70].

Положение 2-й ландверной германской бригады становилось час от часа все более удручающим для германского командования. Потери росли, резервы были исчерпаны, 1-я германская кавалерийская дивизия не подходила. Нельзя было рассчитывать на подход перебрасываемых от Тильзита и Ленгветена батальонов. 2-я германская батарея была подавлена огнем русской артиллерии, неся большие потери, она сумела сменить позицию и стала между Гирененом и Матернинкеном. 1-я германская батарея стала у каушенской мельницы. При попытке выйти из-под обстрела русских батарей она принуждена была оставить два орудия, упряжки которых были накрыты русской шрапнелью, убившей всех находившихся в ней лошадей. В такой обстановке полковник фон Люпин отдал распоряжения о выходе бригады с правого фланга из боя частями и продвижении батарей в Краупишкен. Далее он отдал приказ об отступлении 33-го ландверного полка в направлении линии Буденингкен — Плейнлаукен — Карпотхен. И об отступлении 4-го ландверного полка в направлении Краупишкен — Рукен. В штабе русского конного отряда также нарастала тревога за исход боя, в который втягивались все новые и новые резервы, но который тем не менее никак не удавалось победоносно завершить. В 16 ч 15 мин начальник штаба конной группы полк. Чесноков в свою очередь адресовал ген. Бельгарду полевую записку за № 132. «Начальник конницы приказал не отступать и держаться, возможно, упорнее, не допуская обхода. Если придется отходить, то, во всяком случае, не на Кобиева, а на Орупенен. Другие дивизии будут отходить на Драгупенен». Генерал Бельгард рапортовал генералу Хану Нахичеванскому: «Веду упорный бой с пехотой, которая теснит сильным огнем. Неприятельская кавалерия двигается на север. Артиллерийская позиция находится на высоте Краупишкен южнее ручья. Отодвинул передовые части на высоту батареи». Кавалерия, о которой шла речь в донесении Бельгарда, была двумя эскадронами ландверной конницы, которые, подойдя к Краупишкену, получили приказание выдвинуться на север и занять переправы через реку Инстер, чтобы прикрыть левый фланг боевой линии бригады полковника

Люпина. Между тем в 3-й эскадрон Лейб-гвардии Конногвардейского полка, стоявшего в прикрытии к коноводам остальных эскадронов полка, пришла из боевой линии просьба поддержать 2-й эскадрон полка, который понес большие потери от неприятельского огня.

Ротмистр барон Врангель, получив разрешение генерала Хана Нахичеванского, выдвинулся с эскадроном к боевой линии, где получил от артиллеристов известие, что на позиции у Каушена обнаружены два неприятельских орудия, передки которых были уничтожены огнем батареи Его Величества под командованием полковника князя Эристова. Именно по этой причине можно было взять их довольно легко в случае внезапной атаки. К этому времени цепи атакующих из Опелишкена конников генерала Лопухина вышли к хуторам, занятым эскадронами Конной гвардии и продолжили наступление дальше, оттесняя арьергардные части ландвера, прикрывавшие отход основных сил 2-й ландверной бригады. А в штаб конного отряда прибыл офицерский разъезд от отдельной кавалерийской бригады генерала Орановского, от которого стало известно, что эта бригада подходит к Драгупенену, обогнав на походе небольшие пехотные части 54-й пехотной дивизии, двигающиеся на запад. Получив эти сведения,



Атака полуэскадрона Лейб-гвардии Конного полка во главе с бароном ротмистром П.Н. Врангелем на германскую батарею при Каушене. Август 1914 г.

штаб отряда решил, что фланг армии теперь надежно прикрыт и становится возможным прервать безуспешный бой, отойти на отряд полковника Кобиева, удлиняя фланг армии вправо. И в то время, когда в штабе принималось решение о выходе из боя, цепи перемешавшихся в наступлении от Опелишкена на Каушен эскадронов Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, конно-гренадер и конногвардейцев залегли, встретив усилившийся огонь противника, 3-й эскадрон Конной гвардии в конном строю пошел в атаку на Каушен. Поскольку пространство перед косогором было уже очищено от пехоты противника, то никакого сопротивления марш эскадрона не встретил. Миновав косогор перед деревней, конница разделилась — полуэскадрон во главе с ротмистром Врангелем двинулся на позицию германской батареи (№ 1), где оставались стоять два не вывезенных орудия, а другой полуэскадрон во главе с графом Беннигсеном свернул направо — на Каушен. Германская пехота на окраине Каушена открыла ожесточенную стрельбу, которая после первых точных попаданий вызвала заминку в атаке правого полуэскадрона, однако же усилиями унтер-офицеров эскадрона атака была возобновлена и германские цепи опрокинуты.

Полуэскадрон ротмистра Врангеля был встречен картечным выстрелом, произведенным одним из немногих оставшихся в живых номеров, после чего эта артиллерийская позиция была взята. Видя успех кавалерии, цепи от Опелишкена также пошли вперед и овладели Каушеном, вынудив германцев отходить к Матернинкену. Между тем генерал Хан Нахичеванский отдал приказ дивизиям отряда выйти из боя и расположиться на ночлег в районе Каралькемен (Сводная), Линденталь (1-я Гвардейская), Ней-Стонупенен (2-я Гвардейская). Уже после этого он получил донесения об успехе атаки конногвардейцев и взятии Каушена, однако приказ отменен не был, хотя и исполнение его разрешалось отсрочить. Для прикрытия сбора перемешавшихся в ходе боя эскадронов была выдвинута кирасирская бригада, которая вступила в бой уже на подступах к Матернинкену, где две роты 4-го ландверного полка прикрывали отход 1-го батальона 33-го ландверного полка с линии фронта Гиренен — Туттельн. Отход этого батальона освободил силы Сводной кавалерийской дивизии, и она тоже продвинулась вперед, заняв Мешкен, а ее артиллерия вновь сменила позицию, став на покрытой нескошеным хлебом высоте к западу от Шпиргинен. Отсюда открылся об-

стрел Краупишкена и путей отступления противника на правом берегу р. Инстер.

Развивая успех, командир 5-го эскадрона 3-го драгунского полка штаб-ротмистр Роговский со своим эскадроном по длинной гати, пересекавшей долину реки Инстер, ворвался на правый берег. Вскоре, усилившись еще одним эскадроном того же полка, с двумя пулеметами этот отряд повел свое наступление на Брейтенштейн. Германская артиллерия, стоявшая на позиции у этого пункта, оказавшись на линии огня драгун, сразу же снялась и ушла. Потери отряда лейб-драгун составили 7 человек и 5 лошадей убитыми и ранеными. Однако к этому времени Брейтенштейн был уже занят ротами 1-го батальона 4-го ландверного полка, подошедшим от Шиллена. Подходивший 3-й батальон 33-го ландверного полка получил приказ штаба бригады занять высоту 49 в одном километре к северу от Краупишкена. С левого берега реки Эйменис германцы также стягивались к переправе через р. Инстер у Плейнлаукена, охрану которой взяла на себя рота 33-го ландв. полка, отошедшая от Гиренена. Оба вновь подошедших батальона ландвера были выкошены артиллерийским огнем русских с левого берега реки Инстер. Командир 1-го батальона 4-го ландверного полка выслал разведку на противолежащий берег реки. Вернувшаяся разведка сообщила, что местность вплоть до Каушена не занята русскими. У Каушена разведчики обстреляли группу кавалеристов и убили выехавшего к ним навстречу русского офицера, предполагавшего, что стрельба открыта своими же по ошибке. Полковник фон Люпин отдал приказ полкам бригады отходить на станцию Грюнхейде. Отходящие колонны потянулись на запад. Бой затих. Вечером того же дня германская артиллерия у Краупишкена прекратила огонь.

Однако этот приказ до 1-го батальона 4-го ландв. полка и 3-го батальона 33-го ландверного полка не дошел, так как везший его самокатчик был убит разрывом русской шрапнели. Поэтому эти два батальона остались на месте. Их попытки отыскать штаб бригады для получения распоряжений привели лишь к тому, что из рассказов жителей стало известно об отходе войск на запад. С наступлением темноты оба батальона по взаимному соглашению сняли выставленное ими по берегу реки Инстер охранение и ушли на станцию Шиллен. Распоряжение генерала Хана Нахичеванского на отход было продублировано для Сводной кавалерийской

дивизии запиской полковника Чеснокова, гласившей «НАЧАЛЬНИКУ СВОДНОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ. Может быть, к вам не дошел приказ о ночлеге. Вашей дивизии назначено ночевать Каралькемен и выставить сторожевое охранение от Гр. Скайсгиррен дальше по правому берегу р. Инстер (удерживая Кобьевскую переправу) и дальше на Балупенен, Пауткандшен, Суткемен — дальше охранение 1-й Гвард. кав. дивизии. Южнее вас, у Линденталь, 1-я Гвард. кав. дивизия. Район ближней разведки — впереди района сторожевого охранения. Начальник конницы просит установить соприкосновение с противником и, если надо, удерживать переправу у Мешкен. 1-я и 2-я Гвард. кав. дивизии уже идут на ночлег. Полковник Чесноков». Меж тем не получая никаких приказаний, генерал Бельгард доносил начальству: «Переправы занял у Мешкен, Краупишкен, Лаугален. Перешли р. Инстер. Прошу разрешения остаться здесь на ночлег. Жду указаний. Неприятель повсюду в беспорядке отступает». После отхода противника наступавшие цепи перемешавшихся эскадронов остановились у Каушена. Трубачи играли сбор. Части приводились в порядок. Сомнениям ген. Хана Нахичеванского о том, что делать далее — преследовать отошедшего за реку врага или отвести дивизии на ночлег, был положен предел, когда пришли известия о расходе огнеприпасов в этот день, — он был очень значительным. И было принято решение отвести войска на ночлег в район Линденталь, как это и было предусмотрено отданными распоряжениями.

Приехавший в штаб отряда полковник Иркутского гусарского полка Григорьев сообщил, что командир отдельной кавалерийской бригады генерал Орановский отдает свою часть полностью в распоряжение командира конного отряда для поддержки его в бою и просит только отдать распоряжения об усилении бригады артиллерией, которой в ее составе не имелось. На предложение поддержки был получен ответ, что «враг уже разбит корпусом своими собственными силами». Для взаимной ориентировки и улаживания вопроса об усилении бригады генерала Орановского артиллерией в Драгупенен на автомобиле отправился начальник штаба отряда полк. Чесноков. Планировалось, что на усиление бригады пойдет 3-я конная батарея, которая еще во время приграничных столкновений была передана в состав 20-го армейского корпуса. Собрав эскадроны, кавалерия выступила к местам ночлегов, находив-

шихся в 10—12 км к северо-востоку от места боя, где и расположилась. За свою лихую атаку у Каушена полковник Конной гвардии князь Эристов и ротмистр барон Врангель были награждены орденом Святого Георгия 4-й степени, а последний из них произведен в чин полковника. Но в целом успех 6(19) августа 1914 года стоил кавалерии тяжелых потерь. Они составили 81 человек убитыми, 293 человека ранеными и 22 человека пропавшими без вести. При том полки Кавалергардский и Конный лишились более половины своих офицеров.

...Сломил героев схватки бурелом,
И ангел смерти осенил крылом,
Но вечности их память предана,
И доблестью покрыты имена, —

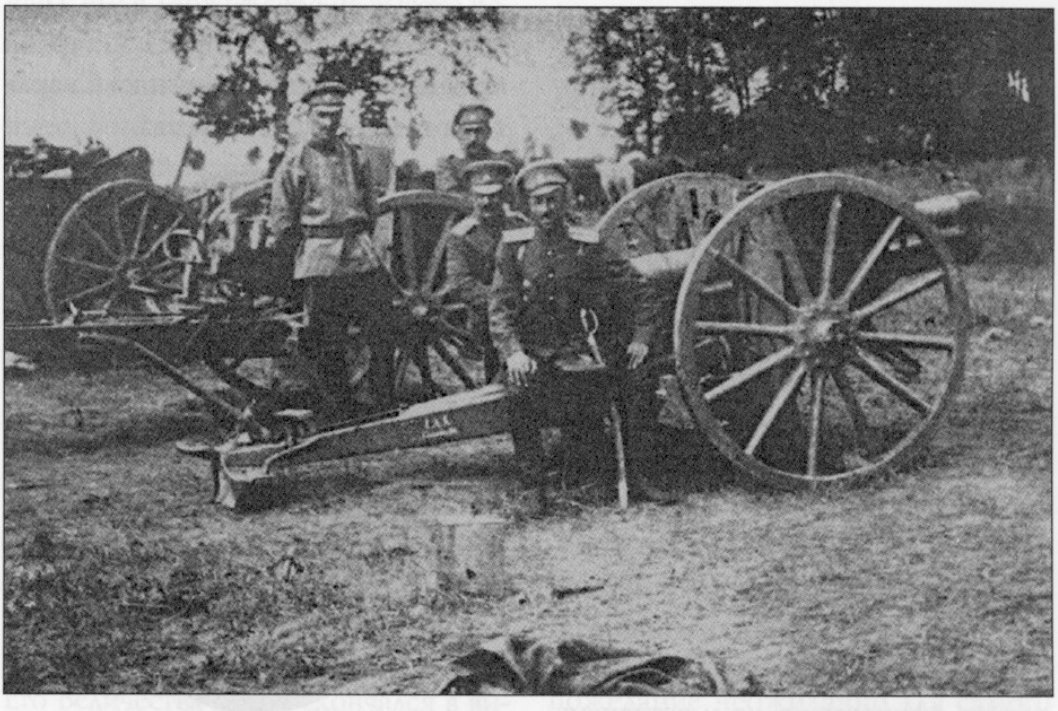
так откликнулся на гибель конногвардейских офицеров и рядовых молодой петербургский поэт Георгий Иванов. Его стихи «Павшим гвардейцам» были опубликованы в августовской/сентябрьской книжке эстетствующего «Аполлона» за 1914 год.

Первые оценки потерь Гвардии

После первых недель боев в штабе Гвардии выяснилось, что, помимо больших людских потерь отборных частей русской армии, в боях с германцами 2-го призыва, именуемыми ландвером, и расход боеприпасов русской стороны оказался весьма велик. Так, бригада 2-й кавалерийской дивизии, которая действовала в составе Сводной кавалерийской дивизии и не принимала самого активного участия в бою, израсходовала 29 000 патронов (вместе с пулеметной командой), а ее 4-я батарея конной артиллерии — 510 снарядов, тогда как расход батарей гвардейских дивизий был еще большим. Германская 2-я ландверная бригада лишилась 66 человек убитыми, 122 человек ранеными и 30 — пленными, а также 2 орудий и 4 зарядных ящиков. В итоге боя 2-я ландверная бригада была отброшена на правый берег Инстера и не смогла принять участия в последовавшем 7(20) авг. сражении у Гумбинена. Что же касается конного корпуса, то после боя он был отведен своим командиром в район Линденталь для приведения в порядок и пополнения запасов артиллерийских патронов, где и оставался в бездействии.

На следующий день Гвардейский корпус, приданный 2-й армии генерала Самсонова, сосредоточился в районе крепости Ново-Георгиевск.

1-я и 2-я кавалерийские дивизии вместе с войсками 1-й армии генерала Ранненкампфа находились в Восточной Пруссии. 3-я пехотная дивизия, находившаяся в Варшаве, вела бои с германцами и в октябре 1914 года вернулась назад, в Варшаву. Гвардейские полки часто использовались порознь, отдельные их бригады или дивизии поддерживали те части армии, куда они входили. В рядах Гвардейской кавалерии уже ходили истории о том, как 6 августа гвардейцы в пешем строю, не ложась, атаковали немецкую батарею, прикрытую пулеметами, о том, как Конногвардейский полк нес тяжелейшие потери и главное о том, как исход боя решила конная атака лейб-эскадрона под командованием лейб-гвардии ротмистра Врангеля. Офицеры с некоторым сомнением отзывались об этом достижении барона, в ходе атаки которого погибли почти все офицеры его эскадрона. Но батарея была взята, командование оценило храбрость ротмистра, и именно за эту атаку Врангель был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Сведения о Врангеле, изложенные в самых ярких красках Императору Николаю Алек-



Ротмистр Лейб-гвардии Конного полка барон П.Н. Врангель у захваченных его полуэскадроном германских орудий. Лето 1914 г.

сандровичу, нашли отражение в его дневнике. Государь отметил, что ротмистр Врангель стал первым офицером, отмеченным Георгиевским орденом в ходе летней кампании 1914 года.

Лейб-гвардии Конный полк в первые месяцы Великой войны

В сентябре 1914 года Лейб-гвардии Конный полк вел боевые действия и разведку в районе Гродно, Августов, а в октябре и ноябре того же года находился в резерве в районе ст. Барановичи. С декабря 1914 по февраль 1915 года полк нес сторожевое охранение и был в резерве в районе реки Пилицы, возле деревень Вулька Куликовская, Посвенте и Вержбица. Однако конные атаки его постепенно уходили в прошлое. Маневренный период войны заканчивался. Началась война позиционная.

Первый полковой праздник кавалергардов на Великой войне

5 сентября 1914 года Кавалергардский полк отмечал свой праздник, отправившись из Ковно в Белосток, в распоряжение командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского. В Петрограде в тот же день был отслужен молебен в церкви Св. Захарии, на котором присутствовали числящийся в списках полка Его Императорское Высочество Великий князь Андрей Владимирович, два генерал-адъютанта Свиты Его Императорского Величества А.А. фон Гринвальд и Николаев, а также находившиеся на это время в отпуске и в командировках офицеры полка и оставшаяся в столице часть кавалергардов под командной опекой поручика Скарятина и вахмистра Киреева.

Александр Николаевич Николаев

Августейшая жертва Великой войны

29 сентября 1914 года от раны, полученной в схватке с отступавшими венгерскими гонведами, скончался князь императорской крови Олег Константинович, выпускник LXIX курса Царскосельского лицея, отправившийся на войну добровольцем в Лейб-гвардии Гусарский полк и ставший одним из первых и последних Романовых, погибших на Великой войне. «Мы все пять братьев идем на войну со своими полками, — писал тогда Олег Константинович. — Мне это страшно нравится, так как показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне»[71]. Братья Его Высочества, Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи погибли уже после Великой войны, сброшенные большевиками 18 июля 1918 года в шахту вблизи Алапаевска в Пермской губернии. 1 октября 1914 года архиепископ Виленский и Литовский Тихон (Белавин), будущий Патриарх Московский и всея Руси, служил панихиду по Великому князю Олегу Константиновичу. Корнет Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка скончался в виленском госпитале на Антоколе. На панихиду приехали из Петербурга отец Его Императорского Высочества Олега Константиновича — Его Императорское Высочество Великий князь Константин Константинович Романов, его супруга Ее Императорское Высочество Великая княгиня Елизавета Маврикиевна, а также трое их сыновей — братьев погибшего. На следующий день здесь же служили заупокойную литургию, после которой от паперти церкви траурный кортеж последовал к железнодорожному вокзалу — хоронить Его Высочество предстояло в Петербурге. Тогда, в 1914 году, трагическая смерть молодого Великого князя потрясла российскую публику. Люди, близко знавшие и любившие Его Высочество, выступили инициаторами сбора воспоминаний о нем, собрав их воедино в книге «Князь Олег», вышедшей в Петрограде в 1915 году под редакцией профессора-словесника Николая Карловича Кульмана.

О дай мне прежних мук забвенье
И тихий, грустный, зимний сон... —

пророчески писал Великий князь, известный среди лицеистов своими способностями к поэтическому слову. Его пожелание неожиданно для самого поэта сбылось.

Вывод в резерв Гвардейского корпуса

6 декабря 1914 года значительно поредевший Гвардейский корпус был вновь выведен в резерв, а 30 декабря он весь в составе двух кавалерийских дивизий и 3-й пехотной дивизии соединился у местечка Радом, за исключением Казачьего Его Величества полка, который нес службу при Ставке Верховного главнокомандующего. За неполные три месяца войны потери Гвардии лишь умножались. Так, Лейб-гвардии Московский полк был почти полностью уничтожен в районе Мазурских болот. Погибшие офицеры полка были доставлены поездом в Петроград и похоронены в приделе церкви Лейб-гвардии Московского полка, находившейся неподалеку от полковых казарм на Большом Самсониевском проспекте (ныне проспект Карла Маркса). Здание полковой церкви было построено на деньги полковой офицерской артели. Для разработки проекта был приглашен сравнительно известный столичный архитектор А.Г. Успенский, и храм был освящен в честь Михаила Архангела — покровителя московцев. Ввиду большого количества захоронений офицеров, погибших в первые полтора года войны, в полуподвальной части церкви находился склеп для захоронения всех погибших на войне офицеров полка. В 1929 году здание церкви было уничтожено ленинградскими коммунистами.

Образы гвардейских полковых командиров на Великой войне

В первые месяцы войны достаточно часто менялись и полковые командиры гвардейских полков. Командиры привносили в полки особенности своего управления людьми и пытались организовать быт гвардейцев таким образом, как зачастую виделось им, и никак иначе. Лейб-драгуны вспоминали, например, что командир полка герцог Михаил Георгиевич Меклембургский требовал, чтобы на обед драгунам подавали лишь щи, считая это блюдо вершиной гастрономического творенья. Вскоре уставшие от однообразия полковые вахмистры придумали оригинальное ноу-хау, когда любое блюдо слегка приправлялось капустой, которую с удовольствием поедал герцог вперемешку с другими составляющими и неизменно восклицавший: «Отличные щи!» ...Другой замечательный коман-

дир полка граф Федор Артурович Келлер считал, что солдатская каша должна быть всегда заправлена луком и ругался, находя, что кашевары недостаточно щедро добавляют его в кашу. Вахмистры полка придумали хранить в котле, в углублении, сделанном в каше, огромную порцию мелко измельченного лука, на случай, если командир полка потребует себе порцию. Если таковое случалось, то кашевар половником поднимал весь наличествующий лук и щедро перемешивал его в порции, поднесенной графу. Довольный консистенцией, его сиятельство щедро одаривал кашевара рублем... Другой командир полка, Иван Георгиевич Эрдели, любил посидеть в Офицерском собрании лейб-драгун и часто, кроме трубачей и балалаечников, вызывал в собрание песенников, иногда одновременно со всех эскадронов полка. При этом он всегда смотрел на часы, подсчитывая, сколько у песенников уйдет времени на сборы и в каком виде они явятся пред светлые очи своего командира. Лейб-драгунские вахмистры стали заранее узнавать о времени приезда Эрдели в собрание и, уточнив час его прибытия, заранее выдавали песенникам мундиры, этишкеты, чистые красные фуражки, белые перчатки и т.п. Через десять минут после отдачи приказания перед командиром полка являлись блестящие с иголочки песенники с эскадронной песней и своим бравым видом вызывали неизменный восторг генерала.

Смена гвардейских командиров в 1914—1915 годы

У кавалергардов в ноябре 1914 года, когда полк находился на Юго-Западном фронте, князь Долгоруков был зачислен в Свиту, и командование у него принял полковник князь Александр Николаевич Эристов, командир 1-й батареи Гвардии Конно-артиллерийской бригады. В мае 1916 года князя назначили бригадным командиром, а полковым командиром кавалергардов стал полковник Николай Иванович Шипов, командир 5-го Уральского казачьего полка, он принадлежал к числу «коренных» кавалергардов, ибо еще в 1911 году командовал в полку 4-м эскадроном. Но через год Шипова сменил полковник А.В. Елецкой, «коренной» офицер Уланского полка. В конце января 1915 года вся Гвардия была собрана в Царстве Польском, у Варшавы. Затем в составе 12-й армии генерала от кавалерии Павла Адамовича Плеве заняла наревские позиции и перешла в наступление утром 7 февраля 1915 года. Наступление успело быстро выдохнуться, не достигнув поставленной цели. В каком-то

необъяснимом исступлении Плеве продолжал вводить в бой все новые и новые части, среди которых были и гвардейцы. Продвинулись на довольно незначительное расстояние, общие потери 12-й армии составили 35 000 человек, из которых потери Гвардии составили 10 000. После стабилизации фронта Гвардия в середине июня 1915 года была выведена в тыл. С февраля по март 1915 года конногвардейцы вели незначительные боевые действия и несли сторожевое охранение в районе городков Людвинов и Мариамполь. В апреле и июне того же года эскадроны Конной гвардии стояли в резерве в районе Ораны-Вамболи. В июле они действовали в районе Коварска, а в августе — сентябре участвовали в Виленской операции. В июле 1915 года генерал от кавалерии Безобразов был отстранен от командования Гвардейским корпусом за неподчинение генералу Леху и заменен генералом Владимиром Аполлоновичем Олоховым. Русско-германский фронт начал стабилизироваться и, несмотря на то что вся Польша, Литва, Курляндия и Белоруссия были захвачены противником, русская армия не отступила. Императорская Гвардия, потерявшая в первые месяцы сражений большую часть своего личного состава, была обескровлена и частично распылена. За первые два года войны представители Гвардейской кавалерии часто служили в пешем строю, устраиваясь в окопах и фактически переходя к позиционной войне. В октябре 1915 года Гвардейская кавалерия, и в частности Лейб-гвардии Конный полк, вела бои в районе мыз Бригген и Скирно, с ноября 1915 по июль 1916 года конногвардейцы находились в резерве в районе городков Проскуров и Люцин. Со временем Государем Императором была задумана реорганизация Гвардии, и к этому трудоемкому процессу Его Величество вновь привлек генерала от кавалерии Безобразова. Основная идея реорганизации состояла в сведении уцелевших гвардейских полков и дивизий в два пехотных и один кавалерийский корпус.

Высочайший смотр всех частей Гвардии в декабре 1915 года

В октябре 1915 года этому плану все же было суждено воплотиться усилиями и стараниями Безобразова, который вновь был назначен командующим войсками Гвардии. 15 декабря 1915 года прошел Высочайший смотр войск Гвардии. Смотр 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии

должен был состояться в полном трехбригадном составе возле станции Черный Остров в Подольской губернии. На самой станции был выстроен почетный караул от Кавалергардского полка в составе эскадрона Ее Величества под командованием поручика, Светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена. В ожидании прихода императорского поезда на перроне вокзала находились Главнокомандующий Южным фронтом генерал-адъютант Николай Иудович Иванов и командующий Гвардейским отрядом генерал-адъютант Владимир Михайлович Безобразов. В 8 часов подошел поезд Государя. Он милостиво принял рапорты генералов Иванова и Безобразова, вышел на перрон, поздоровался с караулом и пропустил его мимо себя церемониальным маршем. Через полчаса Государь в форме Лейб-гвардии Конного полка подъехал к дивизии под звуки полковых маршей и гимна. После Высочайшего объезда начался церемониальный марш. Когда последний эскадрон прошел мимо Государя, Его Величество вернулся на станцию. Вся дивизия на карьере начала выстраиваться вдоль пути следования монарха. Император вновь проехал по фронту выстроившихся полков, благодаря их за службу. После окончания Высочайшего смотра полк вернулся на свои квартиры. 22 декабря 1915 года генерал-адъютант Безобразов прибыл в штаб Кавалергардского полка, приглашенный к завтраку вместе с офицерами полка, состоявшими в штабе Гвардейского отряда — полковником А.И. Араповым и ротмистром А.П. Родзянко. На завтраке генерал Безобразов сообщил присутствующим о развертывании армии в два корпуса и о переформировании всех гвардейских полков в шесть эскадронных. На Рождество 1915 года в штабе кавалергардов была устроена елка, на которой присутствовали все офицеры и чиновники полка. В полковых сводках сообщалось, что во вре-

Барон Константин Константинович Кнорринг

мя ужина играл «хор трубачей» и струнный квартет офицеров. Владимир Николаевич Звегинцов перечислил всех участников этого кавалергардского квартета: «Небольшой оркестр: скрипка — корнет князь А.А. Оболенский, виолончель — прапорщик Плеске, цимбалы — поручик барон К.К. Кнорринг, рояль — поручик Г.С. Воеводский, прекрасно сыгрался, и его выступления всегда пользовались большим и вполне заслуженным успехом»[72].

1-я Гвардейская дивизия в наступлении

На стыке 1914/15 года 1-я Гвардейская дивизия стремительно наступала, обуславливая тем самым откат германских частей. Гвардия шла за ними буквально по пятам, то и дело натыкаясь на следы, свидетельствующие о беспорядочном бегстве: брошенные обозные фуры, двуколки, наполненные снарядными ящиками, зачастую даже с обозными, не успевавшими за быстро отходящими строевыми частями. Однако передовые дозоры гвардейцев постоянно сталкивались с контратакующими частями немецкой кавалерии и пехоты, неся постоянные людские потери.

То был сентябрь пятнадцатого года...
Осенняя уже стояла непогода,
И ветер дерзко рвал и ленты голубые,
И синий наш Штандарт,
и кольца золотые... —

вдохновенно написал об этом времени в годы своей парижской жизни полковник Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка Борис Николаевич Третьяков.

Собственный конвой Его Величества

Направление Собственного Его Императорского Величества конвоя на фронт

В самом конце 1915 года, ввиду отсутствия на фронте хорошо подготовленного личного состава, погибшего или раненного за первые три месяца войны, Государь принял решение о временном прикомандировании казаков Собственного Его Величества конвоя к боевым частям. Первой на фронт в декабре 1915 года убыла 1-я Лейб-гвардии Кубанская казачья сотня есаула Жукова. За непродолжительное время, совершив немало дерзких конных атак на австрийцев и германцев, поучаствовав в переправе через реку Прут и многих других славных операциях, за полгода сотня получила в виде наград 147 Георгиевских крестов и 19 Георгиевских медалей...

Казаки Собственного Его Императорского Величества Конвоя. На фото в центре Государь Николай II, слева — командир Конвоя граф Александр Николаевич Граббе

Направление войск Гвардии на Северо-Западный и Западный фронты

После нового года, к середине февраля 1916-го, Императорская Гвардия была выдвинута на Северо-Западный фронт для усиления обороны Петрограда на случай масштабного наступления германцев на этом участке фронта, однако, по существу, оказалась в резерве, ибо в планы германского командования наступление на Петроград не входило. Нахождение в «стратегическом резерве» плохо сказалось на состоянии коней ввиду постоянных длительных переходов по Минской губернии и Волыни, без необходимых рациональных условий корма и питьевой воды, что быстро изнурило коней...

Его Императорское Высочество Великий князь Павел Александрович, некогда командовавший Лейб-гвардии Конным полком. Фото конца 1890-х гг.

К маю 1916 года Императорская Гвардия была переведена на Западный фронт, вступив в свое первое на этом фронте сражение 27 мая под Ковелем. В июле 1916 года Лейб-гвардии Конный полк принимал самое активное участие в Ковельской, а в августе — октябре во Владимир-Волынской операциях. 15 июля, после массированного артиллерийского обстрела позиций противника, гвардейские части атаковали укрепленные линии противника возле реки Стоход.

1-й Гвардейский корпус натолкнулся на неожиданно сильное сопротивление германских частей у деревни Раймецо. 2-й Гвардейский корпус продвинулся далеко вперед, тесня противника, захватил германский штаб. Гвардейский экипаж, оставленный первоначально в резерве, пытался оказывать посильную помощь двум гвардейским корпусам, идущим на соединение друг с другом. Однако

эта задача оказалась неразрешимой из-за усиленных контратак германских и австро-венгерских частей. В ходе ожесточенных пятидневных боев с противником гвардейцами было захвачено огромное количество пленных, артиллерийских орудий и пулеметов. 26 июля 1916 года после спешной перегруппировки гвардейцы снова атаковали германские позиции. Атаки продолжились в течение 48 часов. Великий князь Павел Александрович стремился достичь успеха во что бы то ни стало, приказав не прекращать атак до полного поражения противника, однако почти все последовавшие атаки гвардейцев были успешно отражены германцами. Продвижения вперед не получилось и, потеряв почти 30 000 человек, Гвардия получила приказ штаба окапываться. Первые десять месяцев боев русская армия несла ощутимые потери. Особенно страдали пехотные части, и поэтому было разрешено откомандировывать желающих кавалерийских офицеров в пехоту. Первыми, например, в Кавалергардском полку перешли в 13-й Лейб-гренадерский Эриванский полк флигель-адъютант поручик князь Константин Александрович Багратион-Мухранский, поручики 2-го эскадрона Сергей Сергеевич Бутурлин и 3-го эскадрона Евгений Евгеньевич Гернгросс, сын одного из командиров Конной гвардии и бывшего начальника штаба Гвардейского корпуса Евгения Александровича Гернгросса. Кроме них, в пехоту перешли корнеты 2-го эскадрона Михаил Владимирович Безобразов, сын генерала Безобразова, 3-го эскадрона Василий Александрович Пашков и поручик граф Георгий Оттович Медем. Корнет А.А. Оржевский был зачислен в Лейб-гвардии Преображенский полк. Весьма скоро Оржевский и князь Багратион погибли в бою. В конце 1915 года в полку были сформированы 5-й и 6-й действующие эскадроны. Однако пехоты требовалось еще больше, нежели кавалерии, так что в мае 1916 года при 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии был сформирован стрелковый дивизион, первоначально состоявший из четырех пеших эскадронов. Несколько позже их количество удвоилось. Эскадроны носили наименования полков, из которых получили они офицеров, унтеров и рядовых: кавалергардский, конногвардейский, кирасирский. Первым командиром 1-го пешего эскадрона стал штабс-ротмистр Валериан Николаевич Бибиков. За непродолжительное время в рядах эскадрона пришлось послужить многим офицерам полка.

Последние бои тяжелой кавалерии на Великой войне

В июле 1916 года кавалергарды были вновь переброшены на Юго-Западный фронт для развития наступления, которое назовут Брусиловским прорывом. 14 июля полк занял позиции в направлении на Кобель, но пробыл здесь чуть больше недели — 23 июля 1916 года кавалергардов сменил на позициях у деревни Кроватки 93-й пехотный Иркутский полк. Больше кавалергардам воевать не пришлось. В стране начались революционные события, что, как известно, впрямую отразилось на делах фронта... 15 августа 1916 года Гвардия была переименована в Особую армию, во главе которой стал генерал Ромейко-Гурко, сменивший Безобразова. Русское командование пыталось продолжить наступление, но все попытки окончились неудачей. Гвардейские части ходили в атаку под Ковелем не менее 17 раз, каждый раз неся огромные потери в живой силе и технике. К ноябрю 1916 года, по официальной статистике, русская армия потеряла убитыми и ранеными 1 200 000 человек. Гвардия была отведена на позиции у реки Стоход для отдыха и подготовки к новому наступлению, намеченному на весну 1917 года. 5 марта 1917 года в полку была получена телеграмма об отречении Императора. Прочитав манифест, начальник штаба Гвардейского кавалерийского корпуса генерал Винникен застрелился. Он, очевидно, почувствовал, что это — начало конца, и не пожелал испить до дна ту горькую чашу, которая была суждена многим другим генералам и офицерам. Но еще с начала марта по армии прокатилась волна солдатских бунтов и насилий над офицерами. Не обошла она и прифронтовую полосу. В Луге, где располагалась промежуточная база Гвардейской конницы, находились почти все команды от каждого гвардейского кавалерийского полка. В задачу команд входил уход за больными и ранеными лошадьми, а также охрана складов с обмундированием и работа в различных мастерских — швальнях, кузницах, шорнях, плотницких, оружейных и сапожных. Сразу же после того как весть об отречении Государя достигла Луги, на базу Гвардейской конницы пожаловали первые «революционные матросы». Очевидец вспоминал: «Было около двенадцати часов... Почти вплотную к бараку стояло четверо конных солдат-артиллеристов с папиросами в зубах, в расстегнутых шинелях. На одном была надета офицерская амуниция, с шашкой и револьвером. Не-

сколько отдельных групп по 40—50 человек подходило к бараку. Не обращая внимания на присутствие офицера, подъехавшие офицеры стали кричать кавалергардам: "Товарищи гвардейцы, мы пришли вас освободить от ваших офицеров! Довольно они вашей крови попили!.." Собралась почти вся команда и с недоумением смотрела и слушала эти выкрики. Скоро перед бараком набралась двухтысячная толпа, главным образом пехотинцев. По мере того как толпа увеличивалась, все громче и настойчивей слышались крики: "Отдавайте винтовки! Не слушайтесь офицеров!"... К гусарам также приходила толпа и предъявляла те же требования выдать оружие и, несмотря на то что в момент прихода толпы в бараках у них не было офицера, гусары оружия не сдали и никого к себе не подпустили»[73]. Однако печальный синодик жертв уже был открыт убийством генерал-майора графа Георгия Георгиевича Менгдена. Какие-то неизвестные солдаты и сомнительные штатские личности, исподтишка руководившие толпой, прошли в помещение гауптвахты, куда был помещен взбунтовавшимися солдатами граф Менгден, и добивались от него, чтобы он тотчас же отрекся от Государя, угрожая убить его, если тот не откажется. Не получив желаемого отречения, штатские распорядились, чтобы солдаты перевели генерала в артиллерийские казармы, опасаясь, что гвардейцы могут отбить своего командира. Его вывели на улицу и в ранних весенних сумерках повели по направлению к канцелярии пункта. Мемуарист пишет: «...недалеко от канцелярии пункта на графа Менгдена набросились в темноте несколько человек и его убили. Люди совершенно озверели. Уже мертвого продолжали колоть штыками. В гостиницу, где жил конногренадер Эгерштром, и на квартиру лейб-гусара графа Клейнмихеля ворвались солдаты, притащили их на место, где лежало тело графа Менгдена, и закололи их там штыками. По всему городу слышались крики и ружейные выстрелы. Начался грабеж. Шайки пьяных солдат под предлогом обыска и ареста шпионов, врывались в частные дома»[74].

С марта 1917-го Кавалергардский полк получил задачу охранять железнодорожные станции Шепетовка и Казатин. Охраняли не от немцев или австрийцев — от собственных российских дезертиров. Армия разваливалась, дисциплина падала стремительно. Но наивно было бы полагать, что доблестный Кавалергардский полк сможет долго оставаться оплотом порядка и верности присяге в окружавшем его бурном море анархии

и безвластия. Антинациональные силы в стране прекрасно понимали, что полностью разрушить государственную машину можно, лишь после того как будет разложена армия. Первые волны дезертиров были остановлены кавалергардскими патрулями, на станциях наведен порядок, но вскоре и гвардейцы вынужденно оказались лишь наблюдателями лавинообразного отхода дезертиров с разваливающегося фронта. К самим кавалергардам зачастили разного рода агитаторы — эсеры и анархисты, большевики и меньшевики, — вся их пропаганда имела единую конечную цель: «низложить» один из немногих оставшихся «бастионов царизма», увлечь на свою сторону воинскую часть, что до сих пор не потеряла боеспособность. Но к тому времени некоторые офицеры полка отчетливо поняли, что приходит пора покидать полк, не дожидаясь кульминации большевистской смуты. 30 августа 1917 года в местечках Сарны и Казатин, где стояли дивизионы кавалергардов, произошли события, подтвердившие наихудшие опасения офицерства. В обоих подразделениях одновременно прошли митинги, участники которых постановили «выразить недоверие всему офицерскому составу». Подобные требования вполне устроили заправлявших на фронте аполитичных комиссаров Временного правительства. Комиссар Особой армии тут же энергично распорядился: «Ввиду острого недоверия солдат к командному составу все офицеры, находящиеся к 1 сентября в строю, должны покинуть полк для замены их более демократичными». Помощник комиссара фронта не был столь скор в решениях; он потребовал незамедлительно удалить лишь одиннадцать офицеров Кавалергардского полка, а всех прочих убрать по мере прибытия смены...

Светлейший князь Анатолий Павлович фон Ливен

На 1 ноября 1917 года в Кавалергардском полку осталось всего лишь четыре офицера: исполняющий обя-

занности командира ротмистр Георгий Степанович Воеводский 3-й, штабс-ротмистры Владимир Николаевич Звегинцов 2-й и Александр Викторович Чичерин, а также адъютант полка, ротмистр Светлейший князь Анатолий Павлович фон Ливен. Через день, 3 ноября, к ним прибыл новый командир, облеченный доверием новой власти, — некто полковник Абрамов из 8-го драгунского Астраханского полка. Он привез кавалергардским офицерам предписание убыть в Киев и поступить в распоряжение начальника штаба 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии. Последние кавалергарды незамедлительно покинули полк. Похожая судьба ждала боевых товарищей кавалергардов — Лейб-гвардии Конный полк. В годы войны им командовали генерал-майоры П.П. Скоропадский, Б.Е. Гартман, полковник Г.В. Старосельский и генерал-майор М.Е. Оленич. На волне «демократизации» державы и армии 28 июля 1917 года Лейб-гвардии Конный полк был переименован в Конную гвардию. С августа до конца октября 1917 года полк дислоцировался в районе Шепетовки, позднее был переведен в район Корсуни. В декабре 1917 года, по решению большевистского правительства, началось расформирование полка. 19 декабря 1917-го под Жмеринкой расформировали первый Конногвардейский дивизион, в состав которого входили 1-й, 2-й и 5-й эскадроны. Второй дивизион, состоявший из 3-го, 4-го и 6-го эскадронов, «самораспустился». Армия медленно умирала, и с ней вместе уходила в историю ее Гвардия. Офицеры и часть нижних чинов разъехались по домам. Часть офицеров направилась в Киев, где был расположен штаб 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Около 150 нижних чинов вернулись в свои казармы в Петроград, где в феврале — марте 1918 года полк окончательно распался. Один из офицеров полка вспоминал, что в то время конногвардейские казармы были разграблены, амуниция и снаряжение просто валялись во дворе и коридорах здания, а в золотых касках с двуглавыми золотыми орлами и Андреевской звездой посередине по двору уже разгуливали какие-то оборванцы. Лейб-гвардии Конный полк после ста восьмидесяти семи лет славной жизни отошел в историю.

Такие ровные лица,
Святые, коль надо пасть...
Над ними небесные птицы,
А снизу — смертная пасть... —

написал про уходящих в историю героев Великой войны один из самых эстетствующих поэтов Серебряного

века Михаил Кузмин. В его строках удивительным образом отражена главная истина ушедших в небытие императорских полков — истина жертвенного служения Отечеству. Свою руку по разложению войск Гвардии прикладывали не только природные враги русской государственности, но и собственное Временное правительство, глава которого Александр Керенский, назначенный военным министром, довольно комично попытался выступить с пламенной речью на митинге перед чинами 1-го Гвардейского корпуса, о чем сохранились воспоминания подполковника Лейб-гвардии Егерского полка Владимира Владимировича Бутчика: «Чем ближе полк приближался к фронту, тем больше разгорались революционные страсти и тем меньше было у командования уверенности, что части Гвардии выполнят приказ о наступлении. Разговоры, митинги, шушуканья, ссылки на те или иные корпуса и дивизии, отказавшиеся наступать. Наконец, стало известно, что сам Керенский посетит войска Гвардии... Общее настроение — любопытство. И те, кто заранее не видел никакого толка в таком митинге, и те, кто допускал возможность какого-то чуда, хотели своими глазами и ушами проверить новый метод верховного командования... Выступили, пошли... Подошли к расположению павловцев, встретивших нас музыкой... Оказывается — лейб-гренадеры отказываются идти на митинг и предлагают другим полкам не идти тоже... Гренадеры, возглавляемые штабс-капитаном Дзевалтовским, категорически отказываются присоединиться к другим полкам. Митинг начался. Керенский начал так: "Гвардейцы! Преображенцы, Семеновцы, Литовцы (последних на митинге не было — они входили в состав 2-го Гвардейского корпуса), вы не знаете своей истории..." Им, этим полкам, Керенский неверно приписал активное участие 14 декабря 1825 года... От истории Керенский перешел к настоящему. Говорил о защите завоеванной свободы, о помощи демократическим союзникам...»[75]

Распад гвардейских полков в Императорской армии не произошел внезапно. Этому, разумеется, предшествовало немало последовательных явлений, произошедших как в жизни общества, так и в жизни самой Гвардии.

Динамика и причины распада гвардейских частей с 1915 по 1917 год

Начиная с весны 1915 года, когда затяжной характер войны стал очевиден многим, стремление «устроиться как-нибудь», «приспособиться» где-нибудь с меньшей для своей жизни опасностью стало характерным для огромного большинства российской молодежи, не желавшей отправки на фронт. В ход ими пускались связи и знакомства, когда цветущий здоровьем молодой человек вдруг объявлялся неизлечимо больным либо незаменимым специалистом в какой-нибудь замысловатой области. Характерным показателем глубокого разложения русского общества стало то, что подобного рода поступки не вызывали почти ни у кого презрения и осуждения. Напротив, общество отнеслось к «приспособившимся» в высшей степени сочувственно. Бесчисленные организации Земско-городского союза превратились в спасительное прибежище для полутораста тысяч интеллигентных молодых людей, не желавших идти на фронт, но щеголявших полувоенной формой и заполнивших собой тыл, а в затишье между наступлениями и прифронтовую зону. Так называемые земгусары оказывали разлагающее влияние на армию и на остатки Гвардии, сообщая части фронтового офицерства и солдатам упадочные настроения тыла, становясь проводниками ядовитых, политических сплетен и орудием партийной антиправительственной агитации. На это и рассчитывали учредители и руководители Земгора, которым необходимо было заручиться поддержкой как можно более широких военных кругов в своей борьбе с правительством.

Духовному оскудению народа сопутствовало всеобщее падение нравов. Оно наблюдалось во всех воевавших странах, но ни в одной из них не выразилось в столь масштабных размерах, как в России. Буйному разгулу общества способствовало обилие денег — излишне высокие оклады военного времени, но главное — непомерная нажива коммерческих организаций на поставках в действующую армию. Говоря образно, пока фронт утопал в крови, тыл буквально купался в шампанском. Патриотический подъем лета — осени 1915 года сменился характерным для 1916—1917 годов отношением к будущему государства, выраженному в известной фразе «после нас — хоть потоп!» или фаталистическом кредо «все равно пропадать!», что тоже способствовало всеобщей деморализации. Но

главными растлителями русского духа стали невероятно раздувшиеся организации Земско-городского союза с их сотнями тысяч сотрудников.

Русское общество в те годы стремилось «забыть» о затянувшейся войне. А предприимчивые слои российского населения видели в ней дело экономически прибыльное и сулящее заманчивые политические возможности. Война чрезвычайно пошатнула деревню. Политически и экономически русское крестьянство эволюционировало за три года — с 1914 по 1917 — больше, чем за три поколения с 1861 по 1914 год. Материальное благосостояние крестьянства повысилось. Хлеба сеялось меньше, и он оставался в большой цене. Семьи взятых на войну получали от правительства щедрые денежные пособия, непомерно превышавшие заработок призванного Отечеством «кормильца». Деревня, отдавая войне своих детей, сама богатела, и у нее все чаще проявлялись «городские» потребности и «городские» привычки. Но этот материальный подъем сопровождался в ней огромным духовным оскудением. Падение религиозного чувства, морали и рост безудержного хулиганства сопровождались развитием бунтарского духа и стяжательских инстинктов. Это со временем нашло выход в диких разгромах помещичьих усадеб и культурных хозяйств в 1917 году и в расчетливом, бездушном снимании за горсть муки последней рубашки с умиравшего от голода «буржуя» в 1918—1921 годы.

Объезжая войска осенью 1916 года, Государь Николай Александрович вызвал из строя «старослужащих» солдат, вышедших с полком на войну. Выходило по два-три, редко по пяти на роту — из иных рот никто не выходил. Первый, кадровый, состав Императорской пехоты и кавалерии отошел в вечность в осенних боях 1914 года в Восточной Пруссии и Царстве Польском. Второй окрасил своей кровью снег первой зимней кампании — снег Бзуры, Равки и Карпат. Третий состав — это «перебитые, но не разбитые» полки «Великого отхода». Пришедший им на смену четвертый состав вынес вторую зимнюю кампанию 1915/16 года. Пятый полег в ковельских болотах. Шестой догорал в Буковине и Румынии, и на смену ему запасные полки готовили седьмой. Шесть составов переменила вообще вся пехота. Однако добрая треть русских дивизий 1-й и 2-й очереди, особенно упорно дравшихся на Юго-Западном фронте, переменили свой состав за войну более 10 раз. Через Лейб-гвардии Гренадерский полк, например, с начала войны по август 1917 года прошло, по утверждению

генерала Рузского, 44 000 человек — 11 полных составов... Все эти части принадлежали к числу наиболее стойких, пленных врагу не оставляли, но все это были кровавые потери. Изменение состава армии и нижних чинов Гвардии повлекло за собой изменение облика Гвардии и армии в целом. Они превратились в «вооруженный народ». Некоторые офицеры и солдаты в подавляющем большинстве носили свой мундир всего только несколько месяцев, а то и несколько недель. Ни те ни другие не получили надлежащего военного образования и воинского воспитания. Прошедший трехнедельный, в лучшем случае — двухмесячный курс учения в запасном полку солдат попадал под команду офицеру, прошедшему столь же поверхностное учение в школе прапорщиков или на ускоренном курсе военного училища.

Сами по себе эти русские люди были храбрыми, выносливыми и способными при случае на подвиг отваги и самопожертвования. Но со всем этим они все же представляли совершенно сырую, необработанную обучением вооруженную массу. Это далеко еще не были солдаты, подобно тому, как их наскоро произведенное начальство далеко не могло считаться «господами офицерами». На один гвардейский полк оставалось менее пяти-шести коренных офицеров, редко больше (обычно на должностях командиров батальонов и заведующих хозяйственной частью). В ротах и командах состояло 30—40 офицеров «военного времени», а командир полка, как правило, отбывал мимолетный ценз и не всегда был связан с полком. Офицерская среда гвардейских полков оказалась к 1917 году пестрой по своему составу, разнообразной по происхождению и неодинаковой по качеству. Старая полковая семья погибла, новая не имела возможности создаться. Остатки кадрового гвардейского офицерства распределились между фронтом, где на них, в сущности, все и держалось, и тылом, где наряду с незаменимыми специалистами поспешили «устроиться» менее стойкие представители гвардейского офицерского корпуса, в числе которых было немало аристократов и даже Великих князей.

Отбор по этим двум категориям произошел в первые же месяцы войны. Просматривая списки вышедших на войну кадровых офицеров, можно всегда на полк найти 4—5 офицеров, обычно аттестованных «выдающимися», сказавшихся «контуженными» в первом же деле и больше в полк не возвращавшимися. Полк в лице их мало что терял. Подобное явление наблюдалось во всех воевавших

армиях. В чем-то превосходными оказались офицеры из подпрапорщиков. Недостаток образования они восполняли высоким сознанием долга и жертвенной преданностью к воспитавшему их полку. Очень хороши были и офицеры из вольноопределяющихся. Эти немногочисленные категории офицеров были почти целиком перебиты противником к концу 1916 года. Уцелевшие были в чине поручиков и штабс-капитанов. Что касается основной массы «нового» гвардейского офицерства — прапорщиков ускоренного производства, — то первые их выпуски дали армии уже к весне 1915 года много превосходных, боевых офицеров, поверхностно подготовленных, но от всего сердца дравшихся на полях сражений. Это был цвет русской молодежи, увлеченной патриотическим порывом начала войны в военные училища. Уже с осени 1915 года качественный уровень русского гвардейского офицерского пополнения стал заметно понижаться. Разросшиеся вооруженные силы требовали все большего количества офицеров. Непрерывные формирования и непрерывные потери открывали десятки тысяч новых вакансий. Пришлось жертвовать качеством.

Служилое сословие было к тому времени уже обескровлено. Интеллигенция так или иначе приспособилась. Университетские значки мелькали на защитных гимнастерках «земгусар», а в прапорщики стали подаваться окончившие городские училища, люди «четвертого сословия», наконец, все те, кто «пошел в офицеры» лишь потому, что иначе все равно предстояло идти в солдаты... Постепенно появились офицеры, в которых не было ничего офицерского кроме погон, и то защитных. Офицеры, не умевшие держать себя ни на службе, ни в обществе. Слово «прапорщик» сделалось нарицательным в гвардейской среде. Вчерашний гимназист, а то и недоучка-полуинтеллигент в прапорщицких погонах командовал ротой в полтораста-двести мужиков в солдатских шинелях. Он мог их повести в атаку, но был не в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которой сам не обладал. «Меч кует кузнец, а владеет им молодец». Молодцов было еще достаточно, но кузнецов не стало. Погибший кадровый офицерский состав был незаменим. Между начальниками и подчиненными стало чувствоваться отчуждение, не наблюдавшееся прежде. Для солдат Гвардии образца 1914 года офицеры были старшими членами великой военной семьи воспитавшего их полка. Отношения между офицерами и солдата-

ми русской армии были проникнуты такой простотой и сердечностью, подобных которым не было ни в какой иностранной армии, да и ни в каких иных слоях русского народа. Вооруженный народ 1916 года видел в офицерах только «господ», переносясь в казармы запасных полков, а оттуда в окопы всю остроту разросшихся в стране социальных противоречий и классовой розни. Стоя в строю литерных рот, а затем и действовавших частей, люди эти не чувствовали себя гвардейцами, гренадерами, стрелками, солдатами старых полков, чьи имена помнила и чью руку изведала Европа. Они по-прежнему оставались землепашцами, ремесленниками, фабричными, для которых военная служба была лишь несчастливым поворотом судьбы.

Для старых солдат офицер был представителем Царя. Остатки кадрового Гвардейского офицерства сохранили доверие солдат. Хуже было с офицерами военного времени. Большая часть прапорщиков — случайных людей в офицерских погонах — не сумели надлежащим образом себя поставить. Одни напускали на себя не принятое в русской армии высокомерие и этим отталкивали солдата. Другие безвозвратно губили себя панибратством, попытками «популярничать» среди нижних чинов. Солдат чуял в них «ненастоящих» офицеров. Унтер-офицеров русская армия уже не имела, Гвардия потеряла большую часть из них в первые два года войны. Были солдаты с унтер-офицерскими нашивками, пробывшие месяц в учебной команде, ничем не отличавшиеся от своих подначальных и не пользовавшиеся в их глазах никаким авторитетом.

Такова была общая картина нашего вооруженного народа к концу третьей зимы Великой войны. Она менялась к лучшему в дивизиях с крепким боевым духом, в гвардейских полках со славными традициями, но оставалась безотрадной в дивизиях, засидевшихся в окопах либо наспех сбивавшихся из четвертых батальонов. Службу несли нижние чины небрежно. За маленькими упущениями следовали все большие. Обычной отговоркой служило то, что «на войне не время заниматься мелочами». Из мелочей между тем состоит вся жизнь организма — человеческого вообще и гвардейского в частности. Упущения в мелочах влекли за собой упущения в целом. Дисциплина даже в гвардейской пехоте, считавшейся некогда эталоном для всей русской армии, стала заметно ослабевать. Командиры гвардейских и армейских полков из числа делав-

ших карьеру рационалистов-академиков Генштаба пренебрежительно относились к «шагистике», видя в ней рудиментарную «аракчеевщину». Офицеры же военного времени сами не знали порядка службы. В частях, где по целым неделям не производилось поверок и перекличек, стало заводиться дезертирство. В тех гвардейских полках, где нестроевым военнослужащим позволялось ходить босиком, даже строевые стали приобретать какой-то неряшливый вид. Из военной жизни под тем же преступным предлогом «военного времени» вытравлялась вся обрядность, вся та торжественная красота, что прививала гвардейскому офицеру и солдату сознание святости воинского звания. Безобразное обмундирование, так и напрашивавшееся на неряшливое ношение, отнюдь не способствовало внедрению этого сознания. В шапках из мнимого «серого барашка», в каких-то неслыханных ушастых монгольских малахаях и стеганных на вате зипунах и кофтах армия стала по внешнему виду походить на среднеазиатскую орду, на тех «басурманов», которых из рода в род били российские войска, когда они были еще одеты в российские мундиры... Гвардейские офицеры шили себе обмундирование на английский образец — так называемые френчи, что было явлением совершенно недопустимым в благоустроенной армии. Утрата воинского вида влекла за собой и снижение воинского духа, в особенности в гвардейских частях, привыкших к блестящему и опрятному внешнему виду. Окопное сидение создавало непрошеные досуги, которых не умели заполнить. Праздность рождала праздные мысли. Вопрос «за что мы воюем?», не имеющий значения в регулярной армии и даже среди нижних чинов гвардейских полков, приобретал первостепенную важность для вооруженного народа. Целей войны народ не знал. Сами его «господа», по-видимому, на этот счет не сговорились. Одни туманно «писали в книжку» про какие-то проливы — надо полагать, германские. Иные идеологи войны говорили что-то про славян, которых надлежало то ли спасать, то ли усмирять. Надо было победить некоего германца. Сам германец появился как-то вдруг, неожиданно — о нем раньше никто народу не говорил. Совершенно так же неожиданно за десять лет до того откуда-то взялся японец, с которым тоже надо было вдруг воевать... Какая была связь между всеми этими туманными и непонятными разговорами и необходимостью расставаться с жизнью в сыром окопе в дале-

кой для большинства солдат Минской губернии, никто не мог себе уяснить. Одно было понятно всем — так приказал Царь. К царствовавшему Императору, по свидетельству современников, народ в общем относился безразлично, но обаяние царского имени стояло высоко. Царь повелел воевать — и солдат воевал. Войска созерцали анархию, держа ружья к ноге. Пехота была еще надежна, несмотря на очевидный соблазн, но казачьи части, соблазненные мифической волей, уже заколебались. В пехоте были вызваны только учебные команды, то есть лучшие люди запасных полков. Редкая команда «пли!», подававшаяся на свой риск и страх отдельными мужественными офицерами, принималась безотказно. Стоит отметить поступок Лейб-гвардии Финляндского полка подпоручика Иосса. Одним метким револьверным выстрелом он усмирил весь Васильевский остров, наповал уложив вожака демонстрантов на казенном трубочном заводе. Беспорядки после этого сразу там стихли. Как справедливо отмечали историки революции, «подпоручики у русского Царя были, но не было генералов». Несмотря на это критическое положение столицы, петроградские власти допустили привычное очковтирательство, постоянно обманывая своего Государя из карьерных соображений. Обманутый венценосец все же начал тревожиться и повелел Хабалову энергично прекратить беспорядки, «недопустимые во время войны», чего не произошло по причине стремительно таявшего гарнизона, находившегося в подчинении у генерала, с 100 000 человек до пары тысяч. Стоит отметить Запасной самокатный батальон с героем-командиром полковником Балкашиным, оказавший 27 и 28 февраля 1917 года отчаянное сопротивление дикой черни и изменившим войскам и погибший в неравной схватке с ними.

Гвардия в февральские дни 1917 года

Отряд полковника Кутепова вошел в Зимний дворец, готовясь к занятию оборонительной диспозиции, но был вынужден его покинуть по требованию Великого князя Михаила Александровича, опасавшегося за целость дворца и собственности в нем и не особенно заботившегося о последних защитниках престола. Полковник Преображенского полка А.П. Кутепов занял в те дни Адмиралтейство, но должен был покинуть и эту позицию по настоянию адмирала Ивана Константиновича Григоро-

вича, тоже опасавшегося за целость здания и своей в нем квартиры. Эти соображения оказались важнее сохранения монархии. Отряд, в котором считалось еще 1100 человек, 12 орудий и 15 пулеметов, явился в Петропавловскую крепость, где военный министр, находясь в полном расстройстве чувств и навзрыд плакавший, приказал ему разойтись. Этими «последними слугами» Императора Всероссийского оказались измайловцы, лейб-егеря и стрелки Императорской Фамилии 3-го полка. Вместе с армией был нанесен смертельный удар флоту.

В ночь на 1 марта 1917 года «распропагандированные» флотские экипажи залили кровью Кронштадт, а в ночь со 2 на 3 марта на гельсингфорсском рейде и на берегу произошла дикая резня офицеров Балтийской эскадры. 4 марта 1917 года был убит и адмирал Андриан Иванович Непенин. По списку, заготовленному «адмирал-штабом», были истреблены все лучшие специалисты во всех областях (в первую очередь столь досадивших немцам разведки и контрразведки), и этим русский Балтийский флот был выведен из строя. Однако именно флотскому Гвардейскому экипажу и его августейшему шефу выпало поставить точку в истории русской Императорской гвардии. 1 марта в 4 ч 15 мин дня в Таврический дворец приехал Великий князь Кирилл Владимирович. Великого князя сопровождали адмирал, командующий Гвардейским экипажем и эскорт из нижних чинов Гвардейского экипажа. Великий князь прошел в Екатерининский зал, куда уже был вызван председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Обратившись к председателю Думы, Великий князь Кирилл Владимирович заявил: «Имею честь явиться к вашему превосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам Гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий и теперь могу заявить, что весь Гвардейский флотский Экипаж в полном распоряжении Думы». Слова Великого князя потонули в криках «ура!». М.В. Родзянко поблагодарил Великого князя и, обратившись к окружающим его солдатам Гвардейского экипажа, сказал: «Я очень рад, господа, словам Великого князя. Я верил, что Гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке выполнит свой долг, поможет справиться с общим врагом и выведет Россию на путь победы». Слова председателя Государственной думы, как свидетельствуют очевидцы, были также покрыты криками «ура!».

Затем М.В. Родзянко, обратившись к Великому князю, спросил, угодно ли ему будет оставаться в Думе. Великий князь ответил, что к Государственной думе приближается Гвардейский экипаж в полном составе и что он хочет представить его председателю Думы. «В таком случае, — заявил М.В. Родзянко, — когда я вам понадоблюсь, вы меня вызовите». После этого М.В. Родзянко возвратился в свой кабинет. Ввиду того что все помещения Думы были заняты, представители комитета петроградских журналистов предложили Великому князю пройти в их комнату. Вместе с Великим князем в комнату журналистов прошли адмирал Гвардейского экипажа и адъютант Великого князя. Хроника была повторена слово в слово и в дневном выпуске «Биржевых ведомостей». Похожее сообщение об этом возмутительном поступке поместило в начале марта большинство российских газет с незначительными разночтениями во второстепенных деталях. Опровержений со стороны Великого князя Кирилла Владимировича или же других участников этого события не последовало ни в те дни, ни когда-либо позже. Факт подтверждается и собственноручной телеграммой Великого князя Кирилла Владимировича к своему дяде Великому князю Павлу Александровичу, отправленной еще до отречения Государя: «2-го марта 1917 года. Дорогой дядя Павел! Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы, работает ясно и единомысленно с нашим семейством, он прячется и только сообщается секретно с Родзянкой. Я был все эти тяжелые дни совершенно один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и Родиной, спасая положение, признавая новое правительство. Обнимаю. Кирилл».

Лицемерные слова об ответственности перед Государем и Родиной, оправдание своих преступных действий тем, что он якобы «спасал положение», — типичны для Великого князя Кирилла Владимировича. Но вот как эти действия оценивает другой участник позорного акта — М.В. Родзянко, приложивший столько усилий к совершению переворота в России. В своих воспоминаниях он по этому поводу брезгливо пишет: «Прибытие члена Императорского Дома с красным бантом на груди во главе вверенной его командованию части войск знаменовало собой явное нарушение присяги Государю Императору...» Генерал Н.Н. Головин, бывший профессор Императорской Николаевской военной академии, а позже

профессор русского историко-философского факультета, а также домашний учитель истории Великого князя во дни его отрочества в Париже, отмечает следующее: «Великий князь Кирилл Владимирович, являвшийся следующим после сына и брата Государя кандидатом на престол, ведет под своей личной командой батальон Гвардейского экипажа на присоединение к восставшим войскам, собиравшимся около Государственной думы. Мало того: утром того же 14-го (1-го) марта он разослал начальникам частей Царскосельского гарнизона следующую записку: "Я и вверенный мне Гвардейский экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы и вверенная вам часть также присоединитесь к нам". Совершает все это Великий князь Кирилл Владимирович 14-го (1-го) марта, накануне отречения Государя, т.е. в тот момент, когда поведение членов Государственной думы, какими бы мотивами оно ни диктовалось, являлось революционным. Говоря иными словами, Великий князь Кирилл Владимирович на третий же день солдатского мятежа присоединяется к восставшим и призывает к этому другие войска».

Этим событием Истории было угодно завершить двухвековой век Гвардии. Наступало иное время, исполненное противоречий и отчаянных попыток повернуть время вспять.

Глава четвертая
ГВАРДИЯ НА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

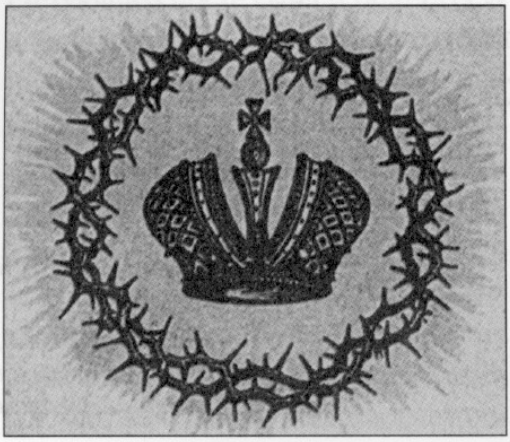
И в защиту Державной России Святой,
Вкруг трехцветного Русского Стяга,
Наша Гвардия снова железной стеной
Шла вперед, на кровавый, решительный бой
Против подлого красного флага.

Н.К. Мамонтов,
полковник Лейб-гвардии
1-й Артиллерийской бригады

Распад армии и зарождение добровольчества

Крах Российского государства, крах русского самодержавия и самой православно-державной идеи в марте 1917 года не означал одномоментной гибели всех институтов страны и единодушного отказа от привычной и отлаженной формы их развития. Трагические события, прокатившиеся сразу после отречения Государя по всей России, обусловили ее неизбежное движение к политическому и экономическому краху. Хаос, воцарившийся в стране, и отсутствие воли даже у подавляющего большинства членов Царствующего Дома остановить грядущий развал были восприняты представителями русской Императорской Гвардии как повод для того, чтобы, объединившись с наиболее здоровой частью российского населения, противостоять губительному курсу Временного правительства и в дальнейшем — разложению России большевиками... Крах прежнего уклада гвардейской жизни, остававшийся незыблемым два столетия подряд, во мгновение ока оказался расшатан восставшими со дна никому доселе неизвестными

личностями, но главное — поддержан самой темной и легко ведомой в политические дебри массой нижних чинов. Императорская Гвардия, кровью бесчисленных предков защищающая устои государственности, "преклонила свои седые штандарты новому строю", — с сожалением признавал современник и свидетель распада армии. — Старый, тучный, уже больной, с Георгием на шее "За Восточную Пруссию" генерал от кавалерии Хан Нахичеванский выехал в Петроград. В ту же ночь, не захотев мириться живым с произошедшим и непоправимым, начальник штаба генерал барон Винекен выстрелом из револьвера покончил с собой. ...В полку, среди солдат лейб-драгун, заметная яркая агитация против офицеров, идущая и руководимая кучкой писарей и конно-сапер. Во главе стоит штабной писарь... Ворвалась в доселе замкнутую кастовую жизнь гвардейской части волна подлого, беспринципного...



Терновый венец и Большая императорская корона — символ трагического смутного времени, начавшегося с падения православной монархии в России

Его Императорское Высочество Великий князь Дмитрий Павлович в офицерской форме

цинизма. Ворвалась и покатилась, свершая и здесь, как повсюду, постепенно свое подлое дело... У многих гг. офицеров слезы на глазах, у других сосредоточенные, унылые, грустные лица...»[76] Представитель Гвардейской кавалерии вспоминает об этих днях безвременья: «Серо и печально проходили чередой последние дни 1917-го. Кирасиры Его Величества как строевая и боевая единица прожив 215 лет, кончали свое бренное существование: офицеры и кирасиры расходились в разные стороны... Но душа славного, доблестного полка — его офицерский состав — продолжала жить, готовая в нужный момент снова воплотиться и воскресить родной Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк»[77].

Гвардия и новая власть

Новый, 1918 год в бывшей столице Российской империи принес немало горьких дней гвардейскому офицерству, имевшему несчастье оставаться в захваченном большевиками городе, как, впрочем, и во всех городах бывшей империи, где воцарилась большевистская власть. «Петроградская группа офицеров попала в тяжелое положение ввиду полного бесправия и анархии, царивших на севере России. Приходилось укрываться, голодать и с трудом, часто черной работой, добывать себе кусок хлеба. Киевская группа офицеров, прибывшая в город в распоряжение штаба 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, пережила там 10-дневный обстрел и захват красными 26 января 1918 года города. В этот черный день кирасиры Его Величества потеряли своих первых товарищей, штабс-ротмистра Николая Владимировича Бартоломея и корнета Николая Сергеевича Бразоля, расстрелянных большевиками. Штабс-ротмистра Евгения Николаевича Оношкевича-Яцыну 2-го красные уже вели на расстрел, и от неминуемой гибели его спасло лишь то, что он заговорил по-польски с красноармейцами, оказавшимися поляками, и те его отпустили.

В Киеве большевиками было всего расстреляно около 6000 офицеров, из них 14 — офицеры Гвардейской кавалерии. Ротмистр Владимир Георгиевич Старженецкий-Лаппа был расстрелян в городе Липецке, а штабс-ротмистр Николай Иванович Рябинин — у себя в имении... В октябре на Кавказе (в районе Баталпашинска) пропал без вести штабс-ротмистр Михаил Николаевич Ломакин, до этого доблестно сражав-

шийся с отрядами красных. В 1919 году погиб в заточении в Петропавловской крепости полковник князь Владимир Леонидович Абамелик»[78], — вспоминали боевые товарищи канувших в Лету гвардейцев. И в каждом полку бывшей Императорской Гвардии картина повторялась во многом. Те, кто не желал смиряться с воцарившейся властью, выходили на бой и часто гибли в неравной борьбе. В Киеве в начале 1918 года оказалось довольно много офицеров гвардейских полков, и большевистский террор так или иначе не прошел мимо подавляющего большинства из них, о чем свидетельствуют скорбные строки воспоминаний уцелевших. Представители Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка ротмистр А.А. Литвинов и А. фон Баумгартен так описывали бесчинства большевиков в Киеве:

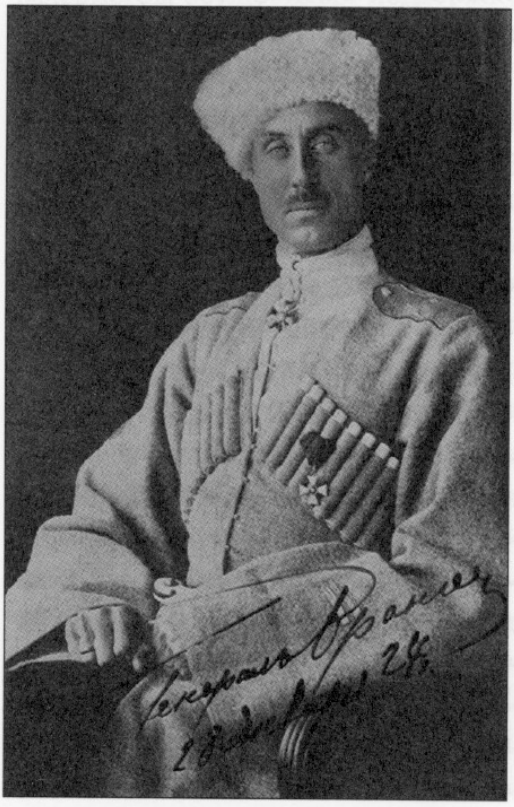
«...26 января были арестованы и расстреляны в Мариинском парке во время массового расстрела офицеров полковник Владимир Владимирович Чебышев, штабс-ротмистр граф Николай Николаевич Армфельд, поручик Михаил Аркадьевич Васьянов и корнет Юрий Евгеньевич Владиславлев. Тела убитых были найдены 28 января Еленой Николаевной Бенуа (ныне княгиня Гагарина), самоотверженно в течение двух суток разыскивавшей убитых и нашедшей их во дворе анатомического музея военного госпиталя в следующем виде: все, кроме тела полковника Чебышева, были только в белье, у полковника Чебышева была разрезана грудь, и оттуда полувынуто сердце, штабс-ротмистр граф Армфельд — лицо разбито, тело в синяках и кровоподтеках, шея искривлена, поручик Васьянов — в рот всунут пустой кошелек, корнет Владиславлев — пальцы одной из рук сложены в виде кукиша. Погребены они были 30 января на Братском кладбище без духовенства, и лишь через три недели, по занятии Киева немцами, на кладбище была отслужена панихида в присутствии офицеров полка и могила приведена в порядок»[79].

Кроме этих офицеров Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, в эти дни, когда большевики бесчинствовали в старом Киеве, ими были растерзаны и другие офицеры Гвардейской кавалерии. Звериная ненависть к Императорской Гвардии, умело раздутая большевистскими провокаторами в Киеве в январе 1918 года, унесла жизни штабс-ротмистров кавалергардов Евгения Евгеньевича Гернгросса и Георгия Георгиевича Скалона, московского лицеиста князя Михаила Александровича Голицына и корнета князя Александра Долгорукова. Погибли прапорщик Конной гвардии, юный, не

окончивший 4-й класс Училища правоведения князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский, кирасиры Его Величества штабс-ротмистр Николай Владимирович Бартоломей и корнет Николай Сергеевич Бразоль, полковник Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка полковник Лев Платонович Стефанович, офицеры Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка полковник Александр Алексеевич Домонтович и штабс-ротмистр того же полка Рембелинский.

Роль Гвардии в Гражданской войне

Роль гвардии в Гражданской войне трудно переоценить. Достаточно вспомнить, что из 7 Главнокомандующих Белого движения двое — Е.К. Миллер и П.Н. Врангель — были выходцами из гвардейских полков. Многие белогвардейские военачальники прежде были гвардейскими офицерами — Май-Маевский, Слащов, Шатилов, Дроздовский, Драгомиров, Эрдели, Неженцев, Кутепов, Марков, Романовский...



Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель

Бывший офицер Лейб-гвардии Волынского полка, командир самых отважных частей Добровольческой армии, полковник Дроздовский отмечал в своем дневнике, размышляя о братоубийственной сути войны: «А в общем, страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и

жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблению; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения... Что требовать от Туркула, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами...»

...С самого начала противостояния большевизму Гвардии не удалось, как и армии в целом, собрать под свои знамена абсолютное большинство уцелевших после Великой войны офицеров и солдат. Первым гвардейским формированием, весьма немногочисленным, в Добровольческой армии оказалась 3-я Офицерская, именуемая также в некоторых источниках Гвардейской, рота, сформировавшаяся в городе Новочеркасске, на территории Всевеликого войска донского из чинов Сводно-офицерской роты, ранее расформированной, в декабре 1917 года.

В ходе формирования Добровольческой армии ближайшими помощниками генерала Алексеева оказались гвардейцы. Ими были Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка ротмистр Алексей Генрихович Шарон дю Ларрэ, ставший впоследствии командиром 2-го конного генерала Дроздовского полка и полковник Лейб-гвардии Преображенского полка Петр Андреевич Веденяпин, трагически погибший в Аргентине уже в послевоенное время. К этим двум позже примкнул и полковник Лейб-гвардии Литовского полка Хованский Иван Константинович, убитый летом 1918 года в бою с большевиками у станции Выселки.

Многие гвардейские офицеры стояли у истоков создания первых добровольческих отрядов, и хотя «очень скоро многие из них пали в степях Дона и Кубани, но их заменили вновь прибывшие, другие офицеры Гвардии, с радостью также готовые отдать свою жизнь во имя спасения России»[80].

Первое боевое соединение, в состав которого вошли представители Императорской Гвардии в самом конце декабря 1917 года, гордо именуемое Гвардейская рота, было отведено в Ростов-на-Дону и пополнилось добровольцами, пришедшими в него через ростовское Бюро записи добровольцев. Именно эта рота составила впоследствии ядро Отряда полковника Лейб-гвардии Преображенского полка Александра Павловича Кутепова. А пока, в самом конце 1917 года, «30 декабря все прибывшие в Ростов офицеры Гвардии были размещены в Проскуровском лазарете, где при конном дивизионе полковника Гершельмана»[81] началось комплектование боевого подразделения. Именно в этом

ростовском лазарете и завершилось формирование Добровольческого дивизиона первого состава. На боевом пути конного дивизиона Гершельмана, пожалуй, стоит остановиться подробнее.

Действия дивизиона полковника Гершельмана

С первых дней существования Добровольческой армии дивизион Гершельмана, укомплектованный профессиональными гвардейскими кавалеристами, встретился с необходимостью решать разнообразные тактические задачи, с которыми мог справиться лишь отряд кадровых кавалеристов, осуществляя поддержку основных пехотных частей добровольцев.

13 февраля 1918 года, завершив поставленную командованием задачу по прикрытию переправы, эскадрон прибыл в станицу Ольгинскую, чтобы присоединиться к армии. Рано утром 15 февраля 1918 года эскадрон Гершельмана в полном составе выступил из станицы Хомутовской на Зимовники за лошадьми для армии. В его задачу также входило прикрытие с севера флангового марша Добровольческой армии, переходящей из станицы Хомутовской в село Лежанка. Работая по набору лошадей в Зимовниках, эскадрону довелось участвовать в нескольких удачных стычках с бывшими солдатами Кавказского запасного полка, перешедшими к большевикам. После этого у кавалеристов Гершельмана наконец появились несколько первых трофейных шашек.

25 февраля 1918-го эскадрон в колонне главных сил Добровольческой армии перешел в станицу Веселую, откуда 2-й взвод под командой штабс-ротмистра Дубровинского с подрывным вьюком был направлен к станции Ново-Леушковской для подрыва железнодорожного виадука. С поставленной задачей разъезд справился удачно. На следующий день это способствовало армии перейти железнодорожное полотно у станции Ново-Леушковской совершенно беспрепятственно, так как подошедший броневой поезд красных из-за взорванного виадука не мог подойти на расстояние артиллерийского выстрела к добровольческим частям, и выпущенные большевиками снаряды просто не долетали до их позиций. При переходе армии через полотно железной дороги эскадрон, занимая станцию Ново-Леушковскую, выполнял задачу по прикрытию фланга армии на случай, если большевики вздy-

мают высадить отряд из бронепоезда. К полуночи того же дня к станице подошел и сам полковник Гершельман с эскадроном. По приказанию полковника Гершельмана пленные казаки вместе с лошадьми были отпущены, и у них добровольцами было лишь отобрано оружие. Переночевав в стогах соломы, эскадрон на следующее утро выступил на станицу Березанскую, которую в этот день должна была взять Добровольческая армия. Идя маршем по большой дороге в направлении линии станица Ново-Донецкая — станица Березанская и не доходя последней версты, 2-й эскадрон был предупрежден прискакавшим раненным в грудь кадетом из головного дозора, что впереди находится цепь красных кубанских казаков.

Красные кубанские казаки, встретившись с головным дозором кавалерийского дивизиона Гершельмана, захватили в плен двух чинов дивизиона — штабс-ротмистра Мальвинского и прапорщика Венценосцева. Продвинувшись далее, гершельмановцы удостоверились, что следующий перед эскадроном бугор сплошь занят стрелковыми цепями. Тогда эскадрон свернул с дороги и стал целиной подходить к станице Березанской, со стороны которой была слышна стрельба. Пройдя без дорог еще с полверсты, эскадрон обнаружил перед собой конницу, стрелявшую по эскадрону с коней. Полковник Гершельман решил, что это добровольцы, и, остановив эскадрон, выслал навстречу коннице разъезд, но и по разъезду также открыли огонь, усилив его пулеметными очередями. Тогда эскадрон, развернувшись в лаву и подняв винтовки вверх прикладами (условный знак для опознания своих), стал шагом приближаться к стоявшей за отдельными хатами коннице. Но только лишь эскадрон прошел несколько десятков шагов, как из камыша вышла цепь большевистской пехоты, открыв залповый огонь по наступавшей на нее кавалерии Гершельмана. По огню и по тому порядку, в котором цепи пехоты вышли из засады, большинство офицеров эскадрона поняло, что это добровольцы, но подойти нельзя, так как интенсивность огня не ослабевала и в эскадроне уже начались первые потери. Тогда эскадрон повернулся кругом, стал отходить и, отойдя с версту и переправившись через речку, другим берегом, в колонне по три, без головных дозоров вновь двинулся на Березанку. Подойдя к ней на версту, эскадрон совершенно незаметно для себя был подпущен корниловской засадой, спрятавшейся в камышах реки. Здесь и выяснилось недоразумение, отчего эскадрон был принят за красных и отчего он был обстрелян. Как

оказалось, это была рота корниловцев и 2-й Кавказский дивизион полковника Петра Владимировича Глазенапа. В саму Березанку эскадрон вошел уже тогда, когда взявшие ее части стояли там по квартирам и на площади шла порка вероломных казаков. К большой радости эскадрона, казаки не успели расстрелять захваченных ими в плен штабс-ротмистра Мальвинского и прапорщика Венценосцева, и пехоте удалось отбить их. Спасенные офицеры вместо отобранных у них казаками коней получили от станицы по лучшей станичной лошади и снова стали в строй эскадрона. Простояв на площади станицы полтора-два часа, эскадрон к вечеру того же дня вместе с Партизанским полком Петра Владимировича Глазенапа выступил для овладения станцией и станицей Выселки, откуда под напором красных отходили корниловцы.

После прямого боя эскадрон, атаковавший в конном строю станцию Выселки, захватил там санитарный поезд. После того как эта задача была выполнена, эскадрон ушел на присоединение к Добровольческой армии в Журавские хутора. 4 марта 1918 года с утра завязался бой у Выселок, в ходе которого эскадрон находился на охране левого фланга Добровольческой армии. В то время когда красные, выбитые из села, стали отходить, эскадрон в конном строю атаковал одну из красных колонн, обрушив удары шашек на разбегавшихся в разные стороны большевиков. Эскадрон в этой атаке понес чувствительные потери, как оказалось, атака эскадроном была проведена на большевистский стрелковый полк 4-й кавалерийской дивизии. С отдельными частями этой дивизии охотникам эскадрона Гершельмана приходилось уже встречаться в ночном нападении на деревню Султан-Салы-Малые. После атаки на этот большевистский полк под Выселками он больше не встречался на пути Добровольческой армии. В тот же день, 4 марта 1918 года, Добровольческая армия через Журавские хутора двинулась на станцию Кореновскую, а от эскадрона Гершельмана были высланы 4 разъезда по взводу каждый, которые собрались вместе лишь после овладения армией станицей Кореновской. Во время дневки армии в Кореновской от эскадрона Гершельмана была выставлена застава на этой станции. Были высланы разъезды на Платнировскую и на Усть-Лабинскую. 6 марта 1918 года эскадрон совместно с Партизанским полком, составляя арьергард армии, выступил на станицу Усть-Лабинскую и в продолжение целого дня вел упорный арьергардный бой с наседающей конницей крас-

ных, не давая ей настигнуть колонну главных сил, которая брала упорным боем станицу Усть-Лабинскую. После овладения станицей эскадрон, все так же в арьергарде, пропустив и Партизанский полк, вслед за армией прошел станицу и, переправившись по мосту через реку Кубань, а затем, взорвав мост, остановился на ночлег в станице Некрасовской, где во время дневки приводил в порядок уставших лошадей и седловку.

Простояв два дня в Некрасовской, отдохнув и подкормив лошадей, эскадрон составил арьергард армии, переправившейся через реку Лабу. Затем он оставался в станице Некрасовской, ведя бой с большевиками, успевшими, несмотря на препятствия, переправиться через реку Кубань, не допуская их переправы через реку Лабу, а затем, перейдя реку и уничтожив переправы, еще долго не допускал большевиков к переправе через реку Белую. Оставив при Корниловской роте, занявшей сторожевое охранение по реке Кубани, разъезд в 12 коней под командой штабс-ротмистра Стрижевского, эскадрон отошел на ночлег в Княжеские хутора. 12 марта 1918 года эскадрон вместе с Марковской ротой, составляя авангард армии, в продолжение целого дня вел упорный бой по овладению селом Филипповским. Именно это село стало центром закубанских большевиков. Неоднократно переходя в атаки, эскадрон на линии марковцев в пешем строю врывался в село, настигая на его улицах замешкавшихся большевиков. Окончательно заняв село и присоединив к себе разъезд штабс-ротмистра Стрижевского, эскадрон заночевал в Филипповском.

На рассвете следующего дня гершельмановцы в авангарде Добровольческой армии выступили на станицу Рязанскую, но лишь переправились через реку Белую, как подверглись жестокому обстрелу со стороны большевиков, отошедших накануне из Филипповского и занимавших теперь высоты на противоположном берегу реки. Эскадрон, несмотря на свою немногочисленность и огромные силы противника, принял бой. Скоро к эскадрону подъехал лично генерал Корнилов и, руководя боем, давал свои указания. Одновременно Корнилов отдал приказ армии под прикрытием эскадрона Гершельмана переправляться через реку и разворачиваться для боя. Когда армия развернулась и начала бой, эскадрон в пешем строю в составе Партизанского полка, ведя упорный стрелковый бой, до вечера удержал свои позиции, а затем, в составе колонны главных сил, отошел на станицу Рязанскую и дальше на аул Панахес, где и остановился на ночлег.

Разъезд гершельманцев выступил днем, а вечером, из-за поднявшейся метели и отсутствия хорошего проводника, разъезд сбился с дороги и, проблуждав в степи несколько часов, к 10 часам вечера вернулся в Понежукай.

В 11 часов вечера того же дня вновь был выслан другой разъезд в 20 коней под командой штабс-ротмистра Иванчина-Писарева. Этот разъезд, блуждая до рассвета в метели, к утру подошел к станице Калужской, где действительно находилась Екатеринодарская армия, с которой и была установлена связь. 15 марта 1918 года эскадрон в авангарде армии с рассветом выступил на станицу Ново-Дмитриевка. На подходе к хутору Чернова эскадронные дозоры были обстреляны из хутора, оказавшегося занятым красными. Так как к этому времени буран уже значительно бушевал, то, не имея возможности атаковать хутор в конном строю, эскадрон спешился и повел наступление, которое часом позже увенчалось успехом. Эскадрон, войдя в хутор, занял его и повел бой с отошедшими большевиками, составляя уже боковой авангард армии, которая, совершая фланговый марш у хутора Чернова, продолжала движение к станице Ново-Дмитриевка. К вечеру того же дня, прикрывая марш колонны и пропустив ее мимо себя, эскадрон в арьергарде выступил на станицу Ново-Дмитриевка, куда подошел к моменту переправы первых частей через реку Ерек. Приняв на крупы своих лошадей пехотинцев, эскадрон перевозил армию через бушующую речку, переходя ее до 20 раз от одного берега к другому. И только поздней ночью, закончив переправу, эскадрон, люди и лошади которого буквально замерзали, прошел в станицу. Отдохнуть, однако, не удалось: эскадрон послал сейчас же сеть разъездов для установления связи с отошедшим противником и выслал ряд наблюдательных постов, охраняя тем самым отдых армии, люди которой, дойдя до теплой хаты, свалились как мертвые. В этот день при ужасной погоде (дождь и ветер, пронизывающий буквально до костей, снег и временами мороз, затем вновь дождь и опять снег и мороз при бушующем ветре) они сделали дневной переход по почти непроходимой дороге. Бездорожье затрудняло движение артиллерийских орудий и обозных двуколок, их приходилось бросать, чтобы отряд мог маневрировать. Только к вечеру 16 марта отдохнувшая охота (разведподразделение) сменила эскадрон, охранявший сон армии, и его людям можно было отогреться самим и погреть и под-

кормить лошадей. 17 марта в эскадрон прибыло пополнение — 5 офицеров и 32 юнкера Кубанского казачьего училища, присланные из отряда генерала Покровского после реорганизации армии. Бывшие 4 взвода эскадрона были сведены в 3, а 4-м взводом в эскадрон влились вновь прибывшие; командиром взвода был назначен есаул Малышенко. Стоя вместе с армией в станице Ново-Дмитриевка, эскадрон вел разведку на линиях Эйнем — Екатеринодар и Понежукай — Екатеринодар. Он участвовал во всех боях армии с наступавшими на станицу большевиками, двигавшимися со стороны хуторов.

23 марта эскадрон совместно с Партизанским полком отбил яростную атаку красных на Греческие хутора, и после боя эскадрон остался на хуторе, усилив разведку на Эйнем — Екатеринодар и на аул Понежукай и дальше на аул Панахес, где и остановился на ночлег. В ночь с 25 на 26 марта от эскадрона вышел разъезд в 12 коней под командой штабс-капитана Грегера с подрывным вьюком для взрыва железнодорожного полотна между станциями Эйнем и Георгие-Афипская. Место взрыва начальнику разъезда было указано точно самим генералом Корниловым. С утра 26 марта эскадрон выступил на Булгарские хутора, составляя авангард армии, следующей из Ново-Дмитриевской на Георгие-Афипскую. На Булгарских хуторах к эскадрону присоединился разъезд штабс-капитана Грегера, который доложил, что взорвать железнодорожное полотно в указанном ему месте он не мог, так как с обеих сторон к полотну подходят непроходимые плавни, а по полотну пройти нельзя. Полковником Гершельманом тотчас были высланы охотники в ночной разъезд, но, проблуждав несколько часов по пояс в болоте, они железнодорожного полотна не достигли и не предотвратили, таким образом, возможности появления броневых поездов у Георгие-Афипской со стороны станции Эйнем. На Булгарских хуторах эскадрон получил задачу охранять правый фланг армии, наступающей на станицу Георгие-Афипскую, привлекая одновременно к себе внимание противника со стороны станции Эйнем. Выдвинувшись стрелковыми цепями из Булгарских хуторов, эскадрон ввязался в прямой бой с крупными частями красных и, приковав к себе их внимание, не допустил их, несмотря на неоднократные попытки к атакам, к Георгие-Афипской, где в это время армия вела упорный бой за станцию. Подошедший со стороны станции Эйнем бронепоезд красных обстрели-

вал во фланг цепи пехоты. Из-за этого она лишь к вечеру овладела станицей и станцией Георгие-Афипской, куда на ночлег отошел эскадрон. За невыполнение задания по взрыву железнодорожного полотна командир дивизиона полковник Гершельман приказом по армии был отрешен от командования дивизионом, а эскадрон был сведен вместе со 2-м дивизионом, образуя 1-й Конный полк — впоследствии 1-й Конный генерала Алексеева полк, куда эскадрон вошел 1-м эскадроном. На следующий день, 27 марта, из Георгие-Афипской выступил 1-й Конный полк трехэскадронного состава. Война продолжалась...

Гвардейцы в Офицерской роте капитана Чернова и «Ледяной поход»

...Первое боевое крещение только что сформированной 1-й Офицерской роты под командованием гвардии-капитана Чернова состоялось в боях с большевиками, поднявшими восстание в Таганроге. 29 января 1918 года Гвардейская рота была влита в 3-й Офицерский батальон и насчитывала к тому времени целых 70 человек. Из этого количества штыков почти четвертая часть их была потеряна в небольших стычках с большевиками при выходе из Ростова в «Ледяной поход» 9 февраля 1918 года. Именно под командованием самого Кутепова гвардейцы продолжили свой боевой путь в «Ледяном походе» в составе Сводно-офицерского, а затем 1-го Офицерского, или Марковского полка. 9 февраля 1918 года Добровольческая армия выступила из Ростова в свой легендарный 1-й Кубанский («Ледяной») поход на Екатеринодар, ставший поистине героической эпопеей русского офицерства. Численность армии составляла 3683 бойца и 8 орудий, а с обозом и гражданскими лицами свыше 4 тысяч. Среди них было 36 генералов, 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин, 215 капитанов, ротмистров и есаулов, 220 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подъесаулов, 409 поручиков и сотников, 535 подпоручиков, корнетов и хорунжих, 668 прапорщиков, 12 морских офицеров (в т.ч. 1 капитан 1-го ранга и 1 капитан 2-го ранга), 437 вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев и 2 гардемарина, а еще 364 унтер-офицера (в т.ч. подпрапорщики и им равные), 235 солдат (в т.ч. ефрейторы и им равные), и также 2 матроса. Кро-

ме того — 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 66 чиновников, 3 священника и 14 гражданских лиц. Из 165 женщин 15 были прапорщиками, 17 рядовыми добровольцами, 5 врачами и фельдшерицами, 122 сестрами милосердия и только 6 не служили в армии. Всего в походе, не считая женщин и гражданских лиц, приняли участие 2325 офицеров и 1067 добровольцев. По возрасту — старше 40 лет было около 600 чел. и около 3000 — моложе. За 80 дней похода (из которых 44 дня боев) — с 9 февраля по 30 апреля — армия прошла 1050 верст.

Каждый бой для двигавшейся в постоянном окружении, голодной и оборванной, крохотной офицерской армии был ставкой на жизнь или смерть. Никто из офицеров не ждал для себя пощады в случае поражения. Они могли выжить, только составляя армию, и армию побеждающую. Проходя десятки километров то по заснеженной степи, то по жидкой грязи, переходя по грудь в воде ледяные речки, ночуя в грязи и снегу под открытым небом, офицерам пришлось претерпеть неимоверные лишения, справедливо создавшие «первопоходникам» тот ореол мученичества, которым они были окружены впоследствии. Именно эти люди стали ядром и душой Белого движения на Юге России, из их числа выдвинулись почти все видные командиры белых частей («первопоходниками» были практически все командиры батальонов и полков и большинство командиров рот Добровольческой армии), многие из них дослужились до высоких чинов. В походе погибло и было погребено около 400 чел. и вывезено около 1500 раненых. Раненых, однако, армия не всегда могла везти с собой. После отхода от Екатеринодара на север около 300 чел. было оставлено в ст. Елизаветинской и еще 200 — в Дядьковской. Оставленные в Елизаветинской почти все были добиты преследователями (причем не менее 69 чел. было зарублено топорами). Список уцелевших, награжденных Знаком Отличия, хранился в единственном экземпляре в правлении Союза первопоходников в Белграде и, по-видимому, был утрачен во время Второй мировой войны, однако большинство их имен известно по другим источникам. Имена всех погибших участников до сих пор не установлены, поскольку строевой документации в походе (во избежание захвата большевиками) не велось. Бунин сказал о них: «В дикой и ныне мертвой русской степи, где почиет белый ратник, тьма и пустота. Где те врата, где то пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо там храм Христовой России. И только ей одной поклонюсь я — в день, когда Ангел от-

валит камень от гроба ея. Будем же ждать этого дня». Значение 1-го Кубанского похода другой русский писатель, Иван Сергеевич Шмелев, оценил так: «Этот подвиг — уход в ледяные степи — имеет бессмертный смысл — отсвет Голгофской Жертвы. Этот подвиг роднится с чудеснейшими мигами человеческого мира, когда на весах Совести и Любви взвешивались явления двух порядков: тленного и нетленного, рабства и свободы, бесчестия и чести. Этот подвиг — проявление высокого русского гражданства: в подвиге этом не было ни различия классов, ни возраста, ни пола, — все было — общая жертва жизнью. «Ледяной поход» длится. Он вечен, как бессмертная душа в людях, — негасимая лампада, теплящаяся Господним Светом».

Сводно-гвардейский полк в борьбе с большевиками

В ноябре 1918 года путем выделения из состава 1-го Офицерского полка всех чинов русской Гвардии был сформирован Сводно-гвардейский полк, входящий во 2-ю бригаду 1-й дивизии. Первоначально в полк сводились все офицеры Императорской Гвардии, однако вскоре гвардейские кавалерийские полки были выделены в отдельные формирования, о чем мы расскажем ниже. По окончании 1-го Кубанского похода, 1 июля 1918 года, 1-й Офицерский полк вошел в Новочеркасск, где он пополнился прибывшими офицерами и развернулся в гвардейскую роту, численность которой составляла 150 офицеров и солдат. Командование над ротой принял полковник Лейб-гвардии Павловского полка Митрофан Викторович Темников. В двух Кубанских походах Белой армии участвовало 112 офицеров Императорской Гвардии, из которых более 10 % погибло и примерно одна пятая часть получила ранения.

12 августа 1918 года Гвардейская рота 1-го Офицерского генерала Маркова полка была развернута в батальон, а уже 29 сентября 1918 года, согласно приказу Главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта Деникина, была выделена из состава Марковского полка в Сводно-гвардейский пехотный полк. Этот полк состоял из 450 штыков при 80 офицерах. 6-я Гвардейская рота Офицерского генерала Маркова полка была также развернута в батальон под командованием капитана Лейб-гвардии Егерского полка Георгия Александровича Перепелицына, погибшего в июне 1919 года в бою возле колонии Шпаррау.

Программное постановление старших офицеров Гвардии

В сентябре 1918 года в Екатеринодаре, на совещании старших офицеров Гвардии, воюющих в рядах Добровольческой армии, его участниками было принято программное постановление. В нем, в частности, говорилось:

«1). Считать полки Лейб-гвардии: Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Московский, Гренадерский, Павловский, Литовский, Кексгольмский, Петроградский, Волынский, 1-й и 2-й Царскосельский, 3-й и 4-й стрелковые и саперный, находящиеся в Добровольческой Армии в виде полковых взводов-ячеек в составе 4-го (Сводно-гвардейского) батальона 1-го офицерского генерала Маркова полка. Причем каждая рота этого батальона представляет ячейку соответствующей гвардейской дивизии, а каждый взвод соответствующего гвардейского полка. Считать Лейб-гвардии 1, 2, 3-й стрелковые, артиллерийские бригады, Лейб-гвардии 2-й мортирный и Лейб-гвардии тяжелый артиллерийские дивизионы, находящиеся в Добровольческой Армии в составе 3-й батареи (Сводно-гвардейской) 1-го отдельного артиллерийского дивизиона. Все части Гвардейской кавалерии кроме казачьих (частей. — *Авт.*) считать восстановленными в составе формируемого Сводно-гвардейского эскадрона. Указать, что в ближайшем будущем Сводно-гвардейский батальон с Сводно-гвардейской батареей будет разворачиваться в Сводно-гвардейский полк и далее по мере прибытия офицеров гвардейских полков. Полковые же ячейки — в полуроты, роты и т.д. в зависимости от наличия офицеров каждого полка.

2). Все офицеры Гвардии должны знать, что Добровольческая Армия имеет своим девизом восстановление единой, неделимой, сильной и великой России силами русских людей и на русские средства без иностранной обязывающей к чему-либо помощи. Дело ее растет и ширится, и лишь наша неподвижность и инертность может задержать, но не остановить его развитие.

3). Признать, что службой, единственно достойной офицера, тем более гвардейского, в настоящее время является служба в Добровольческой Армии.

4). Все офицеры Гвардии должны не позже 1-го ноября с.г. прибыть в Добровольческую Армию в соответствующие сводно-гвардейские части, помня, что, выполняя этим свой долг в отношении своих полков, он выполняет... священный долг перед своей

родиной — единой, неделимой Россией.

5). Офицеры Гвардии, не желающие прибыть в Добровольческую Армию, должны немедленно снять форму своих частей, как недостойные носить ее ввиду отказа выполнить долг перед родиной в минуту, когда их усилия особенно нужны.

6). Офицеры Гвардии обязаны знать, что нынешние соображения семейного, материального и личного характера не будут приняты как оправдания неприбытия в минуту, когда решается судьба России.

7). Все офицеры Гвардии, ознакомившись с настоящим постановлением, обязаны всемерно способствовать распространению его в местах своего нахождения и ознакомить с ним всех известных им офицеров Гвардии. Для облегчения — объединяться в группы: полковые или по месту жительства, дабы содействовать друг другу в вопросах выезда и в пути.

8). Пусть всякий, кто прочтет настоящее постановление, не слушает голоса холодного рассудка своего... а обратится к своему сердцу и чувству своей чести, которая, верим, не умерла в тех, кто носил мундир Императорской Гвардии, и он будет твердо знать, в каком решении его долг и единая для всех правда».

Этот документ был подписан Председателем совещания — Лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады полковником Александром Николаевичем Третьяковым. Следом за Председателем его подписали остальные члены совещания: Лейб-гвардии Егерского полка полковник Леонтий Леонтьевич Гапонов, Лейб-гвардии Петроградского полка полковник Сергей Евгеньевич Вагин, Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка ротмистр Алексей Генрихович Шапрон-дю-Ларрэ, Лейб-гвардии Конной артиллерии штабс-капитан Борис Аркадьевич Лагодовский и скреплен секретарем совещания Лейб-гвардии Петроградского полка полковником Александром Ивановичем Федотовым.

Как явствует из текста, приведенного полностью, за исключением примечаний, целью этого постановления было регулирование участия чинов русской Императорской Гвардии в составе противоборствующих большевизму воинских соединениях. Это постановление ясно определяло, где должен быть гвардеец в тяжелый для Отечества час. Кроме того, незадолго до этого документа Главнокомандующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А.И. Деникин подписал приказ об уравнении Гвардии с армией, отказе от признания

гвардейских привилегий и преимущества в один чин над армейскими офицерами. Отныне все белые воины — гвардейцы и армия — становились единым военным организмом, освободившимся от ложных кастовых предубеждений перед лицом красной опасности.

Кавалергарды в Гражданской войне

«...На различных фронтах Белого движения отдельные кавалергарды приняли участие против большевиков... Имена Светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена, командующего Северо-Западной армией Александра Павловича Родзянко, гетмана Украины Павла Петровича Скоропадского и фельдмаршала Финляндии, барона Густава Карловича Маннергейма вошли в историю Гражданской войны. Но только на Юге России в рядах Добровольческой армии кавалергарды приняли участие в этой борьбе как строевая, боевая часть. Возродившись, подобно Фениксу из пепла, после того как старый полк прекратил существование, кавалергардские эскадроны долг свой солдатский исполнили до конца, без всякой корысти, без всякого подлого интереса. Сильные традициями старого полка, они пронесли с оружием в руках через кровавые годы этой страшной борьбы незапятнанным имя кавалергарда, столь же грозное врагу, как было оно грозно в эпоху наполеоновских войн и в Великую мировую войну...»[82], — вспоминал историк полка в эмиграции. Почти картинную стойкость в любых войнах этого полка отмечал и бывший кавалергард Мартынов, убийца Лермонтова:

А в середине вдохновенно
Стеной недвижимо, нетленно,
Стоит Кавалергардский полк! —
Как стройный лес мелькают пики,
Пестреют ярко флюгера...

И в дни гражданских усобиц первой четверти XX века эти строки по-прежнему точно отражали кавалергардский образ...

Возрождение Лейб-гвардии Финляндского полка и его участие в Гражданской войне

В 1918 году на Дону вновь возродился Лейб-гвардии Финляндский полк благодаря стараниям своих офицеров, который вместе со своим старым боевым знаменем проделал все походы Донской армии, а затем и всю

кампанию Русской армии Врангеля на Юге России. Особым покровительством полк пользовался у своего бывшего офицера, а теперь боевого генерала Русской армии Я.А. Слащова-Крымского, организовавшего эвакуацию до последнего солдата славного полка из охваченного кольцом большевиков Крыма. Лейб-гвардии Семеновский полк, чудом уцелевший в большевистском Петрограде, перешел в полном составе в ряды Северо-Западной армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича и сражался до расформирования им армии в феврале 1920 года.

Возникновение Гвардейской бригады

29 сентября 1918 года Главнокомандующий Добровольческой армией издал приказ о выделении 4-го Гвардейского батальона из состава 1-го Офицерского генерала Маркова полка и развертывании его в Сводно-гвардейский полк с приданием полку 3-й Гвардейской батареи Марковского артиллерийского дивизиона в количестве 25 офицеров. Командиром полка стал полковник Лейб-гвардии Гренадерского полка Н.Н. Дорошевич, погибший в боях под Армавиром 2 октября 1918 года. В ходе этих боев со своим командиром погибло 26 офицеров-гвардейцев и 30 получили ранения. Эти тяжелые бои стоили Гвардейскому полку жизни 200 солдат.

19 июня 1919 года приказом по Добровольческой армии Сводно-гвардейский пехотный полк развернули в Гвардейскую бригаду под командованием генерал-майора Лейб-гвардии Кексгольмского полка барона Николая Ивановича фон Штакельберга. В ходе боев с большевиками Гвардейская бригада занимала отдельные участки фронта, а после того как у большевиков был отбит Киев, Гвардейская бригада была развернута в Гвардейскую дивизию. С другой стороны, когда в 1918 году приказом по Добровольческой армии было разрешено формирование гвардейских полков, офицеры Гвардейской кавалерии начали объединяться для создания ячеек своих бывших полков в Императорской Гвардии. При Сводно-гвардейском пехотном полку была создана команда конных разведчиков в количестве 4-х эскадронов, представлявших каждый собой полк былой 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии времен Великой войны. Эта боевая единица оказалась значительно сильнее кавалерийского полка времен Великой войны, так как, по крайней мере, каждый кавалерийский полк того времени состоял из двух эскадронов.

Боевой путь Сводно-гвардейского кирасирского полка

В Добровольческой армии так называемый Сводно-гвардейский кирасирский полк дошел с непрерывными боями до города Глухова Черниговской губернии, точки, которая являлась пределом наступления Добровольческой армии в данном направлении. Сильно поредевший к ноябрю 1919 года при начавшемся отступлении Добровольческой армии полк влился в состав Гвардейского кавалерийского полка, в который вошли все формирования Гвардейской кавалерии. Полк получился очень внушительный и даже вошел в состав кавалерийской бригады генерала И.Г. Барбовича. В ее рядах полк проделал все отступление до Ростова, защищал левый берег Дона и принял участие в знаменитом бою у станицы Егорлыкская против конницы С.М. Буденного. В ходе того боя полк потерял убитыми 10 своих офицеров и 150 солдат.

С остатками Вооруженных сил Юга России Гвардейский Кавалерийский полк был переброшен в Крым, влившись в ряды Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, пройдя дороги Крыма, Северной Таврии и Каховки в непрерывных боях против 1-й и 2-й конных армий большевиков.

Особо стоит отметить веху так называемого «Ак-Манайского сидения». Кадры почти всех гвардейских кавалерийских полков были собраны на небольшом участке фронта и начали там совместную боевую деятельность. Еще в апреле 1919 года после оставления Северной Таврии в Вооруженных силах Юга России на всех фронтах ощущался явный перелом в пользу белых. Их отступление наконец закончилось закреплением на позициях. Именно с этих позиций должно было начаться крупное наступление, назначенное на 9 июня 1919 года. Накануне из 55 кирасир Ее Величества корнетом Алексеем Алексеевичем Литвиновым был сформирован полуэскадрон согласно приказу из штаба Сводно-кирасирского полка. Сформированная из безлошадных кирасир новая боевая единица прибыла в окопы сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии под командованием барона Врангеля. По прибытии полуэскадрона в распоряжение дивизии он тотчас был откомандирован штабом на Арабатскую Стрелку для устройства совместно с моряками десанта в большевистском тылу. На полуострове тем временем шел бой между частями лейб-драгун и большевиками, под прикрытием которого кирасирский полуэскадрон должен был высадиться на побережье и далее действовать в зависимости от боевой обстановки. Кирасиры помогли

морякам перетащить три моторных катера по мелководью через Стрелку, что заняло у них порядочно времени. «Маленькие и легкие и изящные катера, каковыми они казались в волнах Азовского моря, оказались на земле чрезвычайно тяжелыми и громоздкими, и, перекатывая через Стрелку, имевшую в этом месте немного более полуверсты расстояния в ширину, мы промучились трое суток»[83], — вспоминал корнет Литвинов. — К концу третьего дня два катера находились уже в Сиваше, но артиллерийская стрельба слышна была уже к северу, и ясно было, что наша каторжная работа по перетаскиванию оказалась ни к чему...»[84], — с сожалением констатировал он. За это время Сводно-гвардейский корпус, разбив большевиков в целом, уже подходил к Джанкою. Зная, что силы лейб-драгун на исходе и число их уменьшается час от часу, Литвинов принял решение укрепить товарищей по гвардейскому корпусу силами своего немногочисленного полуэскадрона. Догнав лейб-драгунские обозы, кирасиры Ее Величества влились в их ряды, а сам Литвинов явился к командиру драгун полковнику Владимиру Петровичу Римскому-Корсакову. Командир так называемого «Арабатского отряда» Владимир Петрович искренне обрадовался неожиданному пополнению, ибо отряд лейб-драгун постоянно нес потери из-за небольших, но кровопролитных стычек с большевиками. Вскоре лейб-драгуны получили приказ выдвигаться на север для занятия оставленного красными городка Геническа, куда за ними последовали и кирасиры Ее Величества. Вместе гвардейские кавалеристы проделали путь длиной в 110 верст по Арабатской Стрелке, после чего и этот захолустный городок показался им райским местом... В состав Арабатского отряда полковника Римского-Корсакова, помимо лейб-драгун и кирасир, входили еще два парохода и три катера, а также передвижная радиостанция. «...За это время мы изловили несколько коммунистов, в том числе командира красного батальона и местного газетного сотрудника, писавшего в коммунистической газетке до нашего прибытия ругательные статьи по адресу проклятой Антанты и ее белогвардейских наемников. Всем этим господам была устроена основательная порка, а затем часть их была сдана в штаб на станцию Ново-Алексеевку, часть же выведена в расход, по правилам гражданской войны...»[85], — вспоминал в африканских кущах штабс-ротмистр Литвинов, служа в филиале одного из банков метрополии в Бельгийском Конго знойным июлем 1929 года. Кирасиры Ее Величества догнали свой полк в селении Большая

Лепетиха, стоявшем на Днепре, лишь к 26 июня, распрощавшись «с милейшими драгунами», хотя в последующие месяцы еще многократно встречались и воевали вместе, находясь в составе одной и той же бригады. После занятия белыми частями Бахмача судьба разделила эти два полка Гвардейской кавалерии. Лейб-драгуны отправились форсированным маршем на Батурин, а кирасиры Ее Величества — на Нежин, проведя в тяжелых боях с Красной армией весь сентябрь 1919 года.

15 сентября 1919 года, во время конной атаки кирасир на село Британы Черниговской губернии, погиб командир эскадрона кирасир штабс-ротмистр Федор Алексеевич Деконский, лицеист, окончивший Александровский лицей за четыре года до начала Великой войны. В октябре того же года кирасиры Ее Величества были брошены под Полтаву для борьбы с мелкими бандами местных «самостийных» атаманов. Вскоре к лейб-кирасирам присоединились их старые товарищи лейб-драгуны. Вместе эти два отряда продолжали борьбу с малороссийскими бандитами в составе отдельного взвода в количестве 120 сабель, перед которым ставились отдельные боевые задачи. Дивизионный адъютант штабс-ротмистр Георгий Алексеевич Полянский, хоть и не кончил курс в свое время в Московском университете, был всесторонне одаренным человеком и, вспоминая былые гвардейские досуги с их непременными дружескими эпиграммами, даже оставил шутливое стихотворное воспоминание о пребывании кирасир Ее Величества и лейб-драгун в Полтаве в 1919 году:

Иду к Пальшау я,
Там ждут меня друзья:
Бискупский и Кальницкий,
Противник большевицкий,
Глоба и граф Капнист —
В боях специалист.
Там с ними забываю
живительный покой:
Шампанского не пьют,
Задачи там дают
Разведкам и разъездам
По нескольким уездам,
И Петр Великий сам
Учиться мог бы там,
Как надо под Полтавой
Давать Полтавский бой!

27 ноября 1919 года после ряда непродолжительных боев Полтава была оставлена Гвардейской кавалерией, отправившейся на соединение со своей бригадой, начавшей отступление под сильным давлением большевистских сил. У гвардейцев не хватало офицеров, едва-едва набиралось по двое на эскадрон, включая самого командира эскадрона, и во главе офицерских разъездов часто посылался

подпрапорщик или даже унтер-офицер. Не хватало командиров для управления подчас инертными солдатскими массами, что приводило к тому, что, поддавшись красной пропаганде, некоторые батальоны, убив своего командира, переходили к большевикам. В конце ноября — начале декабря 1919 года кирасиры Его Величества и лейб-драгуны продолжали отступление, отходя на юго-восток и ведя беспрерывные арьергардные бои. Пока наконец 8 декабря 1919 года не соединились с сильно потрепанным в боях Сводно-кирасирским полком, потерявшим к тому времени 90 % своего личного состава в боях. В этом полку на момент вхождения в него кирасир и драгун оставалось всего 60 сабель под командованием бывшего лицеиста, а ныне кавалергардского штабс-ротмистра Александра Николаевича Шебеко. Беспрестанные столкновения с превосходящими силами красных привели к тому, что от нескольких эскадронов полка не осталось почти и следа. Единственный оставшийся эскадрон кирасир Его Величества был влит в эскадрон кавалергардов. Конно-гренадерским эскадроном, после того как его последний офицер был убит в атаке, стал командовать улан Его Величества поручик князь В.В. Волконский. Драгунского эскадрона не существовало, и часть драгун перешла в конногренадерский эскадрон. В день, когда в Сводно-кирасирский полк влились новые силы в лице кирасир Ее Величества и лейб-драгун, произошел кровопролитный бой у реки Орели, и Гвардейский полк снова потерял одну треть своего обновленного состава. В дальнейшем потери полка пополнялись за счет присылки добровольцев, мобилизации и направления пополнений из запасных эскадронов, но большие потери, превосходящие статистику потерь Гвардии в Великой войне, вновь требовали дополнительных сил.

Гвардейская кавалерия в боях и походах

До самого конца Гражданской войны, сведенная в один полк, вся Гвардейская кавалерия воевала вместе. В декабре 1919 года к уже имевшимся гвардейским эскадронам добавились лейб-гусары и уланы Ее Величества, воевавшие доселе в составе Сводно-горской дивизии Кавказской армии генерала Врангеля, где они понесли большие потери в личном составе. В январе 1920 года в полку появились и гродненские гусары, переведенные в него из Сводно-гусарского полка. Все вместе представители гвар-

дейских тяжелой и легкой кавалерии проделали трудный поход в Ростов-на-Дону. 2 декабря 1919 года Добровольческая армия оставила Ростов. В город устремились большевистские орды. При хаотичном и быстром отступлении добровольческих частей на правом берегу Дона, у армянского села Мокрый Чалтырь, оказался отрезанным корпус генерала Ивана Гавриловича Барбовича, куда входила и Гвардейская кавалерия. Пришлось переправляться через Дон, по которому еще недавно прошел ледокол. Отбиваясь от наседающего врага, белая кавалерия с трудом перешла на левый берег реки, перетащив с собой свою артиллерию, обозы и пулеметы. Очевидец пишет: «Вернувшиеся разъезды... (пропал и потом, как выяснилось, погиб разъезд от улан Его Величества с корнетом Некрасовым) донесли, что город уже в руках красных, а мост через Дон взорван. Как бы в подтверждение этого мы были обстреляны из уже видимого Ростова, сзади появилась неприятельская конница. В довершение картины выяснилось, что накануне по реке прошел ледокол, так что Дон на ширину 2—3 сажен покрыт лишь слабой коркой льда. Положение незавидное. Около полудня бригада генерала Барбовича начала медленно переправляться через Дон, а наш эскадрон и эскадрон кирасир Ее Величества заняли позицию северо-западнее станицы Гниловской. Почти до темноты вели упорный бой, действуя больше огнем и изредка, "обозначая атаки", рассыпались в лаву. Совсем близко от нас огнем большевистской артиллерии были подожжены стоявшие на железнодорожных путях составы со снарядами и патронами, с грохотом и треском все это стало взрываться, обдавая нас осколками, а эскадрон за эскадроном все переправлялся через Дон. (Лед, к счастью, выдержал, но переходили, конечно, со всеми предосторожностями.) Наш эскадрон переправился последним и до конца поддерживал огонь... Благодаря сумеркам противник нас не преследовал...»[86] Вскоре из-за необычайно густого тумана, окутавшего Придонский край с конца декабря 1919 года, военные действия прекратились сами по себе. Это дало Гвардейской кавалерии небольшую передышку, для того чтобы привести в порядок растерзанные части, получить пополнение и отдохнуть. В течение всего января 1920 года гвардейские конные эскадроны уже не выходили из боев, и неизменно каждый бой оканчивался разгромом всегда количественно превосходящих сил большевиков. Дружным наступлением 8 февраля 1920 года Добровольческой армией снова был взят Ростов.

Участие эскадронов Сводно-гвардейского полка во взятии Ростова

В ходе этого наступления свою роль довелось сыграть и Сводно-гвардейскому полку. Пока корниловцы вели перестрелку у Темерника, кавалерия была направлена в обход фланга противника, выйдя в большевистский тыл. Пройдя рысью по замерзшему полю, гвардейцы дошли до окраины Темерника и, резко развернувшись вправо, обрушились на большевистскую пехоту. По гвардейским кавалеристам был открыт ураганный огонь. Скошенные беглым огнем, упали с лошадей кирасир Ее Величества штабс-ротмистр Глеб Николаевич Одинцов, кирасиры Его Величества штабс-ротмистр Евгений Николаевич Оношкевич-Яцына и корнет Николай Иванович Максимов. В воспоминаниях кирасир сохранилось немало деталей о «набеге на Ростов»: «...Ночь холодная, 25 градусов, завывает ветер, и пурга неистовая. Идем всю ночь, ведя лошадей в поводу, через замерзшие разливы Дона. Не видно ни зги. Впереди идут цепи Корниловского полка, задача которого захватить с налета станицу Гниловскую, а наша задача — развить успех, если таковой будет. За нами идут взвод конной артиллерии Фитингофа-Шелль, за ним колонна Марковского полка. Начинает светать, ветер упал, и держится низкий туман, сквозь который обрисовывается Ростов. Останавливаемся по взводной колонне на льду, и одна мысль — неужели большевики нас не видят? Вдруг впереди застучал пулемет и почти мгновенно замолк. Потом узнали, что корниловцы захватили заставы большевиков сонными и перекололи комиссаров в поездах. Сели по коням и, несмотря на лед, на рысях двинулись к Гниловской, скорее бы скрыться из виду Ростова... Кончились все прикрытия, впереди чистое поле — и мы на рысях идем на север, в 3-х верстах вдоль западной окраины Ростова. Большевики заметили нашу колонну и открывают частый огонь справа... а мы продолжаем идти фланговым маршем по мерзлой пашне, по которой с воем рикошетируют пули... Большевики все ближе и ближе: уже видны лица, видно, как стреляют, как тащат какой-то ящик. Момент был патетический: кто первый не выдержит? Мы были в 200 шагах, когда их нервы не выдержали, и они начали бросать винтовки или втыкать их штыками в снег. Рубить не пришлось: перед нами — менее 100 всадников, когда мы дошли до цели, — стояло 800 пленных пехотинцев, с ужасом взиравших на победителей. Их моментально свернули

в колонну, дали взвод лейб-драгун как конвоиров и отправили в Гниловскую»[87]. Лейб-эскадроны тем временем вошли в Темерник и остались в нем на ночь в ожидании дальнейших распоряжений. Большевистская власть в Ростове провела мобилизацию в отряды «красной гвардии» рабочих и обывателей, способных держать в руках оружие, однако массированного контрнаступления со стороны красногвардейцев не последовало. 8 февраля 1920 года Сводно-гвардейский полк вышел на окраину Ростова. «Вошли в Ростов под овации толпы. Нам выносили пироги, папиросы, зазывали в дома. Встали на квартиры в центре города... Ночью приказано было Ростов покинуть и отойти на левый берег Дона. За эту операцию захвачено было 5 бронепоездов, весь гарнизон Ростова, и путь на север казался свободным»[88], — вспоминает очевидец. Однако боевая обстановка на фронтах стремительно менялась не в пользу белых. 1-я Конная армия С.М. Буденного переправилась в Новочеркасске через Дон и вышла в тыл Добровольческой армии. Добровольческую конницу затребовали для поддержки и воодушевления казаков, ибо разложение кубанцев дало возможность большевикам беспрепятственно продвигаться вперед, тем самым предрешая падение Кавказа. Необходимо было восстанавливать пошатнувшийся фронт, и вся белая кавалерия была брошена для решения этой задачи. Через день вся конница растворилась в снежном тумане Сальских степей, уходя в свой новый поход.

Эпизод гибели корпуса генерала Павлова в столкновении с буденновцами

17 февраля 1920 года конная группа генерал-лейтенанта Александра Александровича Павлова столкнулась в кровопролитном встречном бою с конницей Буденного. Навстречу летящим с шашками наперевес красным кавалеристам Павлов направил бригаду Ивана Гавриловича Барбовича, в первой линии которой на красных неслись Сводно-гвардейский и 3-й Сводно-кавалерийский полки. Конные лавы столкнулись, перемешались, и закипел бой, начавшийся в 2 ч дня и продолжавшийся до наступления ранних зимних сумерек. «Завязывается беспощадная рукопашная схватка, во время которой свежие дивизии красных оттесняют наши поредевшие полки, добивая раненых и спешенных всадников»[89], — рисует кар-

тину боя его участник. В бою Гвардейская кавалерия потеряла свыше половины своего состава, а из эскадрона кирасир Его Величества не осталось в живых ни одного участника сражения. Генерал Барбович, исчерпав все резервы, собрал несколько пулеметных повозок и, лично руководя пулеметным огнем, наконец остановил лавину красной кавалерии. Построившись, белые полки снова бросаются в контратаку. Упорство красных было сломлено, и поле битвы осталось за Гвардейской кавалерией. Из 20 действующих офицеров полка в том бою была убита половина. Ротмистр кирасир Его Величества князь Черкасский доносил командиру дивизиона о гибели офицеров: «Ротмистр Кучин I, командовавший эскадроном, был убит пулей в голову и, схватившись рукой за голову, замертво упал с лошади. Поручик князь Черкасский гнался за пулеметной тачанкой красных, но догнать ее ему не удалось, после чего он бросился на батарею красных. Совсем уже ее достигнув, под ним была убита лошадь, после чего он продолжал наступление в пешем строю. В последний раз его видели перезаряжающим свой браунинг, после чего на него накинулась группа красных. К нему на помощь устремился унтер-офицер Михальский, после чего ни того, ни другого никто не видел. Не подлежит, увы, никакому сомнению, что они тут же были убиты...»[90]

Возле станицы Средний Егорлык погибли ротмистр Лейб-гвардии Гусарского полка князь Святополк-Мирский, ротмистр Конно-гренадерского полка Сергей Сергеевич Хитрово, поручик Дмитрий Михайлович Буйнов, кирасир Его Величества, корнет князь Николай Иванович Енгалычев, лейб-гвардии драгун граф Гейден, конногвардеец Штранге и сын депутата Государственной думы, конногренадер Вадим Владимирович Пуришкевич. В этом бою был убит и прикомандированный поручик Воронцов. Прошедшее кавалерийское сражение предрешило участь обороны Кавказа. Лучшие полки белых были уничтожены, и остатки армии вынужденно отходили под ударами Красной армии на Новороссийск. Поражение белых стало не случайностью и не счастливым билетом наскоро собранного в отряды люмпен-пролетариата, взявшегося за оружие. По некоторым данным, в Красной армии в то время служило уже 50 тысяч генералов и офицеров Императорской армии, в том числе почти 15 тысяч бывших чинов Добровольческой и Донской армий, а также командиры грузинских, армянских и азербайджанских национальных войск, ре-

патрианты. Несмотря на «контрреволюционное прошлое», многие из белых офицеров продолжали службу в РККА наравне с военспецами, прошедшими с большевиками всю Гражданскую войну.

Отступление Гвардейской кавалерии в Крым

В Крыму Гвардейской кавалерии удалось соединиться со своими обозами и лазаретами. Полковник Лейб-гвардии Драгунского полка Михаил Евграфович Ковалевский возглавил сводный Гвардейский эскадрон в Крыму, состоявший главным образом из чинов Лейб-гвардии Драгунского полка, расположившийся на Перекопе, однако словно рок витал над лейб-драгунами, почти полностью погибшими в схватке с красными частями в ночь со 2 на 3 апреля 1920 года. В ходе ночного боя у хутора Филатова, неподалеку от Армянска, четыре офицера эскадрона были убиты, в том числе кирасир Его Величества полковник маркиз Георгий Федорович делли Альбицци, лейб-драгун штабс-ротмистр граф Андрей Львович Толстой, внук Льва Толстого, конно-гренадерский поручик Петр Костин и кирасир Его Величества корнет Александр Александрович Литвинов 1-й. Вместе с полковником делли Альбицци, корнет Литвинов 1-й был похоронен однополчанами в Феодосии. Пытавшиеся прорвать Перекопские линии большевики были не только остановлены, но и разбиты.

15 апреля 1920 года чинам Сводно-гвардейского полка, входившего в 1-ю кавалерийскую дивизию генерала Барбовича, был зачитан указ о назначении новым Главнокомандующим барона Петра Николаевича Врангеля. Новый главнокомандующий лично произвел смотр 1-й кавалерийской дивизии и в обращении к гвардейцам сказал, что «им будет утверждено восемь номерных и один Гвардейский полк регулярной конницы», однако существования ячеек «самостоятельных» старых полков с приданными им хозяйственными ячейками и отдельными тылами Главнокомандующий не допустит. Это не самое радостное известие не было новостью для чинов Гвардии. Ведь еще в рядах Добровольческой армии, а впоследствии и Вооруженных силах Юга России в известной кастовой закрытости боевых гвардейских единиц многие либералы белой армии усматривали столь пугавшую их всегда тень приверженности монархизму. Именно эта стойкая приверженность русской аристократии монархической идее своим существованием отрицала

идею демократическую, к которой, не особенно задумываясь над ее демагогическим содержанием, тяготела большая часть белого офицерства. Видя недовольства либеральной части Русской армии, новый Главнокомандующий не мог не учитывать это в ходе ее переустройства. Впрочем, в решимости и уверенности нового вождя в будущем Русской армии чины Гвардии видели залог будущих успехов армии в целом.

Гвардия в боях на Сиваше

Вскоре 1-я кавалерийская дивизия, куда входил и Гвардейский полк, получила приказ взять под охрану безводную и малолюдную пустыню — район Сивашей. Условия размещения кавалерии в небольших деревнях сивашских пустыней были далеки от совершенства. «...немногим кирасирам удалось разместиться под навесом, большинству же пришлось искать защиты от непогоды, устроив себе убежища в соломе, и только часть офицеров нашла себе приют в небольшом сарайчике. Несмотря на полное отсутствие помещений, при часто дождливой погоде, скудности и трудности доставания воды, которую пришлось привозить издалека в единственной имевшейся... бочке и отсутствие деревенских продуктов, как молоко и яйца, лейб-эскадрон, продолжавший вести... свой обычный образ жизни с занятиями и перекличками, сохранил об этой деревушке, прекрасное воспоминание»[91], — вспоминали впоследствии кирасиры Его Величества. Кирасиры Его Величества, чередуясь с кавалергардами и конногвардейцами, занимали двумя заставами и тремя полевыми караулами побережье Литовского полуострова и правый отдельный полуостровок с лежащим впереди него островом Чурюк-Тюб. Во время своей стоянки в резерве в Большой Магазинке произошло окончательное переформирование Гвардейского полка. Был назначен никому неизвестный в Гвардейской кавалерии новый командир — Генерального штаба полковник Сергей Николаевич Ряснинский. Его предшественник Михаил Евграфович Ковалевский стал одновременно командиром и 7-го кавалерийского полка, в то время как старый командир Сводно-кирасирского полка, куда входили эскадроны Гвардейской кавалерии, полковник-кавалергард Дмитрий Владимирович Коссиковский остался со своим полком.

В Гвардейский кавалерийский полк вошло 8 эскадронов: 1-й кавалергарды, 2-й конногвардейцы, 3-й кирасиры Его Величества, 4-й кирасиры Ее Величества, 5-й конно-гренадеры, 6-й уланы Его Величества, 7-й Сводный. В этот же

эскадрон вошли уланы Ее Величества, гродненские гусары и 8-й Лейб-драгунский. Таким образом, была сведена окончательно в один полк вся возродившаяся после 1917 года Гвардейская конница. И именно в таком составе полк Гвардейской конницы двинулся на Сиваши, где эскадроны заступили на боевое дежурство. В июне 1920 года эскадрон кирасир Его Величества присоединился к полку, несшему охрану Днепра в районе Малой Каховки, в то время как направлявшийся в резерв 1-й кавалерийский полк занимал Большую Каховку.

Трудности удержания участка вдоль Малой Каховки были немалые. Единственная проходимая полоса между берегами Днепра и болотами была очень узкой и полностью открытой для огня противника. Если бы большевикам вздумалось переправиться и отрезать этот путь отхода гвардейских застав назад, они обрекли многие десятки людей на легкое истребление и неминуемую гибель.

Бои Гвардейской кавалерии при Малой и Большой Каховке

Высадившиеся красные латышские полки, в количестве полутора тысяч человек, заставили 1-й кавалерийский полк после перестрелки с ними отойти на Малую Каховку. Успех окрылил большевиков, а на гребне первых побед ими были взяты две немецкие колонии и захвачен Корсунский монастырь. Силами всех эскадронов Гвардейский полк перешел в наступление на латышских стрелков. Из них 3 гвардейских эскадрона наступали в пешем строю, сбили цепи противника и обратили латышей в бегство, преследуя их до самого Днепра. Были взяты первые пленные из тех, кто не успел добежать до воды или не утонул в днепровских волнах, пытаясь на лодках уйти от преследовавших их гвардейцев. Большевики, теснимые гвардейцами, постепенно оставили обе захваченные ранее колонии, но попытались зацепиться за монастырь. Затем они предприняли еще одну попытку переправы у Малой Каховки, оказавшейся успешной, и захватили ее. Вскоре в штаб полка пришли донесения о вторжении и занятии большевиками Большой Каховки, откуда они продолжили свое движение в направлении хутора Терны. Вовремя подоспевшие марковцы выбили большевиков из Большой Каховки, захватив при этом несколько сотен пленных, в то время как остатки 1-го кавалерийского полка вели бой в районе Малой

Каховки. К гвардейским кавалеристам присоединились и некоторые пешие гвардейские эскадроны. На короткое время гвардейцам удалось отойти к близлежащим хуторам для краткого отдыха и подкрепления, но уже через два часа их командир полковник граф Иван Дмитриевич Толстой получил приказ вести дивизион на хутор Терны. Тем временем своим контрнаступлением большевики выбили марковцев из Большой Каховки, и Иван Гаврилович Барбович решил восстановить утраченное положение конной атакой. Силами эскадронов кирасир Его и Ее Величества граф Толстой провел блестящую конную атаку, в ходе которой были захвачены 3 неприятельских тяжелых пулемета и около 100 большевиков во главе с командиром их батальона. Оставив нескольких командиров рот и комиссаров убитыми на поле боя, большевики спешно начали отход к Малой Каховке, откуда снова перешли в наступление под прикрытием артиллерии. Марковцы, на помощь которых так надеялись гвардейцы, задерживались, и положение становилось все более тяжелым. Сил для обороны Малой Каховки не хватало, и полковником графом Толстым была дана команда на отход. Кирасиры оставляли позиции и, гоня перед собой пленных, взятых в боях ранее, покинули переходящую из рук в руки местность. На всякий случай при отходе кирасирами был предпринят маневр, позволивший бы им отразить атаку большевиков, если те устремились бы атаковать штаб дивизии, остановившись между Каховкой и Тернами, но сила большевистского наступления уже выдохлась. 19 июня 1920 года атака на Большую Каховку завершилась занятием ее после непродолжительного сопротивления красных. В плену снова оказалось до сотни большевиков, и целых пять пулеметов системы Максим.

Увлекшийся преследованием убегавших большевиков корнет Михаил Арсеньевич Сташевский, бывший ученик столичного училища правоведения, не окончивший курса, чтобы вступить в Добровольческую армию и сражаться против большевизма, в пылу погони не обратил внимания на то, что погоня за удиравшим противником незаметно увлекла его в большевистский тыл. Обнаружив в своем расположении одинокого белогвардейского кавалериста, большевики открыли по нему беглый огонь. Лошадь корнета оказалась тяжело раненной, а сам молодой офицер, выбравшись из-под упавшего коня, бросился в ближайшие виноградники, где красные потеряли его след. Проблуждав по ним около двух часов, Ста-

шевский вышел на открытую местность и, нагнав наступающие цепи красных, хладнокровно прошел сквозь них и устремился к своим. Раздавшиеся вслед ему выстрелы, к счастью для корнета, не принесли никакого вреда. Георгиевский кавалер Михаил Арсеньевич Сташевский погиб четыре месяца спустя, 27 октября 1920 года, под Карповой балкой на Литовском полуострове.

Тем временем Каховка неоднократно переходила из рук в руки. Гвардейская конница с переменно поддерживавшими ее марковцами продолжала атаковать ее, выбивать противника и снова отходить под давлением превосходящих сил.

Гвардейский полк в боях у Большого Токмака

К 1 июля 1920 года Гвардейский полк был сменен частями генерал-лейтенанта Я.А. Слащова и отправлен в резерв Главнокомандующего для отдыха и пополнения. Но, не отдохнув и двух суток, снова был брошен в район Большого Токмака, где происходило сосредоточение белой кавалерии для борьбы с появившейся в этих местах 2-й Конной армией красных. Июль 1920 года выдался самым горячим по количеству боевых столкновений Гвардейской кавалерии с противником. С середины июля гвардейцы столкнулись в бою с 1-м большевистским интернациональным полком в деревне Щербаковке, где гвардейцами были опрокинуты цепи революционных венгров, из которых 50 было уничтожено в ходе атаки и более трех десятков предпочло сдаться на милость победителя.

16 июля Гвардейский полк был отправлен на Малую Токмачку, где, проскочив железнодорожное полотно между двумя бешено палящими из своих башенных орудий красными бронепоездами, атаковал деревню в конном строю и захватил большевистский обоз и пленных.

18 июля при выходе из Малой Токмачки полк наткнулся на 3 бронеавтомобиля красных и бригаду кавалеристов и немедленно атаковал ее в конном строю в наступивших сумерках южной ночи. Не ожидая развязки ночной атаки гвардейцев, большевики разбежались. Три недели упорных боев с отборными силами интернациональных полков измотали силы Гвардейского полка, и 24 июля ему разрешили покинуть район Токмака, чтобы снова восстановить положение на Каховском фронте. Там вновь переправившиеся через Днепр большевики превосходящими как всегда силами вынудили генерала Слащова оставить линию обороны Каховки. 30 июля 1920 года на рассвете

началось общее комбинированное наступление на занятый красными Каховский плацдарм. Части генерала Слащова, уже отступившие на рубеж деревни Чаплинки, должны были перейти в наступление по Каховскому шоссе, а конница силами корпусов генералов Барбовича и Морозова с его кубанцами должна была ударить в тыл и по флангам большевиков. Тем самым отрезая пути к отступлению большевистской Южной группы к укрепленному ими Каховскому плацдарму. Головным кавалерийским полком шел Гвардейский, имея в своем авангарде кирасир Его Величества. Быстрый отход большевистских сил спас их от окружения. Гвардейский полк, а за ним и вся дивизия получили приказ повернуть в юго-западном направлении и атаковать немногие хутора, где красные латыши пытались переждать наступление белых и затем ударить им в тыл. В ходе кавалерийской атаки все латыши были зарублены, но и Гвардейский полк понес тяжелые потери, среди которых оказался тяжелораненый полковник кирасир Его Величества граф Толстой.

Гвардейский полк продолжил теснить отходящие части красных к Днепру. Оттуда с артиллерийских позиций большевики огрызались беспрерывным и часто нерезультативным огнем. В передовую лаву гвардейских эскадронов неожиданно прибыл на автомобиле и под охраной двух мотоциклистов с пулеметами системы Льюис сам Иван Гаврилович Барбович. Ознакомившись с обстановкой, он уехал, пообещав прислать дивизию в помощь, а тем временем, пристрелявшись, большевики открыли ураганный артиллерийский огонь по конной лаве, состоявшей из кирасир и кавалергардов. Начались потери, но вовремя подошедшие 2-й и 4-й полки кавалерийской дивизии позволили Гвардейскому полку атаковать большевистские позиции и захватить 1000 пленных и почти все орудия, еще недавно столь досаждавшие гвардейцам.

Борьба за Каховский плацдарм

К утру 31 июля 1920 года большевики по всему фронту оказались отброшенными за Днепр. Исключение составлял плацдарм в 4—5 верст глубиной на участке Большая Каховка — деревня Ключевая, который они упорно не желали сдавать. 2 августа 1920 года конногвардейцы стремительно атаковали этот участок обороны красных, выбив их из некоторых окраинных дворов деревни Ключевой. Успех конногвардейцев закрепляют

уланы Его Величества, в цепях занимающие виноградники, прилегающие к Ключевой. Командир эскадрона кирасир Его Величества князь Черкасский перешел с кирасирами в наступление для выравнивания общей линии наступления, проведя весь день под палящими лучами солнца и непрекращающимся ружейным и пулеметным огнем большевиков, без единой капли воды и передышек. Сбив темп наступления конно-гренадер и обойдя кирасир Его Величества, большевики вынудили командующего этим боевым участком полковника, Лейб-гвардии улана Его Величества Николая Михайловича Алексеева отдать приказ об отступлении. Все атаки кавалерии и пехоты Русской армии Каховского плацдарма постоянно разбивались об упорное сопротивление красных, и, наблюдая общую картину, командование армии приняло решение об отступлении по всему фронту Каховского плацдарма. К вечеру 2 августа 1920 года понесшие огромные потери эскадроны кирасир Его и Ее Величества решено было объединить. Эти «...эскадроны... были временно сведены в один эскадрон под общей командой полковника Гончаренко»[92]. Весь август и сентябрь 1920 года Гвардейский полк вел бои местного значения, атакуя большевиков конными лавами, подавляя их пехоту огнем своих двух десятков пулеметов, неся большие потери. Несмотря на очевидное численное преимущество большевиков, многие атаки Гвардейской кавалерии на их позиции заканчивались взятием в плен не одного десятка красноармейцев, рассеиванием и бегством других. Силы большевиков, несмотря на частые поражения в Северной Таврии, не уменьшались. «Тяжелыми боями с 25 июля по 2 августа противник как перешедший через Днепр, так и атаковавший 1-й Армейский корпус был при содействии Донских дивизий и конницы генерала Барбовича отброшен. Однако на этот раз Каховский плацдарм, сильно укрепленный противником, обратно взять не удалось, что создало постоянную угрозу левому флангу генерала Врангеля, притом в направлении, ведшем к кратчайшему пути на Перекопский перешеек и потому особо важному для Русской армии. Кроме того, Армия в последних тяжелых боях понесла большие потери, особенно в своем командном составе»[93], — вспоминал позже генерал Лейб-гвардии Казачьего полка Илья Николаевич Оприц. Эти потери было нужно пополнять тем более, потому что большевики стали быстро усиливать свой Крымский фронт, перебрасывая все новые дивизии из Восточной Сибири, Кавказа и других подвластных им районов страны. Командованию Русской армии ста-

новилось все более очевидным, что возможности полуострова Крым, в сравнении с ресурсами России, остающейся под большевистским игом, несопоставимо малы. Защитникам Крыма необходимо было искать источники снабжения полуострова за его пределами, расширяя свою базу за счет казачьих областей, где против большевиков то и дело вспыхивали восстания и создавались разнообразные по численности партизанские отряды. На 16 августа 1920 года в Гвардейском полку насчитывалось всего 56 шашек, из которых 17 — кирасиры Его Величества. Иван Гаврилович Барбович хотел было уже переместить отдельным эскадроном Гвардейский полк в 1-й кавалерийский полк, ибо рассчитывать, что ряды гвардейцев скоро пополнятся, было нельзя, а следовательно, гвардейская боевая единица оказалась перед угрозой полного рассеивания в рядах кавалерийского полка. Вспоминал очевидец событий: «Настроение подавленное. Мрачно движемся по пятам отступающего неприятеля по бесконечным улицам Серогоз. Впереди пешие дозоры осматривают дворы. Вдруг кирасиры докладывают о приближающемся броневике... Немедля дали знать Гвардейской конной артиллерии, и нам на помощь прискакало орудие, которое укрыли у перекрестка. Приказано до команды не стрелять. Вскоре напряженный слух всех нас, находившихся в засаде, различил шум мотора, и, как только броневик оказался на линии прицела, орудие открыло огонь, сразу же дав попадания. Броневик беспомощно остановился посреди улицы, и мы с криком «ура!» бросились в пешую атаку. Однако команда броневика в большинстве успела сесть на коней сопровождавших его всадников и скрыться за избами. Броневик достался нам как трофей. Это счастливое обстоятельство послужило тому, что Гвардейский полк был оставлен как боевая единица и по очищении Серогоз занял сторожевое охранение. Сразу поднялось настроение у кирасир, и песенники Лейб-эскадрона, с известным на всю дивизию запевалой унтер-офицером Чумаковым весело заливались, вливая бодрость и в другие эскадроны»[94].

Попытки стабилизировать фронт

Отдельные победы в местных боях не могли оказать существенного влияния на постепенный перелом в пользу большевиков. Крайне тяжелая переправа через Днепр, именуемая еще Заднепровской операцией, стоила множества усилий, жертв и доблести, унеся треть личного состава пополнившегося

Гвардейского полка. Попытки командования Русской армии высадить десанты полковника Назарова и генерала Улагая успеха не принесли, «...чему причин было много, из коих главнейшей была ограниченность в средствах, не позволявшая довести силу десантов до нужной для успеха величины. Десант полковника Назарова погиб на Дону, десант генерала Улагая 17 августа вернулся в Крым»[95], — отмечал в своих очерках генерал И.Н. Оприц.

Переформирование Гвардейского полка и последние бои

После неудачной Заднепровской операции в селе Серогозы происходило очередное переформирование Гвардейского полка. Кирасиры Его Величества и кавалергарды были дополнены кирасирами Ее Величества. Дивизионом в составе кавалергардов и кирасир Его Величества стал командовать полковник Сергей Леонидович Сафонов. Новым командиром полка стал улан Его Величества полковник Дмитрий Алексеевич Ковалинский, погибший вскоре в бою с большевиками у села Рождественского. 17 октября при выходе из села Серогозы у села Агайманы разведывательные разъезды кавалергардов обнаружили, что село занято крупными кавалерийскими соединениями красных, скорее всего конным корпусом. Назревало сражение. Очевидец событий писал: «Идут разговоры о 2-й Егорлыкской... Полк останавливается и строит резервную колонну. За отсутствием кавалергардов в полку остается 3 эскадрона и пулеметная команда. Из штаба корпуса прибывают ординарцы с приказаниями. Состояние напряженное. Полки садятся и с ходу перестраиваются в линию колонн... Из деревни на рыси выходит противник во взводной колонне и строит фронт... Уже можно определить эскадронов до 10-ти, и в улицах, ведущих к окраине деревни, видны еще надвигающиеся колонны. Наш полк строит фронт. Полковник Ковалинский останавливает полк и вызывает вперед все пулеметы, которые открывают сильный огонь, но противник продолжает двигаться. Видно уже, как он обнажает холодное оружие... Переходим в рысь, подается команда: «Шашки вон, пики к бою!» ...так на рыси мы подходили к приближающемуся к нам противнику. В момент перехода в галоп, под сильным огнем пулеметов, произошло для нас неожиданное: противник повернул повзводно налево и на галопе стал уходить вдоль нашего фронта. Прибавив аллюр, полк стал его преследовать»[96]. Фронтального столкновения двух конниц так и не произошло. В известной степени это спасло Гвардейский полк от

полного истребления, ибо соотношение сил было неравным, а в последний месяц борьбы разрыв в количественном превосходстве красных над Русской армией достиг своего пика. Миллионная армия подготовленных и обучаемых бывшими офицерами Императорской армии солдат и командиров, подчиненная интернационалу, сосредоточившемуся в Петрограде и Москве, продолжала давить своей массой откатывающиеся перед ней русские части, стоявшие насмерть за последний оплот русской жизни на крымских берегах. Те немногие Гвардейские эскадроны, артиллерийские дивизионы и роты, что таяли в боях буквально на глазах, разделили судьбу всей Русской армии, демонстрируя неприятелю свое презрение к смерти в веру в победу русского духа. Их кратковременные успехи, неустрашимость и пример, невольным свидетелем которых становился неприятель, уже не могли повлиять на исход войны, и гвардейцы продолжали исполнять свой долг, единожды присягнув на верность своему Императору и Отечеству.

В обстановке нехватки вооружений на передовой лейб-гвардейцы порой творили чудеса изобретательности. Одним из примеров того может служить бой чинов 1-го взвода Гвардейской Донской батареи есаула Зубова. «Лейб-казаки захватили одно орудие, прислуга которого была выбита удачной стрельбой Гвардейской батареи, — говорил комбриг генерал Фарафонов, — казаки сами из захваченного орудия открыли немедленно огонь по отступающим группам. Так как панорама и курок были сняты, то казаки на место курка просовывали шомпол от винтовки и, ударяя по нем, разбивали капсюль. Эта картина и самих стрелявших и окружавших приводила в восторг... 3 октября дивизия перешла в Николаевку, а 4-го Лейб-Казачий полк был переведен в Софиевку, где праздновал свой полковой праздник»[97].

Это краткое замечание мемуариста о полковом празднике, происходящем в обстановке, когда дни Русской армии в Крыму были почти сочтены, не может не вызывать уважения к стойкости духа гвардейцев. К своему полковому празднику лейб-казаки подготовились заранее. Намечалось прибытие командира полка, полковника Константина Ростиславовича Поздеева, который должен был привезти с собой хранившийся в Лейб-Казачьем взводе конвоя Главнокомандующего родной полковой штандарт и команду трубачей, вино и припасы для праздничного обеда. Вместе с командиром намечался приезд в полк поправлявшихся офицеров и казаков Лейб-гвардии Казачьего полка. Одна-

ко из-за неожиданного демарша 5-й советской дивизии, вышедшей в тыл Русской армии под Большой Токмак, празднование было омрачено слухами о том, что большевиками был захвачен прибывший на фронт атаман А.П. Богаевский. Возникло опасение, что и полковник Поздеев с полковым штандартом могли также оказаться захваченными в плен. На помощь обозу, в котором, предположительно, мог находиться командир полка и штандарт, был выслан усиленный казачий разъезд под командой войскового старшины Рыковского, но позже выяснилось, что полковник Поздеев выгрузился ранее из поезда атамана Богаевского, однако не без приключений добрался до села Вознесенского к самому началу полкового праздника. Присутствовавший на нем атаман Африкан Петрович Богаевский зачитал приказ о зачислении генерала Врангеля, в знак признательности Донского войска, в списки Лейб-гвардии Казачьего полка. Днями позже дивизион лейб-казаков и дивизион атаманцев с 2 орудиями Донской гвардейской батареи и двумя пулеметными командами под общим командованием генерала Фарафонова выдвинулись в направлении реки Мокрая, протекавшей неподалеку от Азовского моря. Успешным набегом, сделанным на колонии с громкими названиями Ялта и Гурзуф, лейб-казакам удалось захватить 20 пленных, пополнив свои арсеналы 2 пулеметами, а также взяв 6 лошадей и никогда не лишние повозки. Вернувшись с добычей в Софиевку, лейб-казаки получили приказ о сокращении фронта и выступлении 1-й Донской дивизии в западном направлении для борьбы с быстро усиливающимся противником. Полосе удач талантливого Главнокомандующего генерала Врангеля приходил конец... «1 октября, — говорит генерал Врангель, — я предложил ближайшим своим помощникам, генералу Шатилову и генералу Кутепову, вопрос — принимать ли нам бой впереди Крымского дефиле, или, очистив Северную Таврию, отойти за перешейки... Мы пришли к единодушному решению — бой в Северной Таврии принять. Это была последняя ставка: всякое другое решение предопределяло бы неизбежный конец»[98].

Крах обороны Крыма и отход к морю

15 октября 1920 года красные перешли в решительное наступление всеми своими силами. Главный удар был нанесен ими с запада, от Каховского плацдарма, силами 6-й советской армии, усиленной только что прибыв-

шей с фронта 1-й Конной армией Буденного. Обе эти армии атаковали корпус генерала В.К. Витковского, стремясь прорваться по кратчайшему пути на юг, к Перекопу, с тем чтобы отрезать остальные корпуса генерала Врангеля от возможности отхода назад, в Крым. Вся тяжесть боев с превосходящими силами противника усугубилась небывалыми в Таврии морозами, когда столбик термометра понижался до отметки –20 градусов по Цельсию. Солдаты и офицеры Русской армии, не получившие вовремя теплой одежды, замерзали, и к боевым потерям прибавились потери пострадавших от обморожения.

16 октября 1920 года, под воздействием двух вышеописанных факторов, 2-й корпус Русской армии начал свой отход на Перекоп. 1-я Конная армия Буденного, обтекая правый фланг 2-го корпуса, устремилась в направлении деревни Сальково, намереваясь зайти ему в тыл. Генералом Врангелем было отдано распоряжение генералу Кутепову об оставлении района Серагоз и спешной отправке войск на Сальково, чтобы прижать прорвавшуюся конницу большевиков к Сивашу. Генерал Ф.Ф. Абрамов направил 7-ю пехотную дивизию в содействии с 3-й Донской дивизией генерала Гусельщикова в район Ново-Алексеевск — Сальково — Геническ и тем самым прижала большевиков к Сивашу. Конница Буденного стала пытаться уйти, что и случилось, ибо войска Кутепова слабо противодействовали попыткам буденновцев вырваться, «...потрясенные жестокими испытаниями войска дрались вяло... Главная масса красной конницы почти беспрепятственно успела проскочить перед фронтом конницы Кутепова»[99]. И все же главная цель операции была достигнута, ибо выход в Крым оказался снова открытым.

С 18 по 20 октября 1920 года по всему фронту продолжались тяжелые бои. Части генерала Абрамова стали втягиваться в Сальковское дефиле, выходя на Чонгарский полуостров, за ними проследовали части генерала Кутепова. 26 октября 1920 года Гвардейский полк был вызван по тревоге. Шли целый день, ночевали в снегу, выйдя к утру 27 октября 1920 года к Карповой балке. Оказалось, что окопы линии укрепления в Карповой балке уже заняты большевиками, ибо ранее занимавшие их части Дроздовской дивизии, открыв фронт, перешли к красным. В атаку на окопы были брошены пешие казачьи части генерала Фостикова при поддержке Гвардейского кавалерийского полка в конном строю, но атака не удалась из-за сильного ружейного и пулеметного огня противника. В атаке на

окопы был ранен командир полка полковник Дмитрий Семенович Мартыновский, что спасло ему жизнь и позволило дожить до глубокой старости, почив в 1961 году в эмиграции во Франции. Полк немедленно принял под свое командование кавалергард подполковник Георгий Георгиевич Раух. Корнет Сташевский взял на себя обязанности полкового адъютанта. Несмотря на понесенные большие потери, полк вновь был брошен во вторую конную атаку. В ней был ранен поручик Максимов и убит 19-летний корнет Сергей Богданович Богдасаров. Лишь после третьей атаки на большевистские окопы остатками полка поставленная задача была наконец выполнена. Выбитые из окопов большевики продолжают вести прицельный огонь по доскакавшим до линий их недавней обороны гвардейским всадникам. Уже на линии проволочных заграждений большевистские пули оборвали жизни корнетов Сташевского и Кайгериста. Там же получил ранение и командующий полком Георгий Георгиевич Раух. Красные перебросили по льду Сиваша в тыл укреплений Русской армии на Перекопском валу две свежие пехотные и одну кавалерийскую дивизии. Обход большевиков был связан с жестокими фронтальными атаками намного превосходящими силами, и после упорного боя Русская армия оставляла Перекопский вал, отойдя на Юшуньскую позицию, куда переместилась вся ударная сила большевистской армии. Старший офицер полка подполковник Максимов собрал и отвел остатки полка с линии занятых ранее окопов противника. На Юшуньской позиции было отбито 14 последовательных большевистских атак, но красные части продолжали давить численным превосходством. В ночь с 28 на 29 октября 1920 года Юшуньская позиция была также оставлена. Вслед за Юшуньской пала и Чонгарская линия обороны Русской армии. Кровопролитным выдался и бой у села Рождественского.Чтобы представить интенсивность боя, стоит обратиться к свидетельству очевидцев. «Утром проснулся от сильного ружейного и пулеметного огня... По тревоге вышли на окраину деревни, к сборному пункту. Со всех сторон на рыси стягивались полки корпуса. Построили резервную колонну. Огонь сильный. Ранен ротмистр Багговут (конно-гренадер). На нас отходит в беспорядке бригада, кажется, 2-й дивизии, которая неудачно атаковала. Лавы противника перед нами по всему горизонту, сколько — трудно сказать. Вдруг команда: "Гвардейский полк, вперед!" Приказание штаба дивизии. Полк рысью выходит и, перейдя в галоп, идет в ата-

ку, имея во второй линии кавалергардов... Противник остановился и выставил все свои пулеметы. Огонь превосходил все до сих пор виденное. Полк нес большие потери, но шел широким аллюром. Ранен полковник князь Гагарин (Глеб Григорьевич. — *Авт.*). Командир полка падает на переднюю луку, и ротмистр Муханов (Константин Сергеевич. — *Авт.*) (адъютант полка) отводит его лошадь. Подполковник Максимов (Петр Иванович. — *Авт.*), старший из командиров эскадрона, принимает полк. Противник отходит в деревню. Потери в полку огромные... Взвод кирасир Его Величества остался прикрывать отход. Полк принимает полковник Мартыновский (Дмитрий Семенович. — *Авт.*) (гродненский гусар). Отход к Чонгару с разъездами. Корпус отходит уступами, побригадно. Противник сильно нажимает у деревни Ново-Дмитриевка. Наседающий противник отбивается пулеметами и конной артиллерией, которая с открытых позиций бьет прямой наводкой...»[100]

В схватке с красными полк выручила пулеметная команда под началом кавалергарда ротмистра Александра Александровича Пашкова, ставшего впоследствии в эмиграции в Соединенных Штатах православным священником. Ее удар был вынесен на фланг атаки красных и с первого же раза уничтожил все их правофланговые пулеметы. Под сильным пулеметным огнем красных всадники первого взвода пришпорили коней, не решаясь бросаться на верную гибель, но вдруг вперед вырвался унтер-офицер 1-го взвода Ефим Дробязго. До кавалеристов долетел его могучий голос, прерываемый шумом боя: «Не робей, хлопцы! Докажите, что вы кавалергарды! Равняйтесь на эскадронный значок!» Воодушевленные призывом молодого добровольца, кавалергардские офицеры устремились на противника, словно бы не замечая не смолкающих ни на минуту большевистских пулеметов. Гвардейский полк врубился в конные лавы красноармейцев. «...красные не выдержали, повернули... Все перемешалось и понеслось назад в полном беспорядке. Преследование полком продолжалось недолго. Измотанные лошади, понесенные потери скоро его прекратили»[101]. В ходе боя погиб командир полка, полковник Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка Дмитрий Алексеевич Ковалинский, всего за четыре дня до боя принявший полк под свою команду. Получили ранения конно-гренадеры полковник Николай Николаевич Багговута, ротмистр Хрущов. Оказался раненым и кавалергардский ротмистр Пашков.

К вечеру 29 октября 1920 года 2-й Армейский корпус Русской армии занимает Перекопскую позицию. Битва за Северную Таврию окончилась переходом всей ее территории в руки красных и откатом Русской армии в так называемую Крымскую «бутылку». Отход всех частей Русской армии проходил в условиях жестоких морозов, люди были одеты в летнее обмундирование, не защищавшее от пронизывающего ветра, не хватало продовольствия и боеприпасов, ибо и отходившим частям приходилось вступать в бой каждые 3—4 часа. Связь с Главнокомандующим была нарушена, и отход сопровождался абсолютным незнанием обстановки. Четыре дня перехода потребовали от частей Русской армии небывалого нервного напряжения. Отходившие части не могли обеспечить необходимые условия для вывоза раненых, обреченных на гибель от переохлаждения или попадания в руки большевиков. С боевыми частями на Чонгарский полуостров благополучно прошел обоз 1-го разряда дивизии, состоявший из походных кухонь, патронных двуколок и повозок с ранеными и полковыми канцеляриями. Громада обозов всех отступавших корпусов Русской армии шла в 6 рядов, подошла к Геническу и, пройдя 110 верст по Арабатской Стрелке, свернула в направлении на Джанкой. Общая обстановка на фронте тем временем менялась катастрофически. 1 ноября 1920 года, после упорной ночной обороны, конница генерала Барбовича продолжила свой отход, преследуемая наступающими красными частями и ведя арьергардные бои, чтобы сдержать напор наступавших большевиков. Пройдя по Чонгарскому мосту в Крым, дивизия стала на ночлег в Тюб Джанкой.

Последние версты русской земли и эвакуация

После недавних боев в Гвардейском полку оставалось не более 200 сабель. Весь день 10 ноября 1920 года остатки Гвардейского полка вместе с разрозненными частями 13-й пехотной дивизии и Гвардейского пехотного полка отбивали чередующиеся короткими затишьями атаки красных. Кавалергардский эскадрон потерял раненым корнета графа Владимира Владимировича Мусина-Пушкина. Ранним утром 11 ноября 1920 года большевики повели стремительное наступление на окопы, занятые пехотой. После трехчасового боя оборона белых оказалась прорванной.

Для обеспечения отхода пехоты и закрепления ее на новых позициях начальник 1-й кавалерийской дивизии, генерал Выгран собрал остатки конных полков и лично повел их в контратаку. Большевистская конница, не приняв боя, повернула вспять, в сумятохе смяв следовавшую за ней красную пехоту. Оставляя орудия и пулеметы, красные кавалеристы и пехотинцы бросились в отступление, но этот неожиданный успех уже не мог ничего изменить и ни на что повлиять. Судьба обороны Крыма решилась бесповоротно. Гвардейский полк провел тяжелый арьергардный бой у хутора Уржина, а затем, оторвавшись от преследования противника, под командованием полковника Сафонова продолжил отход на Симферополь, Алушту и Ялту. Именно в Ялту полк прибыл под утро 13 ноября 1920 года, где полковник Сафонов получил приказ от Ивана Гавриловича Барбовича для выставления сторожевого охранения в сторону Массандры. К вечеру 14 ноября 1920 года Лейб-Казачий полк подошел к Керчи и расположился в ее предместье, но в полночь был снят по тревоге и вызван в город для прекращения начавшихся там грабежей. Наведя порядок, утром 3 ноября лейб-казаки начали поддерживать погрузку частей, следя за порядком. Сами лейб-казаки должны были грузиться последними на прибывший пароход армянского судовладельца «Харакс». Очевидец событий вспоминает. «Казаки были построены около пристани. Лошади были расседланы.

Чины Императорской гвардии на Великой войне.
Тяготы полевой жизни нивелировали форму гвардейских и армейских полков

С собой бралось лишь оружие и самые необходимые вещи. В полку держался полный порядок... Лазарет полка, как и находившиеся в нем и пожелавшие эвакуироваться раненые, больные офицеры, казаки и солдаты, были... погружены и вывезены непосредственно из Севастополя. Лейб-казаки Конвоя Главнокомандующего были погружены с полком Конвоя в Ялте»[102]. Гвардейский полк находился в охранении вплоть до той поры, когда все остальные части Русской армии были погружены и транспорт «Крым» уже дал свой первый гудок. Полковнику Сафонову было послано приказание снимать заставы и срочно грузиться. Остатки Гвардейского полка завершили погрузку на транспорт «Крым» к 11 ч утра и в 11 ч 30 мин отчалили от Ялтинского мола, взяв курс на Константинополь.

Глава пятая

ГВАРДИЯ ПОСЛЕ 1920 ГОДА И ДО НАШИХ ДНЕЙ...

Мы грузчики... Мы разгружаем вагоны,
Мы носим тюки на усталой спине...
Мы те, кто носили недавно погоны
И кровь проливали за Русь на войне...

Полковник Лейб-гвардии
Семеновского полка
князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский

Гвардия в Галлиполи

После того как окончилась крымская эвакуация, разрозненные остатки Гвардейской кавалерии разделили судьбу товарищей по оружию в борьбе с большевизмом, и под командованием полковника Сафонова ступили на неприветливую землю Галлиполи 20 ноября 1920 года. После нескольких дней пребывания в городе части перешли в лагерь, который начали разбивать в 7 километрах от самого города. В ходе переформирования остатков Русской армии каждая бригада обеих кавалерийских дивизий была сведена в полк, таким образом, Гвардейский и 1-й кавалерийский составили вместе один полк, командование над которым принял полковник Гвардейской конной артиллерии Попов, бывший командир бригады. Зима, проведенная гвардейцами без теплого обмундирования, жизнь в палатках на продуваемой всеми ветрами равнине, крушение надежд сильно подорвало боевой дух гвардейцев, однако после объявления генералом Кутеповым приказа, разрешающего желающим до определенного срока покинуть Русскую армию в Галлиполийских лагерях, выя-

вилось, что среди гвардейцев желающих уехать оказалось совсем немного. Некоторые гвардейцы, имевшие состоятельных родственников, проживавших в европейских странах, покинули армию, однако большинство из них оставались верными своему воинскому долгу, разделив тяготы армейских будней вдали от Отечества. Приказом по корпусу генерал Кутепов распорядился представить к наградам и производству всех отличившихся в последних боях в Крыму. Гвардейские офицеры, унтер-офицеры и рядовые получили повышения и награды, среди которых был и орден Св. Николая Чудотворца, награда, введенная бароном Врангелем для особо отличившихся чинов Белой армии.

Наступившая весна 1921 года принесла некоторые изменения в жизнь Гвардии. Быстрее организовывался и налаживался быт, стало легче проводить строевые занятия, вносившие известную ноту дисциплины в распорядок гвардейцев. Для младших офицеров Гвардии, произведенных в свои чины в Добровольческой армии, организовали курсы, которые были призваны поднять их образовательный уровень. Старшие офицеры Гвардии как могли старались облегчить тягостное бремя пребывания на чужбине своим товарищам и подчиненным, о чем красноречиво свидетельствует пример командира эскадрона кирасиров Его Величества полковника Ковалевского. Приближался день полкового праздника, первого, который представители этого славного полка собирались отпраздновать на чужбине. Средств для полномасштабного празднества, разумеется, не было, однако для поддержания духа кирасир Ковалевский в отсутствие казенных средств решил провести праздник за свой счет. Как и многие его сослуживцы, Ковалевский не имел денег, и ему пришлось продать боевые ордена своего отца, хранимые им как реликвия. На вырученные деньги им было сделано все возможное, чтобы полковой праздник прошел торжественно и празднично. Современник и участник первого полкового праздника вспоминает. «В день праздника все кирасиры, находившиеся в командировке в городе, прибыли в лагерь. Эскадрон в 3 девятирядных взвода был построен на плацу перед палатками, имея на правом фланге оркестр музыкантов Алексеевского пехотного полка. Перед фронтом был поставлен аналой. Парад принимал полковник Попов. После молебна командир полка поздравил эскадрон и поднял чарку за кирасир Его Величества; затем эскадрон прошел перед командиром полка церемониальным маршем. После парада состоялся обед. Кирасиры имели своими гостями всех кавалергардов,

своих постоянных друзей от Галлиполи и до Нового Сада — последнего этапа — (кавалергарды и кирасиры Его Величества составляли один эскадрон). Все офицеры Гвардейской кавалерии и представители всех ячеек армейской конницы 1-го полка были приглашены господами офицерами. Музыканты играли все время... Пели песенники, кирасиры качали своих офицеров и чувствовалась тесная и дружная связь между всеми...»[103]

В конце июня 1921 года приказом Главнокомандующего Русской армией Гвардейская кавалерия была выделена в отдельный дивизион. Дивизионом командовал полковник Лейб- гвардии улан Ее Величества Константин Валерианович Апухтин. В дивизион вошли два Гвардейских эскадрона 1-го полка и Гвардейский эскадрон расформированного запасного дивизиона. В первый эскадрон этой боевой единицы вошли кавалергарды и кирасиры Его Величества.

Нехватка обмундирования и обыкновенных бытовых мелочей иногда восполнялась подарками, которые привозила баронесса Олеся Михайлова Врангель для поддержки гвардейцев. Очевидец свидетельствует: «Дивизион стал приодеваться. Построили бескозырки, побелили ремешки, выкрасили в синий цвет рейтузы, сшитые из одеял. Вместо сапог надели американские высокие брезентовые гетры, выкрашенные в черный цвет. В строю вид был очень пристойный»[104].

После двух лет боев и походов жизнь гвардейцев в галлиполийском лагере словно бы возвращалась в благословенную эпоху летних маневров в Красном Селе. Снова потекли монотонные полковые будни с непременным разводом караулов, «зарей» и строевыми занятиями. Эскадрону кирасир Его Величества доводилось даже нести караулы в лагерном театре, где возле входа, у рампы и около ложи начальника дивизии ставились парные часовые — Лейб-гвардии кирасиры Его Величества. Наконец, когда стало известно, что кавалерия Русской армии уходит в Сербию, 14 августа 1921 года Гвардейский дивизион, сдав все свои пулеметы и почти все винтовки Корниловскому полку, перебрался из лагеря в город.

Исход на Балканы

Из Галлиполи гвардейцы морем добрались до Салоник, а оттуда по железной дороге в королевство сербов, хорватов и словенцев, где начиналась новая жизнь. Гвардейский кавалерийский полк был принят на пограничн-

ную службу и надел сербскую военную форму. Штаб-офицеры русской Гвардии были приняты на службу командирами эскадронов, а обер-офицеры оказались на унтер-офицерских должностях. Гвардейские кавалеристы несли охрану границы на побережье Далмации, в районе острова Хвар. Когда в ноябре 1922 года в королевстве была расформирована пограничная стража, русские гвардейцы были переданы в ведение сербского финансового контроля, где многие из них прослужили около двух лет и откуда, вновь надев русскую военную форму, ушли на работу по постройке железной дороги в боснийский городок Мокрая Гора. Прежнее боевое содружество полков Гвардейской тяжелой кавалерии продолжилось и в мирные дни на строительстве железнодорожных путей для боснийцев. Здесь кирасиры Его Величества трудились рука об руку с кавалергардами и Лейб-гвардии конногренадерами под общим командованием полковника Попова. Спустя три года многие из кавалеристов перебрались в сербский город Новый Сад. Там некоторые из них поступили на работу по обслуживанию местного аэродрома и железной дороги, и там каждый год 21 июня кирасиры Его Величества собирались на свой полковой праздник. И все же условия жизни и тяжелейшие условия труда постепенно заставляли людей искать лучшую долю где-то еще, и, хотя какое-то время офицеры Императорской Гвардии оставались в Югославии, проживая главным образом в Белграде, процесс их дальнейшего рассеяния по странам и континентам продолжался. Шли годы, уходили силы, и становилось все более очевидным, что вооруженная борьба против большевизма не имеет политической перспективы, но еще очень многими гвардейскими офицерами не была потеряна вера в Россию и ее грядущее возрождение. Даже после многих лет скитаний на чужбине многие из них «верили твердо, что Гвардии еще придется сыграть историческую роль в дальнейших судьбах России»[105].

Первые полковые объединения чинов Гвардии

Чтобы сохранить былое полковое единство и поддержать сложившуюся во многих гвардейских полках историческую традицию, представители гвардейских полков в изгнании стремились к созданию объединений, сначала полковых, а в обозримом будущем и общего. Делегаты от полковых союзов стали все чаще собираться для обсуждения объединения дея-

тельности еще в бытность свою в Белграде. Во главе многих полковых союзов стояли, как правило, бывшие командиры и частично — ветераны Императорских гвардейских полков и артиллерийских бригад. Собрания представителей Гвардии всех трех родов оружия, проходившие вначале на территории Югославии, понемногу стали привлекать даже тех гвардейцев, кто проживал в других европейских государствах и даже в Северо-Американских Соединенных Штатах.

В ходе бесед и дискуссий становилась все более очевидным необходимость создания общегвардейского объединения. Возглавить его в 1921 году и был приглашен старейший из проживающих в Югославии гвардейских генералов Владимир Андреевич Лехович. Он и оставался во главе всех русских гвардейских объединений до июля 1924 года, до той поры, пока вместе с семьей не переехал на жительство в Нью-Йорк.

1 марта 1922 года в Югославию прибыл Главнокомандующий Русской Армией барон Петр Николаевич Врангель вместе со своим штабом, расположившимся недалеко от Белграда, в резиденции сербского патриарха Сремски Карловцы. Сам же Главнокомандующий поселился в Белграде. Гвардейские мемуаристы отмечали, что особого влияния на жизнь полковых объединений приезд Врангеля не оказал. Неудивительно, ведь в Добровольческой армии, а затем и в Вооруженных силах Юга России корпоративная гвардейская закрытость боевых единиц, не желавших смешиваться с общеармейской массой офицерства, вызывала плохо скрываемое раздражение не только у офицеров-армейцев, но даже у генералитета. Выходец из конногвардейской среды, Врангель, по-видимому, не считал себя вправе оказывать сколь бы то ни было заметное внимание гвардейцам, чтобы не потерять симпатии армии, в большинстве своем состоявшей из тех, кто большую часть жизни тянул лямку армейского офицера. В целом, как замечает гвардейский мемуарист, «Гвардия только считалась с его положением, как начальника воинских контингентов, которые из Галлиполи и Лемноса переброшены были потом в Югославию и Болгарию, но не была ему подчинена»[106].

В своем сотрудничестве с другими воинскими союзами Гвардия стремилась сохранить свое самостоятельное положение, считаясь с такой крупной русской зарубежной организацией, как «Совет объединенных офицерских организаций», но не стремясь войти в подчинение.

В начале 1920-х годов центром военно-политической жизни эмиграции бесспорно оставался Белград. «В Белграде находилась и большая часть наилучше организованной и наиболее деятельной представительницы русской военной среды — Императорская Гвардия»[107], — свидетельствует участник первых лет общественной деятельности гвардейских эмигрантов. Первоначальная схема организации Императорской Гвардии в изгнании вполне отвечала духу времени и была нацелена на определенный результат. Благодаря умело поставленной воспитательной и образовательной работе командованию гвардейцев представилось возможным оказывать некоторое влияние на сознание отдельных представителей гвардейского офицерства, в ком особо чувствовался «нездоровый дух времени Гражданской войны». Особое место в общественной деятельности первых союзов было уделено воспитанию молодого поколения потомков офицеров и генералов Гвардии, родившихся уже в эмиграции. Первые общественные организации Гвардии стремились к охвату всех сторон жизни однополчан в изгнании. Это позволило оказывать известную нравственную поддержку тем из гвардейской офицерской среды, кто вел жизнь в весьма стесненных финансовых обстоятельствах. Приобщение одиноких и бессемейных офицеров Гвардии к широкой общественной работе как бы сообщало им новый импульс для полноценной жизни в новых условиях и давало ощущение собственной востребованности.

Уже весной 1924 года представителями Гвардии было решено предложить руководство первой Общегвардейской организацией одному из популярных ранее командиров Великой войны, возглавлявшему Гвардейский корпус и Особую армию, генерал-адъютанту Владимиру Михайловичу Безобразову. Во время Великой войны он командовал первой Гвардейской дивизией и был хорошо известен Гвардии. Молодой офицер Юрий Иванович Макаров вспоминал о нем: «Безобразов командовал корпусом с 1912 по 1916 год, когда было образовано два Гвардейских корпуса и первый, — наша первая и вторая дивизия, — получил в командование Великий князь Павел Александрович, а второй генерал Потоцкий. К этому времени оба корпуса были сведены в Гвардейскую Особую армию, которую возглавил Безобразов при начальнике штаба графе Н.Н. Игнатьеве, бывшем преображенском командире... Безобразов проводил июльскую операцию на Стоходе, кровавую и неудачную. Как бы то ни было, в первых

числах августа 1916 года Особая армия приказала долго жить, войска были переданы по соседству в 8-ю армию Каледина, а сам Безобразов в военном смысле канул в Лету»[108].

18 апреля 1924 года Безобразов прибыл в Белград, где представителями Гвардии ему была устроена торжественная встреча и представление всех чинов Гвардии в просторном зале белградского ресторана «Русская Семья». Встреча генерал-адъютанта была тем внушительнее для стороннего наблюдателя, что в числе собравшихся оказалось более 200 чинов бывших гвардейских полков, выстроенных по частям, дивизиям и корпусам и одетых в полковую военную форму, с которой и тогда было непривычно расстаться даже за границей. Собравшиеся на встречу Безобразова представители Гвардии выглядели весьма вдохновленными, а прибытие начальника, чье имя было связано со «старым, добрым» временем славы русского оружия, внесло на время оживление и подъем духа в гвардейскую среду.

По окончании официальной церемонии торжественной встречи Безобразов в течение нескольких последующих дней провел ряд рабочих совещаний с высшими чинами Гвардии — генералами Владимиром Андреевичем Леховичем, Лейб-гвардии Измайловского полка Николаем Михайловичем Киселевским, Лейб-гвардии Казачьего полка Петром Петровичем Орловым, Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка Александром Александровичем Павловым и другими. Встречи с этими генералами, проживавшими на тот момент в королевстве СХС, носили характер общего обсуждения внутренней и внешней политики и военно-организационных вопросов русской Гвардии, вынужденно пребывающей в эмиграции. В результате проведенных совещаний Безобразов вынес предложения по формированию скрытых боевых кадров полков и высших соединений Гвардии с подчинением их Великому князю Николаю Николаевичу. Приказом под названием «Кадрам войск Гвардии» от 20 апреля 1924 года за номером 1 были объявлены соответствующие назначения на новые должности в будущих боевых структурах Гвардии. Все офицеры, вступавшие в состав таких «скрытых кадров», давали расписку в том, что они обязаны явиться по первому призыву, как только того потребует политическая обстановка, а также воздержаться от вступления в другие политические или масонские организации. Впрочем, последующие политические события в России и об-

щая международная политика европейских стран в отношении СССР не оправдали надежды гвардейских генералов на возможность создания и переброски войск Гвардии к большевистским границам, вследствие чего вся подготовительная работа по формированию боевых кадров Гвардии называлась многими недоброжелателями из среды военной эмиграции «преждевременной» и «нежизнеспособной». Для поддержки монархических настроений как основной составляющей гвардейской идеологии генерал-адъютант Безобразов на очередном совещании гвардейских чинов, поддержанный генералами Леховичем и Киселевским, высказался за безоговорочное подчинение Гвардии Великому князю. Однако Великий князь Николай Николаевич, ставший покровителем гвардейских частей в зарубежье, не спешил поддерживать ни одну из предлагаемых ему программ по будущей реорганизации Гвардии, «в рассеянии сущей». Отток из Югославии офицерства, уставшего ждать скорых перемен и выступления войск Гвардии в антибольшевистский поход, усиливался год от года, и центр гвардейской жизни в зарубежье постепенно смещался с юго-востока Европы на запад.

Исход чинов Гвардии во Францию в середине 1920-х

К середине 1920-х годов во Франции скопилось значительное количество офицеров Гвардии, стремившихся тем не менее к объединению в рамках формальной полковой организации. Прежде всего это диктовалось не всегда благоприятными экономическими условиями жизни за границей и насущной необходимостью упорядочить бытовую сторону жизни. Уход гвардейцев в закрытые «клубы» полковых объединений подразумевал не формальное отделение себя от общеармейской жизни по прежнему сословно-кастовому признаку, но доверие к своей общественной организации в деле упорядочения условий быта, помощи в получении образования и сохранения духа русской культуры в изолированности вынужденного изгнания.

В феврале — марте 1924 года, после трех встреч представителей Гвардии, инициативной группой генералов и офицеров было подготовлено и разослано приглашение всем чинам Императорской Гвардии на Общее собрание, которое намечалось провести 3 апреля 1924 года в парижском конференц-зале на 5, rue St. George. На приглаше-

ние отозвалось 150 человек, и в ходе долгого обсуждения выяснилось, что во всех бывших гвардейских полках и в гвардейской артиллерии прообразы полковых объединений не только уже были созданы, но и существовали в той или иной форме довольно продолжительное время. Вместе с этим оказалось, что центры таковых объединений располагались в большинстве случаев за пределами Франции.

31 мая 1924 года генерал Алексей Михайлович фон Кауфман-Туркестанский, собрав представителей войсковых частей Гвардии в Париже, ознакомил их с проектом устава новой организации, который ранее был разослан в полковые объединения для обсуждения. В течение второй половины 1924 года шла работа по подготовке и созданию новой общественной организации, не прекращаясь ни на один день. Почетным председателем новой организации был утвержден генерал-адъютант Безобразов. Было разработано и принято и «Временное положение Объединения», а уже в октябре комиссия князя Александра Николаевича Эристова обнародовала окончательный проект устава Гвардейского объединения во Франции.

Гвардейцы под началом Великого князя

Выбор члена Императорского дома в качестве объединяющей личности для всех гвардейцев, в рассеянии сущих, был немаловажен, хотя и не всегда находил понимание в офицерской среде, помнившей, как некоторые из Великих князей, командовавших гвардейскими частями, не только не снискали себе славы, но и были вечным предметом пересудов. Ярким примером, хорошо памятным многим из офицеров, являлся расстрелянный большевиками Великий князь Павел Александрович, дядя Государя. Один из офицеров вспоминал: «Карьера... Великого князя Павла Александровича была, как говорится, "черевата". Как все великие князья в России, он постоянно носил военную форму, но входил он в близкое соприкосновение с русскими войсками всего три раза в жизни: командуя эскадроном, конногвардейским полком и гвардейским корпусом. Последние две должности с перерывом в 16 лет, во время которого он вообще ничего не делал... Как и следовало ожидать, в военном отношении Павел Александрович был круглый ноль. Если его старший брат, Владимир Александрович, был "добрый барин номер 1", то он, по справедливости, мог считать-

ся номером 2-м... В Музее Зимнего дворца в Ленинграде, должно быть, сохранилась картина, где Павел Александрович в золотой каске с двуглавым орлом, в золотых латах галопом проводит на параде Конную гвардию перед царем Александром III. Очевидцы говорили, что картина сия была "достойна кисти художника". Внутренне же Павел Александрович, при значительной лени и пассивности характера, был не глуп и вполне порядочный человек»[109]. Его родственника, Великого князя Николая Николаевича, Гвардия запомнила все же иначе: «...Николай Николаевич, который, хоть умом был и не орел, несомненно, был преисполнен энергии и желанием принести пользу... Николай Николаевич несколько лет был "генерал-инспектором кавалерии" и, нужно отдать ему справедливость, такого ей, по хорошему солдатскому выражению, "поддал живца", что во время войны наша конница была на голову выше немцев и венгров»[110]. Добрые чувства подавляющего числа гвардейцев по отношению к личности Великого князя в конце концов привели к тому, что 16 ноября 1924 года все русские военные организации и так называемые воинские комплекты за границей возглавил Великий князь Николай Николаевич, передав практическую сторону управления ими в руки барона Врангеля. Неделей позже инициативной группой гвардейских чинов был выпущен тщательно подготовленный «Наказ гвардейским объединениям во Франции», в котором давалось обоснование создания Объединения: «...для борьбы за спасение Родины и восстановление в ней *законной монархии*». Однако вскоре, как бы стремясь исправить поспешность декларации о стремлении к восстановлению в России монархии, Великим князем Николаем Николаевичем было подписано распоряжение, в котором он подчеркивал несвоевременность усилий по организации генерал-адъютантом Безобразовым «гвардейских частей, со включением их в дивизии и корпуса». Далее Великий князь пояснял, что в данное время организация деятельности Гвардии за рубежом должна проходить на более «скромных» началах, соответствующих «текущему политическому моменту».

Нетрудно догадаться, что в столь резком выпаде по отношению к деятельности Безобразова не последнюю роль сыграло чье-то настойчивое давление на Великого князя. Масоны, чьим послушным орудием всю свою жизнь являлся Великий князь, усмотрели опасность в скорой реставрации монархически настроенных боеспособных русских частей за границей. Сама готовность Гвардии к походу

против большевизма в то время таила недвусмысленную угрозу продолжавшемуся мирному сосуществованию масонства и большевизма. В свете перестройки общественных ветеранских организаций в боевые и

Алексей Михайлович фон Кауфман-Туркестанский

возможный вследствие этого новый поход против большевизма в СССР предполагал перспективу восстановления православно-державного строя на освобожденной от большевиков российской территории. И, следовательно, сводил на нет все усилия «вольных каменщиков» последних десятилетий по разрушению русского самодержавия. Для свертывания активной деятельности по формированию боевой составляющей Гвардии Великому князю было предложено заменить Безобразова на другого, более управляемого человека. Им-то и стал бывший кавалергард, генерал Алексей Михайлович фон Кауфман-Туркестанский, сразу же направивший все свои силы на превращение Гвардейского объединения в обыкновенную ветеранскую организацию, наподобие тех, что уже существовали во Франции для чинов французской службы.

В Рождественский канун, в декабре 1924 года, прощальный приказ чинам Объединения Владимира Михайловича Безобразова содержал распоряжение о расформировании скрытых боевых кадров Гвардии. Современники единодушно отметили, что возведение Великого князя на пьедестал руководства Гвардией не разрешило накопившихся социальных и политических проблем. Сплоченность ветеранских воинских союзов за границей под именем «популярного вождя» лишь отдалило, но не отменило их неизбежный распад. Со скоропостижной кончиной Его Высочества на французском курорте Антиб и переходом руководства Гвардейскими объединениями к формальным заместителям Великого князя, Гвардейское объединение попыталось отстоять право самостоятельного существования, а с кончиной в июле 1934 года А.М. фон Кауфма-

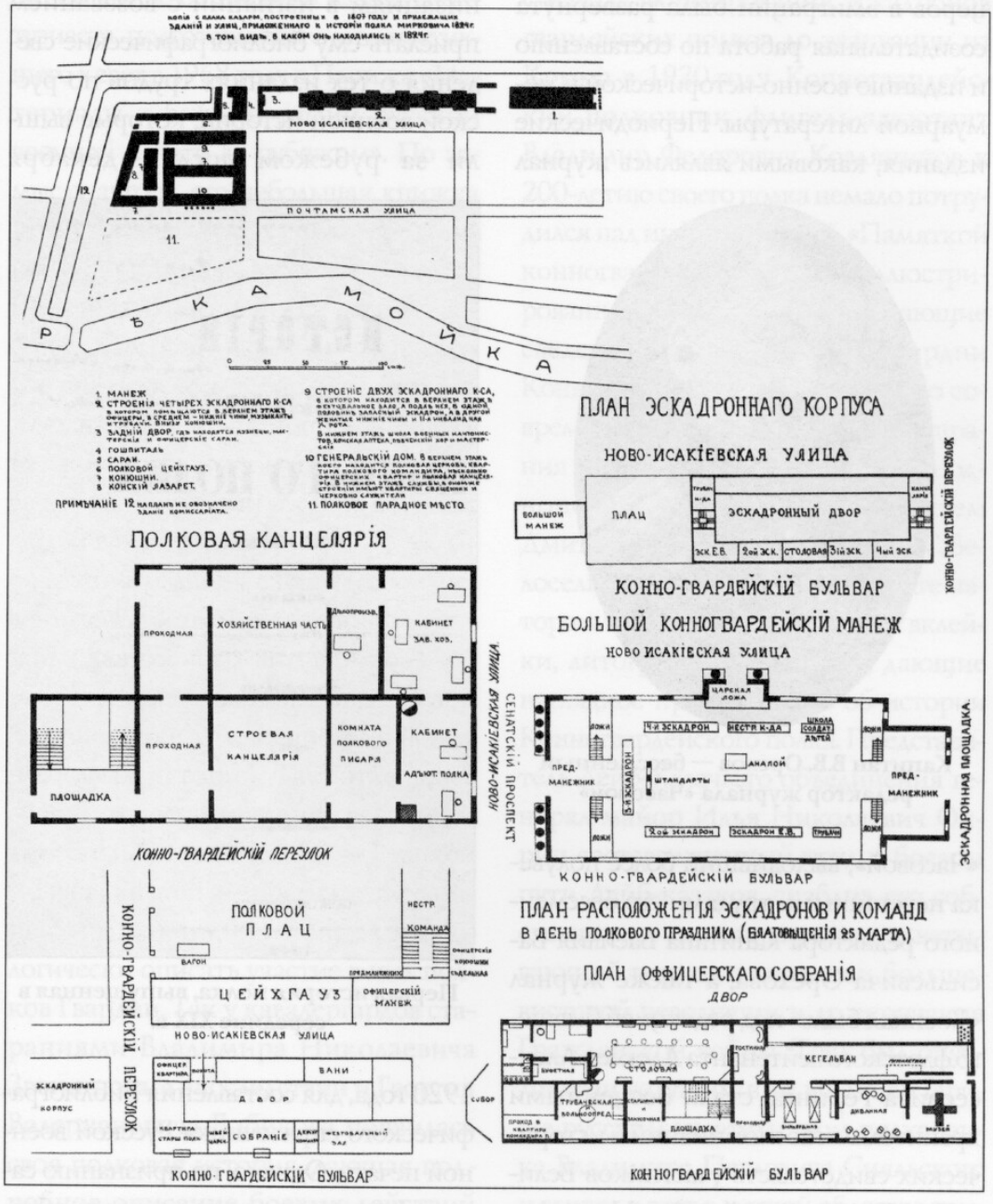
на-Туркестанского зарубежным начальником Гвардии стал близкий по духу Безобразову генерал-лейтенант Лехович.

Впрочем, драгоценное время было упущено. За прошедшие пятнадцать лет эмиграции ряды Гвардии сильно поредели за счет естественной убыли, и рассеяние их по миру продолжилось. К 1936 году во всем зарубежье насчитывалось немногим более 1900 бывших гвардейских офицеров. Из них 833 человека принадлежали к полкам Гвардейской пехоты, 556 лиц — к Гвардейской кавалерии, 214 были из числа чинов Гвардейской пешей артиллерии, 127 — из конной. 112 были гвардейские казаки, 24 — гвардейские саперы, 14 — чины Собственного Его Величества Железнодорожного полка, 47 относились к Гвардейскому экипажу и 9 человек были выходцами из Запасного Гвардейского кавалерийского полка.

Военно-историческая работа гвардейцев в изгнании

Около полусотни гвардейских офицеров находилось к 1936 году на Дальнем Востоке, вдвое больше проживало в Северо-Американских Соединенных штатах, однако все они в равной степени стремились сохранить и запечатлеть полковые традиции прошлого, донести их до сведения будущих поколений во всей полноте и красочности. Одним из непременных форм досуга членов полкового объединения в эмиграции было участие в работе военно-исторических комиссий. Они начали создаваться в Париже представителями Гвардейских полков для увековечения подвига Императорской Гвардии в Великой войне и описания ее боевого пути на дорогах Гражданской войны.

Меню торжественного обеда чинов объединения Лейб-гвардии Конного полка во Франции 26 апреля 1931 г.

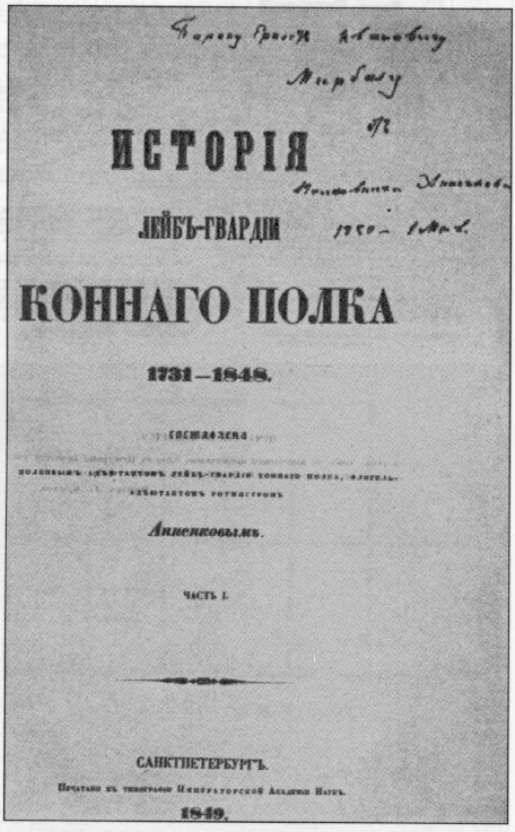


Воссоздание плана казарм, манежа и Офицерского собрания Лейб-гвардии Конного полка чинами объединения за границей для музея

Силами многих гвардейских офицеров в эмиграции была развернута созидательная работа по составлению и изданию военно-исторической и мемуарной литературы. Периодические издания, каковыми являлись журнал

Капитан В.В. Орехов — бессменный редактор журнала «Часовой»

«Часовой», выходивший более полувека неустанными трудами его бессменного редактора капитана Василия Васильевича Орехова, а также журнал «Военная быль» под редакцией бывшего флотского лейтенанта Алексея Алексеевича Геринга, стали бесценными хранителями воспоминаний и исторических свидетельств участников Великой и Гражданской войн. Неутомимый редактор «Военной были» в 1959 году обратился к полковым объединениям и русским воинским организациям в изгнании с воззванием прислать ему библиографические сведения о тех изданиях трудов по русской военной истории, которые вышли за рубежом после 1 декабря


ИСТОРІЯ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

КОННАГО ПОЛКА

1731—1848.

Составлена

полковымъ адъютантомъ Лейбъ-гвардіи конного полка, флигель-адъютантомъ ротмистромъ

Апенковымъ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

Первая история полка, выпущенная в середине XIX в.

1920 года, для составления Библиографического справочника Русской военной печати. Однако, по признанию самого Геринга, ни одно полковое объединение или воинская организация не откликнулись на его призыв. О причи-

не молчания можно судить по-разному, но это не остановило издателя-энтузиаста, подготовившего и выпустившего в свет в 1968 году в Париже «Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом». По замыслу автора, его небольшая книжка могла стать не только опытом подробной описи трудов по военной истории, мемуаров, беллетристики русских военных авторов и перечнем военной и военно-морской периодики за рубежом, но и оказать помощь «будущему русскому историку, который займется изучением жизни русских военных людей в эмиграции»[111].

Многие издания, скрупулезно занесенные Герингом в его список, служили для военных литераторов в зарубежье хорошим дополнительным материалом в ходе написания новых полковых историй. Так, отдельные очерки и воспоминания участников двух столь памятных войн — Великой и Гражданской — послужили созданию новых книг, призванных хронологически описать участие в них полков Гвардии. Так у кавалергардов стараниями Владимира Николаевича Звегинцова, а впоследствии и Георгия Валериановича Бибикова появилась своя полковая история, дающая подробное описание боевых действий Кавалергардского полка за все время начиная с июля 1914 года и охватывающая события Гражданской войны с начала формирования эскадронов гвардейских полков до эвакуации из Крыма в 1920 году. Конногвардейский полковник, флигель-адъютант Владимир Федорович Козлянинов к 200-летию своего полка немало потрудился над информативной «Памяткой конногвардейца», хорошо иллюстрированной и дающей исчерпывающие сведения об истории Лейб-гвардии Конного полка с его основания до современных ее автору дней. Его старания были поддержаны бывшими однополчанами — Великим князем Дмитрием Павловичем и князем С. Белосельским-Белозерским. В книге автором использовались цветные вклейки, литографии и гравюры, дающие наглядное представление об истории Конногвардейского полка. Представитель Лейб-Казачьего объединения генерал-майор Илья Николаевич Оприц составил ценный труд о боевом пути Лейб-казаков, снабдив его собственными иллюстрациями, охватывающий период со времени большевистской революции и до окончания Гражданской войны. Труд был опубликован ведущим в то время в Париже русским издательством полковника Владимира Павловича Сияльского и вышел в свет в мягкой обложке темно-бордового цвета. Бывшими Лейб-гвардии конногренадерами, полков-

никами Константином Николаевичем Скуратовым, Александром Александровичем Скрябиным и Николаем Дмитриевичем Плешко, которому выпала судьба завершить этот труд ввиду кончины Скуратова, в 1938—

Экспонаты полкового музея Лейб-гвардии Конного полка. Кирасы, каски и палаши

1967 годах были подготовлены и выпущены в свет 6 томов по истории Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Авторы трудились над ней почти тридцать лет, с 1938 по 1967 год. При Гвардейском объединении работала Историческая комиссия под руководством кирасира Его Величества Георгия Адамовича Гоштовта. Эта комиссия многим помогла собрать воедино и опубликовать в парижском издательстве «Возрождение» материалы о малоизвестном за границей прошлом кирасир Его Величества за последние тридцать лет. Особо стоит отметить значительный вклад ротмистра Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка А.А. Скрябина в популяризацию военного наследия русской Императорской армии, организовавшего подписку для записи на граммо-

Музей Лейб-гвардии Конного полка. Среди прочих экспонатов — гравюры, литографии и акварели из истории полка. Фото середины 1950-х г.

фонные пластинки полковых маршей гвардейских и армейских полков в исполнении военного оркестра и хора трубачей пешего и конного полка французской республиканской Гвардии. Эти марши исполнялись на многих публичных торжествах, и патефонные пластинки с этими записями с энтузиазмом раскупались частными лицами, зачастую бывшими чинами

Императорской армии и флота. Генерал-майор Георгий Иванович Гончаренко (творивший под псевдонимом Юрий Галич), в 1936-м издал в Риге труд объемом в 414 страниц, посвященный истории Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Императрицы Марии Федоровны полка под названием «Синие кирасиры — лейб-регимент». В него автором были включены и списки офицеров полка на момент окончания Гражданской войны. А первым объемным научным трудом, посвященным участию чинов русской Императорской Гвардии в недавней борьбе с большевиками, стал двухтомный труд офицера Лейб-гвардии Кексгольмского полка Николая Максимилиановича Голеевского под названием «Материалы по истории гвардейской пехоты и артиллерии в Гражданскую войну 1917—1922 годов», снабженный многочисленными схемами и фотографиями.

В 1938 году гвардейскими энтузиастами в Париже были подготовлены и опубликованы журналы боевых действий 3-х гвардейских бригад во время Великой войны, ставшие хорошим дополнением к попытке научного осмысления уроков и результатов войны 1914—1917 годов. Нужно отметить, что в описываемое время в Советском Союзе все эти темы по-прежнему оставались еще под спудом идеологических запретов и рассматривались лишь в рамках дисциплин в военно-учебных заведениях Страны Советов.

Военно-научная и самообразовательная работа в изгнании

За первые два года существования полкового объединения в Париже гвардейскими офицерами было прочитано 14 научных докладов и напечатан ряд исторических трудов, выработан новый «Наказ гвардейцам в рассеянии сущим», в который были внесены некоторые поправки с учетом быстро меняющейся политической обстановки в Европе. По прошествии некоторого времени начиная с 1931 года несколько инициативных офицеров кирасирского полкового объединения задались целью увековечить боевой путь своего полка. В ходе обсуждения плана полковой истории членами объединения было принято во внимание и то, что архивы полков и батарей, оставшиеся у большевиков, могут быть уничтожены, а личные воспоминания о действиях кирасир в минувшую Великую войну постепенно стираются в памяти ее участников. В итоге появилось решение об увеко-

вечении памяти былых подвигов полка, но сначала нужно было восстановить хронологию событий и сверить сведения их участников. Решено было организовать ряд военно-исторических собраний, на которых и должна была проводиться вся подготовительная работа по восстановлению полковой истории. В ходе собраний их участниками заслушивались воспоминания однополчан, сделанные в виде докладов, а также восстанавливались детали действий частей в определенные периоды Великой и Гражданской войн. После каждого прочитанного доклада проводилось его обсуждение, а изображенные схемы боевых операций дополнялись новыми, высказанными участниками собраний замечаниями. Подобно другим объединениям гвардейских полков за границей кирасиры также не были лишены профессионального снобизма и не допускали на свои доклады кого-либо иного, кроме офицеров Гвардейской конницы. Обсуждения начинались после 21.00 по пятницам один или два раза в месяц. Для создания объективной картины минувших сражений членами объединения была установлена связь с представителями германских частей, участвовавших в операциях 1914—1916 годов. На собраниях кирасир свои лекции прочитали Б.Н. Третьяков, А.В. Каменский, В.А. Розеншильд-Паулин и приглашенные из других полков легкой и тяжелой кавалерии офицеры. По обыкновению, перед выступлениями аудитория получала размноженные на ротаторе тезисы докладчика. Результатом и определенным итогом этих чтений явилась работа, проведенная с 1938 по 1942 год, и собранная в 3 томах «Истории кирасир Его Величества». Ее содержание составил обширный исторический период в жизни полка — с 1914 по 1934 год. В последние главы составители включили даже описание современной жизни полкового объединения во Франции.

В зарубежье конца 1920—1930-х годов наблюдался феномен приверженности русского офицерства к самообразованию и повышению уровня военных знаний, невзирая на внешние условия жизни. Мыслями и устремлениями оно было в России и никогда не теряло надежду на собственное участие в возрождении армии новой России. Говоря о самообразовании чинов Императорской Гвардии в эмиграции, нельзя обойти вниманием яркую фигуру бывшего во время Великой войны командиром 2-го Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Николая Николаевича Головина, создателя Высших научных курсов в Париже и автора многих работ по военным дисциплинам. За доблестное командование полком во время Великой войны

Головин был произведен в генерал-майоры, награжден четырьмя орденами и Георгиевским оружием и в ноябре 1914 года стал генерал-квартирмейстером штаба 9-й армии. В период с октября 1915 по февраль 1917 года в должности начальника штаба 7-й армии Головин руководил разработкой и участвовал в осуществлении более чем тридцати операций, в том числе — в 1916 году во время знаменитого Брусиловского наступления произвел семь прорывов. Когда сразу после Февральской революции 1917 года перед Временным правительством встал вопрос о назначении нового начальника Академии Генерального штаба, достойную кандидатуру было решено отобрать путем проведения опроса офицеров российского Генерального штаба (свыше 1500 чел.), разбросанных в то время по всем фронтам. Большинство из опрошенных высказалось за кандидатуру 42-летнего начальника штаба Группы армий в Румынии генерала Головина. Для поддержания военной квалификации значительного числа офицерского состава начиная с 1922 года в местах расселения русской военной эмиграции открылись многочисленные «кружки военного самообразования». К 1925 году двадцать пять таких кружков объединяли в своих рядах свыше 550 активных участников. Руководителями добровольных объединений русских эмигрантов стали бывшие преподаватели военно-учебных заведений и опытные военачальники Императорской армии.

Проводимые ими занятия способствовали упорядочению военных знаний бывших офицеров, их знакомству

Генерал Н.Н. Головин

с последними достижениями в различных областях военных знаний (при подготовке докладов и сообщений широко использовались иностранные военные издания и даже военная литература РККА). Недостаток необходимого количества высококвалифицированных преподавателей, отсутствие специально созданных учебных пособий, программ и планов не позволили данной идее осуществиться — для нее еще требовалась определенная подготовительная работа.

И она была успешно проведена под руководством Головина. В течение семи лет начиная с 1920 года на страницах эмигрантской военной периодики, и прежде всего в издававшемся в Белграде «Военном сборнике», были опубликованы многочисленные научные статьи генерала. Вышли в свет монографии и сборники по проблемам стратегии, тактики, истории военного искусства и другим военным дисциплинам, подготовленные и написанные генералами русской армии, проживающими в зарубежье. Наряду с этим Головиным была проделана многотрудная работа по подбору преподавательского состава из бывших профессоров Императорских военных академий и видных ученых, проживающих в эмиграции. Как известно, уже 22 марта 1927 года в присутствии 200 слушателей профессор Головин вступительной лекцией открыл «Военно-научные курсы систематического изучения современного военного дела». Состав слушателей курсов был в основном однороден — бывшие офицеры, которые по окончании курсов причислялись к российскому Генеральному штабу. Курсы Головина работали по программам, близким по своему содержанию к таковым бывшей Императорской Николаевской военной академии (Академии Генерального штаба) и военных академий европейских государств. К проведению своих занятий Головин сумел привлечь известных русских военных деятелей и полководцев. Занятия проводились два раза в неделю; их основанием являлась 800-часовая учебная программа; курс обучения был рассчитан на 50—52 месяца. Довольно скоро курсы генерала Головина завоевали популярность в среде эмигрантской военной молодежи и представителей русской военной мысли и после года своей работы получили наименование: «Зарубежные высшие военно-научные курсы профессора, генерала Головина» (ЗВВНК). В 1931 году при них были организованы военно-училищное и заочное отделения, а в качестве самостоятельного высшего учебного заведения возник первый филиал курсов Головина — так называемые «Белградские курсы», руководимые генерал-майором Генерального штаба Александром Николаевичем Шуберским. Объединением «Русских научных установлений за рубежом» (г. Прага) ЗВВНК были признаны высшим учебным заведением. В 1936 году для последующей военно-научной деятельности преподавателей и выпускников при Белградских военно-научных курсах стараниями энтузиастов военного образования был создан «Русский военно-научный институт». А при Парижских курсах Головина в 1938 году появился «Институт по исследованию проблем

войны и мира». В 1936—1938 годах Белградским военно-научным институтом издавался журнал «Осведомитель». Парижские военно-научные курсы и «Институт по исследованию проблем войны и мира» просуществовали до сентября 1939 года, за 11,5 лет через них прошло свыше 400 офицеров, из которых 82 получили высшее военное образование и были награждены академическим знаком. Белградские военно-научные курсы и «Русский военно-научный институт» были открыты вплоть до 1944 года и за 13 лет своей работы дали 6 выпусков. За это время на курсах обучилось около 200 офицеров, из которых полный курс закончили 77 человек. После Второй мировой войны в Париже был воссоздан «Институт по исследованию проблем войны и мира имени профессора Н.Н. Головина». Он открыл свои двери 31 октября 1951 года при участии ближайшего сподвижника Головина — профессора, полковника А.А. Зайцова, заново собравшего группу из оставшихся во Франции преподавателей и слушателей. Около трех лет проработал институт под руководством полковника Зайцова, а после его смерти в 1954 году был принят полковником А.Г. Ягубовым.

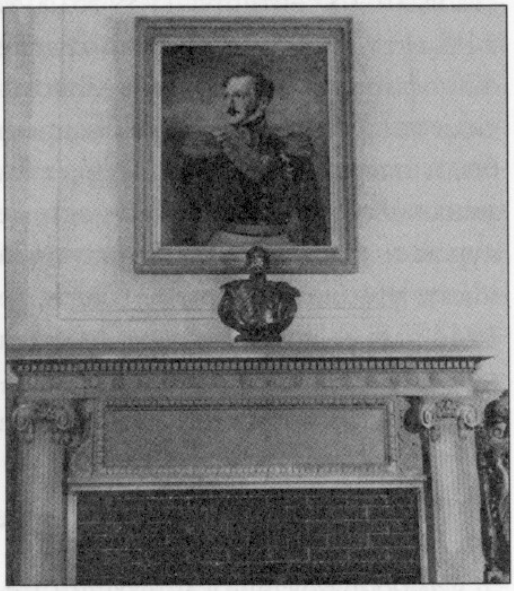
Создание полковых музеев и работа с реликвиями

Самообразование в эмиграции членов полкового объединения кирасир, лейб-казаков, кавалергардов и представителей других гвардейских полков, всегда сочеталось с работой по сохранению и воссозданию страниц славного боевого прошлого гвардейских полков. Одним из направлений этой деятельности гвардейских ветеранов стало создание полковых музеев. Их пополнили те полковые реликвии, что были спасены порой с риском для жизни из пожара Гражданской войны, а также вещи, картины, гравюры и посуда, привезенные офицерами и генералами с собой в эмиграцию. Как и многие собрания первых гвардейских объединений за границей, коллекция Парижского музея кирасир Его Величества началась с нескольких гравюр, подаренных бывшим помощником русского военного агента во Франции генерал-майором Дмитрием Ивановичем Ознобишиным полковнику Сергею Леонидовичу Сафонову. Сестра одного кирасира, штабс-ротмистра, погибшего в Великой войне, позволила переснять несколько фотографий парадов полка и гравюр из коллекции ее покойного

брата. Другой однополчанин, подполковник Сергей Дмитриевич Кучин, прислал из далекого Бельгийского Конго, где занимался восстановлением сельского хозяйства, 180 негативов снимков из фронтовых будней полка

Музей Лейб-гвардии Конного полка. Каминный зал с фигурой конногвардейца эпохи Александра I

в период Великой войны. С разрешения конногвардейца Великого князя Дмитрия Павловича кирасиры получили 6 снимков с тарелок Гофмаршальского сервиза, принадлежавшего Великому князю, с изображениями формы кирасир Его Величества в разные эпохи. Офицер Кавалергардского полка Валериан Николаевич Бибиков передал в музей кирасир чудесным образом вывезенные им после революции из Гатчинского и Царскосельского дворцов ценные фотографии полка, сделанные в первое десятилетие XX века. Свой музей, достойный восхищения, был и у Лейб-гвардии Конного полка. Вывезенные реликвии, среди которых были и знаменитые конногвардейские каски с золотыми орлами, кирасы, лядунки и палаши, подарки



Каминный зал музея Лейб-гвардии Конного полка. Портрет Государя Императора Николая I и бронзовый бюст конногвардейца графа В.Б. Фредерикса — последнего министра Двора Его Величества

Великого князя Дмитрия Павловича и многочисленные документы и акварели, были любовно сохранены на протяжении десятков лет покровителем музея, председателем полкового объединения князем Сергеем Сергеевичем Белосельским-Белозерским.

Повседневная жизнь гвардейских объединений в Париже

Союзы и объединения бывших гвардейских полков всегда отличались своей строгой организацией, большой дисциплиной и точным соблюдением всех правил офицерской этики. Товарищеские завтраки или обеды представителей кавалерийских гвардейских полков в Париже стали неотъемлемой частью жизни военной эмиграции, воспринятой в качестве традиции, возвращавшей участников к временам пышных сборов в Царскосельском Офицерском собрании, где в определенный день месяца, в зависимости от полковых традиций, все офицеры полка присутствовали на совместном обеде. У кирасир датой полкового праздника была первая пятница месяца, у других полков — иные дни недели. Продолжалась эта традиция и в эмиграции, в особенности среди тех гвардейцев, кто проживал в тогдашнем европейском «центре цивилизации» — Париже. Участник этих собраний вспоминал: «Сначала собирались в ресторане «Эколь Милитэр», а после его закрытия в русских ресторанах, где имелся отдельный зал, чтобы можно было без помехи поговорить о полковых делах, вспомнить доброе старое время и посидеть за стаканом вина. К сожалению, выбор ресторана был очень труден: или плохо кормили, или выходило дорого. Пробовали французские, но в небольших ресторанах нет отдельных кабинетов, надо рано расходиться, да кроме того заранее сказать, сколько человек будет присутствовать, — невозможно, так как многие, особенно шоферы, связанные характером работы, приезжали, когда могли...»[112]

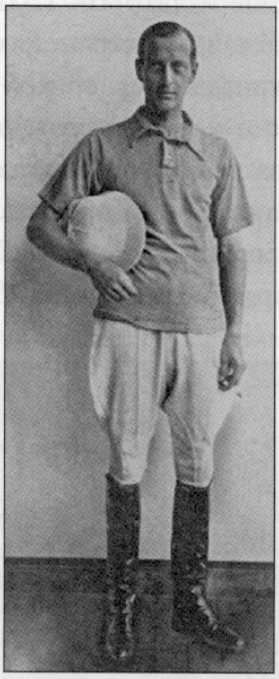
Собирались и на частных квартирах, у тех из офицеров, чей быт был наиболее устроен. Зачастую и у тех из них, кто владел просторной недвижимостью в Париже, но таких открытых русских домов в эпоху экономического спада в стране оказалось немного. Домашние собрания были предпочтительнее: вокруг не было посторонних, не подгоняли хозяева заведения уйти непременно до полуночи и, наконец, игра в невинный бридж никем не возбранялась. Ворчали обычно «полковые дамы», на чьи плечи ложились хлопоты по готовке и уборке дома, но это было для гвардейцев делом почти обычным и не подлежало обсуждению. Дело являлось «внутрисемейным» и не выходило за пределы квартиры, ибо посторонних лиц на этих посиделках, как

правило, не бывало. Изредка «посторонних» все же приглашали. Так, например, генерал Ознобишин удостоен чести быть приглашенным на кирасирские обеды именно за то, что в свое время пожертвовал в полковой музей некоторые реликвии. Первый тост гвардейцы в изгнании поднимали за российский Императорский дом и за полк. В полковые праздники представители Гвардейских объединений собирались в храме Святого благоверного Князя Александра Невского на улице Дарю вместе с семьями для участия в молебне с поминовением Державных своих Шефов, Августейших однополчан и просто однополчан, «за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших на поле брани». По окончании молебна полковым дамам обычно преподносились букеты цветов, а затем все участники спешили сделать общее фото, запечатлев еще оставшихся однополчан рядом с их родными. Благодаря авторитету первых руководителей Гвардейского объединения и их последователей в работе исторических комиссий было заведено составлять мартиролог однополчан и Державных Шефов, а в повседневной жизни гвардейцев сложился новый, хороший обычай в день Святого Апостола Андрея Первозванного 30 ноября/13 декабря служить молебен с поминовением всех усопших. Службы в Париже проходили, как правило, в храме Александра Невского. После богослужений полковыми объединениями устраивались «товарищеские обеды» офицеров, на которые не приглашались, по обыкновению,

Его Императорское Высочество Великий князь Дмитрий Павлович — Августейший шеф Объединения Лейб-гвардии Конного полка во Франции. Фото 1930-х гг.

«полковые дамы». Иногда на обеды прибывали Великие князья; особенно часто это были «Владимировичи»: Борис и его младший брат — Андрей. Судьба уготовала ему стать уже в

1950-е годы председателем Гвардейского объединения в Париже. После Рождества Христова для семей членов Гвардейского объединения устраивался Зимний бал, подготовленный стараниями Распорядительного ко-



Его Императорское Высочество Великий князь Дмитрий Павлович не оставлял своих спортивных привычек и в изгнании. После игры в поло. Фото конца 1930-х гг.

митета объединения. Весной, на Светлое Воскресение Христово, в объединении проходили «пасхальные встречи». Вся весьма кстати скромная прибыль от этих балов и встреч шла на благотворительные цели. Она служила некоторой помощью нуждающимся членам объединения, а также отчислялась на лечение или погребение усопших. Гвардейцы принимали участие в праздновании юбилеев своих полков, в частности широко были отмечены 200-летие Лейб-гвардии Измайловского полка и 200-летие Конной гвардии. По установившейся традиции, представители других лейб-гвардейских команд готовили поздравительные адреса «виновникам торжеств» и подносили памятные сувениры, такие, например, как серебряная чарка, подаренная кирасирами Его Величества измайловцам. Должность председателя распорядительного комитета требовала особой активности от того, кто занимал ее. Русская военная эмиграция единодушно отмечала заслуги полковника Д.Г. Лучанинова, бывшего старшего офицера Лейб-гвардии Петроградского полка, который занимал эту должность в 1960-х и 1970-х годах прошлого века. Полковник Лучанинов превосходно проявил себя в организации многих, как сказали бы теперь, «корпоративных мероприятий» объединения. Много потрудился он и в ходе строительства общегвардейской могилы на кладбище в парижском пригороде Sainte-Genevieve-des-Bois. Находчивость и изобретательность Лучанинова была отмечена сослуживцами еще во времена Граж-

данской войны, когда под его началом разрозненные пульмановские вагоны, найденные на запасных путях, были преобразованы в бронепоезд «Гвардеец № 1». В любой обстановке Лучанинов держал себя весьма достойно и, по описаниям очевидцев, столь же «достойно носил в петлице пиджака значок георгиевского оружия». В Париже в те времена регулярно выходил «Вестник Гвардейского объединения» с помещенными в нем личными воспоминаниями гвардейцев о былом, и статьями про современную жизнь объединения. К середине 1970-х годов прошлого века гвардейская периодика стала выходить с задержками, объяснимыми как материальными факторами — недостатком средств, так и физическими возможностями редакторов и авторов. Годы брали свое, и все чаще на страницах вестников и журналов гвардейской эмиграции можно было встретить прощальные слова редакций, обращенные к своим читателям, подобные тем, которыми завершился выпуск «Вестника конногвардейцев» в январе 1975 года:

Кабинет музея Лейб-гвардии Конного полка с полковыми реликвиями. Фото 1950-х гг.

«Мы добрались к этому благополучному концу не без труда! ...и если бы не жертвенная помощь нескольких членов нашего Объединения... этот номер "Вестника" никогда не увидел бы света! Кроме того, помимо этой причины далеко не юношеский возраст редакции тоже не мог придать особой бодрости и успеха в работе! Вот почему после некоторого размышления и принимая во внимание эти две причины, указанные выше, мы пришли к тому заключению, что лучший выход для нас будет это прекращение издания «Вестника» и потому № 21 является и его последним в нашей редакции»[113].

На всем протяжении существования феномена гвардейской эмиграции современниками неоднократно отмечалось и то, что, уходя в лучший мир, гвардейцы оставляли после себя немало предметов своего быта и боевых реликвий, переживших своих владельцев, к которым представители новых ассимилировавшихся за границей поколений были абсолютно равнодушны. Вместе с тем многолетняя жизнь на чужбине постепенно сгладила строгие порядки, регламентирующие не только поведение и внешний вид представителя Гвардейского объединения, но и другие составляющие его жизни, вплоть до предписанного церемониала отдания последних почестей ушедшим. Гвардия постепенно подстроила свой быт и жизнь к тому укладу жизни, который существовал в странах ее проживания. Так, уже в начале 1960-х годов становилось редкостью, когда отошедшего в мир иной чина Гвардии одевали в полковую форму. По некоторым свидетельствам, последний подобный случай был отмечен сорок четыре года назад, в 1962-м году, на погребении генерала от кавалерии Павла Николаевича Шатилова. В 1989-м году представители потомков объединения Лейб-гвардии Казачьего полка проводили в последний путь в Париже полковника Бориса Федоровича Дубенцева. Прощание с ним проходило под звуки полкового марша — «Свадебного марша» Мендельсона, присвоенного Лейб-Казачьему полку по приказу Государя Императора Александра II, имевшего возможность как-то наблюдать атаку лейб-казаков на турецкие позиции. Передают, что Государь сказал тогда окружавшим его чинам, что казаки идут в бой как на свадьбу. Эти его слова возымели немедленное действие. Лейб-казачьим полковым маршем стал марш Мендельсона. Во время отпевания Дубенцева над его гробом возносился шатер из алых пик, поддерживающих георгиевский штандарт, Высочайше

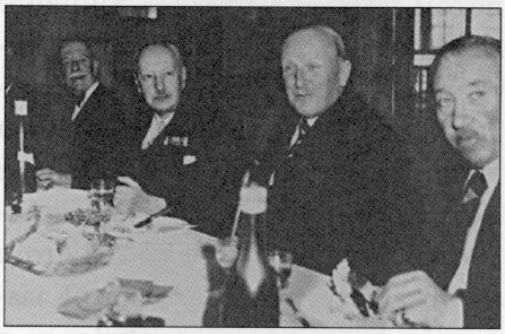
пожалованный полку в 1875 году. На самом гробу над трехцветным российским флагом лежали кивер с белоснежным султаном, обнаженный клыч и все русские и французские ордена покойного, который еще в 1940 году отличился в боях на севере Франции.

Последние десятилетия гвардейской жизни за рубежом

Шло время, и в Европе активная общественная жизнь гвардейской эмиграции постепенно угасала. Уже в 1950-е и 1960-е годы прошлого века каждую неделю русские полковые объединения хоронили старых или более молодых своих офицеров и генералов. Участникам печальных церемоний запомнились простые гробы своих боевых товарищей, покрытые российским трехцветным флагом. На гробах нередко возлежали по пути до могилы фуражки «цветных полков», ведь многие гвардейцы начали свое

Кабинет музея Кейб-гвардии Конного полка с полковыми реликвиями. Фото 1950-х гг.

участие в Гражданской войне в составе так называемого Офицерского полка, впоследствии ставшего Марковским. Иногда вместо фуражки на крышку гроба возлагались гвардейская кавалергардская или кирасирская



Чины полкового объединения Лейб-гвардии Конного полка во Франции. На фото в центре — полковник В.Ф. Козлянинов и князь С. С. Белосельский-Белозерский

каска, гусарский кивер, если таковые находились, скрещенным палашом или изящной саблей. Погребение русских воинских чинов проводилось при выносе полкового штандарта или знамени, если эти предметы разделили изгнание своих однополчан. Взятые наугад объявления о кончине тех или иных чинов Гвардии, которые можно было встретить в каждом номере «Вестника Гвардейского объединения», сообщали читателю краткую биографию покойного и его боевой путь, а также место вечного упокоения, как правило, в самых невероятных уголках мира — от пригородного парижского Сент-Женевьев-де-Буа до экзотической Южной Африки.

За скупыми строками сообщений — непохожие судьбы гвардейцев, разбросанных судьбою по всему земному шару, незаметно, друг за другом уходящих, согласно возвышенной метафоре поэта военной эмиграции Ивана Савина, отправившихся на свой последний смотр «Лейб-Гвардии Господнего полка».

«Ушедшие... Кавалергардский Государыни Императрицы Марии Федоровны полк. 6 мая скончался Генерал-Лейтенант Александр Павлович Родзянко, производства 1899 г. В гражданскую войну генерал Родзянко командовал Северо-Западной армией. 16 июня скончался Ротмистр Олег Федорович Дубасов, производства 1912 года. Лейб-Гвардии Преображенский полк. 15 октября 1970 г. в Париже скончался Полковник Юрий Владимирович Зубов, выпуска 1913 года, кавалер Ордена св. Георгия 4 ст. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Лейб-Гвардии Семеновский полк. В ночь на 4 сентября, в Англии, скончался Капитан Анатолий Владимирович Иванов-Дивов, выпуска 1908 года из Павловского Военного Училища. Прах перевезен в Южную Америку... Гвардейский экипаж. 8 сентября 1969 года, в шта-

те Нью-Йорк, скончался Старший лейтенант Павел Алексеевич Воронов, производства из Морского корпуса («Мессинского» выпуска) 1908 года. По окончании заграничного плавания Корабельным Гардемарином и по производстве в офицеры, был зачислен в Гвардейский экипаж с назначением на крейсер «Олег». В 1911 году был зачислен на Императорскую яхту «Штандарт», потом плавал на яхте «Александрия». С началом войны, с батальоном Гвардейского экипажа был отправлен на Западный фронт, где батальон отличился в боях на Висле. После отступления в 1915 году, одно время состоял в Собственном Его Величества Сводном пехотном полку, после чего вернулся к себе, в батальон. Во время гражданской войны был в Вооруженных силах Юга России. Годы эмиграции покойный провел со своей супругой в США. Служил в разных фирмах, главным образом в Филадельфии и Чикаго. Выйдя на пенсию, проживал сперва в окрестностях Нью-Йорка, потом недалеко от Св. Троицкого монастыря, где и скончался 8 сентября после тяжелой болезни... Лейб-Гвардии Уланский Его Величества полк. В мае месяце в Нью-Йорке скончался Ротмистр Борис Александрович Борзенко, выпуска 1912 года из Эскадрона Николаевского Кавалерийского училища. В 1918 году, в Киеве, был расстрелян вместе со своим однополчанином Полковником Домонтовичем. Раненный пятью револьверными пулями, упал. Был сочтен за мертвого — чудом спасен...»[114]

Судьба гвардейских полковых реликвий

Когда-то, в 1950-е годы, немыслимо было даже представить возвращение России на ее исторический путь. Полковое объединение лейб-гренадер решило передать свое знамя наиболее близким боевым единомышленникам — английским гвардейским гренадерам в Лондон. Это знамя хранилось с почетом в лондонских гвардейских казармах Wellington barracks.

Одним из британских жестов доброй воли и в целях сохранения в воинской части Преображенского марша герцогом Эдинбургским Филиппом был издан указ для английской конной гвардии исполнять этот марш при официальных церемониях.

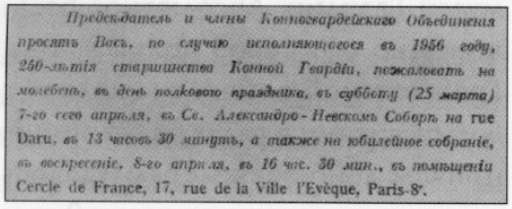
24 июня 2004 года в Букингемском дворце в рамках государственного визита Президента России Вла-

димира Путина в Великобритании состоялась торжественная церемония передачи знамени Императорского Лейб-гвардии Гренадерского полка Музею российской Гвардии, который работает в Государствен-

Часы с монограммой Его Императорского Высочества Великого князя Дмитрия Павловича и знаком Лейб-гвардии Конного полка — одна из полковых реликвий, сохраненных в изгнании

ном Эрмитаже в Петербурге. Церемония передачи прошла при участии британского гвардейского гренадерского полка и военных представителей России. Однако нужно отметить, что в документе на передачу этого знамени, составленном чинами Лейб-гвардии Гренадерского полка при его передаче в Великобританию, зафиксировано, что это знамя должно вернуться в Россию тогда, когда не будет власти большевиков, когда изменится политический строй в стране. И первым условием стояло обязательство в том, что либо оно должно быть возвращено в возрожденную или восстановленную воинскую часть, то есть Лейб-гвардии Гренадерский полк, которого, как известно, нет, либо может быть передано в музей Гвардии. Абсолютное большинство офицеров полка в годы Гражданской войны сражались с большевиками в рядах белых армий, причем лейб-гренадерам удалось спасти и свое полковое знамя. Затем в начале 1918 года 18 офицеров полка во главе с командиром полковником Николаем Николаевичем Дорошевичем — Никшичем именно под этим своим знаменем участвовали в легендарном 1-м Кубанском «Ледяном» походе. В дальнейшем с прибытием в армию и других офицеров (их было несколько десятков) Лейб-гвардии Гренадерский полк (как и другие гвардейские полки) был возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919-го лейб-гренадеры составляли батальон в 1-м Свободно-Гвардейском полку, с октября 1919-го — в Свободном полку 2-й Гвардейской пехотной дивизии, а в Русской армии генерала Врангеля — роту во 2-м батальоне Свободного Гвардейского пехотного полка. В борьбе с большевиками погибли 24 офицера полка (не считая расстрелянных гренадер в ходе красно-

го террора). В эмиграции полковое объединение в начале 1930-х годов насчитывало до ста человек, в том числе около 50 офицеров, но они постепенно вымирали. И в конце 1950-х годов последние офицеры



Председатель и члены Конногвардейского Объединения просят Васъ, по случаю исполняющагося въ 1956 году, 250-лѣтія старшинства Конной Гвардіи, пожаловать на молебенъ, въ день полковаго праздника, въ субботу (25 марта) 7-го сего апрѣля, въ Св. Александро-Невскомъ Соборѣ на rue Daru, *въ 13 часовъ 30 минутъ, а также на юбилейное собраніе, въ воскресенье, 8-го апрѣля, въ 16 час. 30 мин., въ помѣщеніи* Cercle de France, 17, rue de la Ville l'Evêque, Paris-8e.

Приглашение на полковой праздник, посвященный 250-летию Конной Гвардии

полка, предчувствуя свой скорый уход в иной мир, постановили передать полковое знамя на почетное хранение Гренадерскому полку британской королевской гвардии — своему союзнику по Первой мировой войне. В соответствии с условием, оговоренным при передаче этой военной реликвии, знамя должно было оставаться на хранении в полку до времени избавления России от коммунизма и прихода к власти в России русского национального правительства, должного возродить подлинную российскую армию и Лейб-гвардии Гренадерский полк. Информационное агентство «Новости» по своему незнанию истории или крайней наивности, радостно отреагировало на возвращение гренадерской святыни: «Советской власти в России нет уже почти 12 лет, при Эрмитаже создан Музей российской гвардии, расположенный в здании бывшего Гвардейского штаба на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, где хранится шесть тысяч гвардейских знамен. В этих условиях российская сторона сочла целесообразным поднять вопрос о возвращении знамени. В феврале этого года Министерство культуры РФ направило письмо командиру Гренадерского полка Королевской гвардии полковнику Дэвиду Маддену с просьбой рассмотреть данный вопрос. На офицерском собрании, где присутствовали потомки русских офицеров, живущих ныне во Франции, было принято решение о возвращении знамени при условии его обязательного хранения только в Музее российской Гвардии Эрмитажа». История, подобная возвращению штандарта Гренадерского полка, произошла и с вывезенным из большевистской России штандартом Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Этот штандарт был передан последними представителями полкового объединения на территории США в один из американских военных музеев. Однако по прошествии 33 лет, в ответ на просьбу одного из деловых авантюристов постсоветского капитализма, администт-

рация американского музея, видимо, плохо представляя себе тонкости взаимоотношений между Белым воинством и потомками большевиков, легкомысленно решило передать штандарт для помпезной «пиаровской» акции, организованной в связи с 300-летим Петербурга...

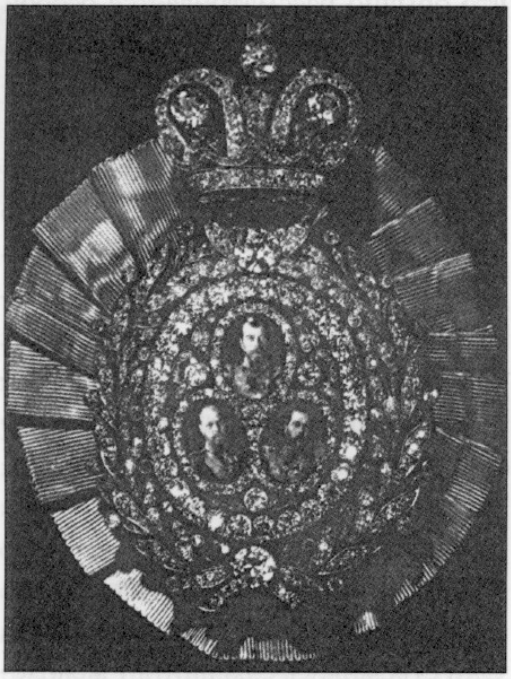
О новом поколении в гвардейских объединениях

С течением времени старшее поколение военных эмигрантов осознало, что процесс пополнения их рядов не должен иссякнуть и что следует очень тщательно рассмотреть возможность пополнения полковых объединений и союзов путем привлечения молодых людей, прием которых в эти организации не противоречил бы правилам принятия в полк.

В первую очередь, еще в середине прошлого века в полковые объединения стали принимать юнкеров, окончивших военно-учебные заведения в эмиграции. Затем, в 1970-е и 1980-е, подошла очередь молодых, достойных подрастающих родственников старых офицеров полка, и в наши дни очередь дошла до их внуков. В редких случаях в полковые объединения принимались лица, оказавшие исключительные услуги полковому объединению. Дело дошло до того, что когда некоторые полковые объединения Гвардии исчезали, то в правление Общегвардейского объединения стали поступать официальные рапорты от одиноких потомков старых офицеров с просьбой дать им разрешение носить полковой знак, что обычно рассматривается особой комиссией, которая выносит свое решение без права его оспаривать. Священнослужителям и военным разрешается носить этот знак в полном размере на военной форме, обычно иностранной, так как многие потомки русских гвардейских офицеров — военнослужащие иностранных армий. В случае, если потомок русского гвардейского офицера принадлежит к духовному званию, то по решению комиссии ношение подобного знака разрешается на рясе.

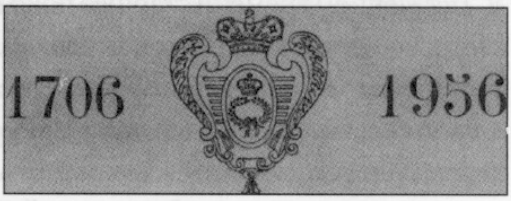
Гвардейцы, как известно, оставили на чужбине не только свои могилы. Они стремились сохранить у молодого поколения высокие идеи служения самой Гвардии подлинной России. Умели они это делать просто и ясно, объясняя потомкам, что есть вещи, которые можно делать, а есть такие, которые — нельзя! В любых условиях они всегда оставались верными «календарным датам» гвардейских праздников и скорбных годовщин. Все они старались оставить после себя и памятные предметы их жизни на чужбине, такие, как медаль, отчека-

ненную в парижском монетном дворе в 1950 году по случаю 250-летия российской Императорской Гвардии. По старой традиции, личный пример офицера оставался главным способом передачи этики и правил поведения.



Памятная брошь с бриллиантами и портретами трех российских императоров, пожалованная Государем графу В.Б. Фредерику

Даже в рядах иностранных армий эти принципы священно хранились русским офицерством. Так, в 1940 году Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка полковник Сафонов, командуя эскадроном французской конницы, сумел хладнокровно вывести его из окружения под огнем немецких танков и довести до юга Франции без потерь. За это Сафонов был награжден орденом Почетного легиона. Подобные эпизоды не могли не служить примером доблести для молодых людей русской эмиграции,



Полковой знак Лейб-гвардии Конного полка на обложке приглашения на празднование юбилея полка

впоследствии выполнявших свой долг в боевой обстановке иностранной армии. Недаром русские гвардейцы на службе Франции любили отвечать на упреки иностранных сослуживцев за их стремление к перфекционизму: «...с нас требуется больше, потому что если поведем себя неправильно, то непременно отметят, что мы — русские, да еще потомки старой Гвардии».

Похожее отношение ко всему, чем бы они ни занимались, осталось и у тех, кто оказался по другую сторону железного занавеса. Оставаясь в своем Отечестве, они были обречены на планомерное истребление новыми хозяевами России. Характеризуя в самых общих чертах положение чинов Императорской Гвардии в СССР после 1920 года, нельзя

было бы назвать его даже сносным. Отсутствие постоянных заработков, возможности служить по специальности, а главное — потеря самоидентификации, всегда отличавшей офицеров Гвардии — главных защитников русского самодержавия и Отечества.

Взамен утраченной значимой социальной роли западные космополитические общества и коммунистический лагерь предлагали нудный, малоквалифицированный, порой рабский труд, полную утрату общественных привилегий, обрекая эти отборные, лучшие и проверенные военные кадры на постепенное угасание и слияние с серой массой общества. В лучшем случае им лукаво предлагался набор нехитрых житейских благ, на которые мог рассчитывать средний гражданин послевоенной эпохи, удачно вписавшийся в социальный контекст эпохи.

Судьбы чинов Гвардии, оставшихся в СССР

Необходимо признать, что гвардейцы, оказавшиеся по обе стороны железного занавеса, испытали в чем-то сходные чувства. Им претило общество, в котором их знания оказывались невостребованными, а дух готовности положить жизнь свою за идеал православного Отечества, освобожденного от недругов, подвергался всяческому шельмованию и лишался естественной основы в лице государственных институтов.

Но если бежавшие на Запад вместе с Русской армией чины Гвардии еще могли рассчитывать на относительное безразличие к себе власть предержащих, не становясь явными их противниками, то в социалистическом лагере гвардейцам не приходилось рассчитывать даже на относительное забвение. Известное дело «Весна», вспыхнувшее в начале 1930-х годов на территории Украины и РСФСР, вовлекло в водоворот репрессий свыше 3000 офицеров и генералов Императорской армии. В это число вошло известное количество лиц, служивших до и во время Великой войны в Гвардии, по объективным причинам не ушедших с Русской армией барона Врангеля за границу в ноябре 1920 года.

Среди арестованных в Советском Союзе офицеров и генералов оказалось немало и тех, кто долгое время подвизался на штабной, преподавательской и военно-научной работе у большевиков. Среди них — А.А. Балтийский, А.И. Верховский, В.Н. Егорьев, А.Г. Лигнау, А.Д. Малевский,

В.Л. Ольдерогге, С.А. Пугачев, А.А. Свечин и другие чины бывшей Императорской армии. По-разному вели себя эти люди на допросах. Большинство из них (особенно А.И. Верховский и А.А. Свечин) не уронили чести русского офицера. Но некоторые по неизвестным причинам дрогнули. Так, арестованные преподаватели Военной академии Н.Б. Какурин и И.А. Троицкий, ставший осведомителем ГПУ после своего ареста уже в августе — сентябре 1930 года, дали компрометирующие М.Н. Тухачевского показания. О них доложили Сталину, и тот в письме к Орджоникидзе от 24 сентября 1930 года высказывал предположение о вероятной политической нелояльности М.Н. Тухачевского: «Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру...»

На примере отдельных представителей Гвардии, чей жизненный путь пролег от Царскосельского плаца до занесенных снегом плацев советского ГУЛАГа, можно проследить удивительное единообразие судеб тех, кто, единожды поддавшись искушению служить у большевиков, был вынужден испить горькую чашу расплаты до дна. Так, генерал-майор Владимир Александрович Афанасьев, начавший в самом конце XIX века службу в Лейб-гвардии Павловском полку и служивший затем после окончания академии на разных должностях в штабах Гвардейского корпуса, после Великой войны и октябрьского переворота 1917 года оказался в стане большевиков. С 1924 года он преподавал военное искусство в Военно-воздушной академии, а в 1926—1930 годах занимал должность начальника музея НКПС, затем читал лекции в Горной академии. В 1930 году был арестован ГПУ, но освобожден без суда. Повторно Афанасьева арестовали в начале нового, 1931 года по делу «Весна», однако в ходе следствия виновным генерал себя не признал. Советский суд вынес ему сравнительно мягкий приговор — Афанасьев был осужден всего лишь на три года лагеря. Свой срок отбывал в СибЛАГе. По материалам уголовного дела, в 1935 году Афанасьев все еще находился в заключении, а после своего освобождения проживал в Новосибирске. Как напишут о генерале современные исследователи, «дальнейшая его судьба неизвестна».

Бывший офицер Базаревский Александр Халильевич до революции служил в Лейб-гвардии Литовском и Егерском полках. Занимал различные должности в штабе Варшавского военного округа. Одним из первых оказался арестован по делу «Весна» и уже к августу 1931 года был осужден к 5 годам ла-

герей. За примерное поведение в лагере Базаревский был досрочно освобожден и в 1934 году снова вернулся на преподавательскую работу и даже назначен начальником отделения Генерального штаба в чине полковника. Вторично Базаревский был арестован НКВД в декабре 1937-го по обвинению в участии в контрреволюционной организации и антисоветской деятельности и вскоре, спустя четыре месяца, в апреле 1938 года приговорен к расстрелу.

Судьба оказалась немилосердна и к бывшему чину Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады Владимиру Львовичу Барановскому, и вовсе не потому что родная сестра генерала вышла замуж за одного из главных участников развала российской государственности А.Ф. Керенского. Большевикам Керенский был как бы даже и не враг, а в чем-то и предтеча и оттого смог дожить без трудностей до той поры, когда в разоренном Отечестве его большевики праздновали столетие своего идола — В. Ульянова-Ленина. В свое время Барановский окончил Сибирский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище в самом конце уходящего в историю «золотого века гвардии» (1899), а после поступил на учебу в Николаевскую военную академию, которую окончил по I разряду за семь лет до большевистского переворота. Служба у большевиков не спасла его от репрессий. Барановский был арестован в феврале 1931-го все по тому же делу «Весна» и даже признал себя виновным. По воспоминаниям жены, признание было сделано под давлением следствия, которому Барановский не мог противостоять морально, ибо в то время был тяжело болен. Большевики осудили своего бывшего сотрудника и приговорили к высшей мере наказания, однако в последний момент расстрел был заменен ему на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Через полгода бывший гвардеец умер в СибЛАГе от прогрессирующего недуга.

А бывший офицер Лейб-гвардии Егерского полка Сергей Георгиевич Бежанов, он же Сакварелидзе, добровольно оставшийся в СССР, в конфликты с советской властью вступать не стремился, продолжая верой и правдой служить большевистской власти на Украине. Но в самом начале 1931 года был неожиданно отозван в Москву на должность преподавателя Военной академии имени Фрунзе и там арестован по делу «Весна» в ночь с 20 на 21 февраля. Бежанов — Сакварелидзе обвинялся ОГПУ как один из руководителей якобы организуемого на Украине восстания. В предъявленном ему обвинении он

неожиданно для следствия быстро признался и был расстрелян в Харькове в ночь на 1 июня 1931 года.

Непросто, но довольно устойчиво развивалась карьера при советской власти генерала Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, бывшего к тому же родным братом В.Д. Бонч-Бруевича, одного из видных деятелей ВКП(б). Михаил Дмитриевич некогда служил в Лейб-гвардии Литовском полку, стоявшем в Варшаве. После того на разных должностях — при штабе и в частях Киевского военного округа. После октябрьского переворота он всемерно поддерживал большевиков, но шесть лет спустя оказался арестован ОГПУ совсем по другому ряду статей Уголовного кодекса. Дело Бонч-Бруевича было передано на рассмотрение прокуратуры и вскоре прекращено. В 1922 году на Бонч-Бруевича были небольшие нападки по партийной линии, от которых его успешно защитил Дзержинский, а в 1927—1928 годах за генерала неожиданно заступился начальник ОГПУ А.А. Артузов. В дальнейшем Бонч-Бруевич состоял для поручений при Реввоенсовете СССР, преподавал на КУВНАС, однако это не спасло его от ареста в ночь с 21 на 22 февраля 1931 года все по тому же делу «Весна». Вина его следствием доказана не была, и во второй половине мая 1931 года немолодого генерала отпустили на свободу и с той поры уже не пытались арестовывать. Умер Бонч-Бруевич в преклонном возрасте в 1956 году в Москве в чине генерал-лейтенанта Советской армии.

Совсем иначе сложилась судьба гусара и царскосела Владимира Николаевича Готовского. Человек разнообразных увлечений, он в 1897 году окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду в 1903 году, а также Офицерскую воздухоплавательную школу в 1913 году. Готовский служил в Лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. По возвращении в Советскую Россию после Великой войны он преподавал в Военной академии РККА. С 1928-го Готовский был назначен старшим руководителем Академии ВВС. В те годы он близко общался с некоей Ольгой Андреевной Зайончковской, дочерью известного генерала и агентом ОГПУ, что, возможно, и ускорило его арест, состоявшийся 23 февраля 1931 года все по тому же пресловутому делу «Весна». Ольга Зайончковская выступала в роли секретного сотрудника ОГПУ (по мужу — Попова). Она поддерживала близкие дружеские отношения со своим двоюродным братом, бывшим полковником и видным военачальником Н.Е. Какуриным, генштабистами братьями Готовскими, Де-Лазари,

Соллогубом и другими. С 1922 по 1937 год Зайончковская, пользуясь громким именем своего отца, бывшего генерала Лейб-гвардии Семеновского полка Андрея Меандровича Зайончковского, продавшегося большевикам, убоявшись расстрела, втиралась в доверие к крупным советским военным, методично собирала все сплетни, а затем передавала их в обработанном виде своим «кураторам» из ОГПУ. При обыске у Готовского чекистами была изъята книга «Подслушивание телефонных разговоров», но свою вину в инкриминируемых ему преступлениях против советской власти он так и не признал. В июле 1931 года Готовский был приговорен к 3 годам лагерей условно, а через три года сразу после освобождения снова вернулся на преподавательскую работу. После этого, казалось бы, благополучного исхода, современные исследователи громкого дела «Весна» вынуждены были констатировать, что дальнейшая судьба Готовского «неизвестна».

Показательно, что среди генералов и офицеров Гвардии, арестованных в ходе этой крупномасштабной операции ОГПУ, находились и простые армейские чины, мужеством не уступавшие своим гвардейским товарищам по несчастью. Так, однажды оступившийся и пошедший на службу в РККА генерал-майор Александр Николаевич Голицинский вышел в отставку в 1923 году по инвалидности. Бедствовал, занимался рисованием картинок для яслей и частным переплетом книг. Оказавшись арестованным в ночь с 29 на 30 октября 1930 года по делу «Весна», следствию ни одного показания не дал и, по официальной версии, скончался в Бутырской тюрьме 2 февраля 1931 года «от сердечной слабости», а его «тело было предано сожжению». Служба Евгения Андреевича Искрицкого в Лейб-гвардии 3-й Артиллерийской бригаде и Гвардейском Стрелковом артиллерийском дивизионе и по окончании Николаевской академии Генерального штаба занятие различных должностей в штабе Московского военного округа и Главном управлении Генерального штаба не уберегли его от повинности служить большевикам. Бедственные условия жизни заставили Евгения Андреевича пойти в начале 1920-х годов на преподавательскую работу в Военно-политическую академию имени Толмачева. Его родные вспоминали, что еще долгое время Искрицкий из брезгливости не носил форму Красной армии, предпочитая ей гражданское платье. Этот видимый протест советской власти быстрее, чем что-либо другое, пододвинул его арест в январе 1931 года все по

тому же делу «Весна», но весной того же года Искрицкий был осужден по другому делу. Судьба забросила его в самый отдаленный уголок лагерной системы СССР, где он и скончался уже в 1949 году, отбывая ссылку в безводных окрестностях Чимкента в Казахстане.

Служба Константина Константиновича Шильдбаха в Лейб-гвардии 1-м Стрелковом полку открыла ему путь в Николаевскую академию Генерального штаба. По окончании академии он служил на различных штабных должностях в войсках Гвардии и Петербургского военного округа, ожидая дальнейшего развития спокойной и размеренной карьеры офицера Генерального штаба, однако разразившиеся политические события в России не оставили камня на камне от честолюбивых мечтаний гвардейского штаб-офицера. В Гражданскую войну Шильдбах укрывался от призыва в РККА и одновременно состоял на учете в Добровольческой армии, не участвуя в ее действиях. В 1920 году его осудил революционный трибунал «за службу у белых». Впрочем, тогда он каким-то образом смог оправдаться, и начатое было его дело оставили без последствий. В 1922-м Шильдбах даже переехал в Москву и начал преподавать, читая курс в Высшей военно-педагогической школе, Тимирязевской академии и Горном институте. Дальше события развивались в привычном для ОГПУ русле. Оно арестовало Шильдбаха в канун нового, 1931 года по делу «Весна» но вменяемую вину Шильдбах не признал. Советский суд был вынужден даже освободить его в мае 1931 года, но с лишением права проживания в центральных районах СССР на 3 года. А что случилось со славным гвардейцем, попытавшимся верой и правдой послужить большевикам, неизвестно, ибо и про него источники говорят, что «дальнейшая его судьба неизвестна». Репрессии коснулись и отдельных гвардейских полков, чьи представители, несмотря на службу у большевиков, оставались потенциально опасными для советской власти и при первом удобном случае подлежали уничтожению. Так, например, после 1920 года последним из штаб-офицеров Лейб-гвардии Финляндского полка, оставшихся в Советской России, оказался полковник В.В. де Жерве, решивший любой ценой сохранить узы дружбы со своими однополчанами. Некоторые финляндцы жили в Ленинграде, другие, находясь на службе в РККА, были разбросаны по всей стране. Де Жерве наносил визиты полковым товарищам, переписывался с ними. Так, в 1924 году он приехал к преподавателю школы усовершен-

ствования комсостава «Выстрел», подполковнику Генштаба В.К. Головкину. В 1930-м гостил Жерве и у другого своего однополчанина — бывшего капитана Генштаба В.В. Сергеева — одного из главных фигурантов пресловутого дела «Весна». Младший брат Сергеева, тоже финляндец, с остатками полка под сенью полкового штандарта бился с большевиками на фронтах Гражданской войны, а после эвакуации из Крыма и долгих месяцев скитаний эмигрировал во Францию. Не мог обойти в череде визитов де Жерве и вернувшегося из эмиграции знаменитого генерала Якова Александровича Слащова-Крымского, как известно, начинавшего службу в Лейб-гвардии Финляндском полку. Без сомнения, эта бурная общественная деятельность полковника де Жерве не могла укрыться от всевидящего ока ОГПУ, а его визиты к Слащову решили во многом участь большей части оставшихся в СССР финляндцев.

В начале 1927 года в Ленинграде группа бывших офицеров Лейб-гвардии Финляндского полка во главе с полковником де Жерве была неожиданно для них арестована. Слащева, Головкина и Сергеева ОГПУ не тронуло, но усилило за ними наблюдение. В целом был установлен контроль над видными военными, вернувшимися из эмиграции: генералами Я.А. Слащовым и донским военачальником А.С. Секретевым. Интересно, что Якова Александровича сотрудники ОГПУ долго и безуспешно пытались подловить на антисоветской агитации и пропаганде. Ведь пока генерал преподавал в школе усовершенствования комсостава «Выстрел», он многократно во время лекций мог «оговориться», однако этого не случилось. Похоже, что единственным развлечением Слащова были регулярные попойки, где участники застолий напивались до такого состояния, что вообще о каких-либо разговорах не могло быть и речи. Одно время бывшего белогвардейского военачальника пытались даже привлечь к ответственности за умышленное спаивание молодых красных командиров. Но абсурдность этой идеи была очевидна даже для ОГПУ, жаждавшего найти хоть малейший повод к аресту, однако оно не рискнуло арестовать Якова Александровича по этому обвинению. Вместе с арестом бывших финляндцев в Ленинграде были схвачены и другие офицеры, связанные с ними. В частности, летом 1927 года в ОГПУ попали преподаватели Военно-политической академии: бывший полковник Валентин Павлович Дягилев и капитан Евгений Павлович Ильин, а также их жены. 24 марта 1928 года Дягилев был приговорен к расстрелу с заменой десятью годами заключения, про-

чие — трем годам ссылки. До революции в Петербурге и окрестностях располагалось 8 полков Гвардейской пехоты, 4 — стрелков, и 8 — кавалерии (не считая казаков). Почти все гвардейские кавалеристы пробрались в различные белые армии, и в Гражданскую войну с оружием в руках дрались с большевиками. К 1931 году из гвардейских кавалерийских офицеров в Ленинграде почти никого не осталось. Организация Лейб-гвардии Финляндского полка полковника В.В. Жерве, как упоминалось, была ликвидирована еще двумя годами ранее, и поэтому из бывших финляндцев в городе также никого не было. Зато ОГПУ были выявлены и арестованы бывшие офицеры Лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского и Московского полков. Так же были арестованы некоторые бывшие офицеры Лейб-гвардии Гренадерского, Павловского, Кексгольмского полков, а вместе с ними несколько человек из гвардейских стрелков. Всех их обвиняли в том, что они создали контрреволюционные организации по принципу принадлежности до революции к той или иной части. Офицеры и лица, связанные с самым именитым в российской армии Лейб-гвардии Преображенским полком, часто собирались вместе, вспоминали былое, обсуждали современное положение. В конце 1920-х годов, когда полковая церковь преображенцев обветшала, находившиеся в СССР бывшие офицеры пытались обратиться за финансовой помощью к своим однополчанам из эмиграции. Из этой затеи конечно же ничего не вышло, а для ОГПУ связь с эмиграцией стала главным пунктом обвинении бывших преображенцев. Однако этим дело не исчерпывалось. Как выяснилось на допросах, в 1917 году бывший полковник Лейб-гвардии Преображенского полка Д.Д. Зуев по поручению командира полка, в будущем известного белого военачальника Кутепова, у себя на квартире спрятал полковое знамя — святыню Императорской Гвардии. Кроме того, от Зуева были получены показания о том, что в годы Гражданской войны он поддерживал связь с белыми. Эти два признания стали серьезным довеском к делу преображенцев. Отправившиеся на квартиру Зуева уполномоченные ОГПУ обнаружили остатки полкового знамени и приложили его к делу в качестве вещественного доказательства. Зато двуглавого орла — так называемое навершие знамени — ОГПУ найти так и не удалось. По свидетельствам преображенцев, орел оказался у бывшего однополчанина, также арестованного генерала Е.М. Казакевича. Но Евгений Михайлович, несмотря на свое

«признание» в участии в контрреволюционной организации, отказался сообщить что-либо о судьбе навершия, утверждая, что потерял его. Так судьба этой детали полкового Преображенского знамени осталась неизвестной и еще ждет своей разгадки будущими историками-исследователями.

Почти все бывшие офицеры, проходящие по делу «заговора преображенцев», были расстреляны. Одно из исключений составил главный фигурант дела преображенцев, бывший полковник Д.Д. Зуев, вскоре освобожденный и расстрелянный только в 1937 году. Лица же, привлеченные к делу, но не служившие в полку, получили различные сроки заключения, а некоторые из них были даже отпущены. Так называемое «Семеновское дело», в отличие от «Преображенского», раскручивалось на основе более чем сомнительных данных. Дело в том, что для советской власти Семеновский полк оставался самым ненавистным из всех полков русский Императорской армии. Во-первых, в 1905 году семеновцы участвовали в подавлении вооруженного восстания в Москве. Во-вторых, в 1917 году Семеновский полк объявил себя приверженцем нового строя, был переименован в 3-й Петроградский городской охраны имени Урицкого и... в 1919 году успешно перешел на сторону Северо-Западной добровольческой армии генерала Юденича. Естественно, простить такого большевики не могли, тем более что среди арестованных ими оказалось трое участников подавления Московского восстания 1905 года и шестеро бывших офицеров и унтер-офицеров, в 1919 году перешедших на сторону Юденича. В 1920-х годах все они вернулись домой из эмиграции, но продолжали поддерживать переписку с инициатором перехода полка, проживавшим в Финляндии, капитаном Зайцовым. Но это, как выяснилось, было только начало.

При разборе алтаря церкви Лейб-гвардии Семеновского полка уполномоченные ОГПУ обнаружили... полковое знамя, которое семеновцы старательно хранили все эти годы. Таким образом, у арестованных офицеров полка накопилось немало «проступков» перед большевистской властью. Исследователи ссылаются на утверждение некоего Алексея Поливанова, потомка одного из офицеров полка, что из 21 арестованного семеновца 11 были расстреляны.

А именно: генералы Я.Я. Сиверс, Н.А. Кавтарадзе, Д.А. Шелехов, полковники А.М. Поливанов, Д.В. Комаров, П.Н. Брок, Л.В. Дренякин, чиновник В.В. Христофоров, капитан Е.И. Кудрявцев и унтер-офицер К.П. Смирнов. Еще

четверо получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей: капитан Г.И. Гильшер, прапорщик П.П. Куликов, военный чиновник А.Е. Родионов и унтер-офицер Я.С. Полосин. Пятеро семеновцев отделались 5 годами лагерей: капитаны Н.В. Лобашевский и Г.К. Столица, подпоручик Б.К. Розе, унтер-офицеры Ф.А. Максимов и А.Ф. Тимофеев. Наконец, один — прапорщик М.Р. Радкевич — был отпущен. Подобно преображенцам и семеновцам, некая «вина» перед советской властью появилась и у офицеров Лейб-гвардии Измайловского полка. Главным фигурантом «дела измайловцев» оказался бывший капитан А.А. Кованько, простодушно «сознавшийся» следователям ОГПУ в том, что еще с 1918 года входил в состав контрреволюционной организации. Однако с этим Кованько вышла путаница: по делу заговора офицеров Московского полка был также арестован некий капитан Кованько, но — Иосиф Владимирович. Когда составлялись общие списки арестованных, Иосиф Владимирович Кованько исчез из числа схваченных измайлов-

Полковой храм Лейб-гвардии Семеновского полка

цев. По-видимому, в ОГПУ решили, что капитан Кованько существовал только в единственном числе и служил он только в Измайловском полку. От Кованько были получены ОГПУ показания о том, что после октябрьского переворота в Петрограде создалась подпольная «белогвардейская организация бывших гвардейских офицеров». Основой заговорщиков были четыре запасных гвардейских полка, условно перешедших на сторону революции: Преображенский, Семеновский, Волынский и Финляндский. По словам Кованько, при его участии в Петрограде ими готовилось вооруженное восстание, но делу помешало своевременное расформирование Преображенского полка — опоры заговорщиков. По показаниям Кованько, в эту организацию входили и некоторые бывшие офицеры Лейб-гвардии Измайловского полка. Любопытно, что, повествуя о гвардейском заговоре прежних лет, И.В. Кованько проходил по «Академическому делу», но в числе шести бывших офицеров 10 мая 1931 года Коллегией ОГПУ был приговорен к расстрелу. Вместе с И.В. Кованько расстреляли А.С. Путилова, В.Ф. Пузинского, Я.П. Куприянова, П.И. Зиссермана, Ю.А. Вержбицкого.

В отличие от офицеров вышеуказанных полков, обвинения, выдвинутые ОГПУ бывшим военнослужащим Лейб-гвардии Московского полка, оказались не столь значительны. Их вина состояла лишь в том, что в 1924 году некоторые из них участвовали в принудительном переносе из ликвидируемого алтаря полковой церкви останков своих товарищей, погибших в Великую войну. Кроме того, этим офицерам инкриминировалась организация «товарищеских встреч». Но, несмотря на столь несерьезные обвинения следствия, большая часть московцев все же погибла в тюрьмах и лагерях, о чем еще долго будут молчать архивы современной правопреемницы ОГПУ — ФСБ. Доподлинно на сегодняшний день известно лишь то, что чекистами 1930-х был мстительно расстрелян за укрывательство священных даров от неминуемого расхищения и совершаемые им литургические службы в память всех московцев, за Отечество «живот свой положивших», полковой священник московцев отец Василий (Медведский). Кроме него, высшую меру наказания по «делу московцев» получили полковники П.М. Яковлев и Н.А. Мельгунов. К сожалению, подробных материалов о репрессиях против офицеров прочих гвардейских полков в наши дни на территории современной России найти нелегко, но из таблицы обобщающего

дела по Ленинградской контрреволюционной организации можно сделать вывод, что, например, офицеров и чиновников Лейб-гвардии Егерского полка было арестовано 27 человек (руководители — генералы Хвощинский и Яблочкин, полковники Оприц и Гиренков); Лейб-гвардии Павловского — 8; Лейб-гвардии Гренадерского —7 (руководитель — капитан Базилевич); Лейб-гвардии Кексгольмского — 6 (руководитель — капитан Каминский). И, наконец, из числа гвардейских стрелков (без указания полков) — 6 (руководитель — полковник Энгельгардт).

Участь арестованных в СССР гвардейцев была, несомненно, трагична. Примечательна и весьма резкая оценка генералов и офицеров бывшей Императорской армии одним из активных участников Гражданской войны, поручиком Сергеем Мамонтовым, прославившимся своей книжкой под названием «Походы и кони» и вышедшей в Париже в 1981 году. В ней престарелый ветеран Белого движения прямолинейно заявлял: «Эти мерзавцы не пошли к нам добровольно, не исполнили своего долга. Старались спрятаться и отсидеться. Но они не посмели ослушаться красной власти и пошли ей служить и служили усердно. Это каиново предательство не спасло их от концентрационных лагерей, тюрем, расстрела»[115].

Гибель полковых святынь Гвардии в 1918—1948 гг. в СССР

Новая власть в СССР не только планомерно занялась физическим истреблением лейб-гвардейцев и их полковых святынь. Большевики постарались сделать все возможное, чтобы уничтожить саму память о пребывании лейб-гвардейских полков в бывшей столице великой империи и ее пригородах. Так, в 1929 году ими была снесена полковая церковь конногвардейцев, в которой до революции хранились полковые штандарты Конной гвардии. Речь идет о церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. До прихода к власти большевиков это был один из красивейших петербургских храмов, который располагался в центре Благовещенской площади, безлико называемой в наши дни площадью Труда. Храм стоял, как и полагалось, вблизи полковых казарм Лейб-гвардии Конного полка, на территории которых в наши дни нашло себе пристанище кафе «Аида». Лейб-гвардии Кон-

ный полк, основанный еще Императрицей Анной Иоанновной в 1733 году, долгое время размещался в разных частях Петербурга. Где бы ни располагался полк, при нем всегда находилась церковь во имя Благовещения Пресвятой

Храм Благовещения — полковой храм Лейб-гвардии Конного полка. Фото начала XX в.

Богородицы. Сам каменный храм по проекту архитектора К.А. Тона был заложен в июле 1844 года при участии митрополита Санкт-Петербургского Антония, а освящен 20 марта 1849 года. В храме некогда было три придела: главный — Благовещенский; северный — во имя св. Анны Пророчицы, в память основательницы полка Императрицы Анны Иоанновны. Там же находился и чтимый образ св. Анны. Был в храме еще и южный придел — во имя св. Николая Чудотворца. Храм был украшен торжественной живописью выдающихся русских художников, среди которых были имена Ф.А. Бруни и В.К. Шебуева. К особым святыням храма относился напрестольный крест с 25-ю частицами мощей Святых Угодников, устроенный в 1701 году усердием Великой княгини Марфы Матфеевны (второй супруги царя Федора Алексеевича). Две Иерусалимские святыни были пожертвованы в 1872 году Его Императорским Высочеством Великим князем Николаем Николаевичем — образ Благовещения и камень от колодца, из которого Пресвятая Дева брала воду.

Судьба быть разрушенным была уготована и полковому храму Лейб-гвардии Московского полка. Как известно, в 1914 году Лейб-гвардии Московский полк понес тяжелые потери в кровопролитных боях в районе Мазурских болот. Погибшие офицеры-московцы были захоронены в Петрограде в здании церкви Лейб-гвардии Московского полка. Здание церкви располагалось близ самих полковых казарм на Большом Самсониевском проспекте, до сих пор носящем кощунственное название — «проспект Карла Маркса». Церковь

московцев была построена в 1905—1907 годах по проекту архитектора А.Г. Успенского и была освящена в честь Михаила Архангела, покровителя полка. В 1916 году в ее полуподвальном этаже был устроен склеп для

Храм Благовещения — полковой храм Лейб-гвардии Конного полка. С акварели середины XIX в.

захоронения погибших на войне офицеров полка. В 1924 году храму пришлось пережить тяжелое событие, отразившееся впоследствии на его судьбе. Петроградским советом было принято решение отдать помещение бывшей полковой церкви под клуб одному из ближайших к ней производственных предприятий. В связи с этим оставшемуся в живых полковнику Яковлеву как бывшему старшему офицеру и фактически временно исполнявшему обязанности командира Лейб-гвардии Московского полка, работавшему в то время у большевиков, было предложено найти оставшихся в живых родственников тех офицеров, что были похоронены в нижнем приделе храма. Их останки предполагалось перенести в другое место. Сохранились безрадостные воспоминания о картине переноса праха погибших офицеров-московцев. Свинцовые гробы, в которых с фронта десять лет назад были доставлены их тела, перевозились из церкви на простых телегах. Процессия двигалась через город и, пройдя его, удалилась далеко за его пределы. К настоящему времени вторичного места захоронения установить так и не удалось. После этой печальной процедуры для родных и сослуживцев перезахороненных офицеров на квартире П.М. Яковлева, находившейся на Екатерининском канале (ныне — канал Грибоедова), д. 96, был устроен вечер поминовения, что впоследствии было поставлено ему в вину и названо «антисоветским собранием бывших офицеров Гвардии».

Очень скоро после описываемых событий, в самом конце 1920-х годов, здание церкви было полностью уничтожено, а 31 мая 1932 года в Ленинграде совершилось новое кощунство власти над памятью русской Гвардии — был закрыт Сергиевский всей артиллерии собор. После закрытия здание собора начало постепенно разбираться и растаскиваться на мелкие фрагменты бригадами пригнанных для этого рабочих. Стены собора были

частично использованы специальными строительными бригадами в строительстве здания ОГПУ-НКВД в Ленинграде. И храм, который еще недавно своим строгим западным фасадом с высокой колокольней выходил на Литейный проспект, навсегда исчез с лица земли. В убранстве его интерьеров использовались многие элементы военной символики. До октябрьского переворота в соборе хранилось множество боевых реликвий, связанных с историей Гвардейской артиллерии, а в наши дни на его месте, что на углу Литейного проспекта и Сергиевской улицы, все еще находится здание Управления Федеральной службы безопасности. (Сам храм располагался на углу Сергиевской улицы (ныне ул. Чайковского) и Литейного проспекта, там, где сейчас находится административное здание ГУВД Санкт-Петербурга, известное также под названием «большой дом».)

В этой части Литейного проспекта с петровских времен находился Литейный двор, артиллерийский арсенал, жили пушкари, оружейники, артиллеристы. Приходской храм артиллеристов во имя св. Сергия Радонежского строился и перестраивался несколько раз. Первый деревянный однокупольный храм со шпилем был построен в 1731 году, но через семь лет он сгорел. В следующем году по проекту архитектора И. Шумахера отстроили новый из дерева, но в 1743 году Императрица Елизавета повелела для своих артиллеристов возвести основательный каменный храм. Построенное по новому проекту прежнего архитектора здание этого храма было освящено тремя годами позже. Иконы для Собора всей Гвардейской артиллерии писал вдохновенный грек Георгий. Однако всего через 50 лет разобрали и это здание, построив более вместительное, согласно новаторскому проекту архитектора Ф.И. Демерцова. Главный Сергиевский придел был освящен 5 июля 1800 года самим митрополитом Новгородским и С.-Петербургским Амвросием. В храме располагались приделы во имя св. Архангела Михаила и святителя Николая Чудотворца. С декабря 1803 года храм стал именоваться «Собор всей артиллерии», а с 1835-го по повелению императора Николая I — «Собор всей Гвардейской артиллерии». В нем находились чтимые иконы: Тихвинской Божией Матери, преподобного Сергия Радонежского, святителя Николая Чудотворца. В ризнице хранились уникальные облачения, сшитые из мундиров Екатерины II, в которых она принимала военные парады. В ведении собора состоял Сергиевский приют для призрения

бедных детей, основанный по инициативе княгини Е.Э. Трубецкой. Через полтора года после сноса Собора всей Гвардейской артиллерии большевиками был наскоро снесен Собор во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, поскольку являлся полковой церковью Лейб-гвардии Семеновского полка. Праздник Введения во храм был полковым праздником семеновцев. Это был наиболее известный из гвардейских храмов К.А. Тона, уничтоженных в 1930-е годы — церковь Лейб-гвардии Семеновского полка, расположенная вблизи Семеновского плаца. Возле него завершалась Гороховая улица. Сегодня рядом с этим местом расположен Витебский (Царскосельский) вокзал. Введенский храм был завершен к осени 1842 года и вызвал восторженные отзывы тогдашних архитектурных критиков. Видный архитектор-педагог И.И. Свиязев писал про него: «Вас поражает необыкновенность линий и всего больше свобода и простор во внутренности церкви, открытой, ничем не загроможденной». И действительно, церковь была прекрасно решена как в функциональном, так и в техническом отношении. А с точки зрения стиля в ней Тоном было положено начало русско-византийскому стилю в русской архитектуре, хотя в самой Введенской церкви еще оставались черты классицизма. Так называемое «луковичное пятиглавие» церкви весьма уместно сочеталось в ней с традиционным для классицизма украшением колоннами подкупольных барабанов. Некоторые иконы в Введенском храме были написаны видными художниками того времени — В.К. Шебуевым, Т.А. Неффом. Значительную ценность в храме представляли собой старинные иконы Спаса Нерукотворного и Знамения Божией Матери, взятые из походной церкви Петра I. Введенский храм можно было назвать «прообразом» храма Христа Спасителя в Москве. О месте уничтоженного храма в наши дни напоминает лишь недавно установленный здесь энтузиастами памятный знак.

Примерно в то же время, как был разрушен Введенский храм в Ленинграде, закрылся и был варварски разграблен Свято-Троицкий собор Лейб-гвардии Измайловского полка. Судьба собора повернулась таким образом, что будучи полуразрушенным, он дожил до конца прошлого века. Когда в 1991 году храм вернули в ведение Православной церкви, перед верующими предстала картина «мерзости запустения». Из всего богатейшего украшения церкви остались лишь только ее стены. Этот дивный некогда каменный собор был сооружен за счет

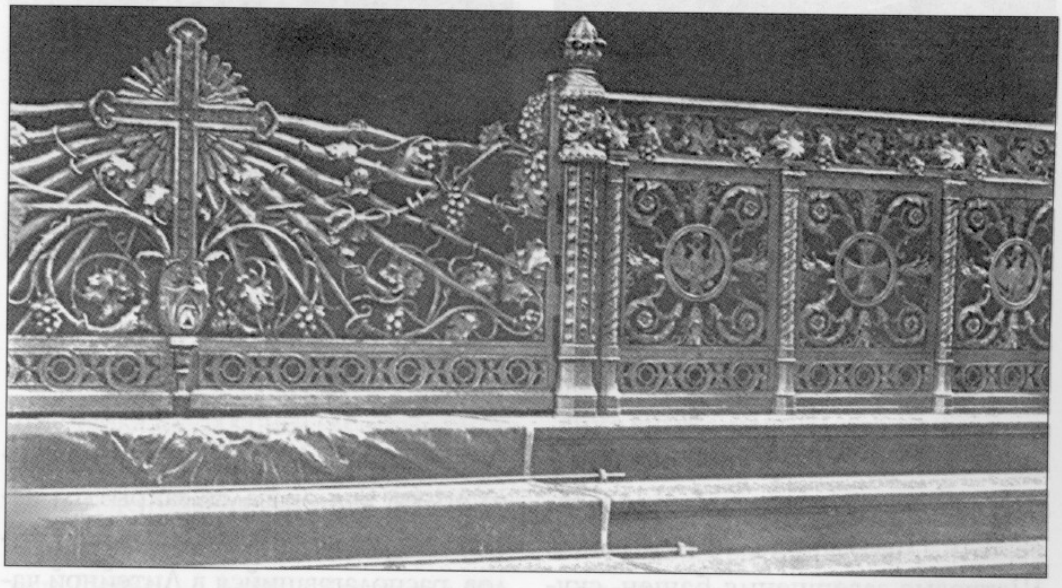
Кабинета Его Императорского Величества, Государя Императора Николая Павловича. Именно в этом соборе в былые времена собирался Лейб-гвардии Измайловский полк на молитву. Как известно, сам Измайловский Лейб-гвардии полк — один из старейших в Русской армии, отличившийся во многих боях и сражениях. Как известно, полк был сформирован в подмосковном селе Измайловское и переведен в Петербург, куда была доставлена и походная Троицкая церковь. Новый каменный собор был возведен в 1831 году по указу Августейшего шефа Измайловского полка — Императора Николая I. Свои ордена, медали, кресты отдавали герои-измайловцы в любимый полковой храм для его украшения. В соборе помещались полковые знамена, военные трофеи. В память о русско-турецкой войне 1877 года перед собором воздвигли памятник «Воинская Слава» — колонну из 140 пушек, отбитых у неприятеля, увенчанную статуей богини Победы — Ники. Долгое время потребуется, чтобы восстановить собор в его самых общих чертах и едва ли удастся восстановить его великолепие, в котором пребывал от дня своего основания до большевистской революции.

За годы правления большевистских вождей и либеральных правительств погибла и знаменитая церковь во имя Святителя Николая Чудотворца 3-го Лейб-гвардии Стрелкового полка, находившаяся при казармах полка. Она была устроена в 1897—1899 годах по проекту военного инженера Н.И. Полешко в здании, находившемся во дворе казарм, и освящена в январе 1899 года. Со стороны Казанской улицы над воротами была устроена колокольня. С марта 1918 года церковь стала приходской, а 27 мая 1922 года оказалась закрыта. В конце 1920-х годов здание церкви во дворе казарм и колокольня над воротами были разрушены. В 1920-е годы в Старом Петергофе, пригороде Ленинграда, была закрыта церковь Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Знаменская церковь относилась к наиболее значительным зданиям Старого Петергофа, являясь главной архитектурной доминантой прилегающего района. Она была построена в 1773—1775 годах на месте прежней деревянной церкви, вблизи штаба и других строений Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. В 1894 году храм был перестроен архитектором А.А. Парландом. В 1902 году был освящен придел храма во имя Всех Святых. Исчезла навсегда и полковая церковь Лейб-гвардии Саперного батальона во имя святых Косьмы и Дамиана. История храма началась в 1728 году, когда ста-

ли совершаться службы в артиллерийском госпитале Пушкарской слободы. На площади посреди госпитального двора в 1759 году была выстроена и в 1760 году освящена деревянная церковь, принадлежавшая Артиллерийскому батальону. После закрытия госпиталя она в 1847 году была передана расквартированному здесь Саперному батальону. В 1854 году вблизи церкви был возведен каменный дом причта, в котором была устроена временная каменная церковь. Из-за недостатка средств, строительство каменной церкви по проекту архитектора М.Е. Месмахера началось лишь в 1876 году. Освящение храма состоялось в 1879 году. Спустя десять лет, в 1886 году, при ремонте каменная базилика была дополнена невысоким луковичным куполом на стройном основании. Стены северного и южного фасадов прорезывали окна-аркады, напоминавшие аркады византийских монастырей. Над окнами нависал фронтон с изображением Святых Косьмы и Дамиана. Особой святыней храма был образ этих святых, некогда пожертвованный Императрицей Елизаветой Петровной; к нему обращались за помощью в деле воспитания и обучения детей и юношей. Храм, замыкавший ось Знаменской улицы, был облицован белым и отделан крас-

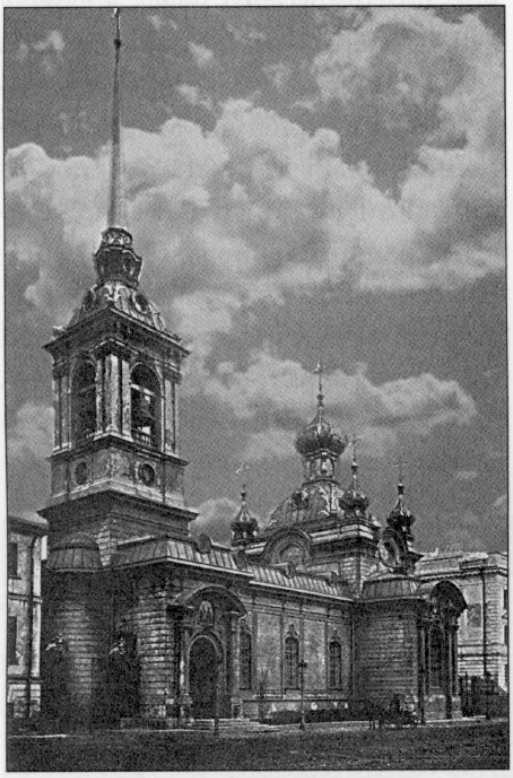
Церковь св. Косьмы и Дамиана, полковой храм Лейб-гвардии Саперного батальона

ным кирпичом, что придавало ему праздничный вид. Церковь принадлежала Саперному батальону вплоть до самой революции. В церкви хранились знамена батальона и были установлены памятные доски с именами павших офицеров. 3 июля 1899 года перед церковью был открыт памятник «Подвигам Лейб-гвардии Саперного батальона», перевезенный из летнего лагеря под Петергофом, где он стоял с 1853 года. Автор памятника неизвестен. Церковь была закрыта в ноябре 1933 года и разобрана в конце 1940-х годов при постройке станции метро «Чернышевская». Памятник саперам также снесли. В 1934 году ленинградскими властями был снесен еще один полковой храм — Лейб-гвардии Егерского полка Великомученика Мирония, украшавший собой набережную Обводного канала. Церковь хранила память об освободительном походе русских войск в Европу в 1813 году. 17 августа под городом Кульмом (ныне Хельмно) в день святого великомученика Мирония соединенными силами русской и прусской армий было нанесено крупное поражение войскам Наполеона. В память об этой битве прусский король учредил знаменитый Кульмский крест, боевую награду за проявление высшей доблести. Среди русских, награжденных этим орде-



Решетка на солее церкви Св. Мирония — полкового храма Лейб-гвардии Егерского полка. Эскиз дизайна Е.И. Гружевского и профессора архитектуры С.П. Бурга

ном, был командующий союзными войсками Михаил Богданович Барклай-де-Толли, ставший одновременно полным кавалером ордена Святого Георгия. Из воинских частей, участвовавших в сражении, тогда особо отличился Лейб-гвардии Егерский полк. Храм был построен в шатровом стиле и завершался многоярусной колокольней. Шатровые завершения башен, скупость внешней отделки придавали храму суровый вид, соответствующий его «воинскому» характеру. Многие современные искусствоведы считают этот храм наиболее удачной попыткой Тона воскресить русское храмовое зодчество канувших в прошлое веков. Не прошло и года после гибели полковой церкви Лейб-гвардии Егерского полка, как оказался закрытым известный полковой храм кавалергардов, располагавшийся в Литейной части на Захарьевской улице. Местными властями началась его торопливая пе-



Церковь Свв. Захария и Елисаветы на Захарьинской улице Петербурга — полковой храм Кавалергардского полка.

Церковь Великомученника Мирония — полковой храм Лейб-гвардии Егерского полка

ределка под спортивный зал с расчетом сдать его в эксплуатацию «спортивной молодежи» к очередному большевистскому празднику. Эта славная церковь во имя Свв. праведных Захария и Елисаветы Лейб-гвардии Кавалергардского полка была построена в 1756 году, а окончательно перестроена по проекту архитектора Л.Н. Бенуа в 1897—1899 годах к столетнему юбилею полка. Со времен Елизаветы Петровны на Захарьевской улице проживали служители придворного ведомства. Для них была построена каменная одноименная церковь, которая была освящена в 1756 году в присутствии Императрицы. В 1806 году сюда по повелению Павла I был переведен Лейб-гвардии Кавалергардский полк, и церковь стала полковой. Храм несколько раз перестраивался, расширялся, украшался. К столетнему юбилею Кавалергардского полка стараниями Бенуа колокольня храма заняла свое место во главе западного фасада, а главки церкви украсились рельефными орнаментами; ее иконостас был выполнен в стиле Людовика XV, росписи сделаны художником М.В. Нестеровым; церковная утварь изготовлена фирмой Фаберже. При храме имелись две походные церкви. Первая — во имя Архангела Михаила побывала во многих военных походах: под небесным покровительством святого Архистратига кавалергарды одерживали свои блестящие победы при Аустерлице, Бородине, Кульме, Фер-Шампенуазе. Другая — со складным иконостасом во имя Св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, по преданию, принадлежала царю Иоанну Грозному. Наиболее почитаемыми святынями в храме были древняя икона Успения Божией Матери, писанная на белом атласе, Смоленская икона Божией Матери времен Иоанна Грозного, икона Божией Матери «Трех Радостей», бывшая с полком во время Венгерского похода 1848 года. В этом полковом храме кавалергардов до октябрьского переворота сохранялись военные регалии кавалергардов: полковые штандарты, литавры, Георгиевские кресты, медали, которыми были награждены офицеры и нижние чины. В 1948 году Ленинградский совет принял решение о сносе храма. Задолго до последнего полкового храма кавалергардов в небытие ушла и их полковая церковь в Красном Селе, куда полк летом выезжал на маневры. Летняя лагерная стоянка полка находилась на окраине Красного Села в Павловской слободе. В полку имелась походная церковь во имя Архистратига Божия Михаила, существовавшая с 1806 года, с которой, по всей видимости, и выезжал полк на летнее время. Постоянная

деревянная лагерная церковь была сооружена в 1905 году на средства крупной петербургской благотворительницы, супруги бывшего командира полка, графини Софьи Сергеевны Игнатьевой по проекту архитектора

Евгений Петрович Аквилонов

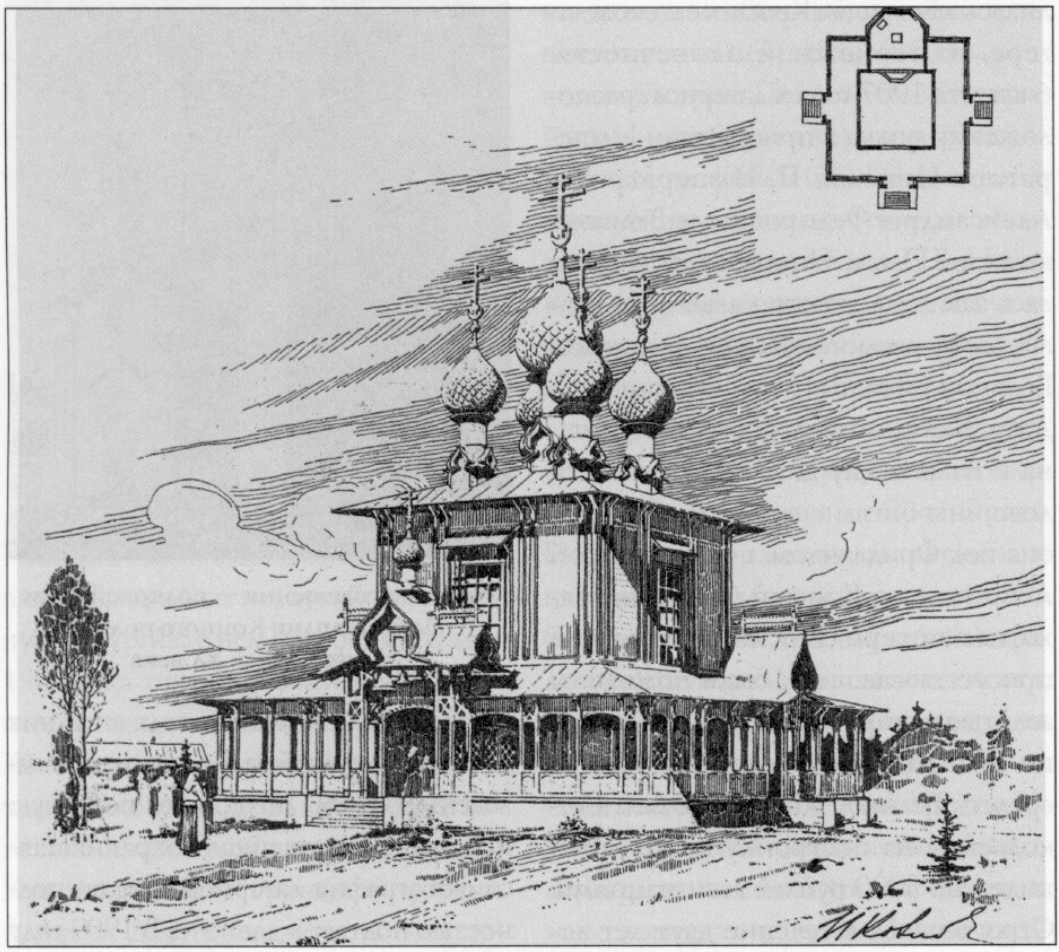
Николая Павловича Козлова. Чин освящения храма и первую Божественную литургию в нем совершил 20 мая 1905 года протопресвитер Военного и Морского духовенства Александр Желобовский в сослужении настоятеля полковой церкви протоиерея Евгения Аквилонова и священника Красносельской Троицкой церкви Алексия Дмитриева. В день освящения в полдень к новому храму прибыла из Гатчины шеф полка Императрица Мария Федоровна в сопровождении своей фрейлины Ольги Федоровны Гейден и конфидента вдовствующей Императрицы князя Георгия Дмитриевича Шервашидзе. Небольшая деревянная церковь, вмещавшая до 500 молящихся, была окружена с четырех сторон открытыми галереями и увенчана пятью луковичными главками. Внутри храма находился необычный дубовый иконостас, выполненный чухонским резчиком Петром Петровичем Хювяриненом и собственноручно раскрашенный графиней С.С. Игнатьевой в древнем ярославском стиле по эскизам рисунков художника Н.В. Набокова. Образа для иконостаса написал художник Кох. Храм имел три входа — центральный и два боковых — с северной и южной сторон. С восточной стороны находился небольшой Нерукотворный образ Спаса. Изящно оформленные клумбы и цветники вокруг храма делали его особенно нарядным. Богослужения в храме прекратились, по всей видимости, уже в 1917 году. О том, когда церковь была разобрана, точных сведений не имеется, однако можно предположить, что с расформированием Кавалергардского полка ушла в историю и его походная церковь. Можно предположить, что сама церковь была постепенно разобрана окрестными кре-

стьянами на дрова в холодные годы Гражданской войны и «военного коммунизма». К настоящему времени от храма не осталось ровным счетом никаких следов. Похожая судьба оказалась и у исчезнувшего стараниями большевиков полкового храма Лейб-гвардии Конного полка Св. Благоверной княгини Ольги. Летняя лагерная стоянка Конного полка находилась в Большом Красносельском лагере, на его южной оконечности. 6 августа 1907 года в лагерном расположении полка в присутствии Императора Николая II, Императрицы Александры Федоровны и Великой княжны Ольги Николаевны состоялась закладка нового каменного храма, сооружаемого в память рождения Великой княжны Ольги Николаевны. Дата закладки храма была приурочена к памятному дню 100-летней годовщины битвы с войсками Наполеона под Фридландом, в ходе которой Лейб-гвардии Конный полк понес тяжелые потери. В основание храма присутствовавшими были положены золотые пятирублевые монеты чеканки 1907 года. В феврале 1908 года из средств Великой княжны Ольги Николаевны на постройку храма было выделено 3000 рублей ассигнациями. Строившаяся в течение двух лет лагерная церковь являлась уменьшенной копией полкового храма, возносившегося над Благовещенской площадью в Петербурге. Судя по всему, для ее постройки архитектором (фамилию которого установить пока не удалось) был использован уже готовый проект архитектора К.А. Тона, по-

Храм Благовещения — полковой храм Лейб-гвардии Конного полка. Фото начала XX века

скольку даже в мельчайших внешних деталях лагерный храм повторял возведенную за 60 лет до него полковую церковь. Единственная сохранившаяся фотография лагерной церкви полностью подтверждает это. В 1909 году постройка храма была закончена, и том же году храм был освящен. Пост-

роенный пятиглавый храм имел один престол — во имя св. благоверной княгини Ольги. Колокола находились в двух боковых куполах со стороны входа. Богослужения проводились только в летнее время причтом полковой церкви, когда полк находился в лагере. К сожалению, никаких сведений о его внутреннем убранстве на сегодняшний день не обнаружено. Имевший высоту около трех десятков метров храм был виден не только с любой точки Большого лагеря, но и за несколько верст в округе. С конца 1917 года богослужения в храме уже не совершались. О том, при каких обстоятельствах и когда он был разрушен, точных сведений обнаружить не удалось. В настоящее время территория Большого лагеря занята под военно-учебный полигон Военной акаде-



Летняя церковь Кавалергардского полка в Красном Селе. Архитектор Н.П. Козлов, макет профессора архитектуры С.П. Бурга

мии тыла и транспорта и Военно-медицинской академии. В самом лагере сохранилась прежняя его планировка и старинные аллеи, но от самого храма, увы, не осталось ничего. Образ этой походной церкви случайно оказался увековеченным на парадном портрете министра двора Государя Императора Николая II, графа Владимира Борисовича Фредерикса, изображенного в мундире генерал-адъютанта Его Величества. На заднем плане портрета отчетливо виден полу-эскадрон конногвардейцев с полковыми пиками и флюгерами, а в левой части заднего плана более или менее четко выписано само здание полковой церкви Св. Ольги. Предположительное нахождение храма — Красное Село, южнее Лагерного переулка.

Гвардия и ее Августейшие шефы в изгнании

Чины Гвардейской кавалерии, оказавшиеся за границей, чьи храмы немилосердно уничтожались их противниками в СССР, не прерывали своих традиций и приверженности прежнему укладу жизни. Частью этого уклада всегда было общение с Августейшими шефами полка, проживавшими в изгнании. В частности, кавалергарды и Лейб-гвардии кирасиры Ее Величества до последних дней жизни своего Августейшего шефа, вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, обменивались с ней приветственными телеграммами по случаю полковых праздников и направляли поздравительные адреса как с полей сражений Гражданской войны, так и находясь в эмиграции.

Высочайшие ответы не заставляли себя долго ждать: «От души благодарю моих дорогих кавалергардов за новогоднее приветствие и добрые пожелания, желаю всем всего лучшего в наступающем году. Мария»... «Воистину Воскресе! Поздравляю моих кавалергардов с Великим праздником. Шлю всем сердечный привет и пожелания. Мысленно с вами. Благодарю вас всех от души за поздравления. Мария».

На просьбу кавалергардов взять под свое Высокое покровительство бал в пользу нуждающихся кавалергардов Ее Величество отвечала: «С удовольствием приму под свое покровительство устраиваемый «Кавалергардской семьей» бал и желаю полного успеха. Мария»[116]. Уже в августе 1921 года кавалергарды, проживавшие в Париже, представили своему Августейшему шефу Устав Общества взаимопомощи кавалергардов «Кавалергардская Семья».

Вдовствующая Императрица милостиво изволила ознакомиться с ним и принять предложенный ей членский билет № 1 этого Общества. Более того, каждому офицеру Кавалергардского полка Ее Величество соизволи-

Его Императорское Высочество Великий князь Дмитрий Павлович в форме Лейб-гвардии Конного полка. Сентябрь 1903 г.

ла подписать свое имя на фотографии, изображающей Государыню в форме полка. По получении печального известия о кончине Ее Величества в Копенгагене, где в замке Гвидор Мария Федоровна провела последние годы жизни в окружении своего «малого двора» и старшей дочери Великой княгини Ольги Александровны с мужем и детьми, подшефные гвардейские полки направили депутации на церемонию похорон. Секретарь Гвардейского объединения во Франции полковник, кирасир Его Величества Сергей Леонидович Сафонов был командирован в Данию для участия в траурной церемонии и возложении венка от полка. Их Императорские Высочества Великая княгиня Ольга Александровна и Великая княгиня Ксения Александровна искренне благодарили чинов кирасирского полка за выраженное участие. Кавалергарды командировали своего старейшего командира полка, генерал-адъютанта Владимира Михайловича Безобразова и старшего полковника барона Константина Николаевича Розена. Во время нахождения тела Ее Величества в церкви на ее гроб было положено полотнище полкового штандарта кавалергардов и было выставлено дежурство у гроба. Великие княгини Ольга Александровна и прибывшая проститься с матерью Ксения Александровна подошли к генерал-адъютанту Безобразову и поблагодарили в его лице всех кавалергардов. По окончании службы Безобразов и Розен возложили венок от Кавалергардского полка, состоявший из белых хризан-

тем и красных роз с лентами кавалергардских полковых цветов, на которых серебряными буквами было напечатано: «Les Chevaliers Garde à leur Chef Adore»[117]. Барон Розен, участник тех печальных событий, вспоминал о том, что ему довелось услышать от придворной фрейлины о последних днях покойной вдовствующей Императрицы, графини З.Г. Менгден: «...Она мне сказала, что одна из последних почто-телеграмм, подписанных Императрицей, была наша. Наш полковой штандарт долго лежал в приемной комнате Государыни на рояле. Ее Величество, находя это место несоответствующим, приказала его перенести в свои апартаменты во дворец Амалиенборг, в одну из комнат, где никаких приемов не происходило и где ему было отведено особое место. В день нашего полкового праздника Ее Величество, несмотря на свое нездоровье и слабость, приняла у себя некоторых лиц. На столе в ее комнате в вазе стоял наш букет с лентами цветов нашего полка. Ее Величество, указывая на него, сказала: "Это мне прислали мои дорогие Кавалергарды, которые меня никогда не забывают"»...[118] Тронутая участием верноподданных чинов Гвардейского Объединения, Великая княгиня Ксения Александровна благодарила его секретаря полковника Сафонова за участие в траурной церемонии и сообщила ему, что хотела бы в знак признательности подарить объединению кирасир Его Величества экземпляр их полковой истории. Этот труд был написан в свое время Волынским и обнаружен Великой княгиней в личной библиотеке британской королевы, сестры покойной вдовствующей Императрицы во время ее посещения британского королевского двора.

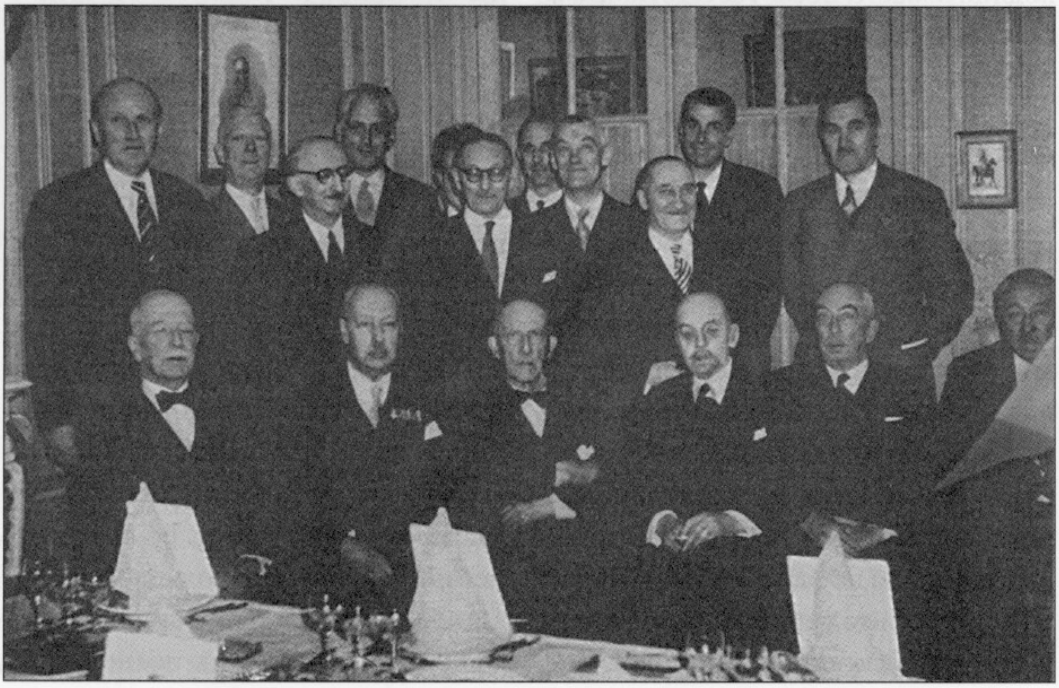
Когда в 1920-е годы в мир иной отошли некоторые члены Императорской Фамилии и видные военачальники Белого движения, гвардейцы приняли посильное участие в организации похорон и присутствии в качестве представителей своих полков на траурных церемониях. Представители гвардейских объединений направляли своих депутатов на церемонию прощания с Великим князем Николаем Николаевичем в 1928 году, проходившую во французском курортном городке Антиб, собирали средства по подписке на сооружение мраморной доски-памятника Августейшему Главнокомандующему. Во время отпевания почившего вождя белой армии в Брюсселе присутствовали офицеры гвардейских полков, проживавшие на тот момент в Бельгии. Кирасиры Его Величества были

представлены делегацией во главе с полковником князем Николаем Михайловичем Девлет-Кильдеевым, а в почетном карауле у гроба Главнокомандующего Русской армией от чинов Гвардейской кавалерии стоял подполковник князь Игорь Михайлович Черкасский.

Последние гвардейские и общевоинские союзы за рубежом

Каждый год число гвардейских офицеров таяло столь стремительно, что порой казалось, что за железным занавесом уже не осталось ни одного живого представителя блистательного племени гвардейских полков. В Справочной книге Гвардейского объединения, составленной в Париже, в начале 1970-х годов по-прежнему можно было отыскать звучавшие отголоском безвозвратно канувшей империи имена и адреса секретарей и председателей гвардейских полков за границей.

На пожелтевших от времени страницах значится, что в 15-м окру-



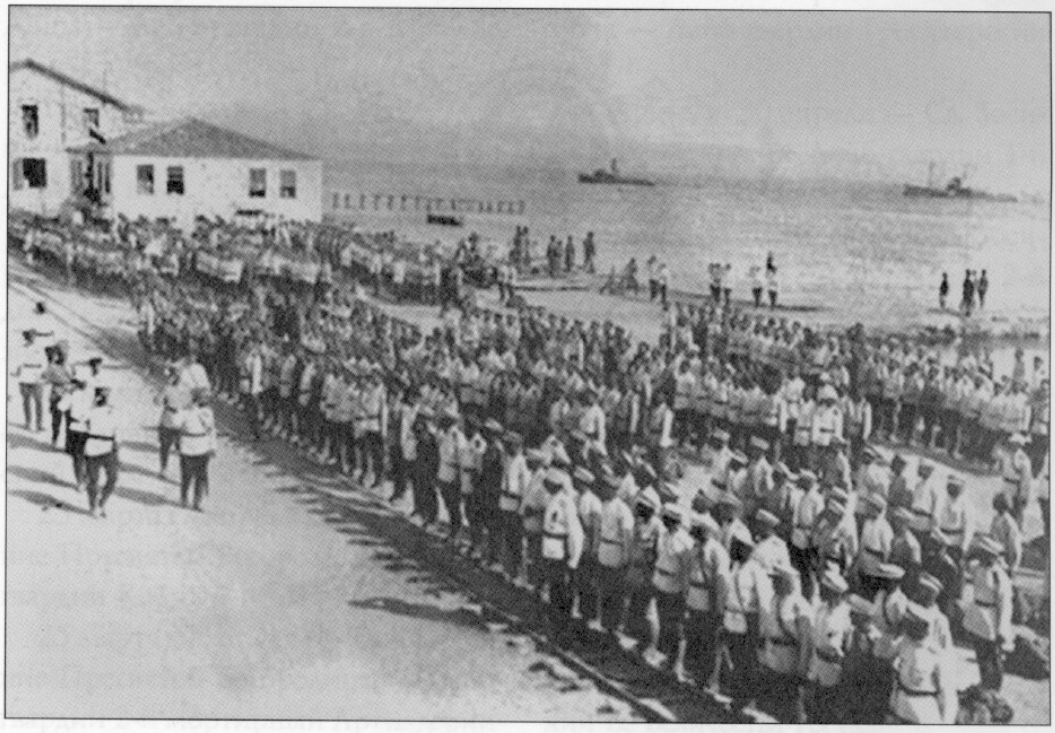
Последнее общее фото членов полкового объединения конногвардейцев во Франции. Фото второй половины 1950-х гг.

ге Парижа, на rue Pierre Mille, 3 располагалось объединение Лейб-гвардии Измайловского полка под руководством капитана Александра Александровича Грунау. В том же округе базировался и представитель всей Гвардейской артиллерии, за исключением Конной, полковник фон Рейнгард, проживавший по адресу 208, rue Vaugirard. В 6-м парижском округе, на rue Visconti, 24, находилось объединение Лейб-Егерского полка и его председатель подполковник Владимир Владимирович Бутчик. Лейб-гвардии драгуны «квартировали» в 16-м округе французской столицы, на Avenue Adrien Hebrard, 6, и были представлены полковником Иваном Мартыновичем Кучевским, а также секретарем штабс-ротмистром Алексеем Алексеевичем Озеровым. Соседями лейб-драгун по 16-му парижскому округу оказалось объединение Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, помещавшееся на rue de Faisanderie, 95, и представляемое ротмистром Иваном Николаевичем Фермором, кому можно было дозвониться, набрав лишь его парижский номер 870-71-52... «Корпоративный дух» и полковая изолированность гвардейских объединений сыграли с ними злую шутку. Объединения и их члены, а также другие общественные организации Императорской Гвардии за рубежом с течением времени обрекались на неизбежный уход и забвение. Потомки гвардейцев в значительной степени ассимилировались в странах пребывания; немногие из них пожелали и смогли продолжать поддерживать угасающий огонь обществ, столь значимых когда-то для их дедов и прадедов. Более других за рубежом «повезло» Обществу галлиполийцев, членами которого были многие чины российской Гвардии, бывшие в Галлиполи, «дотянувшему» до начала нового тысячелетия, правда уже в значительно измененном виде и вобравшим в себя множество «любителей истории» и досужих ак-

Подарок однополчан на 50-летний юбилей службы в Конной гвардии полковнику, флигель-адъютанту В.Ф. Козлянинову

тивистов, что само по себе уже не отражало подлинный дух Белого воинства. После Второй мировой войны были предприняты меры по восстановлению подразделений Общества галлиполийцев и возобновлению их нормальной деятельности. Приказом начальника РОВС генерала А.П. Архангельского за № 1611 было воссоздано (до возможности провести выборы) Временное главное правление Общества галлиполийцев под председательством генерал-майора Генерального штаба Петра Никитича Бурова при секретарстве капитана К.М. Бобченка. Членами Временного главного правления стали: полковники Левашов, Ряснянский, Горбач, гвардейцы, кирасиры Его Величества, капитан Григуль, подполковник Г.А. Полянский и бессменный редактор «Часового» Виктор Орехов. К 1950 году отделы Общества галлиполийцев существовали во Франции и Бельгии; отделения — в Аргентине, Калифорнии (США) и Келлерберге (Австрия). Кроме того, была налажена связь и принимались меры к объединению с галлиполийцами в Австралии, Северной Америке, Англии, Марокко, Швейцарии и Бразилии. Работа по воссозданию Общества галлиполийцев шла успешно и в начале 1950-х годов была завершена: во многих странах мира были восстановлены прежние или открыты новые отделы и отделения Общества. Возобновилась и издательская деятельность галлиполийцев: с 1951 года отдел Общества в США приступил к изданию ежемесячного журнала «Перекличка». В конце 1952 года генерал-майор В.Г. Харжевский был назначен председателем Общества галлиполийцев и возглавляющим объединение частей и групп 1-го Армейского корпуса, а полковник А.И. Горбач — председателем Главного правления. С целью привлечения в ряды галлиполийцев русской молодежи 8 июня 1958 года председатель РОВС генерал А.А. фон Лампе утвердил дополнение к Уставу Общества. Согласно этому дополнению, несовершеннолетние дети и внуки галлиполийцев и действительных членов Общества получили право зачисления в Общество членами-соревнователями по письменному заявлению их родителей или опекунов. Причем при достижении 18-летнего возраста эти молодые люди, при их желании, получали и права действительных членов Общества. Помимо этого, безусловно нужного изменения в Уставе, открывавшего двери в Общество галлиполийцев перед русской патриотической молодежью, генерал фон Лампе утвердил еще одно дополнение, относившееся к галлиполийским зна-

кам. Теперь каждый галлиполиец еще при своей жизни имел право ходатайствовать о наследственной передаче нагрудного знака с надписью «ГАЛЛИПОЛИ 1920—1921» одному из своих детей, по его личному выбору, независимо от пола и возраста. Разрешение на наследственную передачу знака выдавало Главное правление Общества. В том же 1958 году Правление отдела Общества галлиполийцев во Франции выступило с инициативой соорудить на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, где уже были погребены многие белые воины, копию Галлиполийского памятника. Памятник этот воздвигнут в Галлиполи в 1921 году на могилах воинов 1-го армейского корпуса генерала Кутепова руками самих галлиполийцев. Но впоследствии он сильно пострадал от землетрясений 1939 и 1940 годов. Необходимые для сооружения нового памятника средства были собраны среди членов РОВС и Общества галлиполийцев, разбросанных по всему свету. И вот наконец это свершилось. 2 июля 1961 года на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в присутствии Председателя РОВС, многих галлиполийцев и других белых воинов,



Исход Русской Армии из Галлиполи. 1921 г.

проживавших в Париже, а также представителей многочисленных организаций состоялось торжественное открытие и освящение памятника, представляющего собой уменьшенную копию галлиполийского. В отличие от первоначального монумента, разрушенного в Галлиполи, новый памятник посвящен не столько памяти галлиполийцев, сколько всех без исключения белых вождей и воинов, сражавшихся за честь и достоинство России. Забота о его сохранении легла на отдел Общества галлиполийцев во Франции.

И все же обособленность Гвардии продолжилась и в наши дни, поддержанная историками-энтузиастами и частью потомков ее чинов. И в наши дни в 17-м округе Парижа, на Avenue Carnot, 9 существует «Гвардейский союз», представляемый современными энтузиастами. Это значит, что тонкая нить истории, связывающая прошлое Гвардии и ее настоящее, не прервалась, и, Бог знает, возможно, именно с нее когда-нибудь и начнется возрождение славных полков в новой, возрожденной России будущего.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРАМОВЫЕ ПРАЗДНИКИ ЧАСТЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

16/29 января — Св. Апостола Петра — Гвардейский Запасный кавалерийский полк.

3/16 февраля — Св. Симеона и Анны — Лейб-гвардии 2-я Артиллерийская бригада.

13/26 февраля — Св. Мартемиана — Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк.

13/26 февраля — Св. Алексия, митрополита Московского — Лейб-гвардии Тяжелый Артиллерийский дивизион.

19 марта/1 апреля — Св. Хрисанфа и Дария — Лейб-гвардии Драгунский полк.

25 марта/7 апреля — Благовещение Пресвятой Богородицы — Лейб-гвардии Конный полк.

25 марта/7 апреля — Благовещение Пресвятой Богородицы — Лейб-гвардии 2-й мортирный Артиллерийский дивизион.

6 апреля/19 апреля — Св. Патриарха Евстихия — Лейб-гвардии Сводно-Казачий полк.

13 апреля/26 апреля — Св. Артемона — Лейб-гвардии Гренадерский полк.

17 апреля/30 апреля — Св. Зосимы и Савватия — Лейб-гвардии 1-й Стрелковый Его Величества полк.

17 апреля/30 апреля — Св. Зосимы и Савватия — Лейб-гвардии 2-й Стрелковый Царскосельский полк.

6 мая/19 мая — День Рождения в Бозе Почивающего Императора Николая II.

9 мая/22 мая — Св. Николая Чудотворца — Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк.

40-й день по Св. Пасхе — Вознесения Господня — Лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк.

7-е воскресенье по Св. Пасхе — Св. Троицы — Лейб-гвардии Измайловский полк.

7-е воскресенье по Св. Пасхе — Св. Троицы — Лейб-гвардии Саперный полк.

1-е воскресенье по Пятидесятнице, памяти Всех Святых — Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк.

21 июня/4 июля — Св. Юлиана Тарсийского — Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк.

29 июня/12 июля — Св. Петра и Павла — Лейб-гвардии Кексгольмский полк.

5 июля/18 июля — Кончина в Бозе Почивающего Императора Николая II.

5 июля/18 июля — Преподобного Сергия Радонежского — Лейб-гвардии Стрелковая Артиллерийская бригада.

11 июля/24 июля — Св. княгини Ольги — Лейб-гвардии Гродненский Гусарский полк.

15 июля/28 июля — Св. князя Владимира — Тезоименитство Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Кирилловича.

6 августа/19 августа — Преображение Господне — Лейб-гвардии Преображенский полк.

6 августа/19 августа — Преображение Господне — Лейб-гвардии Петроградский полк.

6 августа/19 августа — Преображение Господне — всей Гвардейской артиллерии.

17 августа/30 августа 1917 — День рождения Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Кирилловича.

17 августа/30 августа — Св. Мирония — Лейб-гвардии Егерский полк.

5 сентября/18 сентября — Св. Захария и Елисаветы— Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк.

4 октября/17 октября Св. Ерофея, епископа Афинского — Собственный Его Императорского Величества конвой.

6 ноября/19 ноября — Св. Павла Исповедника— Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк.

8 ноября/21 ноября — Св. Архистратига Михаила — Лейб-гвардии Московский полк.

8 ноября/21 ноября — Св. Архистратига Михаила — Лейб-гвардии Литовский полк.

21 ноября/4 декабря — Введения Пресвятой Богородицы — Лейб-гвардии Семеновский полк.

21 ноября/4 декабря — Введения Пресвятой Богородицы — Лейб-гвардии 1-й Мортирный дивизион.

23 ноября/6 декабря — Св. Александра Невского — Лейб-гвардии Павловский полк.

23 ноября/6 декабря — Св. Александра Невского — Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк.

30 ноября/13 декабря — Св. Андрея Первозванного — Праздник Императорской Гвардии.

6 декабря/19 декабря — Св. Николая Чудотворца — Лейб-гвардии 3-й Стрелковый Его Величества полк.

6 декабря/19 декабря — Тезоименитство в Бозе Почивающего Императора Николая II.

6 декабря/19 декабря — Св. Николая Чудотворца — Лейб-гвардии 3-я Артиллерийская бригада.

6 декабря/19 декабря — Св. Николая Чудотворца — Гвардейский экипаж.

6 декабря/19 декабря — Св. Николая Чудотворца — Гвардейский полевой жандармский эскадрон.

12 декабря/25 декабря — Св. Спиридония, епископа Тримифунского — Лейб-гвардии Финляндский полк.

12 декабря/25 декабря — Св. Спиридония, епископа Тримифунского — Лейб-гвардии Волынский полк.

СПИСОК КОМАНДИРОВ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КИРАСИРСКОГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА с 1900 по 1917 г.

Чин	Имя, отчество и фамилия	Годы командования
Свиты Е. В. Ген.-м.	Преженцов Яков Богданович	1900—1903
« « « «	Раух Георгий Оттонович	1903—1907
« « « «	Комстадиус. Николай Николаевич	1907—1910
« « « «	ф.-Вольф Константин Маврикиевич	1910—1912
« « « «	ф.-Гилленшмидт Яков Федорович	1912—1914
« « « «	Верман-Федор Федорович	1914—1915
« « « «	кн. Кантакузин гр. Сперанский Михаил Михайлович	1915—1917
Ген.-м.	кн. Бекович-Черкасский Федор Николаевич	1917

СПИСОК ГОСПОД ОФИЦЕРОВ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КИРАСИРСКОГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА КО ДНЮ ОБЪЯВЛЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИИ В ИЮЛЕ 1914 г.

Шеф полка Его Императорское Величество
Государь Император Николай Александрович.

Его Императорское Высочество
Наследник Цесаревич и Великий князь Алексей Николаевич

Его Императорское Высочество
Великий князь Михаил Александрович

Его Императорское Высочество
Великий князь Павел Александрович

Чин	Имя, отчество и фамилия	Занимаемая должность	Примечание
	Штаб полка		
Свиты Е. В.			
Ген.-м.	Верман Федор Федорович	командир полка	
Полк.	Коленкин Александр Николаевич	пом. ком. п-ка по стр. части	
«	бар. Фрейтаг-фон-Лорингoвен Леонид Оскарович	пом. ком. п-ка по хоз. части	
Ротм.	Вольский Владимир Николаевич		
Поруч.	Кн. Абамелик Владимир Леонидович	адъютант полка	
«	Гурьев Сергей Константинович	казначей	числ. в списках э. Е.В.
	Эскадрон Его Величества		
Ротм.	Сахновский Леонид Николаевич	команд. эск.	
Поруч.	Старженецкий-Лаппа Владимир Георгиевич		
«	Гурьев Сергей Константинович	казначей	(см. штаб полка)
Корн.	Ломакин Михаил Николаевич		
«	Каменский Александр Владимирович		
«	Михайлов Борис Михайлович		
«	Сафонов Сергей Леонидович		
«	Попович-Липовац		исключен из списк. п-ка в 1915 г.

2-й эскадрон

Ротм.	Левиз-оф-Менар Георгий Федорович	команд. эск.
Шт.-р.	Эвальд Федор Федорович	
Корн.	Дмитриев Григорий Александрович	
«	Коваленко Георгий Петрович	
«	Кобылин Дмитрий Николаевич	
«	Карангозов Николай Константинович	
«	Рябинин Николай Иванович	

3-й эскадрон

Ротм.	Старженецкий-Лаппа Павел Георгиевич	команд. эск.
Поруч.	Шапрон-дю-Ларрэ Алексей Генрихович	начальник нестроевой к-ды
«	Толмачев Александр Павлович	
Корн.	Бурский Владимир Иванович	Нач. команды связи
«	Константинович Борис Николаевич	
«	ф. Вик Петр Алексеевич	
«	Ковалевский Гавриил Анатольевич	
«	Бразоль Александр Сергеевич	

4-й эскадрон

Флиг. ад.	Петровский	
ротм.	Николай Александрович	команд. эск.
Поруч.	Кон. Девлет-Кильдеев	
	Николай Михайлович	
«	Соболев	
	Кирилл Леонидович	
Корн.	Деларов	
	Борис Павлович	
«	Ковнацкий	
	Владимир Владиславович	
«	Писарев	
	Александр Николаевич	
«	ф. Кеппен	
	Александр Генрихович	
«	Оношкович-Яцына	
	Георгий Николаевич	

Пулеметная команда

Шт. р.	Корвин-Вержбицкий	
	Александр Павлович	
Корн.	Маркиз дели Альбицци	
	Георгий Федорович	
Шт.-р.	Шрейдер	Нач. учебной
	Евгений Николаевич	команды
Полк.	Суходольский	При штабе
	Николай Александрович	I гв. кав. див.
Ротм.	Бар. Вольф	Адъютант Его Имп.
	Фридрих Фердинандович	Выс. Вел. Кн.
		Николая Николаевича
Поруч.	Юшков	При штабе I кв. кав. див.
	Александр Александрович	
Шт.-р.	Лишин	в упр. ремонтиров.
	Юрий Николаевич	армии в списках
		эск. Е.В.

СПИСОК ГОСПОД ОФИЦЕРОВ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КИРАСИРСКОГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА, ПРИБЫВШИХ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Чин	Имя, отчество и фамилия	Дата производства и откуда выпущен	Примечание
Пор.	Ленкшевич Николай Константинович	1910. Никол. кав. уч.	Из запаса прибыл по мобилиз. в июле 1914 г.
«	Лавриновский Михаил Николаевич	1906. Паж. Е.И.В. к.	«
Прап.	Чудовский-Шушкевич 1-й Антон Фердинандович	прапор. запаса прикомандирован	с 1-м эск. авг. 1914 г.
Ротм.	Красовский Владимир Андреевич	1895. Ник. кав. уч.	Прибыл из зап. по моб. со 2-м эск.
Корн.	Кн. Черкасский Игорь Михайлович	1914. Паж. Е.И.В. к.	
«	Ромишевский Модест Модестович	«	«
«	Заливский Александр Адамович	«	«
«	Кучин 1-й Алексей Дмитриевич	« 1914. Ник. кав. уч.	
«	Бартоломей Николай Владимирович	«	«
Прап.	Оношкович Яцына 2-й Евгений Николаевич	1914. Паж. Е.И.В. к.	
«	Кучин 2-й Сергей Дмитриевич	1914. Ник. кав. уч.	
«	Максимов Петр Иванович	«	«

Чин	Имя, отчество и фамилия	Дата производства и откуда выпущен	Примечание
«	Молоствов Николай Владимирович	«	«
«	Вышеславцев Михаил Иванович	прикомандир.	С марта
Корн.	Снежков Борис Михайлович	«	«
Прап.	Курочкин-Энгельгардт Николай Александрович	«	«
«	Ольхин Павел Сергеевич	Дек. 1915 г., из охотников 1 разр. с 15 сентября 1914 г.	
«	Ермолинский Димитрий Иванович	1916 г., Паж. Е.И.В. к.	
«	Свенцицкий Витольд Генрихович	«	«
«	кн. Касаткин-Ростовский	1916 г., прикоманд.	
«	кн. Хованский	«	«
«	Левиз-оф-Менар 2-й Федор Федорович	«	«
«	Оношкович-Яцына 3-й Николай Иванович	из запаса	
«	Розеншильд-Паулин Владимир Анатольевич	1917 г., Паж. Е.И.В. к.	
«	кн. Черкасский Алексей Михайлович	«	«
Корн.	Рахманинов Борис Петрович	«	«
Прап.	Ралгин Димитрий Николаевич	1917 г., прикоманд.	
«	Дубенский Юрий Димитриевич	1917 г., из вольноопр.	

Чин	Имя, отчество и фамилия	Дата производства и откуда выпущен	Примечание
Корн.	Дмитриев 2-й Владимир Александрович	1917 г., Елизаветград. кав. уч.	
«	Римский-Корсаков Александр Александрович	«	«
«	Бразоль 2-й Николай Сергеевич	1917. Никол. кав. уч.	
«	Деларов Сергей Павлович	«	«
Прап.	Шушкевич 2-й Матвей Фердинандович	1917 г., прикоманд.	
«	Максимов 2-й Николай Иванович	1919 г. из юнкер. Никол. кав.уч.	
Полк.	Заботкин Николай Димитриевич	1890 г., вернулся в полк в 1919 г.	
Прап.	Всеволожский Сергей Сергеевич	1918 г., прибыл в полк в 1919 г.; из юнк. Ник. кав. уч.	
«	Пузыревский Владимир Евгеньевич	«	«
«	Мейер Юрий Константинович	1917 г. прибыл в полк в 1919 г. из Пажеск. корп.	
«	Сомов Николай Николаевич	1919 г., из эстанд.-юнкеров	
Подп.	Максимов 3-й Константин Иванович	1914 г. из пехоты	Приб. в 1919 г., переимен. в корнеты
Шт.-к.	кн. Сидамон Эристов	прибыл в 1919 г.	прикоманд.
Шт.-р.	Пожарский Андрей Иосифович	1914 г., прикоманд. в 1919 г.	

Чин	Имя, отчество и фамилия	Дата производства и откуда выпущен	Примечание
Корн.	Сташевский Михаил Арсеньевич	из эстанд.-юнк. 1920 г.,	
«	ф. Вальц Сергей Феликсович	из юнк. Ник. кав. уч. 1920 г.	
«	Черепов Александр Иванович	из эстанд.-юнк. 1920 г.	прикоманд.
«	Вентцель Лев Николаевич	«	« «
«	Богдасаров Сергей Богданович	«	« «
«	Кейгерист Борис Николаевич	«	« «
«	Митюшин Всеволод Трофимович	из вольноопр.	
«	Измайлов Димитрий Петрович	из вольноопр. 1920 г.	
«	Сулима-Самойло Борис Леонидович	из вольноопр. 1921 г.	прикоманд.
«	Ковалевский Борис Анатольевич	«	« «
«	Петров Семен Игнатьевич	подпрапорщ. полка	
Прап.	Бразоль Евгений Львович		

По материалам исторической комиссии Объединения кирасир Его Величества

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ ПОЛКА, УБИТЫЕ В ВЕЛИКУЮ И ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

1. Корнет Свенцицкий	1914 г. август
2. Корнет Денисьев	1914 г. август
3. Шт.-ротмистр фон-Экк	1914 г. сентябрь
4. Шт.-ротмистр, Мандражи I-й	1915 г. февраль
5. Шт.-ротмистр Главацкий I-й	1915 г. февраль
6. Корнет Хабаров	1916 г. июль
7. Шт.-ротмистр Гринев	1916 г. июль
8. Корнет фон-Бретцель II-й	1916 г. сентябрь
9. Шт.-ротмистр Ставский	1916 г. сентябрь
10. Поручик Крейтон (умер от раны)	1918 г. —
11. Поручик Барон Энгельгард I-й (умер от раны)	1919 г. —
12. Корнет Князь Енгалычев	1919 г. декабрь
13. Ротмистр Граф Толстой I-й	1920 г. апрель
14. Шт.-ротмистр Де Витт II-й	1920 г. июль
15. Шт.-ротмистр Колокольцов	1920 г. июль
16. Корнет Келеповский	1920 г. июль

Пропал без вести в бою

Корнет Граф Бенигсен	1919 г. ноябрь

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ ПОЛКА, РАНЕННЫЕ В ВЕЛИКУЮ И ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

1. Ком. полка С. Е. В. Ген.-м. Гр. Нирод	1914 г.
2. Поручик Гринев	1914 г.
3. Поручик Коносевич	1914 г.
4. Корнет Ельшин II-й	1914 г.
5. Поручик Ельшин I-й	1914 г.
6. Шт.-ротмистр Де Витт I-й	1914 г.
7. Корнет Де Витт II-й	1915 г.
8. Шт.-ротмистр Кучевский (2 раза)	1915 г.
9. Ротмистр Березин	1915 г.
10. Поручик Бок	1915 г.
11. Корнет Ионин	1915 г.
12. Шт.-ротмистр Загорский	1915 г.
13. Корнет Сангович (2 раза)	1915 г.
14. Корнет Гр. Армфельд	1915 г.
15. Шт.-ротмистр Коптев (2 раза)	1920 г.
16. Шт.-ротмистр Озеров I (2 раза)	1920 г.
17. Шт.-ротмистр Ливотов	1915 г.
18. Шт.-ротмистр Главацкий II-й	1915 г.
19. Поручик Десино	1916 г.
20. Шт.-ротмистр Генрици III-й	1918 г.
21. Шт.-ротмистр Лабудзинский	1916 г.
22. Корнет Гевлич II-й	1918 г.
23. Шт.-ротмистр Скабельцин	1919 г.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ ПОЛКА, НАГРАЖДЕННЫЕ ОРДЕНОМ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ

1. Е. И. В. Великий Князь Борис Владимирович
2. Корнет Литвинов за разведку в тылу противника 1914 г.
3. Корнет Ставский за 2-хмесячный разъезд в тылу противника 1915 г.
4. Шт.-ротмистр Мандражи I-й за конную атаку 1915 г.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ ПОЛКА, НАГРАЖДЕННЫЕ ГЕОРГИЕВСКИМ ОРУЖИЕМ

1. Нач. див. генер.-лейтенант Эрдели
2. Командир полка Св. Его Вел. ген.-м. граф Нирод
3. Флигель-Адъютант полковник Джунковский
4. Ротмистр Березин
5. Шт.-ротмистр Римский-Корсаков
6. Шт.-ротмистр Кучевский
7. Шт.-ротмистр Бендерский
8. Шт.-ротмистр Гримм
9. Шт.-ротмистр Коносевич
10. Поручик Дейч
11. Прикомандированный к полку поручик Загорский
12. Поручик граф Толстой I-й.
13. Поручик Скабельцин

СПИСОК ГОСПОД ОФИЦЕРОВ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА, РАНЕННЫХ В БОЯХ С КРАСНЫМИ В 1918—1920 гг.

(За исключением скончавшихся от полученных ранений, кои показаны в списке убитых)

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
1.	Подъесаул В.С. Чеботарев	В пеш. бою под г. Александро-Грушевском	20 апреля 1918 г.	Ранен пулей в грудь навылет
2.	Есаул Н.В. Кононов	В Степном походе	В марте 1918 г.	Контузия в голову
3.	Хорунжий Н.Д. Ляхов	В кон. атаке под г. Екатеринодаром	31 марта 1919 г.	Ранен пулей в шею
4.	Войск. старш. Н.В. Номикосов	В пеш. бою под х. Семимоячным	19 февраля 1919 г.	Контужен в голову снарядом
5.	Войск. старш. Н. В. Номикосов	Там же	19 февраля 1919 г.	Ранен пулей в ногу
6.	Есаул С.П. Полковников	Там же	Тогда же	Ранен пулей в пах
7.	Полковник В.И. Фарафонов	В кон. атаке под х. Мечетным	Тогда же	Ранен осколком гранаты в лицо
8.	Сотник М.М. Ротов	Там же	Тогда же	Подмятый убитой под ним снарядом лошадью, получил перелом 4-х ребер и ключицы
9.	Полковник В.А. Дьяков	В пеш. бою под х. Рубежным	22 февраля 1919 г.	Ранен пулей в руку
10.	Хорунжий Г.А. Дубенцев 2-й	Там же	Тогда же	Ранен пулей в грудь
11.	Хорунжий Б.М. Денисов	Там же	Тогда же	Ранен пулей в щеку

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
12.	Хорунжий О.А. Балабин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
13.	Сотник И.И. Какурин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
14.	Сотник Ю.М. Кобиев	В кон. атаке под Великокняжеской (будучи приком. к 2-му Кабардинскому полку)	В марте 1919 г. 20 марта	Ранен пулей в грудь навылет
15.	Войск. старшина И.Г. Шамин	В пеш. бою под Иллирией	1919 г.	Ранен пулей в голову
16.	Подъесаул В.И. Туркин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
17.	Хорунжий П.П. Прокофьев	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
18.	Вольноопр. А.В. Реми	В конной атаке под Успенкой	23 марта	Ранен пулей в ногу
19.	Сотник Ю.А. Могилянский	Там же	Тогда же	Ранен пулей в бедро
20.	Есаул Б.Ф. Дубенцев 1-й	В пеш. бою под Ореховым	25 марта 1919 г.	Ранен пулей в ухо
21.	Есаул Ф.Ф. Рыковский	Там же	Тогда же	Ранен пулей в щеку и челюсть
22.	Сотник Б.П. Греков	Там же	26 марта 1919 г.	Тяжело контужен снарядом
23.	Сотник Г.А. Чекунов 2-й	В бою под Городищем	28 мая 1919 г.	Оцарапано пулей горло
24.	Есаул Б.Ф. Дубенцев 1-й	В конной атаке под Луганском	4 мая 1919 г.	Ранен пулей в ногу
25.	Сотник С.А. Чекунов 1-й	В конной атаке под Беловодском	29 мая 1919 г.	Ранен пулей в ногу
26.	Войск. старшина С.Н. Краснов	В конном бою под Бутурлиновкой	19 июля 1919 г.	Ранен пулей в ногу

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
27.	Войск. старшина С.Н. Краснов	В конном бою за В.-Архангельское	20 июля 1919 г.	Ранен пулей в руку
28.	Подъесаул А.А. Греков	В пешем бою за В. Архангельское	20 июля 1919 г.	Ранен пулей в грудь
29.	Войск. старшина С.П. Полковников	Там же	Тогда же	Ранен пулей в мышцы левой ноги
30.	Войск. старшина С.П. Полковников	Там же	Тогда же	Ранен пулей с раздроблением подъема ноги
31.	Сотник И.И. Какурин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в область поясницы
32.	Сотник Б.П. Греков	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
33.	Хорунжий В.Г. Филатьев	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
34.	Вольноопр. граф Ребиндер	В конной атаке под Морозовкой	11 августа 1919 г.	Ранен пулей в ногу
35.	Сотник В.С. Семилетов	В пешей атаке под Морозовкой	Тогда же	Ранен пулей в спину с выходом в пах
36.	Полковник К.Р. Поздеев	В пешей атаке под Морозовкой	Тогда же	Контужен тяжелым снарядом в спину
37.	Сотник С.А. Чекунов	В пешем бою под Сергеевкой	17 августа 1919 г.	Ранен пулей в пах
38.	Подъесаул А.С. Моргунов	В пешей атаке Лисок	8 сентября 1919 г.	Ранен легко шрапнельной пулей в плечо
39.	Войск. старшина Н.П. Воронин	В пеш. бою под Бабками	11 сентября 1919 г.	Ранен пулей, обе ноги
40.	Подъесаул Н.Г. Ефимьев	В пеш. бою под Бабками	Тогда же	Ранен в грудь пулей навылет
41.	Подъесаул А.С. Моргунов	Там же	Тогда же	Ранен легко пулей в руку

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
42.	Хорунжий Н.М. Поляков	Под Гнилушей. В пешем бою	25 сентября 1919 г.	Контужен в голову снарядом
43.	Хорунжий Г.А. Дубенцев 2-й	В пешем бою под Макогоновым	4 октября 1919 г.	Ранен пулей в руку
44.	Хорунжий Н.М. Поляков	В пеш. бою под Александровским п.	21 октября 1919 г.	Ранен снарядом в грудь
45.	Полковник К.Р. Поздеев	Там же 1919 г.	22 октября	Ранен пулей в ногу
46.	Полковник И.Н. Оприц	В пеш. бою под Александровским п.	24 октября 1919 г.	Контузия (внутр. косоглазие левого глаза, поражение слуха и внутреннее кровоизлияние под пр. кол.).
47.	Полковник И.Н. Оприц	В пешем бою у Таловой	24 октября 1919 г.	Тяжело ранен пулей в пах
48.	Сотник Г.А. Чекунов	В пеш. бою под Богучаровым	2 декабря 1919 г.	Ранен пулей в ногу
49.	Хорунжий И.И. Попов	В конном бою там же	Тогда же	Пробита ключица пулей
50.	Хорунжий Г.А. Дубенцев 2-й	Под Новороссийском	12 марта 1920 г.	Ранен тремя пулями в ноги
51/52.	Полковник К.Р. Поздеев	В конном бою под Эристовкой-Трактиром	11 августа 1920 г.	Ранение осколк. снаряда в ногу и общая воздушная контузия
53.	Подъесаул П.Н. Кутейников	Там же	Тогда же	Контужен снарядом в голову
54.	Полковник И.Г. Шамин	В конном бою у Щербаковки	12 августа 1920 г.	Легко ранен пулей в ногу
55.	Подъесаул М.М. Ротов	В конном бою у Щербаковки	Тогда же	Конт. снар. в бок

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
56.	Сотник Л.А. Упорников	В конной атаке кол. Шензее	4 августа 1 1920 г.	Ранен пулей в шею навылет
57.	Хорунжий В.В. Обухов	Там же	Тогда же	Ранен пулей в пах
58.	Хорунжий Б.В. Ананьев	В конной атаке кол. Шпарау	22 августа 1920 г.	Ранен пулей в бедро
59.	Хорунжий Н.Н. Ефремов	Там же	Тогда же	Ранен пулей в ногу
60.	Есаул Г.Н. Агафонов	Там же	Тогда же	Конт. снар. в голову
61.	Хорунжий Г.П. Мигулин	Там же	Тогда же	Конт. снар. в голову
62.	Вольноопр. Г.Ю. Иванов	В конной атаке у Бегим Чокрака	18 августа 1920 г.	Ранен пулей в руку
63.	Хорунжий А.Д. Мокров	В конной атаке под Андреевкой	9 сентября 1920 г.	Легко ранен в поясницу
64.	Полковник И.Г. Шамин	В бою под Н.-Никольской	14 сентября 1920 г.	Тремя пулями ранен в ноги
65.	Подъесаул А.М. Жеребков	В конной атаке под Покровской	19 сентября	Ранен пулей в грудь
66.	Есаул А.К. Авилов	В конном бою под Белозеркой	17 октября 1920 г.	Ранен пулей в живот
67.	Генерал-майор К.Р. Поздеев	В конной атаке под Елизаветовкой	18 октября 1920 г.	Ранен пулей в таз и в позвоночник
68.	Сотник Смерткин (прик.)	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
69.	Хорунжий Г.П. Мигулин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в ногу с раздробл. кости
70.	Подъесаул А.С. Моргунов	В конной атаке у Воинки	29 октября 1920 г.	Ранен пулей в руку
71.	Хорунжий А.Д. Мокров	Там же	Тогда же	Ранен пулей в поясницу

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
72.	Хорунжий Г.С. Фабрицкий	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
73.	Есаул Г.Н. Агафонов	Там же	Тогда же	Тяжело контужен в голову снарядом

СПИСОК ГОСПОД ОФИЦЕРОВ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА, УБИТЫХ В ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ В 1918, 1919 И 1920 гг.

А. Убитые в вооруженной борьбе с большевиками

1. Генерал-майор **Орлов** Иван Давыдович	Командуя Донской дивизией, 14 февраля был захвачен и убит большевиками, при взятии ими гор. Новочеркасска
2. Есаул **Рыковский** Яков Федорович	Убит в конной атаке под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.
3. Есаул **Плеве** Николай Павлович	Убит в конной атаке под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.
4. Подъесаул **Кутейников** Сергей Сергеевич	Убит в бою под х. Мишкиным 1 апреля 1918 г.
5. Вольноопр. **Чернозубов** Константин Николаевич	Убит в бою под Новочеркасском 25 апреля 1918 г.
6. Подъесаул **Персидский** Юрий Петрович	Убит красными в Новочеркасске 13 марта 1918 г.
7. Подъесаул **Чеботарев** Михаил Михайлович	Убит красными в Новочеркасске 13 марта 1918 г.
8. Есаул **Пашков** Александр Тимофеевич	Убит в конной атаке у х. Мечетного 19 февраля 1919 г.
9. Сотник **Дубенцев** Георгий Федорович	Убит в конной атаке у х. Мечетного 19 февраля 1919 г.

10. Сотник **Солтысов** Константин Конст-ич	Умер от пулевого ранения в живот, полученного в пешей атаке х. Семимаячного 19 февраля 1919 г.
11. Хорунжий **Денисов** Борис Максимович	Убит в конной атаке у д. Булахово 28 марта 1919 г.
12. Сотник **Усачев** Иван Куприянович	Убит в конной атаке у д. Морозовки 11 августа 1919 г.
13. Хорунжий **Филатьев** Владимир Георгиевич	Убит в пешей атаке у с. Андреевки 10 августа 1919 г.
14. Сотник **Анищенков** Лев Иванович	Убит в пешей атаке под Лисками 8 сентября
15. Хорунжий **Иловайский** Иван Дмитриевич	Скончался от сквозного пулевого ранения в грудь, полученного в атаке под Лисками 8-го сентября 1919 г.
16. Сотник **Греков** Борис Петрович	Убит в пешей атаке под Морозовкой 11 августа 1919 г.
17. Войск. старш. **Болдырев** Александр Никандрович	Умер от менингита, явившегося следствием полученного им ранения в голову в бою под г. Беловодском 29 мая 1919 г.
18. Есаул **Боков** Петр Алексеевич	Убит в пешей атаке под Александровским поселком 22 октября 1919 г.
19. Хорунжий **Попов** Иван Иванович	Убит в конной атаке под кол. Либенау 14 августа 1920 г.
20. Прикомандиров. к полку шт.-кап. **Романенко**.	Убит в разъезде при отходе в Крым 18 октября 1920 г.

Б. Без вести пропавшие в боевой обстановке

21. Подъесаул **Туркин** Владимир Иванович	Заболев в строю полка сыпным тифом, при эвакуации с фронта пропал без вести 26 октября 1919 г.
22. Вольноопр. гр. **Орлов-Денисов** Владимир Васильевич	Заболев в строю полка сыпным тифом и будучи эвакуирован в дивизионный лазарет, при отходе на Новороссийск, вместе с лазаретом пропал без вести 13 марта 1920 г.

В. Скончавшиеся в полковом лазарете от эпидемических, на фронте, заболеваний

23. Сотник **Чекунов 3-й** Александр Яковлевич	Умер 7 ноября 1919 г. от сыпного тифа
24. Хорунжий **граф Граббе** Николай Александров	Умер 18 декабря 1919 г. от холерины
25. Полковник **Мишарев** Александр Андреевич	Умер 14 июля 1920 г. от тифа, осложнившегося крупозным воспалением легких
26. Полк. священник, прот. **отец Лебедев** Сергий Михайлович	Умер 3 февраля 1920 г. от сыпного тифа
27. Полк. врач **Виноградов** Вениамин Александр.	Умер 4 февраля 1920 г. от сыпного тифа

Г. Лейб-казаки, убитые в боях вне строя полка

28. Есаул **Карпов** Петр Николаевич	Убит 12 февраля 1918 г. при обороне подступов к Новочеркасску
29. Подъес. **кн. Радзивил** Станислав Антонович	Убит сражаясь в составе польской армии, 6-го января 1920 г. (куда перевелся после революции)
40. Подъес. **Болдырев** Сергей Владимирович	Убит сражаясь в составе Северной Армии генерала Миллера
31. Есаул **Соколов** Анатолий Клавдиевич	Убит сражаясь в составе Армии адмирала Колчака.

Д. Расстрелянные большевиками отставные офицеры полка

32. Есаул **Попов** Евгений Николаевич	15-го февраля 1918 года в Новочеркасске
33. Полковник **Краснянский** Иван Филиппович	16 февраля в г. Новочеркасске
34. Полковник **Саринов** Илья Васильевич	В январе 1920 г. при отходе на Кубань

ИЗМЕНЕНИЯ В СПИСОЧНОМ СОСТАВЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА В ТЕЧЕНИЕ 1920-го ГОДА

Зачислены в списки полка приказом по Войску Донскому

1. Донской Атаман **Ген. Богаевский** Африкан Петрович	
2. Генерал-лейтенант **барон Врангель** Петр Николаевич	В знак признательности
3. Помощник Главнокомандующего генерал-лейтенант **Шатилов** Павел Николаевич	Донского Войска за их деятельность
4. Генерал-майор **Фарафонов** Владимир Иванович	При назначении Ком. Гв. Каз. бр., как бывший командир полка

Зачислены в списки полка для службы в его рядах

1. Полковник **Мишарев** Александр Андреевич	Из отставки. Коренной офицер и старый командир полка. Занял должность коменданта полков. лазарета в Севастополе
2. Есаул **Ефремов** Алексей Иванович	Из отставки. Коренной оф. полка. Занял должность помощника полкового казначея
3. Хорунжий **Упорников** Лев Алексеевич	Переведен из сотни конвоя Донского Атамана
4. Хорунжий **Мигулин** Григорий Петрович	Из подхорунжих полка
5. Хорунжий **Прокофьев** Николай Павлович	Из вольноопредел. полка.

Состояли в прикомандировании к полку:

1. Хорунжий **Ярцев** Алексей Васильевич
2. Штабс-капитан **Романенко.**
3. Хорунжий **Харламов** Илья Ильич
4. Есаул **Потапов** Яков Иванович
5. Хорунжий **Мокров** Андрей Дмитриевич
6. Хорунжий **Тарасов** Андрей Юльевич
7. Хорунжий **Смерткин**
8. Сотник **Егоров** Алексей Федорович — исполнял должность делопроизводителя по хозяйств. части
9. Хорунжий **Обухов** Вячеслав Васильевич — (4 октября 1920 г. переведен Донским Атаманом в списки полка)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мандельштам О.Э.* Ребяческий империализм. Собрание сочинений. Том 2. М.: Терра, 1991. С. 49.

[2] *Гумилев Н.С.* Неопубликованное при жизни. Том 1. М.: Художественная литература, 1991. С. 461.

[3] *Трубецкой В.С.* Записки кирасира в сборнике «Россия воспрянет». М.: Воениздат, 1996. С. 376.

[4] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 64.

[5] *Нагаев Н.В.* Из воспоминаний Царскосельского стрелка в сборнике «Памятные дни». Таллинн, 1937. С. 28—29.

[6] *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии в 1905—1917 гг. Буэнос-Айрес, 1951. С. 209.

[7] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 66.

[8] *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии в 1905—1917 гг. Буэнос-Айрес, 1951. С. 199—200.

[9] *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. М: Воениздат, 1996. С. 376—377.

[10] *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. М.: Воениздат, 1996. С. 381.

[11] «Русский Архив» за 1864 год. Записки Болотова. С. 659.

[12] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 64.

[13] *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии в 1905—1917 гг. Буэнос-Айрес, 1951. С. 205—206.

[14] *Бибиков Г.В.* История кавалергардов. Париж, 1992. С. 441.

[15] *Нагаев Н.В.* Из воспоминаний Царскосельского стрелка в сборнике «Памятные дни». Таллинн, 1937. С. 31—32.

[16] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 79.

[17] «Русский Архив» за 1864 год. «Записки Болотова». С. 657.

[18] «Русский Архив» за 1873 год. «Записки Греча». С. 324—325.

[19] *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии в 1905—1917 гг. Буэнос-Айрес, 1951. С. 32—33.

[20] «Русский Архив» за 1864 год. «Записки Болотова». С. 709, 713.

[21] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 87.

[22] *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. М.: Воениздат, 1996. С. 371.

[23] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 66.

[24] *Гавриил Константинович, Великий князь.* В Мраморном дворце. Издательство им. Чехова. Нью-Йорк, 1955. С. 38—40.

[25] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 68.

[26] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 79.

[27] Указ. соч. С. 87—89.

[28] *Галич Юрий (Гончаренко Г.И.).* Легкая кавалерия. Рига: Грамату Драугс, 1928. С. 123—124.

[29] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002. С. 89, 92—93.

[30] *Бибиков Г.В.* История кавалергардов. Париж, 1992. С. 435.

[31] *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии в 1905—1917 гг. Буэнос-Айрес, 1951. С. 219.

[32] *Великий князь Николай Михайлович (Романов).* Генерал-адъютанты Александра I. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1913. С. 46.

[33] Указ. соч. С. 47.

[34] *Богданов Н.Г.* Роль врачей в убийстве царей. М.: Русская правда, 2004. С. 58.

[35] *Давыдов Д.В.* Стихотворения. Большая серия библиотеки поэта. «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1984. С. 69.

[36] *Великий князь Николай Михайлович (Романов).* Генерал-адъютанты Александра I. СПб., 1913. С. 33.

[37] *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. М.: Захаров. С. 36—37.

[38] *Одоевский А.И.* Полное собрание стихотворений и писем. М.-Л.: 1934. С. 259.

[39] *Одоевский А.И.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1958. С. 57.

[40] *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений в 12 томах. СПб.: изд. Маркса, 1912.

[41] *Бибиков Г.В.* История кавалергардов. Париж, 1992. С. 498.

[42] Это превосходно ! (*франц.*)

[43] Указ. соч. С. 499.

[44] *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. М.: Захаров. С. 11.

[45] Указ. соч. С. 10.

[46] *Гумилев Н.С.* Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта», Ленинградское отделение, 1988. С. 180.

[47] *Костин Б.А.* Скобелев. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 205.

[48] *Бибиков Г.В.* История кавалергардов. Париж, 1992. С. 509.

[49] *Галич Юрий (Гончаренко Г.И.).* Легкая кавалерия. Рига: Грамату Драугс, 1924. С. 65—66.

[50] Указ. соч. С. 67.

[51] *Галич Юрий (Гончаренко Г.И.).* Легкая кавалерия. Рига: Грамату Другс, 1924. С. 70.

[52] Указ. соч. С. 72.

[53] Указ. соч. С. 72.

[54] *Соловьев В.С.* Стихотворения и шуточные пьесы. «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1974. С. 108.

[55] *Галич Юрий (Гончаренко Г.И.).* Легкая кавалерия. Рига: Грамату Драугс, 1924. С. 75.

[56] Указ. соч. С. 76.

[57] Указ. соч. С. 75.

[58] *Галич Юрий (Гончаренко Г.И.).* Легкая кавалерия. Рига: Грамату Драугс, 1924. С. 77.

[59] *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии в 1905—1917 гг. Буэнос-Айрес, 1951, С. 167—168.

[60] *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии в 1905—1917 гг. Буэнос-Айрес, 1951. С. 203—204.

[61] *Доманевский В.Н.* Мировая война. Кампания 1914 года. Париж, 1929. С. 14.

[62] *Безобразов С.А.* Отрывки из воспоминаний в сборнике «История кавалергардов». Париж, 1992. С. 352

[63] *Мандельштам О.Э.* Стихотворение «Европа» в журнале «Аполлон» № 6—7 за 1914 год. С. 12.

[64] *Раух Г.О.* 1-е августа. Бой под Ширвинтом в сборнике «Драгуны дома и на войне». Париж: изд. Е. Сияльской, 1930. С. 54.

[65] Указ. соч. С. 61.

[66] *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914—1920 гг. Том 1. Париж, 1936. С. 44.

[67] «Не забудьте этих бедных дьяволов, мой генерал!» (*франц.*)

[68] *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914—1920 гг. Париж: изд. Е. Сияльской, 1936. С. 50.

[69] Указ. соч. С. 34.

[70] *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. Т. 1. Париж, 1936. С. 47.

[71] *Павлова С.В.* Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. СПб.: Паритет, 2002. С. 250.

[72] *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914—1920 гг. Т. 2. Париж: изд. Е. Сияльской, 1938. С. 10.

[73] *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914—1920. Т. 3. Париж: Танаис, 1966. С. 43.

[74] Указ. соч. С. 46.

[75] *Бутчик В.В.* Митинг 1-го Гвардейского корпуса. Юго-Западный фронт. Июнь 1917 года в журнале «Вестник Гвардейского объединения». № 22. Париж, 1970. С. 24.

[76] *Главацкий Н.Н.* Как пан Загорский встретил новый строй в сборнике «Лейб-драгуны дома и на войне». Париж: изд. Е. Сияльской, 1930. С. 117—118.

[77] *Гоштовт Г.А.* Кирасиры Его Величества. Париж: Возрождение, 1944. С. 114.

[78] *Розеншельд-Паулин В.А.* Участие в Белом движении и жизнь за рубежом. Париж: изд. «Возрождение», 1944. С. 131.

[79] *Баумгартен А.А. Литвинов А.А.* Кирасиры Ее Величества в гражданской войне в сборнике «Офицеры русской гвардии в гражданской войне». М.: Центрполиграф, 2002. С. 298.

[80] *Тучков А.П.* 40 лет тому назад в сборнике «Офицеры гвардии в Белой борьбе», М.: Центрполиграф, 2002. С. 577.

[81] Указ. соч. С. 579.

[82] *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую Гражданскую войну 1914—1920 гг. Париж: Танаис. 1966. С. 77.

[83] *Литвинов А.А.* « С лейб-драгунами в гражданской войне» в сборнике «Лейб-драгуны дома и на войне». Выпуск III. Париж: издательство Сияльского, 1930 г. С. 129.

[84] Указ. соч. С. 129.

[85] Указ. соч. С. 133.

[86] *Розеншельд-Паулин В.А.* «Октябрь 1919 – февраль 1920» в сборнике «Кирасиры Его Величества в Гражданской войне и за рубежом». Париж, «Издание объединения кирасир Его Величества», 1944. С. 260—261.

[87] *Оношкевич-Яцына Е.Н.* в сборнике «Кирасиры Его Величества», Париж, издание. Объединения Кирасир Его Величества. 1944. С. 267—268.

[88] Указ. соч. С. 269.

[89] *Баумгартен фон А.А. и Литвинов А.А.* Памятка кирасир Ее Величества. Белград, 1927.

[90] *Розеншельд-Паулин В.А.* «Октябрь 1919 – февраль 1920» в сборнике «Кирасиры Его Величества в Гражданской

войне и за рубежом». Париж, «Издание объединения кирасир Его Величества», 1944. С. 260—272.

[91] *Черкасский И.М.* «Из дневника» в сборнике «Кирасиры Его Величества в Великую и Гражданскую войну», Париж: Возрождение, 1944. С. 297.

[92] *Черкасский И.М.* «Вторая Каховская операция» в сборнике «Кирасиры Его Величества. Участие в Белом движении» под общей редакцией В.А.Розеншельд-Паулина. Париж: Возрождение, 1944. С. 327.

[93] *Оприц И.Н.* Лейб-казаки во время революции и гражданской войны. Париж: издательство В. Сияльского, 1939. С. 312.

[94] *Чекрасский И.М.* «Вторая Каховская операция» в сборнике «Кирасиры Его Величества. Участие в Белой борьбе». Под редакцией В.А. Розеншельд-Паулина. Париж: Возрождение, 1944. С. 331—332.

[95] *Оприц И.Н.* Лейб-казаки во время революции и гражданской войны. Париж: издательство В. Сияльского, 1939. С. 312—313.

[96] *Белый И.И.* «Записки вахмистра Белого» в сборнике «Кирасиры Его Величества. Участие в Белой борьбе». Под редакцией В.А. Розеншельд-Паулина. Париж: Возрождение, 1944. С. 338—339.

[97] *Оприц И.Н.* Лейб-казаки в революцию и Гражданскую войну 1917—1922 гг. Париж: изд. В. Сияльского, 1939. С. 338.

[98] *Оприц И.Н.* Лейб-казаки в революцию и Гражданскую войну 1917—1922 гг. Париж: изд. В. Сияльского, 1939. С. 341.

[99] *Оприц И.Н.* Лейб-казаки в революцию и Гражданскую войну 1917—1922 гг. Париж: изд. В. Сияльского, 1939. С. 343.

[100] *Белый.* «Записки вахмистра Белого» в сборнике «Кирасиры Его Величества», раздел «Участие в Белой борьбе». Под общей редакцией В.А. Розеншильд-Паулина. Париж: Возрождение, 1944. С. 341.

[101] *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914—1920 гг. Т. 3. Париж: изд. Танаис. 1966. С. 197.

[102] *Оприц И.Н.* Лейб-казаки в революцию и Гражданскую войну 1917—1922 гг. Париж: изд. В. Сияльского, 1939. С. 342.

[103] *Белый В.И.* «Галлиполи» в сборнике «Кирасиры Его Величества». Париж, 1944. Возрождение. С. 349—350.

[104] Указ. соч. С. 350—351.

[105] *Розеншельд-Паулин В.А.* в сборнике «Кирасиры Его Величества». Париж: Возрождение, 1944. С. 355.

[106] *Верцинский Э.А.* Императорская гвардия в эмиграции. Таллинн, 1937. С. 4.

[107] Указ. соч. С. 4.

[108] *Макаров Ю.И.* Моя служба в старой гвардии в 1905—1917 гг. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 131.

[109] *Макаров Ю.И.* Моя служба в старой гвардии 1905—1917 гг. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 131—132.

[110] Указ соч. С. 126.

[111] *Геринг А. А.* Материалы к Библиографии Русской военной печати за рубежом. Париж, 1968. С. 7.

[112] *Розеншильд-Паулин В.А.* в сборнике «Кирасиры Его Величества». Париж: Возрождение, 1944. С. 360.

[113] «Вестник конногвардейца». № 21, Париж, январь 1975. С. 28.

[114] «Вестник Гвардейского объединения». № 21. Париж, 1970. С. 32—34.

[115] *Мамонтов С.* Походы и Кони. Paris: YMCA-Press, 1981.

[116] *Розен К.Н.* Сборник «Светлой памяти незабвенного августейшего шефа кавалергардов». На правах рукописи. Париж: изд. Кавалергардской семьи, 1929.

[117] «Кавалергарды — своему обожаемому шефу» (*франц.*)

[118] *Розен К.Н.* Сборник «Светлой памяти незабвенного августейшего шефа кавалергардов». На правах рукописи. Париж: изд. Кавалергардской семьи, 1929. С. 18.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая
ЖИЗНЬ И БЫТ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ 5

Глава вторая
ОЧЕРКИ О ЛИЧНОСТЯХ ГВАРДИИ 85

Глава третья
ГВАРДИЯ НАКАНУНЕ
И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 145

Глава четвертая
ГВАРДИЯ НА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 211

Глава пятая
ГВАРДИЯ ПОСЛЕ 1920 ГОДА
И ДО НАШИХ ДНЕЙ 255

ПРИЛОЖЕНИЕ 321

Научно-популярное издание

Гончаренко Олег Геннадьевич

ТРИ ВЕКА ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *М.К. Залесская*

Художник *А.В. Акимов*

Корректор *С.И. Смирнова*

Верстка *И.В. Хренов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05. от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru

http://www.veche.ru

Подписано в печать 17.08.2006. Формат 70×100 1/16.

Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 22. Тираж 3000 экз. Заказ 3-745.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс» .
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47
Интернет/ Home page: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».
Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «Вече» вы можете приобрести в издательстве
и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:
г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 50.
Тел.: (8312) 64-93-67, (8312) 64-97-18
E-mail: vechenn@pochta.ru

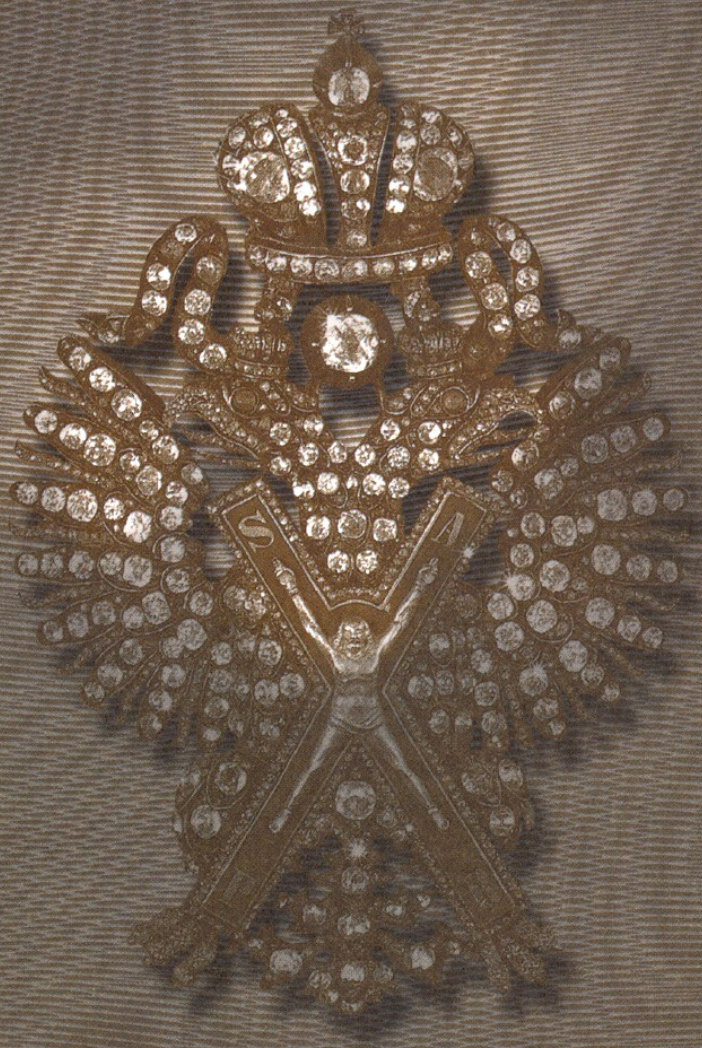
ОАО «Новосибирсккнига»:
г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.
Тел.: (3832) 10-24-95, (3832) 10-39-67.
E-mail: sales@nkniga.ru

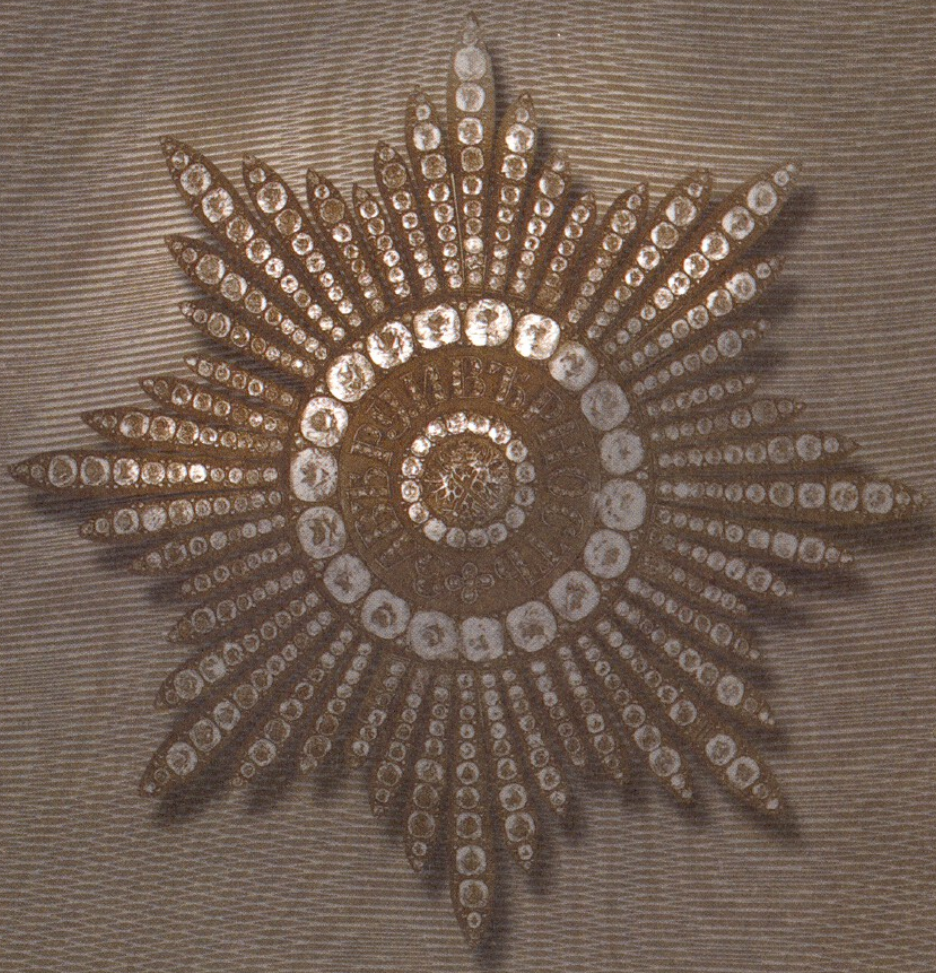
ООО «Вече-Казань»:
г. Казань, ул. Дементьева, д. 2в.
Тел./факс: (843) 571-33-07.
E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Вече-Украина»:
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (38-044) 537-29-20,(38-044) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».

Книги издательства «Вече» в Интернете
Интернет-магазин «Лабиринт»: http://labirint-shop.ru/





Российская императорская гвардия, чье начало было положено еще Петром Великим, оставалась не только избранным придворным войском, но и особой средой, обогатившей русскую духовность и культуру такими талантами, как Гавриил Державин, Михаил Лермонтов, Владимир Одоевский, митрополит Серафим (Чичагов) и Юрий Галич. О гвардии писали Александр Пушкин и Николай Гумилев, Георгий Иванов и Осип Мандельштам. Императорская гвардия выступила против разрушения российской государственности в 1917 году, ее ряды в период Гражданской войны представляли дети и внуки выдающихся фигур русской истории, культуры и политики — Собиновы, Пуришкевичи, Римские-Корсаковы и Толстые. О немалых способностях гвардейцев лучше всего говорит их путь в годы вынужденной эмиграции. Среди них были египтологи, театроведы, композиторы, создатели гвардейских полков иностранных государств, директора банков...

В книге историка О.Г. Гончаренко, потомка гвардейского офицера, рассказывается о трехвековой истории и традициях императорской гвардии.

ISBN 5-9533-1051-X

9 785953 310512

Вече